

ISSN 2500-0217

№ 2 (52) 2018

Правовое государство: теория и практика

The rule-of-law state: theory and practice

*Модернизация политической системы –
ближайший путь к правовому государству*

Наш вывод

В номере:

- Горизонты отечественного государственно-правового мышления
- Культура права и общее благо
- О потенциальных возможностях федеративного государства
- О принципах государственного и муниципального управления

ТЕМА НОМЕРА: К новым рубежам правового государства

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 2 (52) 2018 общественно-политический и научно-правовой журнал

Издается с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Члены редакционного совета:

Арзамаскин Николай Николаевич – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет");

Балашенко Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Галиев Фарит Хатипович – д.ю.н. (директор НИИППГ, г. Уфа);

Еникеев Зуфар Иргалиевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (АНОВО «Международный университет в Москве», г. Москва);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Université de Perpignan, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – д.ю.н., профессор (Тольяттинский государственный университет);

Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Петров Александр Васильевич – д.ю.н., профессор (ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет);

Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Сальников Виктор Петрович – д.ю.н., профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);

Саттарова Нурия Альвановна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Семитко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тарасов Александр Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Тужилова-Орданская Елена Марковна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Эксархопуло Алексей Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент;

УЧРЕДИТЕЛИ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;

ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан»;

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства».

Выпускающий редактор – А.Ф. Файзуллина

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Редактор электронной версии – З.Р. Гиниятова

Почтовый адрес редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131 – 319

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Раянов Ф.М.</i>	Горизонты отечественного государственно-правового мышления и о потребностях в их расширении	7
<i>Шабуров А.С.</i>	Состав правотворчества	13
<i>Шернаев В.И.</i>	Федерация – важнейшая форма современного государственного устройства	20
<i>Семитко А.П.</i>	Культура права и общее благо	25
<i>Тлепина Ш.В.</i>	Вклад советских и российских ученых-юристов и вузов в формирование высшего юридического образования и науки в Казахстане. Становление и развитие юридической науки (из истории юридической науки)	33
<i>Попова А.В.</i>	Информационное общество: проблемы когнитивного управления	39
<i>Грандонян К.А.</i>	Правовые противоречия и правовые конфликты в гражданском обществе: вопросы соотношения	44
<i>Румянцев П.А.</i>	К вопросу о восстановлении органов власти Крыма после окончания немецко-фашистской оккупации	49
<i>Черных А.В.</i>	«Человеческий капитал», культура и культура права	55
<i>Александров И.А.</i>	Место материалистической диалектики в системе методов познания права	60
<i>Бушуев В.А.</i>	Консервативные тенденции в решении современных проблем национальной безопасности	66
<i>Исмагилов И.Р.</i> <i>Юбин И. Г.</i>	Методологические аспекты трактовки отношения личности, общества и государства в ранних работах Г.В.Ф. Гегеля	71
<i>Мазитов А.И.</i>	Развитие взглядов на правовой нигилизм	76

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Липинский Д.А.</i>	О принципах государственного и муниципального управления как элементах стратегии его развития	81
<i>Мокошеева М.А.</i>	Концепция «молчаливой» трансформации конституционных правовых норм без внесения изменений, дополнений и поправок в них посредством толкования и применения правовых позиций	86
<i>Хышиктурев О.В.</i>	Актуальные проблемы регионального конституционного контроля	93

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Ревнов Б.А.</i> <i>Комаров В.С.</i>	Осуществление закупок для публичных нужд: вопросы теории и практики	99
<i>Чуклова Е.В.</i>	Альтернативные санкции в гражданском праве	105
<i>Иванова Т.К.</i>	Последствия недействительности сделки несостоятельного должника	111
<i>Хайрльварина Л.И.</i>	Неотъемлемое право человека на жилище	118

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Курманов М.М.</i>	Существенные нарушения уголовно-процессуального закона при изменении меры пресечения, допущенные приговором суда и судом апелляционной инстанции	125
----------------------	--	-----

<i>Алексанин А.С.</i>	Использование результатов получения компьютерной информации в уголовном процессе	130
<i>Аминева З.Ф.</i>	К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия "технические средства"	135
<i>Кабанова Л.Н. Кабанов П.А.</i>	Место имущественных санкций в перспективе развития национального уголовного законодательства	143
<i>Кохман Д.В.</i>	Нивелирование негативных последствий амнистии в сфере соблюдения прав потерпевших и возмещения материального ущерба, причиненного преступлением	151

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Файзуллина А.А.</i>	Типичные следственные ситуации и планирование расследования по делам об убийствах, сопряженных с поджогом	159
<i>Шагимуратова З.А.</i>	Криминалистическая тактика в свете расширения предметной области криминалистических исследований	164

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

<i>Еникеев О.А. Еникеева С.А.</i>	Отдельные проблемы внедрения эффективного контракта в здравоохранении	169
<i>Давыдова Е.А.</i>	Верховенство права как фактор инновационного развития экономики	175
<i>Горохова С.С. Попова А.В.</i>	К вопросу о проблемах реализации государственной программы развития туризма в республике Крым	182

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

<i>Сальников В.П. Романовская В.Б. Щепоткина- Маринина Т.В.</i>	Политико-правовые взгляды Никласа Лумана	187
<i>Хаддад Э.</i>	Предыстория государства и права алжирских амазиг	193
<i>Мухаметгареева Н.М. Юсупова З.А.</i>	Международно-правовые аспекты охраны окружающей среды в странах ЕС (Часть 2)	199

РЕЦЕНЗИИ

<i>Галиев Ф.Х.</i>	О нескольких страницах истории государственно-правового развития России. К выходу в свет книги Владимира и Веры Семеновых «Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах / В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург: ООО «оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2017. – 592 с.»	203
<i>Галиев Ф.Х. Раянов Ф.М.</i>	Когда рецензию писать не только приятно, но и почетно. О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The philosophy of law and legal science. – newcastle upon tyne: cambridge scholars publishing, 2018. – 270 p.	206

К АВТОРАМ		209
------------------	--	-----

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.

HISTORY OF THE DOCTRINES OF LAW AND STATE

<i>Rayanov F.M.</i>	Horizons of National State Law Thinking and On the Needs in Their Expansion	7
<i>Shaburov A.S.</i>	The Structure of Lawmaking	13
<i>Sherpaev V.I.</i>	Federation is the Most Important Form of Modern State Structure	20
<i>Semitko A.P.</i>	Culture of Law and the Common Good	25
<i>Tlepina S.V.</i>	The Contribution of Soviet and Russian Academic Lawyers and High Schools to the Formation of Higher Legal Education and Science in Kazakhstan. The Development of Legal Science (From History of Legal Science)	33
<i>Popova A.V.</i>	Information Society: Issues of Cognitive Management	39
<i>Grandonyan K.A.</i>	Legal Contradictions and Legal Conflicts in Civil Society: Issues of Interrelation	44
<i>Rumiantcev P.A.</i>	To the Issue of Restoration of Authorities in Crimea after the Nazi Occupation	49
<i>Chernykh A.V.</i>	“Human Capital”, Culture and Culture of Law	55
<i>Alexandrov Il.A.</i>	The Place of Materialist Dialectics in the System of the Methods of Obtaining Law Knowledge	60
<i>Bushuev V.A.</i>	Conservative Trends in Resolving Modern Problems of National Security	66
<i>Ismagilov I.R.</i> <i>Yubin I.G.</i>	Methodological Aspects of Interpreting the Relationship of the Individual, Society and State in G.W.F. Hegel’s Early Works	71
<i>Mazitov A.I.</i>	Development of Views of Legal Nihilism	76

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW. CONSTITUTIONAL PROCEDURE.

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE ACTIVITIES. INFORMATION LAW

<i>Lipinskiy D.A.</i>	On the Principles of State and Municipal Administration as Strategy Elements for Its Development	81
<i>Mokoseeva M.A.</i>	The Concept of “Silent” Transformation of Constitutional Legal Norms without Making Changes, Additions and Amendments to Them through Interpreting and Applying Legal Positions	86
<i>Khyshiktuev O.V.</i>	Current Issues of Regional Constitutional Control	93

CIVIL AND FAMILY LAW. BUSINESS AND PRIVATE INTERNATIONAL LAW. CIVIL AND ARBITRATION PROCESS

<i>Revnov B.A.</i> <i>Komarov V.S.</i>	Procurement for Public Needs: Theory and Practice	99
<i>Chuklova E.V.</i>	Alternative Sanctions in Civil Law	105
<i>Ivanova T.K.</i>	Consequences of Invalidity of Legal Transactions of the Bankrupt Debtor	111
<i>Khairlvarina L.I.</i>	Inalienable Human Right to Housing	118

**CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL EXECUTIVE LAW.
CRIMINAL PROCEDURE**

<i>Kurmanov M.M.</i>	Significant Violations of the Criminal Procedure Law When Varying a Pre-Trial Restraint by the Court Sentence and the Court of Appeal	125
<i>Aleksanin A.S.</i>	Using the Results of Obtaining Computer Information in Criminal Proceedings	130
<i>Amineva Z.F.</i>	To the Issue of Enshrining the Concept “Technical Facilities” in Criminal Procedure Law	135
<i>Kabanova L.N.</i> <i>Kabanov P.A.</i>	Property Sanctions in the Future Development of National Criminal Law	143
<i>Kokhman D.V.</i>	Reducing Negative Consequences of Amnesty in Respect of Victims' Rights and Compensation for Material Losses Caused by the Crime	151

FORENSICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIVE SEARCH ACTIVITY

<i>Fayzullina A.A.</i>	Typical Investigative Situations and Planning of Investigations into Murders, Connected to Arson	159
<i>Shagimuratova Z.A.</i>	Forensic Tactics In View of Extending Subject Area of Forensic Investigations	164

FINANCIAL AND BUDGETARY LAW. BANKING AND MONETARY LAW. TAX LAW

<i>Enikeev O.A.</i> <i>Enikeeva S.A.</i>	Some Problems of Introducing Performance-Based Contracts of Employment into Health Care Service	169
<i>Davydova E.A.</i>	The Rule of Law as a Factor of Innovative Economic Development	175
<i>Gorokhova S.S.</i> <i>Popova A.V.</i>	To the Issue of the Problems of Implementing the State Program of Tourism Development in the Republic of Crimea	182

**INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY.
INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW**

<i>Salnikov V.P.</i> <i>Romanovskaya V.B.</i> <i>Shepotkina-Marinina T.V.</i>	Political and Legal Views of Niklas Luhmann	187
<i>Haddad E.</i>	Prehistory of the State and Law of Algerian Amazighs	193
<i>Mukhametgareeva N.M.</i> <i>Yusupova Z.A.</i>	International Law Aspects of Environmental Protection in the EU Countries (Part 2)	199

REVIEWS

<i>Galiev F.Kh.</i>	On Some History Pages of the State Law Development of Russia. To the Publication of the Book by Vladimir and Vera Semenov “The Orenburg Nepluevsky Cadet Corps. History in Faces / V.G. Semenov, V.P. Semenova. - Orenburg: OOO “Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo imeni G.P. Donkovtseva”, 2017. – 592 p.”	203
<i>Galiev F.Kh.</i> <i>Rayanov F.M.</i>	When Writing a Review Is Not Only Pleasant but Honorable On the Book by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov “The Philosophy of Law and Legal Science”, Translated into English and Published in Cambridge: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. The Philosophy of Law and Legal Science. - Newcastle Upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. - 270 P.	206

TO THE AUTHORS		209
-----------------------	--	-----

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 340

**ГОРИЗОНТЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО
МЫШЛЕНИЯ И О ПОТРЕБНОСТЯХ
В ИХ РАСШИРЕНИИ**

РАЯНОВ Фанис Мансурович

*доктор юридических наук, профессор, член-корр. Академии Наук Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: rfm@yandex.ru*

**HORIZONS OF NATIONAL STATE LAW
THINKING AND ON THE NEEDS IN
THEIR EXPANSION**

RAYANOV Fanis Mansurovich

*Doctor of Sciences (Law), Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: rfm@yandex.ru*

Государственно-правовое мышление в нашей стране исторически сложилось в условиях господства здесь теории особого пути развития России. Вначале теория особого пути развития России была продиктована многовековым функционированием православно-самодержавного русского государства. Затем в 1917 году именно в России революционным путем пришла к власти диктатура пролетариата, которая на основании учения марксизма сформировала особое социалистическое государство и соответствующее ему право. В то же время другой, т.е. не социалистический мир на планете Земля развивался на основе естественно-правового развития и объективно вышел на государственно-правовые институты, продиктованные ценностями Нового времени. В результате страны, которые развивались не социалистическим путем, на сегодня оказались в числе развитых стран, а наша страна в социально-экономическом развитии от них продолжает сильно отставать. Вот в этих условиях как раз и возникают вопросы о том, с какими государственно-правовыми институтами наша страна может выйти из такого отставания.

Ключевые слова: отечественной, теоретической, правовой, государственно-правовые, институты общества, формационный, цивилизационный, ценности Нового времени.

State law thinking in our country has historically evolved under domination of the theory of a special path of Russia's development. At first, the theory of a special path of Russia's development was dictated by the centuries of functioning of the Russian orthodox autocratic state. Then, in 1917, it was in Russia that the dictatorship of the proletariat came to power by revolutionary means, which, on the basis of the teachings of Marxism, formed a special socialist state and the corresponding law. At the same time, another, i.e. not the socialist world on the Earth developed on the basis of natural and legal development and objectively acquired state and legal institutions dictated by the values of the modern period. As a result, the countries that did not develop in a socialist way are now among the developed countries, and our country continues to lag far behind in its social and economic development. In these conditions, the questions arise about state law institutions that can help our country to get out of such backwardness.

Key words: national, theoretical, legal, science, state law, social institutions, formational, civilizational, values of the modern period.

Мысль о необходимости размышлять относительно горизонтов мышления представителей отечественной теоретической правовой науки нам пришла в голову после внимательного ознакомления с выступлением Президента Российской Федерации на 11 съезде Всероссийского союза ректоров вузов 26 апреля 2018 года. Здесь он, говоря об отставании нашей страны, еще раз повторил сказанные им же в своем Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 года слова о необходимости прорыва в развитии страны в современных условиях. В речи же перед ректорами, в частности, он сказал: «факторов неопределенности становится все больше и больше, но это не должно нас пугать, потому что если мы хотим видеть конечную цель, нужно просто подняться самим на такой уровень, с которого будет эта цель видна. Нельзя обучать ни старыми методами, ни старыми стандартами, ни ставить цели, которые были актуальны вчера» [1]. Завершая эту свою мысль, Президент Российской Федерации сказал ректорам: «Такие люди, как вы, они должны думать за горизонт».

Если эти мысли Президента Российской Федерации перенести в сферу отечественных общественных наук, включая такую дисциплину как «Теория государства и права», то на горизонте этих наук на самом ближайшем и видном месте и сегодня все еще маячат остатки марксистско-ленинского учения об обществе и, вытекающие отсюда, особенности государственно-правового развития России. Такие же институты, например, как гражданское общество в варианте понимания его в развитых западных странах, для многих представителей отечественных общественных наук, а также и отечественной теоретической правовой науки, продолжают оставаться объектами мышления, разве что характерных для ученых, живучих и работающих за горизонтом, т.е. в других странах. Институт же гражданского общества в нашей стране все еще понимают не так, как это принято в современных развитых странах мира. То же самое можно сказать и о подлинном правовом государстве, а также и о важнейшем институте, порожденном ценностями Нового времени, «многонациональный народ является единственным источником власти». Даже на институт «права и свободы человека как высшая ценность», прямо закрепленного в нашей же Конституции, представители отечественных общественных наук смотрят с подозрением, как на что-то чужое для нас. Таким образом, получается, что все наше особенное, которое находится в пределах нашего горизонта мышления, — это наше кровное, традиционно необходимое, а все то, что проникло оттуда, из-за горизонта, — это некое общечеловеческое, но не совсем наше.

К подобному толкованию загоризонтного мышления представителей отечественных обществоведческих наук мы пришли после того, как проанализировали не только многочисленные труды отечественных обществоведов, но и основные причины многовекового отставания нашей страны в социально-экономическом развитии. Казалось бы, наша страна, имея несметные природно-энергетические ресурсы, обеспечивая ими даже многочисленные другие страны мира, сама всегда отставала и до сих пор продолжает отставать от развитых стран по важнейшим показателям качества жизни россиян. Пытаясь разобраться в причинах такого отставания нашей страны, мы пришли к выводу, что именно в нашей стране до сих пор все еще не сложилось подлинное научное обществоведение. Большинство представителей отечественных общественных наук, включая представителей отечественной теоретической правовой науки, все еще оперируют, как сказал Президент Российской Федерации, «старыми методами». Мы бы сюда добавили, что методами, сложившимися, в основном, еще в советские времена. В этих условиях, как нам представляется, хотим мы того или нет, все же «придется начинать с фундаментального переосмысления всей теоретико-методологической основы сложившейся отечественной теоретической правовой науки. Такая же необходимость методологического переосмысления, возможно, ожидает и некоторые отечественные общественные науки» [2, с. 253].

Конечно, с такими моими выводами согласятся не все наши коллеги. Да и добиваться какого-то всеобщего согласия, в условиях идеологического плюрализма, нет даже смысла.

В наш век плюрализма пусть будут разные точки зрения. В этих условиях наша задача, как можно основательнее аргументировать свои представления. К тому же, к таким выводам мы пришли не сегодня и не только под влиянием выступления Президента Российской Федерации перед ректорами вузов. Прежде чем прийти к таким выводам, мы довольно основательно проанализировали многочисленные учебники и учебные пособия, опубликованные не только в советское, но уже и в постсоветское время. В результате мы обнаружили учебники по теории государства и права, где сплошь и рядом пишут о соотношении государства и общества в трактовке исключительно по философии права Гегеля. Между тем, любой разумный человек может сам прочитать работу Г. Гегеля «Философия права» и убедиться в том, что Г. Гегель государство однозначно ставит выше общества. Здесь же Г. Гегель открыто критикует институт общественного договора. Он совершенно не признает народ единственным источником государственной власти и т.д.

Интересно отметить и то, что некоторые авторы учебников по общественным наукам, включая представителей отечественной теоретической правовой науки, вроде бы, К. Маркса и В.И. Ленина прямо не называют. Однако тут же аккуратно и в позитивном плане ссылаются на гегелевскую философию права. Но ведь широко известна позиция В.И. Ленина, который, раскрывая суть марксистского учения об обществе, о государстве и праве, гегелевскую философию, включая и гегелевскую философию права, относил к одному из трех источников и составных частей марксизма. К тому же широко известно, что К. Маркс был учеником Г. Гегеля. Хотя К. Маркс и критиковал Г. Гегеля, но только не представления Г. Гегеля, например, об общественном договоре, или же, не гегелевское понимание носителя суверенитета и источника государственной власти и права. Да и гегелевское понимание гражданского общества и правового государства основоположниками марксизма-ленинизма не отвергалось. Более того, по вопросам понимания правового государства марксизм-ленинизм пошел лишь дальше Г. Гегеля. Если Г. Гегель правовое государство понимал в качестве государства, своими законами ограничивающего свою же деятельность, то марксизм-ленинизм правовое государство вообще объявлял фикцией, придуманной буржуазной пропагандой.

Ко всему этому можем еще добавить, что в постсоветской отечественной теоретической правовой науке и сегодня немало авторов, которые в открытой форме продолжают отстаивать научную правильность марксистского учения об обществе, и предлагают им руководствоваться и в дальнейшем развитии нашей страны. К числу наиболее ярких представителей такого предложения, например, относится известный специалист науки «Теория государства и права» В.М. Сырых. Он, в своих многочисленных учебниках и монографических работах по теории государства и права, сам руководствуется марксистским учением об обществе и читателей ориентирует к источникам марксистского учения о государстве и праве. Так, уже в первой главе своего учебника «Теория государства и права» он пишет: «Материалистическая теория происхождения государства (К. Маркс и Ф. Энгельс) истоки государства видела в развитии экономических материальных отношений общества, приведших к расслоению общества на бедных и богатых, рабов и рабовладельцев. Противоречия между этими слоями общества оказались настолько стойкими и несовместимыми, что общество в поисках органа, способного обеспечить в таком обществе порядок и умерить классовые столкновения, создает специальный орган принуждения, охраны порядка – государство» [3, с. 9-10].

В этом же учебнике, далее, он выделяет специальный параграф под названием «Материалистическое учение о происхождении государства и его развитие в работах современных российских правоведов» [3, с. 22]. Здесь В.М. Сырых очень подробно расписывает марксистскую материалистическую теорию происхождения государства и критикует тех российских правоведов, которые не воспринимают эту теорию. Трудно здесь не заметить и то, что В.М. Сырых, хотя и назвал этот параграф своего учебника материалистическое учение о происхождении государства и его развитие в работах российских правоведов, но он не указывает

ни одного российского правоведа, который бы как-то развивал, именно, марксистскую теорию. Возможно, он свою критику критиков материалистической теории происхождения государства называет «развитием материалистической теории»? Если он так думает, то и это трудно считать развитием теории марксизма: он и сам ничего нового, к развитию материалистической теории марксизма о происхождении государства, не добавляет. Во всех своих работах по теории государства и права он лишь последовательно и настойчиво руководствуется тем же марксистским учением об обществе, о государстве и праве. Например, достаточно пролистать его работу «Логические основания общей теории права» [4], чтобы увидеть сплошные обращения к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса. Конечно, такие теоретические работы на практике могут вывести обществоведение только к социалистическому и коммунистическому пути развития.

В целом, да, в постсоветской теоретической правовой науке сегодня нередко встречаются и такие работы, где их авторы пишут о том, что они признают недостатки марксистского учения об обществе. Типичным в этом отношении является учебное пособие А.В. Клименко и В.В. Румыниной, допущенное Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов учреждений среднего профессионального образования, обучающихся по правоведческим специальностям [5]. В первой главе, которая называется «Власть и общество», авторы пишут: «Долгое время причиной возникновения государства считали раскол общества на классы с непримиримыми интересами. Такой подход был обусловлен господством в юридической науке марксистско-ленинской методологии» [5, с. 7].

Ничего не скажешь – хорошее начало. После таких заявлений, казалось бы, авторы, по логике вещей, должны были выходить на какое-то новое учение, по-другому объясняющее причины появления государства и права. Они действительно выходят, по их мнению, на другую теорию. В частности, они пишут: «В современной юридической науке существует и иная концепция происхождения государства – экономическая. Ее сторонники полагают, что государство сформировалось в процессе перехода общества от присваивающей экономики к производящей» [5, с. 8]. Здесь они довольно подробно раскрывают сущность неолитической революции и опять же выходят на экономику, но уже, по их мнению, качественно иную экономику. Однако, рассуждая об этой экономике, авторы, возможно, сами не замечая, опять-таки, выходят на экономические основы происхождения государства и права. В частности, они заключают: «Несмотря на различие в объяснении причин возникновения государства и марксистская, и экономическая концепции сходятся в том, что государственная власть вырастает из власти родоплеменного строя в тот самый исторический период, когда отношения общественного производства и воспроизводства человека начинают нуждаться в определенном упорядочении, а уровень экономического развития позволяет обществу содержать специальный аппарат людей, осуществляющих данную функцию.

Таким образом, государство как новая организация общества возникает объективно, в процессе изменения материальных условий жизни людей» [5, с. 9].

В итоге, откуда авторы смело хотели уйти в начале своих рассуждений об оценке марксистского учения о происхождении государства, туда опять пришли к концу своих размышлений. Подлинные же научные причины, не сводящиеся к марксистскому учению об обществе, которые, действительно, привели человеческое общество к формированию государства, так и остались не раскрытыми.

Несколько отвлекаясь от этих конкретных примеров, свидетельствующих о почти вековой привязанности отечественной теоретической правовой науки к марксистскому учению об обществе и государстве, хотелось бы поставить прямой вопрос: сколько еще времени может продолжаться такая опора, в организации общественной жизнедеятельности наших граждан, на марксистское учение об обществе? Если задуматься над этим вопросом глубже, то получается, что советское социалистическое государство, сформированное в соответствии

с марксистской идеологией и постсоветское российское государство, функционирующее, якобы, в условиях действия новой Конституции Российской Федерации, по существу, ничем друг от друга не отличаются. Такой подход к разрешению государственно-правовых проблем вряд ли сможет способствовать становлению и развитию какого-то нового российского общества. На этом месте хотелось бы поставить еще один, но более важный вопрос: как же, нам, нашему российскому обществу развиваться дальше, чтобы преодолеть наше отставание от развитых стран. К тому же мы ведь отстаем именно в экономической сфере. Между тем, в конструированной К. Марксом общественно-экономической формации главной сферой общества как раз и выступает экономика.

В то же время, современная мировая обществоведческая практика показывает, что экономика, как бы ее не пытаться выпячивать на первый план в обществе, сама по себе она не может оптимально функционировать: необходимо создать ей оптимальные государственно-правовые условия развития. Причем, выясняется и то, что такие оптимальные условия ей может создать не любое государство, а лишь правовое государство. В свою же очередь, само правовое государство может быть реально сформировано, если в государственно-организованном обществе функционируют современные институты гражданского общества. Подробно о путях формирования институтов гражданского общества и правового государства мы уже писали и в своих предыдущих работах [6, с. 6-7; 7, с. 15-16]. Эти же наши выводы согласовываются и с мировой обществоведческой практикой. Так, многие страны так называемого социалистического лагеря, включая СССР, которые пытались развиваться по идеологии марксизма, к настоящему времени распались и трансформировались в современные общества, а некоторые, включая нашу Российскую Федерацию, пытаются трансформироваться в какие-то иные (остающиеся пока неизвестными для многих представителей отечественных обществоведческих наук) формы общественно-политического и государственно-правового развития.

Хотелось бы здесь привести еще один, но довольно ярко иллюстрирующий пример того, как принятая в отечественной теоретической правовой науке методология изучения общества, государства и права приводит ее представителей к тупику. Речь идет о теме происхождения государства и права. Действительно, если попытаться серьезно выяснить природу и сущность государства и права, то просто невозможно обойти тему исторического происхождения права и государства. Отсюда тема «Происхождение государства и права» и в функционирующей науке «Теория государства и права» является первой темой, с нее, в основном, начинают раскрывать учение о государстве с периода его происхождения. Такой подход является совершенно правильным. Ведь от того, как тот или иной автор представляет эту тему, отсюда логической цепочкой продолжается и раскрытие последующих тем. Если автор, «заряженный» марксистским учением об обществе, считает, что государство появляется тогда, когда складываются антагонистические противоречия между бедными и богатыми и государство возникает как инструмент защиты интереса имущих классов, то такое утверждение уже предопределяет и сущность почти всех следующих тем. Даже само понятие государства и его сущность объективно будут вытекать из социального назначения государства. Социальное же назначение государства, по марксистскому учению, просто не может не быть ничем иным, кроме как защитой интересов экономически господствующего класса. То же самое и с определением функций государства: главная функция государства, по марксистскому учению, опять же будет сводиться к всесторонней защите интересов того же экономически господствующего эксплуататорского класса.

Поэтому содержание темы происхождения государства – это тот узелок, с которым органически взаимосвязаны все другие темы науки «Теории государства и права». Поэтому, правильно не определившись с природой происхождения государства, вряд ли можно правильно определиться и с самим понятием «государство». В свою же очередь, чтобы правиль-

но определиться с проблемой происхождения государства, необходимо начинать свои рассуждения не с экономики, которой вовсе тогда еще и не было, а с естественно-исторических правовых основ формирования и развития самого общества. Ведь любая совместная жизнедеятельность людей просто не может возникнуть, а тем более функционировать, если люди не определились с условиями такой совместной жизнедеятельности. К тому же каждый человек с момента рождения имеет естественные права на жизнь, на свободу и на определенную собственность. Только учет, признание и уважительное отношение к такой фундаментальной естественно-правовой основе позволяет выработать единственно правильный магистральный путь развития общества с древних времен и до современности.

Именно такую научно обоснованную эволюционную теорию происхождения государства впервые предложил Дж. Локк. Он обосновал, что человечество, долгое время, развиваясь в естественном состоянии, на определенном этапе своего развития вполне осознанно переходит на гражданское состояние. Это единственный научно-обоснованный путь развития в направлении формирования легитимного, т.е. согласованного с волей государственно-организованного общества, государства. Эту теорию он подробно описывал в своих работах «Опыты о законах природы» [8, с. 3-53] и «Два тракта о правлении» [8, с. 135-405]. Эта теория Дж. Локка была воспринята в ряде стран, начиная с периода создания США, а затем и во многих других странах мира. Если внимательнее анализировать международный Индекс человеческого развития, опубликованный 21 марта 2017 года [9], то мы увидим, что в числе стран, с очень высоким уровнем жизни, т.е. в первой группе, в основном, расположились те страны, общественно-политический строй которых организован в соответствии с учением Дж. Локка. Тогда как ни одной страны, где общественно-политическая система организована в соответствии с марксистским учением об обществе, в этой группе нет.

Из всего сказанного можно сделать следующий общий вывод. Чтобы встать на ту естественно историческую, вполне подходящую и для нашей страны, научную теорию развития общества, его государства и права, нам необходимо выйти за горизонты той, ставшей уже привычной для отечественной теоретической правовой науки методологии изучения общества, государства и права.

Библиографические ссылки

1. Владимир Путин выступил перед Российским союзом ректоров в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-04-26/344612-vladimir_putin_vystupil_pered_rossiyskim_soyuzom_rektorov_v_sankt_peterburge (дата обращения: 20.05.2018).
2. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ. 2018.
3. Сырых В.М. Теория государства и права : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : «Юридический Дом «Юстицинформ», 2004.
4. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М. : РАП, 2007.
5. Клименко А.В., Румынина В.В. Теория государства и права : учеб. пособие для студ. учреждений сред. проф. образования. М. : Мастерство, 2002.
6. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.
7. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // LEX RUSSICA. 2015. № 8. С. 14-25.
8. Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1988.
9. Список стран по индексу человеческого развития [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_индексу_человеческого_развития (дата обращения: 20.05.2018).

References

1. Vladimir Putin vystupil pered Rossiiskim soyuzom rektorov v Sankt-Peterburge (Vladimir Putin addressed the Russian Union of Rectors in Saint Petersburg). URL: https://www.1tv.ru/news/2018-04-26/344612-vladimir_putin_vystupil_pered_rossiyskim_soyuz_om_rektorov_v_sankt_peterburge (accessed date: 20.05.2018).
2. Rayanov F.M. *Pravovoe obshchestvovedenie* (Legal Social Studies). Moscow, Yurlitinform, 2018.
3. Syrykh V.M. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of State and Law), *uchebnik*. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow, «Yuridicheskii Dom «Yustitsinform», 2004.
4. Syrykh V.M. *Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava*. T. 3. *Sovremennoe pravoponimanie* (Logical Foundations of General Theory of Law. V.3. Contemporary Legal Understanding). Moscow, RAP, 2007.
5. Klimenko A.V., Rumynina V.V. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of State and Law), *ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenii sred. prof. obrazovaniya*. Moscow, Masterstvo, 2002.
6. Rayanov F.M. Aktual'nye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual Problems of Theory and Practice of the Rule-of-Law State in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.
7. Rayanov F.M. *Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyanie, puti pereosmysleniya* (Theory of the Rule-of-Law State in Russia: State, Ways of Rethinking), *LEX RUSSICA*, 2015, No. 8, pp. 14-25.
8. Lokk Dzh. *Sochineniya* (Compositions). V 3 t. T. 3. M., Mysl', 1988.
9. *Spisok stran po indeksu chelovecheskogo razvitiya* (List of Countries by Human Development Index). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Spisok_stran_po_indeksu_chelovecheskogo_razvitiya (accessed date: 20.05.2018).

Дата поступления: 09.04.2018

Received: 09.04.2018

УДК 340

СОСТАВ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

THE STRUCTURE OF LAWMAKING

ШАБУРОВ Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: shaburov.41@mail.ru

SHABUROV Anatoliy Stepanovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: shaburov.41@mail.ru

В современных условиях возникает необходимость рассмотрения правотворчества с более широких позиций, в рамках комплексного исследования, системного подхода. Понятие «состав» изначально предполагает наличие элементов, совместно образующих нечто целое, и представляет собой теоретическую модель, имеющий обобщающее значение при характеристике комплексных образований. В правоведении и юридической практике эта ка-

In modern conditions, there is a need to consider lawmaking from a broader perspective, within the framework of a comprehensive study, a systematic approach. The notion “structure” initially assumes the existence of elements that together form the entire, and it is a theoretical model that has a generalizing significance in characterizing complex entities. In jurisprudence and legal practice, this category is used widely enough. Therefore, it becomes neces-

тегория используется достаточно широко. Поэтому становится необходимым рассмотрение процесса правотворчества в рамках новой концепции «состав правотворчества», включая такие элементы состава, как объект, субъект и некоторые другие, учитывая при этом наличие различных подходов и противоречий при характеристике содержания этих элементов.

Ключевые слова: право, законодательство, правовое регулирование, правотворчество, объект, субъект, законодательная инициатива, закон, нормативный акт.

sary to consider the process of lawmaking within the framework of the new concept “structure of lawmaking”, including such elements of the structure as an object, a subject and some others, taking into account the presence of different approaches and contradictions in characterizing the content of these elements.

Key words: law, legislation, legal regulation, lawmaking, object, subject, legislative initiative, law, regulatory act.

Право – системное явление, поэтому элемент системности находит отражение во многих элементах правового регулирования, в том числе и в правотворчестве. Ю.А. Тихомиров писал, что законодательное регулирование нельзя понять только с позиций юридической науки. Необходим комплексный подход, который позволяет в полной мере охарактеризовать процесс возникновения закона [1, с. 156]. Современная традиционная теория правотворчества создана преимущественно на базе формально-догматических трактовок права. Отсюда нередок отрыв права от реальных условий жизни, разрыв между содержанием норм права и реальными общественными отношениями [2, с. 40]. Поэтому в исследовании процесса правотворчества помимо юридического подхода следует использовать социально-политический, экономический, психологический анализ правотворческих процессов и его результатов.

В последнее время правовое регулирование, его элементы и содержание рассматриваются в рамках комплексных категорий, позволяющих рассмотреть правовое явления полно, системно, всесторонне и во взаимосвязи всех элементов. В частности, юридической наукой воспринята и получила активное развитие предложенная С.С. Алексеевым категория «Механизм правового регулирования» [3; 4]. Кроме того, в рамках категории «механизм» анализируются и другие составляющие правового регулирования («механизм правового воздействия», «социальный механизм действия права», «механизм реализации права» и др.). Анализ права в рамках категории «механизм» показал свою эффективность, ибо позволил связать в единую систему различные правовые явления, связанные с обеспечением действия права.

Достаточно внимания в отечественной науке уделялось и вопросам создания права, т.е. правотворчества. Совершенствование законодательства предполагает, прежде всего, всесторонний анализ самого процесса правотворчества, анализ принципов, процедуры, методов, способов и средств правотворчества, юридико-технических средств и т.д. То есть здесь необходим анализ не только содержательной, но и организационной стороны правотворчества. Вопросы законодательной процедуры, правотворческого процесса рассмотрены в литературе достаточно полно в рамках категории «механизм правотворчества» [5]. Однако и в этом случае полностью все стороны процесса правотворчества в рамках указанной категории рассмотреть невозможно, так как под механизмом правотворчества понимается лишь система субъектов, осуществляющих правотворческую деятельность. В то же время в современных условиях возникает необходимость рассмотрения правотворчества с более широких позиций, в рамках комплексного исследования, системного подхода. И.И. Шуваловым выдвинуто положение, что подобный подход возможен при рассмотрении правотворчества в рамках категории «состав правотворчества» [6].

Слово «состав» означает совокупность, чего-нибудь, образующая какое-нибудь целое [7, с. 693]. То есть категория «состав» представляет собой теоретическую модель, включаю-

щую в себя совокупность элементов, содержание признаков, имеющих обобщающее значение при характеристике комплексных образований. В правоведении и юридической практике эта категория используется достаточно широко («состав правонарушения», «состав правоотношения», «состав юридической техники» и др.). Наиболее полное научное развитие и практическое закрепление в праве получила категория «состав преступления» [8].

Обосновывая необходимость введения новой правовой категории, И.И. Шувалов анализирует и структуру, элементами которой (по аналогии с составами других категорий, рассмотренных юридической наукой) по его мнению, являются объект, субъект, объективная и субъективная стороны [9, с. 40]. Подобное предложение представляется весьма интересным. Использование категории «состав правотворчества» не только позволит обогатить теорию правотворчества, расширить категориальный аппарат юриспруденции, но и по-новому, более полно и глубоко рассмотреть правотворчество, как важнейшую стадию правового регулирования. На практике к ней приходится обращаться очень часто, что предполагает осмысление практической и научной ценности этой правовой категории.

Деятельность по созданию норм права в отечественной науке характеризуется через различные правовые категории, обозначаемые различными терминами. Эта деятельность определяется как «правотворчество», «законотворчество», «правотворчество», «санкционирование», «правообразование» [10, с. 139], «нормотворчество», «правоустановление» [11, с. 415] и даже как «нормосозидание» [12, с. 645]. Краткую, но обобщенную характеристику правотворчества дал Ю.А. Тихомиров, по мнению которого правотворчество – это «процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства, формирования и принятия актов уполномоченными субъектами в рамках соответствующих процедур» [13, с. 157]. Полагаем, что данное определение можно взять за основу при характеристике правотворчества как специфической деятельности по созданию норм права и ее элементов.

Среди элементов правотворчества, прежде всего, нужно выделить объект правотворчества. Данная категория не нова для правоведения. В частности, в науке и практике говорится об объекте права, правоотношения, правонарушения и т.д. Но имеется лишь несколько работ, в которых категория «объект» употреблялась применительно к правотворчеству. Так, по мнению Ю.И. Гревцова объектом правотворчества является «конкретная ситуация, спор, с персонально определенным составом участников, нуждающихся в гарантиях своего права, его признании, защите и т.д.» [14, с. 75]. Хотя автор говорит о судебном правотворчестве, но, по сути, речь идет не о правотворчестве, а о правоприменении. Подобную трактовку правотворчества (хотя и судебного) вряд ли можно признать правильной. Здесь речь идет о судебном процессе, поэтому можно говорить либо об объекте правоотношения, либо правоприменения, но никак не правотворчества (даже «судебного»).

Современный уровень развития юридической науки позволяет рассмотреть объект правотворчества с более широких позиций. Ст. 18 Конституции РФ закрепляет, что именно права и свободы человека и гражданина определяют смысл и содержание законов, деятельность законодательной (как и исполнительной) власти. Следовательно, в современных условиях именно они выступают важнейшей стороной объекта правового регулирования. Представляется интересным и предположение Ф.М. Раянова о том, что «проблемы юриспруденции нужно начинать осмысливать в увязке с проблемами конституционализма и правового государства. Если мы пойдем таким путем, то непременно выйдем на утверждение о том, что право – это, прежде всего, общественный договор. В современном же мире общественный договор – это конституция страны» [15, с. 24]. С точки зрения проф. Ф.М. Раянова, общественный договор как раз и является основным учредительным договором, используемым в процессе формирования государства. Он считает, что «ограничение власти государства осуществляется учредительными документами, принятыми гражданским обществом непосредственно (референдумом) или же органом, специально созданным гражданским обществом» [16, с. 6].

Интересным представляется вывод В. Ю. Багдасарова о том, что правотворческий цикл завершается возникновением объекта. То есть суть правотворческой деятельности заключается в возникновении объекта правотворчества [17, с. 49]. Не следует ли из этого, что процесс правотворчества осуществляется без наличия объекта состава и лишь заканчивается его созданием? Однако развивая мысль о характеристике объекта правотворчества, автор делает интересный и, наш взгляд, правильный вывод о том, что «родовым объектом правотворчества является система права». Но и здесь делается вывод о том, что в качестве объекта выступают отдельная норма, группа норм. Отсюда в качестве вида объекта правотворчества автором выделяется «создание, изменение или отмена правового предписания или группы предписаний». Т.е. теперь уже в качестве объекта определяется правовая деятельность, ее характер. А это можно трактовать не как объект, а как объективную сторону состава правотворчества.

Другим элементом состава правотворчества выступает его субъект. Субъекты правотворчества – это индивиды и организации, участники правотворческой деятельности. В юридической науке и законодательной практике определяются достаточно большое количество субъектов. В силу значимости процесса правотворчества, его роли в правовом регулировании субъекты правотворчества должны быть законодательно закреплены. Их наличие зависит от форм правотворчества, места и функций соответствующего субъекта в механизме государства. В частности, субъекты федерального уровня законодательного процесса закреплены в конституционном порядке. Четко определены субъекты законодательной инициативы, место и роль в правотворчестве федеральных органов законодательной и исполнительной власти.

Характеризуя субъектную сторону правотворчества, следует отметить, что конституции некоторых государств предусматривают т.н. «народную инициативу», выражающуюся в возможности граждан вносить законопроекты в парламент страны. (Такая возможность предусмотрена, например, конституциями Венгрии, Польши, Италии, Испании).

Особый теоретический и практический интерес имеет вопрос о роли судебной власти и её органов в механизме правотворчества. Судебные органы, осуществляя правосудие, не занимаются правотворческой деятельностью и не являются субъектами правотворчества. Хотя отдельные авторы полагают, что некоторые судебные акты носят нормативный характер [18]. Конечно, в соответствии со ст. 126 Конституции Верховный Суд России дает для разъяснения по вопросам судебной практики обязательные для нижестоящих судов. Однако эти правовые веления содержат хотя и обязательное, но лишь толкование действующего законодательства.

В литературе возникают споры и о нормативном характере отдельных положений Конституционного Суда РФ. Некоторые ученые полагают, что Конституционный суд в отдельных случаях занимается правотворчеством. Общим принципом деятельности государства является принцип разделения властей, согласно которому единая государственная власть в России осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную власть (ст. 10 Конституции РФ), а назначение судебной власти – осуществление правосудия, которое, согласно п. 1 ст. 118 Конституции, осуществляется только судом. В соответствии с этим, как полагают С.А. Дробышевский и Т.Н. Донцова «основания для признания в качестве источников современного права судебного прецедента и юридической доктрины отсутствуют» [19, с. 158]. Напротив, М.Н. Марченко и В.В. Лазарев признают прецедент в качестве источника российского права [20, с. 274; 21, с. 15].

Наличие у судебных органов правотворческих полномочий некоторые авторы объясняют, исходя из содержания правотворчества (то есть, объективной стороны его состава). В частности, Ю.М. Бунина напоминает, что в содержание правотворчества включается не только факт создания, но и «отмена действия правовых норм» [22, с. 9]. Исходя из такого содержания правотворчества, автор делает вывод, что Конституционный Суд осуществляет «негативное» правотворчество, ибо одной из его функций является отмена норм, противоречащих требованиям Конституции (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ).

В отечественной литературе отсутствует и единое мнение о роли в правотворчестве судебной практики [23, с. 5-10]. Интерес представляет позиция В.С. Нерсисянца по этому вопросу. Подчеркивая, что судебная власть не занимается правотворчеством, а лишь осуществляет правосудие, автор, тем не менее, подчеркивает, что юридическая практика, ее результаты играют большую роль в совершенствовании законодательства. Указывая на недостатки, противоречия, она играет определенную роль в формировании направлений совершенствования законодательства. Отсюда В.С. Нерсисянец делает вывод, что судебная практика, не будучи правотворчеством, является важным источником для правотворчества [24].

Не менее дискуссионной является и проблема участия в правотворческой деятельности органов прокуратуры. К сожалению, Конституция РФ вообще не рассматривает вопросы деятельности прокуратуры и ее органов. В целом направления ее деятельности определяются Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.11.95 № 2202-1». Согласно ст. 1 данного закона назначение прокуратуры заключается в осуществлении ею надзора за осуществлением правовых актов. На основании этого и с учетом положений разделения властей вопрос об участии прокуратуры в правотворчестве за редким исключением в науке не рассматривается [25; 26; 27]. Право, как специфическое социальное явление, может развиваться только на научной основе. Поэтому нельзя отрицать и роли науки в развитии правотворчества как важнейшей стадии правового регулирования. Немаловажна и степень научной юридической подготовки субъектов правотворчества.

Определенную роль на характер отдельных правовых предписаний оказывают и негативные составляющие, такие, как личные и номенклатурные связи, «коррупция». Иногда в качестве субъективного элемента состава правотворчества указывают на необходимость учета законодателем реального состояния и степени развития общественного сознания участников общественных отношений. Полагаю, что данное обстоятельство следует отнести к объективной, а не субъективной стороне состава правотворчества. Безусловно, уровень правосознания субъектов права относится к субъективной стороне общественной жизни. Но когда говорится о правотворчестве, речь идет о правосознании, уровне правовой культуры законодателя, а не участников, субъектов регулируемых правом общественных отношений.

Существенное значение в деятельности законодателя имеет не только правильная и эффективная регламентация существующих отношений. Здесь важно и определение перспектив развития общественных отношений, и соответствующее нормативное их закрепление. Решению этих задач служит планирование правотворчества, разработка перспективной правотворческой политики. Наконец, принимаемые законодателем решения должны основываться на демократических принципах гуманизма, справедливости, признания и обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, введение в категориальный аппарат юридической науки и законодательную практику России категории «состав правотворчества» показало ее эффективность, позволяя повысить качество и эффективность правотворчества и правового регулирования в целом.

Библиографические ссылки

1. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М., 1982.
2. Малинова И.П. Философия правотворчества. Екатеринбург, 1996.
3. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юрид. литература, 1966.
4. Алексеев С.С. Государство и право : учебное пособие. М. : Проспект, 2016.
5. Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. Вопросы теории. М. : Изд. «Юридическая литература», 1977.

6. Шувалов И.И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования. М. : Норма, 2005.
7. Словарь русского языка / сост. С.И. Ожегов. М., 1953.
8. Трайнин А.П. Общее учение о составе преступления. М., 1957.
9. Шувалов И.И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования. М. : Норма, 2005.
10. Общая теория государства и права : учебник / под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд. М., 1996.
11. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник для вузов. М., 1999.
12. Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Избр. труды. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2015.
13. Общая теория государства и права: акад. курс : в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М., 1998.
14. Гревцов Ю.И. Социология права. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2011.
15. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // LEX RUSSICA. 2015. № 8. С. 14-25.
16. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.
17. Багдасаров В.Ю. Объект правотворчества // Право и современные государства. 2016. № 2. С. 49.
18. Судебная практика как источник права. М., 2000.
19. Дробышевский С.А., Данцова Т.Н. Формальные источники права. М., 2011.
20. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2008.
21. Лазарев В.В. Прецедент: реалии и перспективы в российском праве // Российское правосудие. 2012. № 3. С. 6-15.
22. Бунина Ю.М. Правотворчество как вид юридической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
23. Сауляк О.П. Судебная практика как источник российского права: материальный и формальный аспекты проблемы // Государство и право. 2009. № 11. С. 5-10.
24. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права / отв. ред. Б.Н. Топорнин. М. : ИГиП РАН, 1997. С. 34-41.
25. Соколова И.А., Мыцыкова О.И., Карпов Н.Н. Участие прокурора в правотворческой деятельности : пособие для прокуроров. М., 2007.
26. Смирнов А.Ф., Винокуров Ю.Е. Участие прокурора в правотворческой деятельности // Законность. 1996. № 8. С. 36-38.
27. Бессарабов В.Г., Хуторецкий Р.Б. Участие российской прокуратуры в правотворческой деятельности. М., 2006.

References

1. Tikhomirov Yu.A. Teoriya zakona (Theory of Law). Moscow, 1982.
2. Malinova I.P. Filosofiya pravotvorchestva (Philosophy of Law Making). Ekaterinburg, 1996.
3. Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve (The Mechanism of Legal Regulation in the Socialist State). Moscow, Yurid. literatura. 1966.
4. Alekseev S.S. Gosudarstvo i pravo (State and Law), uchebnoe posobie. Moscow, Prospekt, 2016.
5. Kovachev D.A. Mekhanizm pravotvorchestva sotsialisticheskogo gosudarstva. Voprosy teorii (Mechanism of Lawmaking of the Socialist State. Questions of Theory). Moscow, Izd. «Yuridicheskaya literatura», 1977.
6. Shuvalov I.I. Pravotvorchestvo v mekhanizme upravleniya obshchestvom: neobkhodimost' kompleksnogo issledovaniya (Lawmaking in the Mechanism of Public Management: The Need for Comprehensive Research). Moscow, Norma, 2005.

7. Slovar' russkogo yazyka (Dictionary of Russian language), sost. S.I. Ozhegov. Moscow, 1953.
8. Trainin A.P. Obshchee uchenie o sostave prestupleniya (The General Doctrine of Elements of the Crime). Moscow, 1957.
9. Shuvalov I.I. Pravotvorchestvo v mekhanizme upravleniya obshchestvom: neobkhodimost' kompleksnogo issledovaniya (Lawmaking in The Mechanism of Public Management: The Need for Comprehensive Research). Moscow, Norma, 2005.
10. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava (General Theory of State and Law), uchebnik, pod red. V.V. Lazareva. 2-e izd. Moscow, 1996.
11. Nersesyants V.S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva (General Theory of Law and State), uchebnik dlya vuzov. Moscow, 1999.
12. Baranov V.M. Ocherki tekhniki pravotvorchestva (Essays on the Technology of Lawmaking). Izbr. trudy. N. Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii. 2015.
13. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava (General Theory of State and Law), akad. kurs, v 2 t., pod red. M.N. Marchenko. T. 2. Teoriya prava (Theory of Law). Moscow, 1998.
14. Grevtsov Yu.I. Sotsiologiya prava (Sociology of Law). SPb., Izd-vo «Yuridicheskii tsentr Press», 2011.
15. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyanie, puti pereosmysleniya (Theory of the Rule-of-Law State in Russia: State, Ways of Rethinking). *LEX RUSSICA*, 2015, No. 8, pp. 14-25.
16. Rayanov F.M. Aktual'nye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual Problems of Theory and Practice of the Rule-Of-Law State in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.
17. Bagdasarov V.Yu. Ob"ekt pravotvorchestva (Object of Lawmaking), *Pravo i sovremennyye gosudarstva*, 2016, No. 2, pp. 49.
18. Sudebnaya praktika kak istochnik prava (Judicial Practice as a Source of Law). Moscow, 2000.
19. Drobyshevskii S.A., Dantsova T.N. Formal'nye istochniki prava (Formal Sources of Law). Moscow, 2011.
20. Marchenko M.N. Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii (State and Law in the Context of Globalization). Moscow, 2008.
21. Lazarev V.V. Pretsedent: realii i perspektivy v rossiiskom prave (Precedent: Realities and Prospects in Russian Law) *Rossiiskoe pravosudie*, 2012, No. 3, pp. 6-15.
22. Bunina Yu.M. Pravotvorchestvo kak vid yuridicheskoi deyatel'nosti (Lawmaking as a Kind of Legal Activity), avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. St. Petersburg, 2004.
23. Saulyak O.P. Sudebnaya praktika kak istochnik rossiiskogo prava: material'nyi i formal'nyi aspekty problemy (Judicial Practice as a Source of Russian Law: Material and Formal Aspects of the Problem), *Gosudarstvo i pravo*, 2009, No. 11, pp. 5-10.
24. Nersesyants V.S. Sud ne zakonodatel'stvuet i ne upravlyaet, a primenyaet pravo (o pravoprimenitel'noi prirode sudebnykh aktov) (The Court Does not Legislate or Rule, but Applies the Law (On the Law Enforcement Nature of Judicial Acts), *Sudebnaya praktika kak istochnik prava*, otv. red. B.N. Topornin. Moscow, IGI RAN, 1997, pp. 34-41.
25. Sokolova I.A., Mytsykova O.I., Karpov N.N. Uchastie prokurora v pravotvorcheskoi deyatel'nosti (Participation of the Prosecutor in Lawmaking Activities), posobie dlya prokurorov. Moscow, 2007.
26. Smirnov A.F., Vinokurov Yu.E. Uchastie prokurora v pravotvorcheskoi deyatel'nosti (Participation of the Prosecutor in Lawmaking Activities), *Zakonnost'*, 1996, No. 8, pp. 36-38.
27. Bessarabov V.G., Khutoretskii R.B. Uchastie rossiiskoi prokuratury v pravotvorcheskoi deyatel'nosti (Participation of the Russian Prosecutor's Office in Lawmaking Activities). Moscow, 2006.

Дата поступления: 09.04.2018

Received: 09.04.2018

УДК 340

**ФЕДЕРАЦИЯ – ВАЖНЕЙШАЯ ФОРМА
СОВРЕМЕННОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА****ШЕРПАЕВ Владимир Иванович**

*доктор политических наук, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: sherpavi@list.ru*

**FEDERATION IS THE MOST
IMPORTANT FORM OF MODERN
STATE STRUCTURE****SHERPAEV Vladimir Ivanovich**

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia. E-mail: sherpavi@list.ru

Вопросы вертикально-территориальной организации государственной власти в современной России непосредственно стыкуются с проблемами совершенствования федеративных отношений. В связи с этим появляется необходимость анализа плюсов и минусов практики федеративного строительства в нашей стране. В теории федерализма с самого начала был заложен не только политический, но и большой гуманистический потенциал. Такая форма государственного устройства сформировалась как обществоведческое явление, объективно необходимое для улучшения жизни людей. Полноценное федеративное государство органически взаимосвязано с демократическим правовым государством. Необходимо стремиться не только к формированию федеративного государства, но и к формированию демократического правового государства.

Ключевые слова: федеративное, устройство, унитарное, государство, система, законодательство, собственное, право, соотношение, демократическое.

The issues of the vertical-territorial organization of state power in modern Russia are directly linked to the problems of improving federal relations. In this regard, there is a need to analyze the pros and cons of the practice of federal construction in our country. In the theory of federalism, from the very beginning, not only political but also great humanistic potential was laid. This form of state structure was developed as a social phenomenon, objectively necessary to improve people's lives. A fully-fledged federative state is organically interconnected with a democratic rule-of-law state. It is necessary to strive not only for the formation of a federal state, but also for the formation of a democratic rule-of-law state.

Key words: federal, structure, unitary, state, system, legislation, own, law, correlation, democratic.

Широко известно, что в соответствии принятой в науке «Теория государства и права» практикой, все государства по своему территориальному устройству подразделяются на простые и сложные государства. Под сложным государством принято понимать такое государство, которое состоит из обособленных государственных образований, пользующихся той или иной государством подобной самостоятельностью. К числу сложных государств, как правило, относят империи, конфедерации и федерации. В качестве же основного критерия подразделения на простые и сложные государства используется наличие или отсутствие внутри государства обособленных образований, пользующихся определенной государственно-правовой самостоятельностью. По этому критерию представители отечественной теоретической правовой науки федеративное государство относят к числу сложных государств. Считается, что унитарное государство – это простое государство, которое в своем составе имеет

лишь административно-территориальные единицы (провинции, губернии, уезды, земли, области и т.д.), а федеративное государство – это такое государство, которое внутри себя имеет другие государство подобные образования.

Если же попытаться разобраться в этом вопросе еще глубже, то такая практика разделения государств на унитарные и федеративные оставляет немало вопросов, ответы на которые должна дать юридическая наука и международная практика. Особенно такие вопросы чаще всего возникают при обращении к практике федеративного устройства нашей страны, где в соответствии со статьей 12 Конституции Российской Федерации органы местного самоуправления вообще выведены из системы органов государственной власти. Получается, что независимо от того: унитарное ли государство или оно федеративное, в нашей стране государственная власть имеет лишь два уровня: государственный уровень и уровень местного самоуправления. Между тем, как считает проф. Ф.М. Раянов «в развитых западных странах государственная власть имеет, как правило, три уровня: центральная государственная власть, региональная государственная власть и местная государственная власть. У каждого уровня власти имеются предусмотренные конституцией страны определенные государственные полномочия. В зависимости от того, какое это государство по своей форме устройства, то есть федеративное или унитарное, имеются различия как в названиях этих уровней государственной власти, так и в их полномочиях» [1, с. 166-167].

Нам также представляется, что любое оптимальное современное государство должно иметь минимум три уровня государственной власти. Тем более, не менее трех уровней государственной власти должно быть в федеративном государстве. Да и в мире на сегодня имеются более 20-и федеративных государств, и в большинстве из них довольно четко выделяется местный (низовой) уровень государственной власти. Да и понять все это не представляет большой сложности: как это может быть, чтобы на самом низовом уровне страны, где и живут все граждане, образующие соответствующее государство, нет уровня государственной власти? Такое положение можно представить, если только действительно полностью оторвать государственную власть от самих этих граждан. Но тогда не приходится говорить и ни о каком гражданском обществе, да и о подотчетности того или иного уровня государственной власти, избравшему ее гражданскому обществу. Но поскольку такого положения так же не должно быть, то не может быть и такого положения, чтобы не было самого низового уровня государственной власти, где и непосредственно живут граждане того или иного государства. Поэтому, как нам представляется, должны быть усовершенствованы соответствующие статьи Конституции, именно, нашей Российской Федерации.

Однако совершенствованию федеративных отношений в нашей стране в определенной мере, особенно в теоретическом плане, в первую очередь препятствует предусмотренное в Конституции Российской Федерации двухуровневое строение всей системы государственной власти. Правда, об этой стороне проблемы федеративного устройства в отечественной теоретической правовой науке даже не принято говорить. Более того, здесь довольно спокойно пишут и говорят об этой же двухуровневой системе государственной власти. Так, например, в Рунете читаем: «Государственная власть в федеративном государстве разделена между центральными государственными органами, решающими преимущественно вопросы общего значения, и органами власти субъектов федерации, представляющими интересы данных регионов и проживающего там населения» [2]. О каком-либо местном уровне государственной власти, где и проживают граждане-избиратели государственной власти, здесь ничего и не сказано. В этих условиях вполне будет уместным такой вопрос, какое же это сложное федеративное государство в нашей стране, если там не предусматривается даже, казалось бы, самый главный местный уровень государственной власти? В теоретическом плане получается так, что поскольку уровень местного самоуправления формально (конституционно) выведен из системы единой государственной власти, включая и уровень субъектов Российской Феде-

рации, то и все общественные отношения с их участием регулируются централизованным федеральным законодательством. Конечно, на практике органы государственной власти субъектов Российской Федерации, без какого-то стеснения, вмешиваются в процесс решения дел местного уровня. Но поскольку теоретически они этого делать не имеют конституционного права, то федеральный центр, при необходимости, всегда может одернуть их за это. Поэтому в целях действительного совершенствования федеративных отношений в нашей стране нам необходимо еще раз разобраться с положениями нашей Конституции, касающихся уровней властей в нашем федеративном государстве.

Рассматривая важнейшие положительные стороны федеративного государства в нашей стране, необходимо постоянно иметь в виду и то, что именно федеративная форма российского государственного устройства реально появилась не без требований народов, проживавших в бывшей Российской империи. К тому же, после прихода к власти большевики, считавшие себя партией представителей трудящихся масс, просто не могли проигнорировать требования многочисленных национальных народностей, стремящихся к определенному политическому самоопределению. Отсюда в России, именно, партия коммунистов не могла не поддержать требования этих народов, проживающих в многонациональной России. Здесь даже было сформировано такое федеративное устройство государства, где союзные республики получили право выхода из состава СССР. Однако до формирования подлинного федеративного государства в нашей стране большевики все же не дошли. У них главной задачей было не строительство подлинного федеративного государства, а строительство социалистического, а затем и коммунистического общества. Более того, будущее коммунистическое общество должно было обходиться не только без федеративного государства, но и вовсе без какого либо государства. Широко известно, что по марксистско-ленинскому учению со временем, т.е. при коммунистическом обществе государство вообще должно было отмирать. Именно поэтому в процессе событий, происходивших в 90-е годы прошлого века, проблемы, связанные с правом нации на самоопределение в нашей стране вновь обострились. Все бывшие союзные республики, образовавшие Советский Союз и имевшие право выхода из него, воспользовались этим правом. Они образовали многочисленные независимые государства, а некоторые бывшие автономные республики Союза СССР также попытались объявить себя самостоятельными независимыми государствами. В этот период нашей страны как раз вновь активизировались проблемы федеративного государства. Именно под влиянием этой активизации вопросов федеративного государства и постсоветская Конституция Российской Федерации не могла не признать федеративный характер нашего государства. Более того, постсоветская Конституция Российской Федерации значительно укрепила федеративную природу российского государства. В частности, субъекты Российской Федерации получили право на «собственное правовое регулирование» определенных общественных отношений (ст. 76).

В этот период и в научной сфере оживились исследования, позволяющие несколько обновить федеративные отношения в нашей стране. В частности, появились научные статьи, где обосновались новые стороны федеративных отношений применительно к нашей стране. Так, проф. Ф.М. Раянов, выступая на одной из научных конференций, посвященных отечественному федеративному государству, говорил: «Что касается проблемы наличия или отсутствия собственной системы законодательства Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации, то в Российской Федерации, на наш взгляд, сегодня с полным основанием можно и нужно оперировать понятием «система законодательства субъекта Российской Федерации»» [3, с. 18]. В другой своей статье, посвященной проблемам становления постсоветского федеративного государства, Ф.М. Раянов сетовал на то, что в нашей стране нет четкости в употреблении понятий, связанных с федеративным государством. В качестве примера он приводит многочисленные случаи, когда у нас стали писать об экономическом федерализме, о бюджетном федерализме и т. д. Критикуя подобные высказывания, он пишет: «По нашему мнению,

«федерализм» – понятие сугубо государствоведческое. Оно во всем мире употребляется при характеристиках форм государственного устройства и имеет определенный смысл в сопоставлении с такими понятиями, как «унитаризм», «конфедерация» [4, с. 111].

В эти же годы по проблемам постсоветского федеративного государства было опубликовано и значительное число других научных работ. Среди них монография И.А. Умновой «Конституционные основы современного российского федерализма» [5]. Вышла также очень солидная коллективная монография под названием «Федерализм в России» в Казани [6]. Становлению постсоветского российского федерализма была посвящена статья проф. Н.Н. Арзамаскина, опубликованная в журнале «Право и политика» [7] и т.д.

Но, несмотря даже на оживленные научные дискуссии по поводу становления и развития постсоветского российского федеративного государства, одновременно в стране оживились и выступления за укрепление вертикали власти. Некоторым показалось, что развитие федеративных отношений в нашей стране может привести ущерб единству и целостности России. Тут и появились теории, нацеленные не только к оправданию, но и поощрению сильной вертикали государственной власти. Так, заместитель директора информационного центра РАГС, действительный государственный советник РФ 3-го класса И.Н. Барциц в этой связи приводит следующие обоснования. «Противоречия между Федерацией и ее субъектами, федеральными органами власти и власти субъектов Федерации, постоянно возникающие спорные ситуации между ними приводят к осознанию неизбежности внесения соответствующих дополнений и изменений в Конституцию РФ 1993 г. Эти изменения призваны среди прочих мер по модернизации государственно-правовой модели России, закрепить и механизмы поддержания единства правового пространства страны» [8]. Однако он не затруднил себя обоснованием того, как же это можно призывать к единому правовому пространству в федеративном государстве, не нарушая признанные в мировой науке стандарты федеративного государства? Вряд ли это можно будет сделать: если в стране единое правовое пространство, то это уже вовсе не федеративное государство.

Да и сегодня Российская Федерация как раз и находится на перепутье между федерализацией государственной жизнедеятельности и продолжением укрепления вертикали федеральной государственной власти. Появившиеся надежды, в связи с принятием постсоветской Конституции Российской Федерации, на развитие теории собственного правового регулирования субъектов Российской Федерации все еще остаются без внимания представителей отечественной теоретической правовой науки. При такой ситуации сегодня даже трудно, однозначно, сказать, что Российская Федерация – это, действительно, полноценное федеративное государство? Ведь в настоящее время субъекты Российской Федерации собственными правами фактически не могут гарантировать эффективность не только собственной деятельности, но и какого-либо местного уровня государственной власти: почти по любому серьезному вопросу, особенно связанным с финансовыми затратами, необходимо обращаться к федеральному центру. В результате в нашей стране еще вовсе не забыты отголоски известной многовековой поговорки: «наверху тьма власти, а внизу – власть тьмы». Хотелось, чтобы в XXI веке такая поговорка потеряла свое, какое-либо значение и в нашей стране.

Для нас сегодня в области федеративного строительства важно помнить и то, что в теории федерализма с самого начала был заложен не только политический, но и большой гуманистический потенциал. В обществе с демократическим режимом управления общественными делами, где уважаются права и свободы человека, федеративное устройство государства используется не только для решения политических разногласий между центром и регионами, но и для реализации идеи свободного развития людей, образующих определенный регион (республику, штаты, земли и т.д.). «Формирование федеративного государства представляет собой не только процесс создания правовой базы, подписания и публикации официальных соглашений, документов различного рода и содержания, но и формирование своеобраз-

разного информационного пространства» [9, с. 18]. Региональные и культурно-национальные особенности определенных групп людей, народов и народностей были давно замечены и они должны быть в поле зрения и сегодня.

Если внимательно изучить историю становления и развития федеративного устройства государства, то нетрудно обнаружить, что такая форма государственного устройства появилась вовсе не произвольно. Оно сформировалось как обществоведческое явление, объективно необходимое для улучшения жизни людей. К тому же мы убеждены, что полноценное федеративное государство органически взаимосвязано с демократическим правовым государством. Представляется правильным утверждение о том, что «правовое государство не может не быть по своему режиму демократическим, а поэтому в этом смысле можно говорить и о демократическом правовом государстве» [10, с. 7]. Поэтому и в ст. 1 Конституции Российской Федерации записано, что «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Получается, что понятия «демократическое», «федеративное» и «правовое» являются органически взаимосвязанными характеристиками сущностной стороны единого государства. Отсюда можно сделать и такой вывод: если нет правового государства, то вряд ли можно сформировать и подлинное федеративное государство. Поэтому очень важно подчеркнуть, что необходимо стремиться не только к формированию федеративного государства, но и к формированию демократического правового государства.

Библиографические ссылки

1. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ. 2018.
2. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/Gosudarstvennoe-ustroistvo.php>
3. Раянов Ф.М. Система законодательства Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации // Система законодательства Республики Башкортостан: становление и дальнейшее развитие : материалы Республиканской научно-практической конференции 27 февраля 1996 г., г. Уфа. Академия наук Республики Башкортостан. Уфа, 1996. С. 16-24.
4. Раянов Ф.М. Развитие современных представлений о сущности федеративного государства // Российский юридический журнал. 1999. №1 (21). С. 110-118.
5. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998.
6. Федерализм в России : монография / под общ. ред. Р. Хакимова. Казань, 2001.
7. Арзамаскин Н.Н. Этапы и современные тенденции становления российского федерализма // Право и политика. 2007. № 4.
8. Барциц И.Н. О единстве государственной власти в Российской Федерации // Законодательство. 2001. № 9.
9. Галиев Ф.Х. Сочетание традиционного и правового регуляторов в правовой культуре федеративного государства // Правовое государство. 2009. № 3 (17). С. 17-20.
10. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.

References

1. Rayanov F.M. Pravovoe obshchestvovedenie (Legal Social Studies). Moscow, Yurlitinform. 2018.
2. URL: <http://center-yf.ru/data/stat/Gosudarstvennoe-ustroistvo.php>
3. Rayanov F.M. Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan kak sub"ekta Rossiiskoi Federatsii (The System of Legislation of the Republic of Bashkortostan as a Subject of the Russian Federation), *Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan: stanovlenie i dal'neishee razvitie*, ma-

terialy Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 27 fevralya 1996 g., g. Ufa. Akademiya nauk Respubliki Bashkortostan. Ufa, 1996, pp. 16-24.

4. Rayanov F.M. Razvitie sovremennykh predstavlenii o sushchnosti federativnogo gosudarstva (Development of Modern Ideas on the Essence of a Federal State), *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 1999, No.1 (21), pp. 110-118.

5. Umnova I.A. Konstitutsionnye osnovy sovremennogo rossiiskogo federalizma (Constitutional Bases of Modern Russian Federalism). Moscow 1998.

6. Federalizm v Rossii: monografiya (Federalism in Russia), pod obshch. red. R. Khakimova. Kazan', 2001.

7. Arzamaskin N.N. Etapy i sovremennye tendentsii stanovleniya rossiiskogo federalizma (Stages and Current Trends in the Formation of Russian Federalism), *Pravo i politika*, 2007, No. 4.

8. Bartsits I.N. O edinstve gosudarstvennoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii (On the Unity of State Power in the Russian Federation), *Zakonodatel'stvo*, 2001, No. 9.

9. Galiev F.Kh. Sochetanie traditsionnogo i pravovogo regulyatorov v pravovoi kul'ture federativnogo gosudarstva (The combination of traditional and legal regulators in the legal culture of a federal state), *Pravovoe gosudarstvo*, 2009, No. 3 (17), pp. 17-20.

10. Rayanov F.M. Aktual'nye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual Problems of Theory and Practice of the Rule-of-Law State in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.

Дата поступления: 09.04.2018

Received: 09.04.2018

УДК 340.11

КУЛЬТУРА ПРАВА И ОБЩЕЕ БЛАГО

CULTURE OF LAW AND THE COMMON GOOD

СЕМИТКО Алексей Павлович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права автономной некоммерческой организации высшего образования «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), приглашенный профессор университета Париж-Запад, Франция,

г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: asemitko@mail.ru

SEMITKO Alexey Pavlovich

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Public Law of the Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education "Liberal Arts University" (Yekaterinburg), Visiting Professor at the University Paris Nanterre, France, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: asemitko@mail.ru

С ориентиром на интегративное правопонимание анализируется понятие «культура права», его состав и соотношение с понятием общего блага. Выделяются содержательные и процедурные компоненты последнего. При определении общего блага необходимо единство содержательного (через ключевые социальные ценности и представления о справедливости) и процедурного компонентов, что достигается в условиях диалогоцентричных демократий. Поскольку в авторитарном обще-

With a focus on integrative legal understanding, the author analyzes the concept "culture of law", its composition and its relation to the notion of the common good. The content and procedural components of the latter are defined. In determining the common good, it is necessary to unite meaningful (through key social values and notions of justice) and procedural components, it is achieved in conditions of dialogic democracies. Since there is no procedural component in an authoritarian society (real, not fic-

стве отсутствует процедурный компонент (реально, а не фиктивно), постольку невозможно установить соответствие государственно-властных решений общему благу. В понятие культуры права, вслед за С.С. Алексеевым, включаются идеи и положения современного конституционализма, признание непосредственного юридического значения прав и свобод человека, а также незыблемости определенных юридических реалий, т.е. фактически сложившихся правовых состояний. В результате сделан вывод, что соотношение указанных понятий носит сложный характер, но во всех случаях общее благо должно соответствовать единству входящих в понятие культура права элементов. При этом внутренняя иерархия последних основывается на незыблемости положений современного конституционализма, выражающих идеи правового государства, демократических ценностей, достоинства и прав человека и необходимости соответствия нормативной силы фактического первым двум компонентам культуры права.

Ключевые слова: культура права, общее благо, национальные интересы, права и свободы человека, правовое государство, конституционализм, демократия диалогоцентричная, публичная дискуссия, авторитарный политический режим, справедливость.

titious), it is impossible to establish the conformity of state-power decisions to the common good. Following S.S. Alekseev, the concept of culture of law includes the ideas and provisions of modern constitutionalism, the recognition of the direct legal significance of human rights and freedoms, as well as the inviolability of certain legal realities, i.e. actually formed legal conditions. As a result, the author concludes that the ratio of these concepts is complex, but in all cases, the common good should correspond to the unity of the elements of the concept of culture of law. At the same time, the internal hierarchy of the latter is based on the inviolability of the provisions of modern constitutionalism, expressing the ideas of the rule-of-law state, democratic values, dignity and human rights and the need for the normative force to correspond to the first two components of culture of law.

Key words: culture of law, common good, national interests, human rights and freedoms, rule-of-law state, constitutionalism, dialogic democracy, public discussion, authoritarian political regime, justice.

В статье «Демон власти и культура права» [1, с. 516-526], написанной в 1997 году, С.С. Алексеев говорил о «культуре права» как о самостоятельном и важном понятии и явлении, необходимом для построения правового государства и осмысления его основ, а также и в том числе как о средстве ограничения Демона власти. Культура права – это понятие, которое описывает развитое право – то, каково оно само по себе. Данное понятие требует внимательного изучения, особенно в связи с категорией правового государства, ибо «о действительном правовом государстве можно говорить лишь тогда, когда в обществе существует высокая культура права» [1, с. 523], которая позволяет не только блокировать Демона власти юридическими ограничениями, запретами, санкциями, но вытеснить и, в конечном счете, повергнуть его при помощи «тех великих ценностей, которые несет всякая высокая культура, тем более – Культура права, – отлаженными цивилизованными человеческими взаимоотношениями, выверенной справедливостью, балансом интересов и согласия, признанием юридических реалий, неприятием насилия и одностороннего диктата» [1, с. 523]. Однако, продолжал далее С.С. Алексеев, «в последнее время мы, собравшись на тот или иной форум, как-то легко и быстро стали принимать решения на разных уровнях с одной лишь ссылкой на “волю избирателей”, “национальные интересы”, зачастую не считаясь с действующими юридическими нормами» [1, с. 524]. Каковы они, эти «национальные интересы», «воля избирателей» и т.п. общее благо, и каково их соотношение с таким понятием, как «культура права»?

Для ответа на данный вопрос надо уточнить состав последнего, куда С.С. Алексеев, основываясь на самых последних – интегративных – достижениях в области современной правовой науки, включал, подчеркивая, что перечень этот – не исчерпывающий, во-первых, «святость Конституции», то есть признание и уважение основных идей современного конституционализма, нашедших отражение в Основном законе страны (что вытекает из современного, базирующегося на уважении идей правового государства, демократических ценностей и достоинства человека, позитивистского подхода к правопониманию), а также, во-вторых, признание непосредственного юридического значения прав и свобод человека (чего требует юснатуралистское видение права) и, в-третьих, незыблемости определенных юридических реалий, т.е. фактически сложившихся правовых состояний (юридическая сила более или менее устоявшегося и продолжительного по времени фактического состояния общественных отношений, внедрившегося в жизнь положения дел, с которым субъекты уже сообразовали свои интересы, то есть признали их в той или иной мере, что вытекает из социологического видения права).

Что касается фактически сложившихся правовых состояний, то, несмотря даже на весьма важный факт продолжительности их существования, они не могут претендовать на «вечность», то есть могут меняться. Однако процедура их изменения – особенная: либо принятие «компетентным органом конституционно обоснованного законодательного акта (с предусмотренными им механизмами урегулирования сложных случаев, удовлетворения всех законных интересов), либо принятие аналогичного акта полномочной судебной инстанцией, либо достижение соглашения между заинтересованными субъектами» [1, с. 526]. Кроме того, процесс изменения должен быть согласован с другими входящими в культуру права ценностями – святостью Конституции, то есть с соблюдением основных идей конституционализма и с незыблемым авторитетом прав человека. Любые односторонние действия без такого согласования будут рассматриваться как нелегитимные, неправовые, влекущие за собой «произвол и хаос в обществе, стихию эмоций и насилия и плюс к тому – как это ни покажется неожиданным, в жизнь людей вновь врывается Демон власти, выскользнувший из-под эгиды Права» [1, с. 526]. Такого рода односторонние действия не могут быть оправданы политическими декларациями «демократического или национального порядка», то есть никакими соображениями, вытекающими из общего блага, «воли избирателей» и «национальных интересов», так как квалификация той или иной политической акции как отвечающей общему благу требует особой процедуры их выражения и утверждения. Общее благо, с формально-юридической точки зрения, может быть выражено в акте конституционного законодателя, в судебном решении высшей судебной инстанции (в форме, например, акта конституционного контроля и т.д.) либо в нормативном договоре – соглашении между заинтересованными субъектами. Определение общего блага по содержанию – вопрос гораздо более сложный, зависящий от разделяемой в данном обществе концепции общего блага и представлений о справедливости [2].

В связи со сказанным возникает вопрос для дальнейшего размышления: каково соотношение общего блага («национальных интересов») и базирующемся на правах человека юридическом инструментарии при решении возникающих в обществе проблем и конфликтов? Достаточно ли сослаться на общее благо, волю избирателей, национальные интересы и т.п. ценности при принятии новых конституционных актов, судьбоносных судебных решений, нормативных договоров либо необходимо всегда придерживаться указанного юридического инструментария, основанного на правах человека, которые в таком случае оказываются сами по себе важнее и выше общего блага и «национальных интересов»? Или еще короче: выше ли и важнее ли общего блага права человека? Либо, что напрашивается само собой и кажется вполне очевидным: данный вопрос сам по себе не корректен, так как права человека не могут быть исключены из важнейшей части того, что относится к общему благу, к незыблемым положениям современного конституционализма, выражающих идеи правового государства, демократических ценностей и достоинства человека. Таким образом, права человека как ценность входят в систему

идей конституционализма и поэтому можно говорить об их приоритете только вместе и наряду с приоритетом конституционализма как системы, но не о приоритете одного компонента системы самой системе в целом. Что касается нормативной силы фактического, то она должна соответствовать первым двум компонентам, входящим в культуру права и общее благо выражено в последней, то есть оно не должно противоречить культуре права.

Если говорить далее о соотношении общего блага и наличного законодательства, установившихся фактических отношений при решении важных социальных проблем, то их реальное соотношение зависит от уровня развития и, скажем так, укорененности культуры права и демократии в каждом конкретном обществе. Так, в условиях демократии общее благо, которое еще не выражено в законе, – лишь предмет для публичных дискуссий различных политических сил, в результате которых поддержанные большинством избирателей и потому пришедшие к власти в процессе честных демократических выборов политические силы закрепляют общее для всех благо в законе; хотя и после этого никто не препятствует его дальнейшему обсуждению, уточнению и внесению соответствующих изменений в законодательство.

Однако после того, как общее благо закреплено в законодательных и (или) иных источниках права, имеющих конституционную силу, то в результате этого уточняются одновременно и границы тех или иных фактических юридических состояний, а также соответствующего данному историческому моменту времени объема прав и свобод человека. Корректно сформулированное в правовых текстах общее благо в цивилизованном обществе начала XXI века не может не включать в себя определенного уровня прав и свобод человека, ориентиром для которого выступает международный билль о правах человека как совокупность основных международных документов – Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Первый и Второй факультативный протокол к нему. Для государств европейского континента, включая Россию, расположенную на двух континентах, невозможно не ориентироваться на Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Процесс возведения различных социальных интересов в правовую форму в условиях демократического общества содержит важнейшую стадию проверки соответствия (или, как минимум, не противоречия) их общему благу. В условиях авторитарного политического режима под видом общего блага чаще всего протаскивается воля узкой олигархической верхушки. Положение о том, что «общая воля» есть определенная фикция давно уже стало общим местом политологической литературы, в том числе учебной, где, например, отмечается, что «так называемая общая воля, «классовый», «национальный» или «общенародный» интересы представляют собой **вымысел, миф**, (выделено мной. – А.С.) оправдывающие политическое господство одного лица или группы в том случае, если они определяются кем-то априори, без равноправного участия отдельных свободных личностей и рассматриваются как неоспоримые, надындивидуальные, внутренне непротиворечивые сущности, устанавливающие рамки дозволенного для политической активности граждан, границы демократии» [3, с. 165]. Однако это делает излишним публичные общественные дискуссии об определении разделяемых подавляющим большинством общества представлений о справедливости и иных социальных ценностях, которые в своей основной части и могут быть определены как «общее благо». Последняя чисто теоретически может иногда и совпадать с тем, что определило бы гражданское общество в ходе демократического обсуждения, но может и не совпадать. В условиях авторитаризма обычно достаточно легко организуется видимость «всеобщей» поддержки и одобрения деятельности госаппарата и «политики партии» и, стало быть, за «общего блага» здесь могут выдаваться восторженные возгласы «широких» масс, специально организованных нанятыми для этого в рамках соответствующего «госзаказа» работниками – агитаторами, журналистами и иными лицами с высшим, как правило, образованием, которые по контролируемым государством телевизионным и иным каналам, через Интернет и прочие

СМИ представляют псевдо всеобщее благо как благо якобы реально всеобщее. И если этому благу противостоят права человека, то тем хуже для последних по существу, хотя такое заключение может быть не всегда открытым и прямолинейным по форме.

Таким образом, что, когда и в каких случаях совпадает с общим благом, а что – с ним не совпадает, в авторитарном обществе с методологической точки зрения знать невозможно, так как нет верифицирующих демократических процедур в виде выборов и (или) референдумов. Понятно, что мнение правителей и их приспешников никогда не может заменить собой общую волю или общее благо. Это последнее может и должно быть определено только самим обществом каждый раз и по каждому конкретному, но, разумеется, очень важному поводу, а не по каким-то анекдотическим пустякам, не имеющим никакого значения для государственной власти и по которым она в таком случае может позволить смело поиграть с обществом в «демократию».

Любой субъект принятия важных социальных решений – будь то общество в целом либо единоличный авторитарный правитель, либо, наконец, некая олигархическая группировка – никогда не застрахован от ошибок, в том числе и при использовании в первом случае реальных – честных, состязательных – демократических процедур принятия решений. Однако в первом случае, в рамках диалогоцентричной (делиберативной, коммуникативной, дискурсивной, разумной, состязательной и т.д.) [2, с. 370-372, 410-411] демократии, которая складывается в персоноцентристских государственно-правовых системах, появляется возможность осмыслить публично весь спектр имеющихся в обществе мнений и выражающих их интересов и принять в итоге более взвешенное решение. И, тем не менее, когда даже в результате публичной дискуссии принимается не самый лучший вариант из всех реально имеющихся на каждый момент времени, то здесь есть шанс на более быстрое исправление ошибок в будущем. В любом случае общество само будет «расплачиваться» за результаты своих собственных неверных решений, либо за резкое изменение обстоятельств, которые делают прежние решения не совсем адекватными переживаемому моменту времени. В случае же ошибок авторитарного субъекта, который имеет часто весьма искаженное представление о том, что происходит в обществе на самом деле, «платить» за них приходится не субъекту принятия решений (как в предыдущем случае), а – другим людям, то есть всему обществу. Да, и исправление подобных ошибок может затягиваться на гораздо больший период времени, так как правители и тем более их приспешники, которые чаще всего и протаскивают выгодные им решения под видом «национальных интересов» далеко не всегда склонны к признанию собственных ошибок (либо умышленно принятых и вредных для общества решений, которые выражают интересы узкого круга людей в противовес интересам всего общества), что может, в конце концов, привести весь социальный организм к краху.

Разумеется, что история знает случаи успешных авторитарных режимов, однако в условиях современного сверхсложного мира, с одной стороны, и более развитого в культурном, политическом и иных отношениях населения, с другой, во многих регионах мира шансов на успех гораздо больше в обществах демократических, чем в системах авторитарных. Это – более чем очевидно хотя бы потому, что лидирующие в мире по уровню жизни населения, по уровню безопасности личности, а также гарантиям прав и свобод человека и гражданина и прочим подобного рода параметрам страны (входящие, например, в Большую семерку), относятся к государствам демократическим, а не к авторитарным.

Общее благо – понятие, формулирующее естественную цель политической жизни [4, с. 57]. Общее благо – это весьма абстрактная и очень сложная концепция. Реально она распадается на десятки, сотни, а то и больше конкретных решений по самым разным, но очень важным поводам (если брать поводы менее важные, то количество таких решений будет, с одной стороны, стремиться к бесконечности, а с другой – в какой-то момент уже перестанет быть всеобщим и преобразуется в региональные, групповые и т.п. интересы и блага). Но все они должны соответствовать ключевым ценностям, которые являются критерием для опреде-

ления общего блага в данном обществе: например, равного уважения ко всем лицам, справедливости как честности, о которой писал в свое время Джон Ролз [5, с. 532], или каким-то иным, близким к указанному подходу, ценностям, существующим в данном обществе и воспринимаемым населением как справедливые. О том, что те или иные субъекты приняли решение, действительно соответствующее общему благу, нельзя судить всегда с полной определенностью ни сразу, ни во многих случаях и потом, так как мы не можем быть уверены, что оно адекватно воплощалось в жизнь, что не возникли новые факторы, делающие вчерашнее, представляющееся благом, решение скорее вредным для общества решением, чем полезным и т.д. Кстати, успешные авторитарные режимы могут быть таковыми не благодаря, а вопреки политике авторитарного правителя либо благодаря факторам, никак не связанным с деятельностью авторитарного режима (например, благоприятная конъюнктура, высокие цены на энергоносители и т.п.). Поэтому квалификация некоторого интереса, решения, действия и т.п. как соответствующего общему благу имеет во многом процедурный характер за исключением общепринятых и бесспорных для всего общества содержательных ценностей (фундаментальных прав и свобод человека, требований конституционализма, длительно функционирующих и устраивающих практически все общество исторически сложившихся фактических правовых ситуаций и т.п.).

Поскольку концепция общего блага имеет очень важный формально-процедурный аспект, в соответствии с которым можно лишь презюмировать, что в случае, когда процедура принятия решения восходит своими истоками к честному демократическому выбору (главы государства, парламентариев, других институтов публичной власти и (или) каких-то конкретных концепций развития по важным поводам), тогда принятое в рамках такой процедуры решение отвечает общему благу. С этой – процедурной – точки зрения один человек – правитель – или узкая олигархическая группировка не могут провозглашать общие интересы по определению. Однако поскольку при определении общего блага задействованы два критерия – процедурный и содержательный (и опять же, скорее, формально-содержательный, закрепленный в Конституции), постольку авторитарный режим гипотетически тоже может, по случайности или по исключению, принимать решения, отвечающие общему благу. Правда, квалификация таких его действий в качестве соответствующих общему благу крайне затруднена, а, точнее, почти исключена, ибо в нашем понимании общего блага (как выражающего реальные ценности, с одной стороны, и процедуры определения этих ценностей в каждом случае) здесь не хватает процедурного компонента. Разумеется, возможны ситуации, в которых общее благо является явным, очевидным и понятным для всех без процедуры его определения в качестве такового, что бывает не так уж и часто в ситуации сложных социальных отношений и постоянной борьбы разных групповых интересов и соответствующих им языковых практик, то есть в определении того, что важно для социума, а что – нет.

Общее благо при наличии минимально необходимых содержательных компонентов формулируется только в адекватных ему процедурных формах, и поэтому авторитарная власть может лишь выдавать свои собственные интересы за «общее благо» даже когда есть какие-то содержательные совпадения с общими интересами. И такая власть вынуждена постоянно проводить пропагандистскую работу по «промыванию» мозгов обществу, без чего она не может рассчитывать на легитимность, и поэтому тогда, когда оппозиция говорит простые и очевидные для всех вещи, которые больше соответствуют общему благу, но не отвечают интересам власть имущих, последние стремятся «заткнуть ей рот», обвиняя оппозицию в стремлении разрушить или, еще хуже, «продать» Родину врагу, организовать очередной Майдан, развратить молодёжь и т.д., и т.п.

Концепт «общего блага» в условиях авторитаризма используется как инструмент подавления оппозиции и ограничения активности гражданского общества, как средство уничтожения открытой и честной публичной дискуссии, которая необходима для того, чтобы с ее

помощью был найден общественный консенсус по поводу содержания и конкретного выражения действительного общего блага в каждой отдельной взятой области важнейших общественных отношений. Ибо просто так, т.е. безотносительно к какой-либо конкретной сфере отношений, к конкретному периоду в истории общества, географическому региону и массе других конкретизирующих «привязок», общее благо существовать не может: без таких уточнений оно превращается в пустую абстракцию и благое пожелание, чтобы «все было хорошо» (а что такое «хорошо», зависит от позиции субъекта оценки и от его интересов).

В условиях авторитаризма концепт «общего блага» необходим государственной власти для того, чтобы верхушка олигархического режима, присвоившая себе право определения его конкретного содержания, говорила обществу, в чем именно состоит это «общее благо», а если кто-то не согласен с таким его определением, то его преследуют за то, что он, оспаривая «общее» благо, наносит вред всему обществу, занимает экстремистские позиции, угрожая тем самым самому существованию государственности. Отождествление интересов общества и государства – ключевой признак авторитаризма и его «интеллектуальных телохранителей» (данное словосочетание Д. Боуз использует для наименования интеллектуалов, прославляющих государственный аппарат, его верхушку) [6, с. 228-229]. И здесь авторитарной власти, разумеется, сильно мешает идея непосредственного юридического значения прав и свобод человека (или их приоритета перед интересами госаппарата), которая требует соблюдения как процедурного компонента в определении общего блага – демократического обсуждения его содержания и таким образом реального участия населения в решении государственных дел через имеющиеся конституционно-правовые механизмы, так и соблюдения содержательных параметров при определении и конкретизации этого общего блага. Конечно, организация публичного дискурса в условиях реальной демократии и процесс согласования интересов различных субъектов гражданского общества – задача очень трудная. Это все равно, что дирижировать большим симфоническим оркестром в процессе исполнения им сложной партитуры в противоположность одиноко звучащему в публичном пространстве барабану авторитарного правителя, под удары которого, строго определяющие границы «общего» интереса, должно дружно маршировать благодарное своему правителю общество.

«Общее благо» в условиях авторитарного общества, независимо от того, выражено оно авторитарной властью в законе или нет, является, по преимуществу, лишь чистой фикцией, демагогией, подменой общих интересов интересами правящей олигархической группировки. «Общее благо» здесь, как уже отмечалось выше, даже и не может быть точно известно, так как отсутствуют процедурные механизмы его определения (в каком случае оно имеет место, а в каком – нет, можно только гадать) за исключением явных случаев и (или) случайного совпадения.

Прав Ф. Хайек, который писал, что «хоть и понятно, что общий, или общественный, или публичный характер законных целей правительственной власти подчеркивается, чтобы исключить ее применение в частных интересах, размытость используемых терминов позволяет почти все, что угодно, объявить предметом общего интереса и заставить очень многих служить целям, в которых они никак не заинтересованы. До настоящего времени не удавалось точно определить, что такое благосостояние общества или благо государства, а потому эти понятия можно наполнить любым содержанием, лишь бы оно отвечало интересам правящей группы» [7, с. 169-170]. Без ограничения государственной власти правами человека и вытекающими из них демократическими процедурами она начинает действовать в своих собственных интересах, выдавая их за «общее благо».

То, что в условиях авторитарного общества хорошо видно и вполне понятно – в условиях демократического режима определить гораздо труднее: ту же манипуляцию общественным мнением электората со стороны правящих политических элит, например, или одинаковые ссылки народных избранников, отстаивающих противоположные ценности, на интересы народа, «общее благо» (когда понятно лишь то, что противоположные ценности не могут од-

новременно составлять это благо) и т.д. С.С. Алексеев имеет в виду именно эти – не менее серьезные опасности, возникающие также и в условиях демократического общества, противостоять которым по этой причине труднее, когда он говорит, что «мы, собравшись на тот или иной форум, как-то легко и быстро стали принимать решения на разных уровнях с одной лишь ссылкой на “волю избирателей”, “национальные интересы”, зачастую не считаясь с действующими юридическими нормами» [1, с. 524], а на самом деле, как это становится понятно из дальнейшего изложения, не считаясь с культурой права, то есть с более глубинными правовыми и социальными основаниями при принятии тех или иных государственных решений, тех или иных важнейших правовых актов, к каковым (правовым основаниям) С.С. Алексеев относит основы конституционализма («святость Конституции»), права человека и исторически сложившиеся фактические правовые ситуации.

Действительно, в условиях демократии недостаточно одного лишь процедурного определения национальных интересов, воли избирателей или общего блага, что и имел в виду С.С. Алексеев в процитированных выше положениях, необходим постоянный ориентир и на содержательные и формально-содержательные ценности, входящие в культуру права. Очень образно о подобных опасных для прав человека ситуациях, могущих возникнуть даже в условиях демократии – сказал еще Алексис де Токвиль в своей книге «Демократия в Америке»: если власть большинства станет абсолютной, т. е. не будет подчиняться моральным принципам справедливости и правам граждан, то люди столкнутся с новой логикой рабства, суть которой лишь в том, что вместо единовластного деспота они получают деспота коллективного и «что касается лично меня, – пишет далее А. Токвиль, – то, ощущая на своей голове тяжелую десницу власти, я мало интересуюсь конкретным источником моего угнетения и отнюдь не более расположен подставлять свою шею под хомут лишь потому, что мне протягивают его миллионы рук» [8, с. 324]. Другими словами, любая власть, в том числе и демократическая, а не только авторитарная (а она – в первую очередь) при определении ею «общего блага», «национальных интересов» должна быть ограничена Правом или более точно правами человека и в целом теми основаниями, которые С.С. Алексеев включает в культуру права для того, чтобы избежать в обществе хаоса и произвола, стихии эмоций и насилия как явных антиподов указанной культуры.

Библиографические ссылки

1. Алексеев С.С. Демон власти и культура права. Собр. соч. в 10 т. Т. 4. Линия права. Концепция. Сочинения 1990-х – 2009 годов. М. : Статут, 2010.
2. Кимлика У. Современная политическая философия. Введение. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.
3. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. 2-е изд. М., 1995.
4. Касимов Т.С. Православные концепции будущего государства в современной России // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 1 (39). С. 56-60.
5. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд НГУ, 1995.
6. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. Челябинск : Cato Institute, 2004.
7. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов и политики. М. : ИРИСЭН, 2006.
8. Токвиль А. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992.

References

1. Alekseev S.S. Demon vlasti i kul'tura prava. Sobr. soch. v 10 t. T. 4. Liniya prava. Kon-tseptsiya. Sochineniya 1990-kh –2009 godov (Demon of Power and Culture of Law. Collected Works in 10 Volumes. V. 4. The Line of Law. Concept. Works of the 1990s -2009). Москва, Statut, 2010.
2. Kimlika U. Sovremennaya politicheskaya filosofiya. Vvedenie (Modern Political Philosophy. Introduction). Москва, Izd. dom Gos. un-ta – Vysshei shkoly ekonomiki, 2010.
3. Pugachev V.P., Solov'ev A.I. Vvedenie v politologiyu (Introduction to Political Science), ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ucheb. zavedenii. 2-e izd. Москва, 1995.
4. Kasimov T.S. Pravoslavnye kontseptsii budushchego gosudarstva v sovremennoi Rossii (Orthodox Concepts of the Future State in Modern Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 1 (39), pp. 56-60.
5. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti (The Theory of Justice). Novosibirsk, Izd NGU, 1995.
6. Bouz D. Libertarianstvo: istoriya, printsipy, politika (Libertarianism: History, Principles, Politics). Chelyabinsk, Cato Institute, 2004.
7. Khaiek F. Pravo, zakonodatel'stvo i svoboda. Sovremennoe ponimanie liberal'nykh printsipov i politiki (Law, Legislation and Freedom. Modern Understanding of Liberal Principles and Policies). Москва, IRISEN, 2006.
8. Tokvil' A. Demokratiya v Amerike (Democracy in America). Москва, Progress, 1992.

Дата поступления: 10.04.2018

Received: 10.04.2018

УДК 340

**ВКЛАД СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ
УЧЕНЫХ-ЮРИСТОВ И ВУЗОВ
В ФОРМИРОВАНИЕ ВЫСШЕГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ В КАЗАХСТАНЕ.
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ (ИЗ ИСТОРИИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ)**

ТЛЕПИНА Шолпан Валерьевна

*доктор юридических наук, профессор кафедры
международного права юридического фа-
культета Евразийского национального уни-
верситета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана,
Казахстан. E-mail: sholpanw@mail.ru*

**THE CONTRIBUTION OF SOVIET AND
RUSSIAN ACADEMIC LAWYERS AND
HIGH SCHOOLS TO THE FORMATION
OF HIGHER LEGAL EDUCATION AND
SCIENCE IN KAZAKHSTAN. THE
DEVELOPMENT OF LEGAL SCIENCE
(FROM HISTORY OF LEGAL SCIENCE)**

TLEPINA Sholpan Valerevna

*Doctor of Law, Professor of the Department of
International Law of the Faculty of Law of
L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan. E-mail: sholpanw@mail.ru*

История юридической науки является одной из основных составляющих истории правовой и политической мысли. При этом истории развития юридической науки присущи свои закономерности. Исследование особенностей развития юридической науки в Казахстане позволяет говорить о том, что она отличается своим, пре-

History of legal science is one of the main components of the whole history of legal and political thought. It should be noted that history of the development of legal science has its own regularities. The study of the peculiarities of the development of legal science in Kazakhstan allows us to say that it differs in its own, most-

имущественно персонифицированным, мемуарным характером, в нем большое внимание уделяется деятельности таких представителей государственно-правовой мысли Казахстана, как М.А. Биндер, Я.М. Бельсон, Г.С. Сапагалиев, М.Т. Баймаханов, и мн.др. В то же время, изучение специфики становления юридической науки невозможно без анализа особенностей ее институционального развития, а так же без проведения исследований в сфере теории государства и права, истории политической и правовой мысли. При этом вне исследовательского внимания не остаются историко-правовые работы, исследования в области государственного (конституционного) права, советского строительства и государственного управления, а так же конституционного права зарубежных стран и международного права.

Ключевые слова: юридическая, наука, теория, история, государства, политической мысли, конституционное, право, международное, Республики Казахстан.

ly personified, memoir nature; there much attention is paid to the activities of such representatives of the state and legal thought of Kazakhstan as M.A. Binder, Ya.M. Belson, G.S. Sapargaliev, M.T. Baimakhanov, and many other academic lawyers. At the same time, the study of the specifics of the formation and development of legal science is impossible without analyzing specifics of the institutional development of legal science, and without studying theory of state and law, history of political and legal thought. Moreover, historical and legal works related to this issue, researches in the field of state (constitutional) law, Soviet construction and state administration, as well as state (constitutional) law of foreign countries and international law are not outside of research attention.

Key words: legal, science, theory, history, state, political thought, constitutional, law, international, Republic of Kazakhstan.

Каждый этап в истории развития юридической науки в Казахстане имеет присущие только Казахстану свои особенности. В то же время, это обусловлено теми событиями, которые происходили тогда на всей территории Советского Союза в целом. Например, в 1930-е годы в сфере юридической науки проводились важные организационные мероприятия советского государства, направленные на создание специального научного учреждения, которое должно было заниматься исследованием проблем государства и права. Организационные формы профессиональной юридической науки Казахстана прошли путь от секции государства и права – Сектора истории при Институте языка, литературы и искусства (далее – ИЯЛИ) Казахского филиала Академии наук (далее – КазФАН) СССР (1942 г.) – до Института государства и права АН Казахской ССР (конец 1991 г.). Поэтому, бесспорно, возникновение, становление и дальнейшее развитие юридической науки в Казахстане связано с деятельностью научных исследовательских центров проблем права и государства. В современных условиях особенности становления и деятельности этих научных учреждений требует особого внимания, и это обусловлено потребностями сегодняшнего этапа в государственно-правовом развитии страны. Прежде всего, наше исследовательское внимание привлекает Секция государства и права при ИЯЛИ КазФАН СССР (1942–1943 гг.).

Это связано с тем, что институциональное становление юридической науки Казахстана берет свое начало с 1942 г., когда при Секторе истории ИЯЛИ была организована секция государства и права. Состав группы по изучению истории государства и права свидетельствует об активизации интереса ученых историков, филологов, писателей к проблемам государственно-правового становления Казахстана, что в свою очередь послужило еще одним импульсом к становлению и дальнейшему развитию государственно-правовой науки в республике. В 1944 г. началась активная организационная подготовительная работа по созданию Сектора права КазФАН СССР. Напряженный и кропотливый подготовительный период ока-

зался плодотворным, и в 1945 г. был учрежден Сектор права. Это был первый государственный научно-исследовательский правовой центр.

Первые исследовательские темы секции государства и права (впоследствии Сектора права) относились к проблемам обычного права, истории права и государства, советского государственного права. Организация и деятельность Сектора права в Казахстане является показателем качественных изменений развития правовой мысли. Темы исследования свидетельствуют о постановке таких научных проблем, которые легли в основу стратегии развития всей государственно-правовой науки Казахстана в советский период. Уровень развития правовой мысли был обусловлен приоритетными сферами научного исследования в государственно-правовой науке. К ним можно отнести историю государства и права Советского Казахстана, советское строительство и советское государственное право, теорию социалистического государства и права.

Вторым государственным научно-исследовательским правовым центром стал Сектор права КазФАН СССР, АН Казахской ССР (1945–1946 гг., 1946–1955 гг.). Это было обусловлено тем, что в Казахстане институциональное становление юридической науки происходило раньше, чем в других союзных республиках, например, в Украине, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане, Киргизии. Между тем, в данных республиках центры по изучению проблем государства и права (существовавшие в разные периоды) были учреждены советским государством еще в 1920-е годы. В казахстанском Секторе права проходили предварительный этап защиты докторских диссертаций будущие академики Узбекистана, Таджикистана, Сектор поддерживал их выдвижение в член-корреспонденты Академий наук соответствующих республик. В 1940–1950-е годы проходило активное становление государственно-правовой науки Казахстана. Первые исследовательские темы секции государства и права (впоследствии Сектора права) относились к проблемам обычного права, истории права и государства, советского государственного права. Организация и деятельность Сектора права в Казахстане является показателем качественных изменений развития правовой мысли. Темы исследования свидетельствуют о постановке таких научных проблем, которые легли в основу стратегии развития всей государственно-правовой науки Казахстана в советский период. Уровень развития правовой мысли был обусловлен приоритетными сферами научного исследования в государственно-правовой науке. К ним можно отнести историю государства и права Советского Казахстана, советское строительство и советское государственное право, теорию социалистического государства и права. Между тем, большое значение в становлении юридической науки Казахстана имела деятельность ученых Первого Государственного юридического института Народного комиссариата юстиции (далее – ГЮИ НКЮ) СССР, Московского юридического института (далее – юринститута), Ленинградского и Харьковского юринститутов, Института права (далее – ИП) АН СССР. Эвакуация московских ученых в Алма-Ату в значительной мере способствовала институциональному становлению как юридической науки в целом, так и формированию государственно-правовой науки Казахстана.

Особенностью институционального становления юридической науки Казахстана является то, что данный процесс происходил по инициативе авторитетных московских, ленинградских ученых советской юридической науки, на которую благоприятно реагировало академическое руководство АН СССР, КазФАН СССР, партийные и правительственные органы республики. Тем не менее, политико-правовая обстановка в стране и особенности данного этапа в развитии юридической науки обусловили объединение двух секторов – права и философии.

Третьим научным учреждением в истории развития юридической науки Казахстана стал Сектор философии и права АН Казахской ССР (1955–1957 гг.). Функционирование этого учреждения связано с деятельностью Т.М. Культелеева, организатора и руководителя юридического образования и юридической науки в республике и, на наш взгляд, имеет историческое значение. Это обусловлено тем, что в годы работы в должности заведующего Сектором

права с момента его организации в 1945 г. и до отъезда в докторантуру осенью 1951 г. им было сделано многое, и даже в годы учебы в докторантуре, находясь в Москве, он занимался делами Сектора. Все последующие формы, принципы, организация научно-исследовательской работы, подготовка научных кадров в Секторе права, правовом отделении Сектора философии и права, затем в Институте философии и права были, во многом, заложены с его участием. Его исследования были в числе первых по вопросам обычного права казахов, истории государства и права Казахстана, отдельно взятой отрасли права и ее истории, рецепции норм обычного права в действовавшее советское законодательство, систематизации источников обычного права. Он был первым казахом – кандидатом юридических наук и директором Алма-Атинского юринститута, одним из организаторов научных форумов: сессий, конференций, совещаний; ответственным редактором академического специализированного научного юридического издания. Он обладал такими деловыми и организаторскими качествами, которые позволили ему с максимальной отдачей использовать благоприятное отношение и понимание руководства АН Казахской ССР и лично К.И. Сатпаева – президента АН Казахской ССР, АН СССР для становления и развития юридической науки республики. Вместе с другими деятелями науки ему удалось перенести и сохранить в казахстанской среде творческую атмосферу и дух научных исследований московских ученых, концентрировать и направить стремления молодых ученых-юристов – казахстанцев на благо юридического образования и юридической науки республики.

Результативная научно-исследовательская деятельность Сектора права, объединенного Сектора, Института, рост числа высококвалифицированных кадров ученых-юристов, обусловленные объективными факторами служебные записки руководителей Сектора права, правового отделения, Института, способствовали развитию как всей юридической науки, так и государственно-правовой в частности. Позднее, в 1958 г., на основе Сектора философии и права был создан Институт философии и права (далее – ИФиП) АН Казахской ССР.

Поэтому в качестве четвертой научной организации, сыгравшей огромную роль в развитии юридической науки в республике, мы выделяем Институт философии и права АН Казахской ССР (1958–1991 гг.). Деятельность этого научного учреждения была обусловлена тем, что в 1940–1950-е годы государственно-правовая наука Казахстана стала развиваться очень активно. В период с 1950-х гг. по 1991 г. постоянно рассматривались вопросы, связанные с юридическим образованием и юридической наукой, обсуждались доклады, казахстанские ученые привлекались к исследованию истории правовой науки. История правовой науки, как часть истории правовой мысли, вызывала интерес у Т.М. Культелеева, Л.В. Дюкова, С.З. Зиманова, М.Т. Баймаханова. Названные ученые в разное время участвовали в комплексных исследованиях по истории юридической науки, проводимых Институтом Права, Институтом государства и права АН СССР. Например, в ходе предварительного обсуждения вопросов истории юридической науки и ее развития, рассмотренных на одном из заседаний Ученого совета ИФиП АН Казахской ССР, свое оригинальное видение стратегии государственно-правовой науки было высказано М.А. Биндером. История правовой науки как научное исследование впервые после Т.М. Культелеева была освещена в докладе С.З. Зиманова в 1967 г.

Деятельность академика С.З. Зиманова, директора Алма-Атинского юридического института Казахской ССР, государственного и общественного деятеля [2] сыграла огромную роль в истории государственно-правовой науки Казахстана, в истории государства и права, истории политической и правовой мысли казахского народа, теории и истории национальной государственности, общей теории права, государственного (конституционного) права. С.З. Зиманов был первым деканом юридического факультета КазГУ им. С.М. Кирова [3, 220], первым директором Института права и философии АН Казахской ССР [4], первым академиком-юристом АН Казахской ССР. В 1976–1977 гг. С.З. Зиманов работал Главным ученым секретарем АН Казахской ССР [5]. В 1991 г. его избрали почетным директором Института государства и права АН

Республики Казахстан. В 1992–1994 гг. он – депутат Верховного Совета Республики Казахстан. С.З. Зиманову было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки [2]. Яркая жизнь С.З. Зиманова неразрывно связана с юридической наукой Казахстана.

Среди выдающихся деятелей государственно-правовой науки Казахстана необходимо так же назвать имена М.А. Биндера, Я.М. Бельсона, Г.С. Сапаргалиева, М.Т. Баймаханова, мн. др.

Диапазон научных интересов М.А. Биндера составляли вопросы государственного (конституционного) права, советского строительства, истории советской национальной государственности и права Казахстана на различных этапах, вопросы федерализма. Он был редактором «Истории государства и права Советского Казахстана» в трех томах, автором одного из разделов, а также автором и редактором нескольких монографий, изданных Институтом философии и права АН Казахской ССР [6, с. 189.]. С именем этого ученого связано развитие исследований советского государственного права в Казахстане.

Я.М. Бельсон плодотворно работал над анализом государственно-правовой науки капиталистических государств. Я.М. Бельсон отмечал, что «сущность государственно-правовых институтов современного буржуазного общества может быть правильно оценена лишь в результате критического анализа их основных признаков» [7]. В этой связи он провел анализ избирательной системы США и Англии, Франции, Италии, ФРГ; рассмотрел связанный с выборами абсентеизм [7]. Также Я.М. Бельсон исследовал вопросы финансовой деятельности буржуазного государства. Ученым были анализированы такие формы финансовой деятельности буржуазного государства, как увеличение налогов, налоговые льготы; займы; денежная инфляция, девальвация валюты; тарифное законодательство; субсидирование военных заказов; финансирование экспортно-импортных операций; финансовая помощь другим государствам [7]. Принципы английского парламентаризма, касающиеся избирательной системы, законодательной деятельности, парламентского контроля за деятельностью правительства, и другие вопросы внутрипарламентской процедуры были проанализированы в отдельных статьях Я.М. Бельсона [7]. Теория «народного государства» в Америке, Англии, Франции, характер многопартийности в западных странах стали также предметом анализа ученого [7].

Г.С. Сапаргалиев работал первым Ученым секретарем Института философии и права [8]. В Институте философии и права, Институте государства и права АН Казахской ССР, Национальной академии наук (далее – НАН) Республики Казахстан он в разные годы занимал должности старшего научного сотрудника отдела теории и истории государства и права, заместителя директора по научной работе, заведующего отделом государственного управления и систематизации законодательства, директора Института государства и права НАН Республики Казахстан. В период работы в Секторе права, затем в Институте философии и права АН Казахской ССР его интересовали проблемы теории и истории государства и права, государственного (конституционного) права, государственного управления, вопросы правового образования и правового воспитания. Его работы переведены на английский, польский языки.*

Научные исследования академика Национальной академии наук Республики Казахстан М.Т. Баймаханова стали основой для казахстанского направления в развитии исследований теории государства и права. Академик М.Т. Баймаханов работал директором Института философии и права, в дальнейшем был первым председателем Конституционного Суда Республики Казахстан, один из учредителей и руководитель Казахстанского историко-просветительского общества «Әділет» («Справедливость») [7].

Становление и развитие государственно-правовой науки отражает развитие профессиональной политической и правовой мысли советского периода в Казахстане. Стратегия развития государственно-правовой науки, политико-правовая концепция исследований, реформирования советского общества в различные периоды способствовали повышению роли юридической науки в обеспечении интеллектуальных, политико-правовых факторов в жизни государства. Тенденции к дальнейшей институализации государственно-правовой науки Ка-

захстана имеют важное значение для понимания современного состояния, определения перспектив. Одним из главных вопросов для руководителей системы юридической науки Казахстана был вопрос о реформировании Института философии и права, разделении его на два института и выделении Института государства и права, что позволило бы еще более развить научные исследования во всех аспектах. Данное предложение обсуждалось с 1959 г., в 1960-е гг., в начале 1980-х годов. Предложение исходило из центральных партийных органов – ЦК КПСС, партийно-государственного руководства республики и Института философии и права. Наконец, в конце 1991 г. был создан Институт государства и права АН Казахской ССР [1].

Очередным научным учреждением, которое тоже сыграло свою роль в истории развития юридического образования, в частности, и юридической науки в Казахстане, в целом, стал Институт государства и права АН Казахской ССР (1991–2000 гг.), на долю которого выпали сложные и трудные годы, связанные с исчезновением с политической карты мира Советского Союза и образованием суверенного и самостоятельного государства под названием Республика Казахстан. Тем не менее, Институт государства и права АН Казахской ССР сыграл свою историческую роль в становлении современного государства Казахстан, в государственно-правовом развитии Республики Казахстан и формировании современной системы юридического образования и юридической науки в республике.

Примечание

* К последним работам Г.С. Сапаргалиева, академика НАН Республики Казахстан относится кыпчакский «Судебник» – «Төре бітігі». Г.С. Сапаргалиев и в этом исследовании один из первых. См.: Александр Гаркавец: Народ не должен отдаляться от своей истории // Аргументы и факты. 2003. № 38. С. 3; Г.С. Сапаргалиев был членом редакционной коллегии программы «Древний мир права казахов». Материалы, документы и исследования в 10 томах. См.: Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования в 10 томах / гл. ред., рук. «Программы...» акад. НАН РК С.З. Зиманов. Алматы : Жеты Жаргы, 2001.

Библиографические ссылки

1. Архивная справка. № 1-9-126 от 14.05.2002.
2. Архив Президента Республики Казахстан, ф. 708, оп. 16/1, д. 684, л. 31.
3. Сартаев С.С. Юристы Казахстана в лицах. Алматы, 2002.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан, ф. 1352, оп. 2, д. 726, л. 29.
5. Архив Национальной академии наук Республики Казахстан (далее А НАН РК), ф. 98, оп. 1, д. 1, л. 1,2.
6. Биобиблиография обществоведов Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1986.
7. Тлепина Ш. Эволюция государственно-правовой науки в Казахстане (1930-е –1991 гг.). Алматы, 2005.
8. История государства и права Советского Казахстана. В 3 т. Алма-Ата : Наука, 1961.

References

1. Arkhivnaya spravka (Archive Information). № 1-9-126 ot 14.05.2002.
2. Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan (Archive of the President of the Republic of Kazakhstan), f. 708, op. 16/1, d. 684, l. 31.
3. Sartaev S.S. Yuristy Kazakhstana v litsakh (Lawyers of Kazakhstan in Persons). Almaty, 2002.
4. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan (Central State Archives of the Republic of Kazakhstan), f. 1352, op. 2, d. 726, l. 29.

5. Arkhiv Natsional'noi akademii nauk Respubliki Kazakhstan (dalee A NAN RK) (Archive of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (hereinafter A NAS of the RK), f. 98, op. 1, d. 1, l. 1, 2.
6. Biobibliografiya obshchestvovedov Kazakhstana (Bibliography of Social Scientists of Kazakhstan). Alma-Ata, Nauka, 1986.
7. Tlepina Sh. Evolyutsiya gosudarstvenno-pravovoi nauki v Kazakhstane (1930-e –1991 gg.) (Evolution of the State-Legal Science in Kazakhstan (1930-1991). Almaty, 2005.
8. Istoriya gosudarstva i prava Sovetskogo Kazakhstana (History of State and Law of Soviet Kazakhstan). V 3 t. Alma-Ata, Nauka, 1961.

Дата поступления: 21.03.2018

Received: 21.03.2018

УДК 330.101

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО:
ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ**

ПОПОВА Анна Владиславовна

*доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГОУ ВО «Башкирский государственный университет»; профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; профессор кафедры конституционного права Института права и национальной безопасности ФГОБУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Россия.
E-mail: anna0710@yandex.ru*

**INFORMATION SOCIETY:
ISSUES OF COGNITIVE MANAGEMENT**

POPOVA Anna Vladislavovna,

*Doctor of Law, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FSBEI HE “Bashkir State University”; Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Operations of the FSEBI “Financial University under the Government of the Russian Federation”; Professor of the Department of Constitutional Law of the Institute of Law and National Security of the FSEBI HE “Russian Presidential Academy of National Economy And Public Administration”, Moscow, Russia.
E-mail: anna0710@yandex.ru*

Одной из теорий, раскрывающих основные тенденции развития современного общества, является теория информационного общества. Сравнительно-правовой анализ работ представителей этой теории позволяет сформулировать вывод о необходимости более тщательного изучения наследия, прежде всего, американских ученых, разрабатывающих основы постиндустриального общества. В то же время, «слепое» следование России западным доктринам построения информационного общества чревато негативными последствиями.

One of the theories revealing the main trends in the development of modern society is a theory of information society. Comparative legal analysis of scientific works of representatives of this theory allows us to formulate a conclusion about the need for a more thorough and scrupulous study of the legacy, first of all, of American scientists who develop the foundations of a postindustrial society. At the same time, Russia's “blind” adherence to Western doctrines of forming an information society is fraught with negative consequences. All this

ми. Поэтому необходим анализ не только позитивных, но и негативных последствий формирования информационного общества в странах, находящихся на этапе постиндустриального развития.

Ключевые слова: информационное общество; информационные технологии; постиндустриальное общество; информационная парадигма.

bespeaks of a need to analyze not only positive, but also negative consequences of the information society formation in the Western European countries that are at the stage of postindustrial development.

Key words: information society; information technologies; postindustrial society; information paradigm.

В самом общем виде постиндустриальное общество является особой стадией государственного развития человеческой цивилизации, характеризующаяся изменениями практически во всех сферах жизни современного общества, и в первую очередь, в технической и экономической сферах. Все эти авторы использовали трех-стадийную историю человеческого общества, предлагаемую О. Контом в 6-ом томе «Курса положительной философии». На первой стадия – теологической (до XIV в.) социум проходит через фетишизм, политеизм и монотеизм. На второй – метафизической стадия (XIV–XIX вв. – время Реформации, Просвещения и буржуазных революций) философская критика разрушает традиционные верования и сложившийся на их основе общественный порядок. И, наконец, третья стадия – позитивная (промышленная или индустриальная) стадия (начало XIX в. и далее) приводит к формированию позитивной философии как религии всего человечества и созданию социократии. Аполлогеты теории постиндустриального общества также предлагает трехфазийную историю социума, но в виде 1) аграрной (до-индустриальной) (по Конту – теологическая стадия (до XIV в.) и метафизическая стадия (XIV – начало XIX вв., соответствующая эпохам Реформации, Просвещения и Великих революций), 2) индустриальной (основана на машинном производстве) по Конту – позитивная стадия (начало XIX – конец XX вв.); 3) постиндустриальной, или информационной (конец XX в. – наст. время).

По Дэниелю Беллу (1919–2011 гг.) (основные работы – «Конец идеологии» (1960 г.), «Грядущее постиндустриальное общество» (1973 г.), автора классической теории постиндустриализма, человеческое общество развивается от стадии доиндустриального общества, базирующегося исключительно на сельском хозяйстве, поэтому являющимся, по своей сути, добывающим (до XVII в.) через стадию индустриального общества, в рамках которого развивается производство на основе технического производства (XVII–XX вв.) к постиндустриальному обществу, основанного на технологическом прогрессе, развитии информационных технологий и телекоммуникации (XX–XXI вв.). Но, в отличие от О. Конта, Д. Белл утверждал, что каждая новая стадия не просто сменяла предыдущую, но и основывалась на элементах предыдущих. Современная теория постиндустриального общества, в изложении Д. Белла, представляет собой совокупность трех элементов – технико-экономической системы, политического строя и культуры. Он пишет: «технико-экономическая система оказывает воздействия на другие сферы общества, но она не определяет их» [2]. Постиндустриальное общество можно охарактеризовать, исходя из следующих постулатов:

1. Центральная роль принадлежит только теоретическому знанию, фундаментальным наукам, которые на современном этапе развития «становятся основой технологических инноваций».

2. Создание новой интеллектуальной технологии в виде применения принципиально иных методов, например, компьютерного линейного программирования и др., позволяющих решать абсолютно по-иному проблемы в социально-экономической сфере. Усиливается и достигает своего апогея связь науки с современными информационными технологиями, поэтому наука достигает наивысшей точки развития.

3. В новом информационном обществе вместо привычных сословий и тем более классов, возникают ситусы, или «вертикально расположенные единицы». По мнению Д. Белла, пост-

индустриальное общество состоит из совокупности четырех функциональных ситуусов: (научного; технического; административного; культурного) и пяти институциональных ситуусов (промышленных предприятий; государственных учреждений; университетов; научно-исследовательских комплексов и армии). В постиндустриальном обществе есть три основных группы, действующие в ситуусах: 1) элита – носители знаний – творческая элита учёных и высшая профессиональная администрация; 2) «белые воротнички» – инженеры, научные сотрудники и 3) «синие воротнички» – техники, ассистенты, младшие сотрудники и лаборанты. Особое значение приобретает первая группа – технические специалисты и профессионалы – которые должны стать в XXI в. самой многочисленной социальной группой. Престижное место в информационном обществе индивид в соответствии с теорией «меритократии» занимает в зависимости от его образованности и квалификации, а не по праву наследования, правда, дающего богатство или возможность получения образования как культурного преимущества перед другими).

4. Целью использования «осевой» философии и исторического материализма является стремление преодолеть существующий на предыдущей, индустриальной стадии развития общества, экономического и технологического детерминизма. В зависимости от основного элемента, положенного в основе осевого принципа различаются стадии развития общества. Например, если основой является право собственности (основное экономическое право), ступенями развития человеческой цивилизации будут феодализм, капитализм, социализм; в то время, как использования в качестве базы принцип производства в совокупности с определенным уровнем знания, позволяет выделить доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества. Осевым принципом социальной структуры информационного общества является экономизация – способ выделения ресурсов в соответствии с принципом наименьших затрат, заменяемости, оптимизации, максимизации и т.д. *Осевой принцип политической системы* (курсив мой. – А.П.) предполагает участие, «подчас мобилизуемое или контролируемое, подчас исходящее снизу», а осевой принцип культуры – «воплощение и совершенствование собственной личности».

5. Происходит постепенный переход от производства товаров к производству услуг, когда к существовавшим в индустриальном обществе – домашним, транспортным, финансовым, бытовым – добавляются новые виды услуг в области здравоохранения, образования и социального обслуживания. Данное обстоятельство приводит к существенным изменениям в характере труда, когда в противовес труду как «взаимодействию человека с преобразованной природой», в результате которого «люди становятся придатком машин» в индустриальном обществе, создается система труда как системы взаимодействия людей между друг другом, при полном и практически полном исключении природы, искусственно созданных предметов. «В истории человеческого общества это совершенно новая, не имеющая аналогов ситуация» [2]. При этом происходят и гендерные изменения, в результате которых роль женщин в постиндустриальном обществе резко усиливается.

6. Информация по самой своей природе не может представлять объект частной собственности, а является продуктом «коллективного обладания». Поэтому для широкого распространения информации необходимо широко использовать стратегии сотрудничества.

С точки зрения Мануэля Кастельса, «общества организованы вокруг процессов человеческой деятельности, структурированных и исторически детерминированных в отношении производства, опыта и власти» [5, с. 37]. Поэтому в зависимости от взаимодействия трех основных концептов (производства, опыта и власти) существуют три стадии развития социума. По его мнению, до конца XX в. человечество одновременно жило при двух способах производства: капитализме и этатизме (советский социализм), поэтому существуют не только способ производства, как присвоение и использование экономического излишка, и способы развития как особые «технологические схемы, через которые труд воздействует на материал» [5, с. 52]. На первой стадии развития общества – аграрной – источником растущего экономиче-

ского излишка является количественный рост трудовых усилий и природных ресурсов (особенно земли). На второй – индустриальной – главным источником производительности становится введение новых энергетических источников, а на третьей – информационной – «источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации» [8]. Постиндустриальное общество М. Кастельса характеризуется следующими основными чертами:

1. По мнению В.В. Орлова, «источником производительности и роста нового этапа общественного развития являются знания, распространяемые на все области экономической деятельности через обработку информации. Поэтому экономическая деятельность смещается от производства товаров к производству услуг. Сфера услуг выделяется как новая крупнейшая сфера экономической деятельности, состоящей в воздействии на человека, а не на природу» [7]. Поэтому главенствующую роль начинают играть профессии, связанные с высокой насыщенностью знаниями и информацией – профессионалы и техники.

2. В постиндустриальную эпоху «происходит увеличение верхних и низших слоев профессиональной структуры при сжимающейся середине. В глубинах складывающейся социальной структуры «информационной работой был запущен более фундаментальный процесс: дезагрегация труда, провозглашающая возникновение сетевого общества» [7].

3. В отличие от Д. Белла основополагающим для информационной эпохи является не использование информации, которое имеет место и в индустриальную эпоху, а возникновение технологии обработки информации, информационных технологий, которая, однако «не предопределяет развития общества», однако и «общество не предписывает курс технологических изменений» [5, с. 28].

3. Особенностью технологической парадигмы, возникающей в информационном обществе, является использование «технологии воздействия на информацию», где под информацией понимается сырье и сам продукт производства. Поэтому в эпоху информатизации возникает сетевая система, основанная на динамической связи экономических систем общества с интеграцией тонких технологий (микроэлектроники, телекоммуникации, оптической электроники, компьютеров, Интернета и биотехнологии).

4. Государство должно играть главенствующую роль в развитии и использовании научно-технического прогресса, в противном случае, неспособность выработать информационную парадигму может привести к краху государственности, как и произошло, по мнению М. Кастельса, с Советским Союзом.

5. Информационное общество знаменуется тем, что «экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [5, с. 105], в результате чего, на первый план выходят наиболее развитых стран (так называемая «семерка»), исключая из глобальной экономической системы целые страны, или отдельные регионы, или отдельные категории населения.

6. В соответствии с западноевропейской неолиберальной доктриной свободного рынка, экономика стран становится уязвимой с точки зрения технологической зависимости, т.к. «за потребительской эйфорией следует шоковая терапия» [5, с. 102].

Теория постиндустриального общества получила широкое распространение в конце XX – начале XXI вв., сам термин внесен в международные документы и подавляющее число стран, в том числе и Россия, стремится создать и развить «информационную экономику». Однако реализация этой концепции все больше настораживает и озабочивает довольно большое число экспертов. Все больше ученых предлагают задуматься над вопросом, что сегодня необходимо и важно для дальнейшего развития человечества – информация или знания? Ответ на этот вопрос нам предстоит дать в самое ближайшее время...

Библиографические ссылки

1. Алексеев А.П., Алексеев И.Ю. Роль философии в обществе знания // Ценности и смыслы. 2011. № 7 (16). С. 73-83.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Нью-Йорк : Basic Books, 2001 [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/bell_daniel/gryadushchee_postindustrialnoe_obshchestvo (дата обращения: 24.10.2017).
3. Всемирный Доклад ЮНЕСКО «К обществам знания» («Towards knowledge societies»). Париж : Изд-во Юнеско, 2005.
4. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999.
5. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
6. Лукина Н.П., Самохина Н.Н. От информационного общества к обществам знания: теория и практика перехода // Гуманитарная информатика. 2013. Вып. 7. С. 9-27.
7. Орлов В.В. Теория информационного общества и марксизм // Вестник Вятского государственного университета. 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-postindustrialnogo-obshchestva-i-marksizm> (дата обращения: 25.10.2017).
8. Тагаров Б.Ж. Информационный способ развития экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infeconomy.ru/infecon/360-2010-10-17-02-29-48.html> (дата обращения: 24.01.2018).
9. Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. М. : АСТ, 2007.
10. Степанова А., Дятликович В. Российской экономике требуются таланты: где взять 10 миллионов новых профессионалов [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/ekonomika/4680191?utm_source=twitter.com&utm_medium=social&utm_campaign=smm_social_share (дата обращения: 20.12.2017).

References

1. Alekseev A.P., Alekseev I.Yu. Rol' filosofii v obshchestve znaniya (The Role of Philosophy in the Knowledge Society), *Tsennosti i smysly*, 2011, No. 7 (16), pp. 73-83.
2. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo (The Coming Post-Industrial Society). N'yu-Iork, Basic Books, 2001. URL: https://royallib.com/read/bell_daniel/gryadushchee_postindustrialnoe_obshchestvo (accessed date: 24.10.2017).
3. Vsemirnyi Doklad YUNESKO «K obshchestvam znaniya» (UNESCO World Report "Towards Knowledge Societies"). Paris, Izd-vo Yunesko, 2005.
4. Draker P. Postkapitalisticheskoe obshchestvo (Post-Capitalist Society), *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya*, pod red. V.L. Inozemtseva. Moscow, Academia, 1999.
5. Kastel's M. Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo i kul'tura (Information Age. Economy, Society and Culture). Moscow, GU VShE, 2000.
6. Lukina N.P., Samokhina N.N. Ot informatsionnogo obshchestva k obshchestvam znaniya: teoriya i praktika perekhoda (From Information Society to Knowledge Societies: Theory and Practice of Transition), *Gumanitarnaya informatika*. 2013. Vyp. 7. pp. 9-27.
7. Orlov V.V. Teoriya informatsionnogo obshchestva i marksizm (Theory of the Information Society and Marxism), *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-postindustrialnogo-obshchestva-i-marksizm> (accessed date: 25.10.2017).
8. Tagarov B.Zh. Informatsionnyi sposob razvitiya ekonomiki (Information Way of Economic Development). URL: <http://www.infeconomy.ru/infecon/360-2010-10-17-02-29-48.html> (accessed date: 24.01.2018).
9. Toffler E., Toffler Kh. Revolyutsionnoe bogatstvo (Revolutionary Wealth). Moscow, AST, 2007.
10. Stepanova A., Dyatlikovich V. Rossiiskoi ekonomike trebuyutsya talanty: gde vzyat' 10 millionov novykh professionalov (The Russian Economy Needs Talents: Where to Get 10 Million New Professionals). URL: http://tass.ru/ekonomika/4680191?utm_source=twitter.com&utm_medium=social&utm_campaign=smm_social_share (accessed date: 20.12.2017).

Дата поступления: 23.03.2018

Received: 23.03.2018

УДК 34.340.12

**ПРАВОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
И ПРАВОВЫЕ КОНФЛИКТЫ
В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ:
ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ****ГРАНДОНЯН Карпет Андраникович**

кандидат юридических наук, декан факультета экономической безопасности и таможенного дела Саратовского социально-экономического института (ф) РЭУ им. Г.В. Плеханова, доцент кафедры теории и истории государства и права, г. Саратов, Россия. E-mail: karap.grand@mail.ru.

Современные тенденции трансформации правовой жизни, потребность ее гармонизации, обуславливают необходимость преодоления правовых противоречий и правовых конфликтов в гражданском обществе. Решение методологических и практических задач видится в исследовании диалектики соотношения этих категорий, их сущности. Признаки правовых противоречий гражданского общества: разновидность противоречий гражданского общества; многоуровневость; наличие противоположных сторон правовой действительности (существование противоположных юридических интересов взаимодействующих субъектов). Грани соотношения правового конфликта и правового противоречия гражданского общества малоизученны. Правовой конфликт представляет собой проявление правового противоречия гражданского общества, выражающееся в противоборстве сторон, имеющих взаимоисключающие, противоположные юридические интересы. Правовой конфликт – это форма проявления противоречий, следствие их развития, результат. Правовые противоречия гражданского общества можно рассматривать и в качестве содержательного условия, основы конфликта в гражданском обществе, его предмета.

Ключевые слова: гражданское общество, социальное, правовые противоречия, конфликт, юридический, законный интерес, защищенность, правовая жизнь, конфликтность права.

**LEGAL CONTRADICTIONS AND
LEGAL CONFLICTS IN CIVIL SOCIETY:
ISSUES OF INTERRELATION****GRANDONYAN Karapet Andranikovich**

Candidate of Sciences (Law), Dean of the Faculty of Economic Security and Customs of the Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics, Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saratov, Russia. E-mail: karap.grand@mail.ru

Modern trends in transforming legal life, the need for its harmonization, cause the necessity to overcome legal contradictions and legal conflicts in civil society. The solution of methodological and practical problems seems to be in the study of the dialectics of the interrelation of these categories, their essence. The signs of legal contradictions of civil society are a kind of contradictions of civil society, multilevel structure, presence of opposite parties of the legal reality (existence of opposing legal interests of interacting entities). The boundaries of the relationship between legal conflict and legal contradiction of civil society are poorly studied. Legal conflict is a manifestation of legal contradiction of civil society, expressed in the confrontation between parties that have conflicting, opposing legal interests. Legal conflict is a form of manifestation of contradictions, a consequence of their development, a result. Legal contradictions of civil society can also be considered as a substantive condition, the basis of the conflict in civil society, its subject.

Key words: civil society, contradiction, social contradiction, legal contradictions, legal conflict, legal interest, legitimate interest, legal security, legal life, conflict of law.

В настоящее время тема гражданского общества является весьма разработанной в теории государства и права. Авторы анализируют сущность, содержание, структуру гражданского общества, его принципы и функции, тенденции развития. Особое внимание учеными-теоретиками уделяется вопросам правовых противоречий гражданского общества. Вместе с тем, не все грани теоретико-правовой материи сегодня являются изученными. Речь идет о соотношении правовых противоречий гражданского общества и правовых конфликтов. В настоящей статье автор попытается провести грани соотношения названных категорий. Для достижения поставленных целей воспользуемся методом дедукции и рассмотрим понятия противоречия, социального противоречия, правового противоречия гражданского общества, и на этой основе исследуем диалектическую связь последнего с правовыми конфликтами. Отметим, что в научной литературе присутствуют различные трактовки категории «противоречие». Эта тема до сих пор остается предметом бурных дискуссий. Данной категории уделяли внимание Гераклит, Аристотель, И. Кант, Фейербах, Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин и другие.

Так, в учении Гегеля противоречие рассматривается как движущий принцип всякого развития и как центральный пункт его диалектики. Бесспорное достижение Гегеля выражается в проведении диалектического анализа ключевых категорий философии и формулировке законов диалектики [3, с. 65].

Интересное развитие дефиниция «противоречия» получает в трудах классиков марксизма. В источниках по марксистской философии подчеркивается, что внутренне противоречивые стороны предмета не равнодушно относятся друг к другу. Каждая сторона противоречия предполагает какую-то определенную тенденцию – отрицательное или положительное, противодействие или действие, консервативное или революционное и т.п. В зависимости от того, как названные противоположные тенденции состоят в единстве, соединяются в одном и том же предмете, в сущности предмета, определяется качество отношений друг к другу, качество борьбы собой [4]. Категория «противоречие» служит фундаментирующим, базовым для понятия «социальное противоречие». Последнее представляет собой категорию динамичную, объединяющую в себе целый комплекс аспектов, образующих ключевые сегменты понятия противоречия [9, с. 103].

Отметим некоторые точки зрения на понятие социального противоречия. Первая группа авторов понимает под социальными противоречиями противоречия, которые возникают в процессе развития сферы социальной или сферы общественных отношений, выражающих расходящиеся или противоположные тенденции такого развития [8, с. 275]. Иная группа ученых считает, что противоречие являет собой взаимодействие взаимоисключающих и противоположных социальных сфер, общественных отношений, которое связано с несогласованностью интересов и целей различных слоев и групп населения [6, с. 425]. Поэтому общественные противоречия выполняют двустороннюю роль: они являются и катализатором социального развития (в этом заключается их положительная роль), и являются первопричиной социального напряжения, конфликтов, кризисных явлений. Другими словами, социальные противоречия имманентно несут в себе как негативные, так и позитивные последствия. Основываясь на категориях «противоречие», «социальное противоречие», уточнении их сущности и содержания, представляется целесообразным определить дефиницию правового противоречия гражданского общества – это разновидность социального противоречия гражданского общества, характеризующаяся противоположными сторонами правовой действительности и юридическими интересами субъектов в гражданском обществе. Выделим признаки правовых противоречий гражданского общества.

1. Разновидность противоречий гражданского общества. Правовые противоречия – это один из множества видов противоречий гражданского общества, наряду с такими группами противоречий, как экономические, политические, моральные, духовные, культурные. Для них характерны признаки исторической обусловленности, взаимосвязи и взаимозависимости, динамичности.

2. Многоуровневость. Правовым противоречиям свойственно отражаться на различных уровнях правовой жизни гражданского общества: а) материальный уровень (правовая материя); б) уровень правового восприятия духовно-чувственный); в) поведенческий уровень (поведение субъектов и его результаты).

3. Наличие противоположных сторон правовой действительности. Они проявляются в следующем:

- а) демократическое законодательство и неэффективность его реализации, что может быть вызвано низким уровнем правовой культуры, недостатками правового воспитания, пассивностью общества;
- б) наличие прав и отсутствие корреспондирующих им обязанностей – несбалансированность прав и обязанностей;
- в) наличие правового нигилизма с одной стороны, и правового идеализма и фетишизма, с другой;
- г) существование противоположных юридических интересов взаимодействующих субъектов.

Юридический интерес – понятие родовое, по отношению к категории социальный интерес. Социальный интерес рассматривается нами в качестве базового явления, более широкого по объему. Разновидностями социального интереса являются экономические, политические, социальные (в узком смысле слова), юридические, религиозные интересы и другие. В научной литературе существуют общетеоретический и отраслевой подходы к пониманию категории юридический интерес.

Мы поясним нашу позицию лишь с ракурса общей теории права. В научной литературе под юридическим интересом понимается осуществление принадлежащего субъекту права и освобождение от возложенной на него обязанности [1]. Юридический интерес представляет собой более содержательный феномен. Он предопределяет и характеризует результаты правотворческой и правоприменительной деятельности субъектов, и одновременно выступает в качестве одного из важнейших сущностных явлений правовой жизни. Юридический интерес ошибочно приравнивать к законному интересу. Юридический интерес более широкая категория, которая включает и законные интересы, и интересы юридического характера, но по своей сути противоправные [10, с. 12]. Примером тому может служить стремление определенных социальных групп закрепить, выразить в праве свои узкокорпоративные, противоправные интересы, тем не менее, имеющие юридическое содержание. Следует также сказать, что противоположные юридические интересы рассматриваются нами и в качестве формы противоположных сторон правовой действительности, и в качестве признака правовых противоречий.

Очевидно, рассматриваемый вид противоречий гражданского общества проявляется в реалиях правовой действительности. Их обуславливают следующие факторы и условия: предопределенность законодательства политическими, экономическими и иными условиями; влияние законодательства на правовую жизнь общества; развитие правовой системы в определенной исторической обстановке и правоприменительной деятельности государственных органов и институтов гражданского общества; конкретные инструменты и механизмы воздействия гражданского общества на процесс формирования права; инструменты влияния государства и права на правовую жизнь гражданского общества.

Здесь нельзя не заметить и то, что в научной литературе имеются и другие представления о гражданском обществе. Так, профессор Ф.М. Раянов пишет: «Гражданское общество как единственный источник власти учреждает государство, наделяет его полномочиями и оставляет за собой право контроля над тем, насколько государство (по существу, исполнительная власть) осуществляет свои функции от имени и в интересах государствообразующего гражданского общества» [12, с. 6]. Представляется, что такой подход к пониманию гражданского общества нуждается в дополнительном исследовании.

Источниками правовых противоречий гражданского общества являются классовые, узкокорпоративные начала в праве, коррупциогенность законодательства; недостатки правовой базы функционирования институтов гражданского общества. Классовость положений законодательства может предопределять наличие несбалансированности прав и обязанностей субъектов, присутствие противоположных юридических интересов. Все это может привести к социальной конфликтности права. Думается, что социальную конфликтность права необходимо рассматривать как признак права переходного периода, одновременно выступающего в качестве условия формирования правовых противоречий гражданского общества. Она, социальная конфликтность права, имеет двусторонний характер, как юридический, так и неюридический. С юридической точки зрения конфликтность права характеризуют: хаотичность, рассогласованность процесса правообразования, бездействие правовых норм, интенсивность и громоздкость нормативно-правовой базы, повышенная пробельность и коллизионность права. Выражением конфликтности права на социальном (не правовом) уровне является то, что ее последствием является резкая и устойчивая социальная дифференциация, которая напоминает в условиях переходности права и государства социальный раскол. Да и в сформированном и прогрессивном гражданском обществе конфликтность права потенциально способна обусловить несбалансированность прав и обязанностей субъектов права и правоотношений, формирование правового нигилизма и иных форм деформации правосознания. Иными словами, социальная конфликтность права может выступать источником правовых противоречий гражданского общества. Какое же место в этой системе занимают правовые конфликты?

Отметим, что тема соотношения категорий «правовое противоречие гражданского общества» и «правовой конфликт» малоизученная в юридической литературе, но в условиях современного глобализирующегося мира данный вопрос имеет весьма существенное теоретическое и практическое значение. Сказанное вовсе не означает, что проблематика юридических конфликтов не исследуется в правовой науке. Наоборот, она насыщена работами на эту тему [2, 5, 7, 11]. В приведенных научных источниках рассматривается, в частности, соотношение правового конфликта и юридического противоречия, юридической коллизии, юридического спора. Также утверждается, что правовой конфликт – это противоборство субъектов права с несовместимыми правовыми интересами, в связи с применением норм права, появляющееся в результате правомерного и неправомерного поведения, влекущее юридические последствия, преодолеваемое с помощью системы юридических средств и методов. Однако грани соотношения правового конфликта и правового противоречия гражданского общества остаются не исследованными. Соотношение этих явлений видится следующим образом. На наш взгляд, правовой конфликт – это форма проявления противоречий, следствие их развития, результат. Правовые противоречия гражданского общества одновременно можно рассматривать и в качестве содержательного условия, основы конфликта в гражданском обществе, его предмета.

Мы согласны с учеными, утверждающими, что противоречия и конфликт, в том числе в гражданском обществе, с одной стороны, нельзя рассматривать как синонимы, а с другой – противопоставлять друг другу. Правовые противоречия гражданского общества на высшем уровне их напряжения это и есть правовые конфликты в гражданском обществе. Естественно, не всякое правовое противоречие можно рассматривать как правовой конфликт, а только то, которое из объективного отношения субъектов гражданского общества развилось в явное субъективное отношение. Да, действительно, правовые противоречия – это необходимые, но недостаточные условия правового конфликта. Правовые противоречия превращаются в правовой конфликт лишь тогда, когда начинают взаимодействовать силы, являющиеся их носителями. Таким образом, правовой конфликт в гражданском обществе представляет собой проявление правового противоречия гражданского общества, выражающееся в противоборстве сторон, имеющих взаимоисключающие, противоположные юридические интересы.

Библиографические ссылки

1. Афанасьев С.Ф. Эволюция юридического интереса как предпосылки права на обращение в суд гражданской юрисдикции (теоретико-правовой обзор) // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 1. С. 6–11.
2. Афонин М.В. Правовые аспекты разрешения конфликтов : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002.
3. Гегель. Наука логики : в 3 т. Т. 2. М. : Мысль, 1971.
4. Константинов Ф.В. Дialeктический материализм // Основы марксистской философии. М. : Политиздат, 1963. С. 69–294.
5. Мищенко А.В. Соотношение правового конфликта со смежными правовыми категориями // Право и государство: теория и практика. 2012. № 1. С. 19.
6. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. М. : Норма–Инфра–М, 1998.
7. Савина К.А. Когда конфликт становится правовым // Наука и образование: проблемы и стратегии развития. 2017. Т. 1. № 1 (3). С. 137–139.
8. Социологический энциклопедический словарь / ред. Г.В. Осипов. М. : ИНФАМ–НОРМА, 1998.
9. Степанов С.А. Социальное противоречие: особенности темпоральной референции // Философия права. 2009. № 2. С. 103–107.
10. Субочев В.В. Теория законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009.
11. Худойкина Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
12. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3–8.

References

1. Afanas'ev S.F. Evolyutsiya yuridicheskogo interesa kak predposylki prava na obrashchenie v sud grazhdanskoi yurisdiktsii (teoretiko-pravovoi obzor) (Evolution of Legal Interest As a Prerequisite for the Right to Apply to the Court of Civil Jurisdiction (Theoretical And Legal Review), *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, 2007, No. 1, pp. 6–11.
2. Afonin M.V. Pravovye aspekty razresheniya konfliktov (Legal Aspects of Conflict Resolution), dis. ... kand. yurid. nauk. Yaroslavl', 2002.
3. Gegel'. Nauka logiki, v 3 t. T. 2 (The Science of Logic: in 3 volumes. V. 2). M., Mysl', 1971.
4. Konstantinov F.V. Dialekticheskii materializm. (Dialectical Materialism), *Osnovy marksistskoi filosofii*. Moscow, Politizdat, 1963, pp. 69–294.
5. Mishchenko A.V. Sootnoshenie pravovogo konflikta so smezhnymi pravovymi kategoriymi (Correlation of Legal Conflict with Related Legal Categories), *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 1, pp. 19.
6. Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya (Russian Sociological Encyclopedia), pod obshch. red. G.V. Osipova. Moscow, Norma–Infra–M, 1998.
7. Savina K.A. Kogda konflikt stanovitsya pravovym (When the Conflict Becomes Legal), *Nauka i obrazovanie: problemy i strategii razvitiya*, 2017, T. 1, No. 1 (3), pp. 137–139.
8. Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar' (Sociological Encyclopaedic Dictionary), red. G.V. Osipov. Moscow, INFAM–NORMA, 1998.
9. Stepanishchev S.A. Sotsial'noe protivorechie: osobennosti temporal'noi referentsii (Social Contradiction: Features of Temporal Reference), *Filosofiya prava*, 2009, No. 2, pp. 103–107.
10. Subochev V.V. Teoriya zakonnykh interesov (Theory of Legitimate Interests), *avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk*. Tambov, 2009.
11. Khudoikina T.V. Yuridicheskii konflikt: dinamika, struktura, razreshenie (Legal Conflict: Dynamics, Structure, Resolution), *avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk*. Moscow, 1996.
12. Rayanov F.M. Aktual'nye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual problems of the theory and practice of the rule of law in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3–8.

Дата поступления: 28.03.2018

Received: 28.03.2018

УДК 342.55:94

**К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ КРЫМА ПОСЛЕ
ОКОНЧАНИЯ НЕМЕЦКО-
ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ**

РУМЯНЦЕВ Павел Александрович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
“Уголовное право и процесс” Тольяттин-
ского государственного университета,
г. Тольятти, Россия.*

E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

Уход немецко-фашистских войск с оккупированных территорий во время Великой Отечественной войны должен был сопровождаться восстановлением механизма советской государственной власти на местах. Однако этот процесс в различных регионах страны имел свои особенности. В Крыму на него непосредственное влияние оказала депортация крымских татар. Массовое выселение крымско-татарского населения привело к необходимости восполнения трудовых ресурсов, в том числе для органов государственной власти. При восстановлении советских и партийных органов власти для осуществления государственного управления на освобожденной территории были привлечены участники партизанского движения, возвратившиеся из эвакуации функционеры, а также руководители, переселяемые в Крым вместе с колхозниками. Кадровый голод вынудил привлечь к работе в органах власти лиц, остававшихся на оккупированной территории, но для них была устроена серьезная проверка. Процесс окончательного восстановления советских органов власти можно считать завершенным только в конце 1947 г., когда состоялись первые послевоенные выборы в местные советы.

Ключевые слова: переход власти, местные советы, оккупированная территория, партизанское движение, легитимность, депортация татар, подготовка кадров, переселение, коммунисты, послевоенные выборы.

**TO THE ISSUE OF RESTORATION OF
AUTHORITIES IN CRIMEA AFTER THE
NAZI OCCUPATION**

RUMIANTCEV Pavel Alexandrovich

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Togliatti State University, Togliatti, Russia. E-mail: pavel_rumyantsev@mail.ru

The withdrawal of Nazi troops from the occupied territories during the Great Patriotic War was to be accompanied by the restoration of the Soviet state power mechanism at the local level. However, this process in different regions of the country had its own peculiarities. In Crimea, it was directly influenced by the deportation of the Crimean Tatars. Mass eviction of the Crimean Tatar population led to the need to replenish labor resources, including for public authorities. The study shows that, participants in the guerrilla movement, functionaries returned from evacuation, as well as leaders resettled to the Crimea together with collective farmers were involved in exercising state administration in the liberated territory during the restoration of the Soviet and party authorities. The staff hunger forced to involve persons who had remained in the occupied territory to work in government bodies, but a serious check was made for them. The process of the final restoration of the Soviet authorities can be considered complete only in late 1947, when the first postwar elections to local councils took place.

Key words: succession, local councils, occupied territory, guerrilla movement, legitimacy, deportation of Tatars, staff training, resettlement, communists, postwar elections.

В последние годы с момента воссоединения Крыма и России в различных источниках предпринимаются попытки переписать историю Крыма, в первую очередь исказить события, происходившие в период Великой Отечественной войны. Особым нападкам подвергается партизанское движение Крыма и депортация крымских татар. Обращение к исследуемой тематике позволяет проследить, насколько они оказали влияние на процесс восстановления механизма государственной власти после освобождения Крыма от немецких захватчиков. Ликвидация оккупационных органов и возобновление деятельности местных советов и партийных организаций осуществлялись в различных регионах страны по мере отступления немецко-фашистских войск. Однако в Крыму имелись свои особенности, изучение которых выступает в качестве цели исследования. Описание исторических событий и процессов, происходивших в Крыму в 1944 г. осуществляется с применением идиографического метода и с использованием при отборе архивных источников метода фронтального (сплошного) отбора.

По мере освобождения от нацистов территорий, для возрождения нормальной жизнедеятельности граждан было необходимо в первую очередь осуществить восстановление советской власти. Обеспечение трудовой деятельности требовало наличие неукоснительно соблюдаемого общественного порядка, который должен был поддерживаться возможностью применения мер государственного принуждения. Естественно, сразу после освобождения территорий от оккупации полностью восстановить деятельность конституционных органов советской власти было невозможно, в связи с чем, функции государственной власти временно принимало на себя как командование соединений и частей Красной Армии, так и по мере их продвижения вперед временными органами становилось руководство партизанских отрядов. В частности, когда 30 декабря 1941 г. в первый раз был освобожден Керченский полуостров, партизанами на улицах сразу были расклеены листовки, объявлявшие о переходе власти в их руки. В качестве органа временной переходной власти выступал не весь партизанский отряд, а только лица, входящие в состав его руководства, штаб. То же самое происходило и в период окончательного освобождения Крыма. 13 апреля 1944 г. был возвращен контроль над столицей Крымской АССР – городом Симферополем. Приказом командования Северного соединения партизанских отрядов от 14 апреля 1944 г. объявлялось, что “все общественное и бесхозное имущество является государственной собственностью, подлежит немедленному учету и должно быть сохранено” [1, с. 359]. Тем не менее, командиры штабов партизанских отрядов не на всех территориях были единоличными руководителями на местах. Буквально в тот же день в Крым прибыли эвакуированные советские функционеры: председатель Президиума Верховного Совета Крымской АССР А.Х. Менбариев и секретарь Президиума Верховного Совета Крымской АССР А.С. Яранцев. Через десять дней вернулись и другие члены Президиума. После этого возвратились и сотрудники СНК Крымской АССР вместе с председателем И.С. Сейфулаевым.

Происходивший временный переход советской власти к руководству партизанских отрядов с одной стороны можно посчитать неконституционным и не предусмотренным законодательством того периода времени. В частности Приказ Народного Комиссара Оборона СССР от 05 сентября 1942 г. № 00189 “О задачах партизанского движения” не возлагал на руководство партизанских отрядов задачу по восстановлению и сохранению элементов советской власти на освобожденной от оккупантов территории [2, с. 292-295]. Однако требования военного времени вынуждали к этому, тем более что в штабах партизанских отрядов в основном состояли руководители партийных ячеек, знакомые с системой государственного управления, а сами партизанские отряды после отступления немецко-фашистских войск становились одними из наиболее легитимных органов временной советской власти.

Несмотря на то, что некоторые исследователи негативно относятся к деятельности крымских партизан, полагая, что они всего лишь пытались выжить “среди враждебно настроенного местного населения” [3, с. 177], их роль в восстановлении механизма власти и советского правопорядка сложно переоценить. На территории Крыма продолжало оставаться

огромное количество коллаборационистски настроенных граждан, фашистских пособников, которые объединялись в преступные группировки, а некоторые из них переходили на службу в Красную Армию, устраивались на работу в возрождаемые советские учреждения, чтобы уйти от наказания. Посильную помощь в их изобличении оказывало население освобожденных территорий, этнический состав которого был достаточно разнородным.

Необходимо отметить, что партизанские отряды состояли не только из военнослужащих и работников партийно-государственного аппарата, но и из представителей русскоязычного городского населения. Значительная же часть населения Крыма была татарской. Из более чем 230 сельских советов, действовавших до начала войны, 144 были татарскими, и только 20 русскими [4, с. 142]. Безусловно, среди татарского населения были и те, кто враждебно относился к советской власти. Органы милиции Краснодарского края практически ежедневно проводили рейды по изъятию незаконно хранившегося оружия, поскольку большая часть вооружения татарских рот самообороны, содействовавших фашистам, осталась в руках их бойцов. Гитлеровцы объединили татарских националистов в специально созданные отряды, основной задачей которых являлась борьба с коммунистами, комсомольцами, советскими активистами, подпольщиками и партизанами, их выявление и арест.

Несмотря на то, что более 10 тысяч крымских татар приняли непосредственное участие в боях с войсками Красной Армии, бывший первый секретарь Крымского обкома ВКП(б) В.С. Булатов утверждал, что татарское население Крыма в основном было лояльно по отношению к советской власти и с приходом оккупантов всячески поддерживало партизан. “Целые деревни оказывали помощь партизанам, и много их было сожжено за то, что приютили партизан. Лишь часть населения после отхода советских войск к Севастополю и через Керченский пролив оказалась неплохой находкой для немцев” [5, с. 137]. Тем не менее, по Постановлению Государственного Комитета Обороны СССР от 11 мая 1944 г. № ГКО-5859сс “О крымских татарах”, все крымско-татарское население было выселено с территории Крыма, невзирая на должности и регалии. Так, выселенными оказались и бывшие руководители Крымской АССР – Председатель Президиума Верховного Совета Крымской АССР Менбариев А.Х. и Председатель Совнаркома республики Сейфулаев И.С. Исполнять обязанности Председателя Президиума назначили заместителя Менбариева Н.И. Сачеву, а Председателем Совнаркома утвердили А.Ф. Кабанова, ранее работавшего заместителем наркома Совнархоза СССР [6, с. 183]. Вместе с более чем 180 тысячами татар (хотя по данным некоторых источников эта цифра доходит до 230 тысяч) из Крыма на основании “сотрудничества” с фашистами также выслали греков, армян, болгар [4, с. 197-198]. К июню 1944 г. на полуострове осталось проживать населения почти в 4 раза меньше, чем в 1940 г. Это в первую очередь сказалось на кадровом обеспечении всех отраслей народного хозяйства Крыма, в том числе органов государственного управления.

Советские партийные источники впоследствии писали: “Факты активного сотрудничества с фашистскими оккупантами части татар были необоснованно отнесены ко всему татарскому населению Крыма. В условиях продолжавшейся войны весной 1944 года проживавшие в Крыму татары были переселены в восточные районы страны. После войны они укоренились на территории Узбекской ССР, других союзных республик и пользуются там всеми правами советских граждан с учетом их национальных особенностей и интересов, принимают активное участие в общественно-политической жизни” [7, с. 202]. Хотя Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. “О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав” признает депортацию “варварской акцией” [8, с. 607], она до сих пор является одной из проблемных тем в истории Крыма.

Вопросы о восстановлении жизнедеятельности в освобожденном Крыму стали предметом для обсуждения на заседании Крымского областного комитета ВКП(б). Оно прошло в

Краснодаре 27 марта 1944 г., буквально за двенадцать дней до самой операции. Обком должен был решить следующие задачи: ликвидировать остатки оккупационных органов власти, восстановить советские и партийные органы, подобрать кадры. По решению областного комитета партии в основном на ответственные посты были выдвинуты участники партизанского движения. Многие бойцы партизанских отрядов были зачислены в ряды Красной Армии и продолжили преследовать немецко-фашистские войска. Однако часть из них приняла решение заняться восстановлением хозяйства Крыма. Руководство партизанских формирований направлялось для организации работы в партийные и советские органы, на предприятия и в колхозы. На ответственные посты было назначено более 300 бывших крымских партизан. В частности, командир Северного соединения П.Р. Ямпольский получил должность заместителя председателя СНК Крымской АССР, бывший начальник II партизанского района Крыма И.Г. Генцов был назначен на должность наркома социального обеспечения Крымской АССР, а начальнику Крымского штаба партизанского движения В.С. Булатову пришлось в первые месяцы после освобождения Крыма возглавить обком партии [9, с. 123]. Однако для работы в органах государственной власти бывших партизан было необходимо выучить. Для подготовки кадров в сентябре 1944 г. была организована одногодичная партийная школа на 150 человек, в которой начали занятия 20 декабря 1944 г. 122 слушателя [10, л. 8]; в октябре был открыт Симферопольский вечерний университет марксизма-ленинизма с историческим и философским факультетами, в который зачислили 163 слушателя [11, л. 3]. Они совместно с возвращавшимися из эвакуации депутатами советов, руководителями исполкомов и партийных ячеек должны были составить костяк возрождавшихся органов власти.

Политическая активность населения способствовала восстановлению партийных, советских и профсоюзных органов. Изначально был проведен учет коммунистов и комсомольцев, восстановлены низовые и первичные партийные и комсомольские организации, затем фабрично-заводские комитеты профсоюзов. Одновременно происходило восстановление органов печати, радио, других средств массовой агитации и пропаганды. Городские, районные, поселковые и сельские советы депутатов трудящихся также возобновили работу на территории Крыма. В апреле-мае 1944 г. в Крыму была восстановлена деятельность советов в 13 городах, 35 районах, 13 поселках и 410 селах. Более 100 работников партийного аппарата было направлено в течение 1944 г. с целью укрепления на местах в районные и сельские советы. Пополнялся руководящий кадровый состав и за счет переселенцев из УССР. В частности, по совместному постановлению Совета Народных Комиссаров УССР и ЦК КП(б)У [12, с. 50] под переселение попали не только обычные колхозники, но и их руководство: в Крым были отправлены председатели колхозов и сельских советов (41 и 32 человека соответственно). Необходимость регулирования процесса переселения привела к формированию новых отделов в структуре советских органов власти. В 1944 г. этот вопрос был отнесен к полномочиям созданного при СНК Крымской АССР Республиканского переселенческого отдела [13, л. 1]. В 1945 г. он был переименован в связи с изменением статуса Крыма: при исполкоме Крымского облсовета депутатов трудящихся трудовая миграция стала находиться в ведении областного переселенческого отдела [14, л. 2].

В столице Крымской АССР после ее освобождения также постепенно восстанавливалась работа советских и партийных органов: Симферопольского горсовета (председатель Филиппов), Железнодорожного райсовета (председатель Журавков), Центрального райсовета (председатель Захаревич), городского райсовета депутатов трудящихся (председатель Александрова), Центрального райкома ВКП(б) (первый секретарь Ткаченко), городского райкома ВКП(б) (первый секретарь Мотов), Симферопольского горкома ВКП(б) (первый секретарь Мартынов – во время оккупации Крыма комиссар партизанского движения Крыма) [15, л. 1].

Острая нехватка руководящих управленческих кадров привела к тому, что в начальный период к руководству советскими и партийными органами пришлось допустить не только лиц, бывших партизанами, участниками войны, вернувшихся после эвакуации, но и тех,

кто оставался на оккупированной территории Крыма. Однако на граждан, оставшихся с фашистами в Крыму почти два с половиной года, происходило воздействие нацистской идеологии. В связи с этим было необходимо установить, кто из оставшихся коммунистов достоин продолжать работу в органах власти, а кого следует привлечь к ответственности.

Началась большая работа, связанная с проверкой деятельности коммунистов во время оккупации. Каждого из них персонально разбирали на заседаниях бюро Симферопольского горкома ВКП(б), заседаниях партколлегии Комиссии партийного контроля по персональным делам коммунистов [16, л. 12]. Те, кто прошел проверку, активно участвовал в деятельности партизанских отрядов и подпольном движении, восстанавливались в рядах ВКП(б); в случае утраты партийного билета по причинам, признанным уважительными, им выдавался новый. Из партии подлежали исключению как коммунисты, которые были выявлены органами НКВД и осуждены за пособничество врагу и измену Родине, так и члены ВКП(б), отличавшиеся пассивным поведением во время оккупации, т.е. фактически не участвовавшие в борьбе против нацистов. Кроме этого под чистку попали и женщины-коммунисты, которые в период оккупации вели себя недостойно [17, л. 60-61; 18, л. 200-207; 19, л. 26]. Естественно, исключение из партии автоматически означало, что дорога на руководящие посты в советских и партийных органах для них была закрыта. Остальные же были вынуждены работать в тяжелых условиях. Сложный этап восстановления местного хозяйства вынуждал зачастую идти на достаточно жесткие меры. Так, 17 мая 1944 г. секретарь Крымского обкома ВКП(б) Березкин издал приказ об установлении продолжительности суточного рабочего дня сотрудников обкома партии в размере 13 часов. Такой же распорядок дня был обязателен для сотрудников горкомов, райкомов и иных учреждений [20, л. 6].

В целом, наполнение кадровым составом восстановленных органов власти Крыма прошло достаточно успешно. По мере приближения окончания войны на полуостров возвращалось все больше потенциальных кандидатов на управленческие должности. Единственной проблемой оставалось недостаточное количество депутатов в местных советах: многие из них ушли на фронт и погибли. В связи с этим функции советов зачастую подменяли партийные органы. Разрешить подобную ситуацию, которая являлась аналогичной во многих регионах страны, удалось лишь 21 декабря 1947 г., когда в стране прошли первые послевоенные выборы краевых, областных, окружных, районных, сельских, поселковых советов депутатов трудящихся РСФСР. Во время выборов в местные советы Крыма было избрано 6574 депутата из числа передовых рабочих, колхозников и представителей интеллигенции [21, с. 19], что явилось окончанием восстановления советских органов власти на ранее оккупированной территории полуострова.

Библиографические ссылки

1. Крым в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 : сборник документов и материалов. Симферополь, 1973.
2. Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г.-1942 г. М. : Терра, 1997. Т. 13 (2–2).
3. Пинчук М.Н. Советские партизаны: мифы и реальность. Вильня : Наша будучыня, 2014.
4. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию... М. : «АИРО-XX», 1995.
5. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-х-40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144.
6. Акулов М.Р. Восстановительные работы в Крыму в 1944-1945 // Отечественная история. 1993. № 1. С. 182–190.
7. Чирва И.С., Акулов М.Р., Арбузов В.Д. Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь : Таврия, 1981.
8. Ведомости народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. 15 ноября. № 23.

9. Соболевская Т. Симферополь в 1944-1945 годах: по материалам архивного фонда // Историческое наследие Крыма. № 8. 2004. С. 123–131.
10. Государственный архив Республики Крым. Ф. П–1. п. 1. Д. 2411.
11. ГАРК. Ф. П–1. п. 1. Д. 2411.
12. Сеитова Э.И. Миграционные процессы в Крыму в 1944-1953 годах: к постановке проблемы : материалы 8-ї Всеукр. наук. конф. // Актуальні питання історії науки і техніки”, 17-19 жов. 2009 р. Центр пам’яткознавства НАН України і УТОПІК. Київ, 2009. С. 49-51.
13. ГАРК. Ф. Р–2887. Оп. 1. Д. 1.
14. ГАРК. Ф. Р–2888. Оп. 1. Д. 1.
15. ГАРК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 272.
16. ГАРК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 297.
17. ГАРК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 269.
18. ГАРК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 285.
19. ГАРК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 309.
20. ГАРК. Ф. П–8. Оп. 1. Д. 267.
21. Максименко М.М. Местные советы Крыма в послевоенный период. 1945-1958 гг. Киев : Наукова думка, 1972.

References

1. Krym v period Velikoi Otechestvennoi voyny, 1941–1945 (Crimea during the Great Patriotic War, 1941-1945), sbornik dokumentov i materialov. Simferopol', 1973.
2. Priказы narodnogo komissara oborony SSSR. 22 iyunya 1941 g.-1942 g. (Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR. June 22, 1941-1942). Moscow, Terra, 1997. T. 13 (2-2).
3. Pinchuk M.N. Sovetskie partizany: mify i real'nost' (Soviet Partisans: myths and reality). Vil'nya : Nasha buduchynya, 2014.
4. Bugai N.F. L. Beriya – I. Stalinu: Soglasno Vashemu ukazaniyu... (L. Beria to I. Stalin: According to your Instructions ...). Moscow, «AIRO-KhKh», 1995.
5. Bugai N.F. K voprosu o deportatsii narodov SSSR v 30-kh-40-kh godakh (To the Issue of the Deportation of the Peoples of the USSR in the 30s-40s), *Istoriya SSSR*. 1989. No. 6. pp. 135-144.
6. Akulov M.R. Vosstanovitel'nye raboty v Krymu v 1944-1945 (Restorative Work in Crimea in 1944-1945), *Otechestvennaya istoriya*. 1993. No. 1. pp. 182-190.
7. Chirva I.S., Akulov M.R., Arbuzov V.D. Ocherki istorii Krymskoi oblastnoi partiinoi organizatsii (Essays on the History of the Crimean Regional Party Organization). Simferopol' : Tavriya, 1981.
8. Vedomosti narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR (Bulletin of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR). 1989. 15 noyabrya. No. 23.
9. Sobolevskaya T. Simferopol' v 1944-1945 godakh: Po materialam arkhivnogo fonda (Simferopol in 1944-1945: According to the Materials of the Archive Fund), *Istoricheskoe nasledie Kryma*. No. 8. 2004. pp. 123-131.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Krym (State Archive of the Republic of Crimea). F. P–1. p. 1. D. 2411.
11. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. P–1. p. 1. D. 2411.
12. Seitova E.I. Migratsionnye protsessy v Krymu v 1944-1953 godakh: k postanovke problemy (Migration Processes in the Crimea in 1944-1953: to the Formulation of the Problem), materiali 8-ї Vseukr. nauk. конф. *Aktual'ni pitannya istorii nauki i tekhniki*”, 17-19 zhov. 2009 r. Tsentram pam'yatkoznavstva NAN Ukraini i UTOPIK. Kiiv, 2009. pp. 49-51.
13. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. R–2887. Op. 1. D. 1.
14. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. R–2888. Op. 1. D. 1.
15. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. P–8. Op. 1. D. 272.
16. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. P–8. Op. 1. D. 297.

17. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. P–8. Op. 1. D. 269.
18. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. P–8. Op. 1. D. 285.
19. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. P–8. Op. 1. D. 309.
20. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). F. P–8. Op. 1. D. 267.
21. Maksimenko M.M. Mestnye sovety Kryma v poslevoennyi period. 1945-1958 gg. (Local Councils of Crimea in the Postwar period. 1945-1958). Kiev, Naukova dumka, 1972.

Дата поступления: 26.03.2018

Received: 26.03.2018

УДК 34.09

«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ», КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА ПРАВА

ЧЕРНЫХ Алексей Викторович

*кандидат юридических наук, первый проректор
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Московская государственная академия хореографии»,
г. Москва, Россия.*

E-mail: balletacademy-press@yandex.ru

“HUMAN CAPITAL”, CULTURE AND CULTURE OF LAW

CHERNYKH Alexey Victorovich

*Candidate of Sciences (Law), First Vice-rector
of the Bolshoi Ballet Academy,
Moscow, Russia.*

E-mail: balletacademy-press@yandex.ru

Взаимосвязь «человеческого капитала», культуры и культуры права обретает особую актуальность в период глобализации и определения приоритетов развития современного общества и его экономики с опорой на ценности гуманизма. Перечень факторов, способствующих созданию «человеческого капитала», не может быть изначально признан достаточным без признания важнейшей роли культуры и права и совместного рассмотрения понятий «гуманизм», «культура» и «право». Такой подход неизбежно приводит к необходимости исследования понятия «культура права», то есть изначальному определению приоритетов и перспектив развития общества, ориентируясь на развитие конкурентной, стабильно и эффективно функционирующей правовой «среды обитания» людей, способствующей формированию индивидуального и совокупного «человеческого капитала» на основе общечеловеческих идеалов и ценностей, составляющих суть гуманизма. При этом исходной матрицей права, высокая культура которого может обеспечить

The problem of developing “human capital”, interrelation of “human capital”, culture and culture of law acquires a special relevance in the period of globalization and defining priorities for the development of modern society and its economy on the base of humanistic values. The list of factors contributing to the development of “human capital” cannot be initially recognized as sufficient without recognizing the essential role of culture and law, which is possible only with the joint consideration of the concepts of “humanism”, “culture” and “law”. Such an approach inevitably leads to the need to study the concept “culture of law”, that is the initial definition of priorities and prospects for the development of society, focusing on the development of a competitive, stable and effective functioning legal “environment” of people, really contributing to the formation of individual and collective “human capital” on the basis of such universal ideals and values, which constitute the essence of humanism. At the same time, a civil society should be the initial matrix of law, high culture of which can ensure suc-

успех в формировании надлежащего «человеческого капитала», и основой благоприятной среды формирования «человеческого капитала», должно быть гражданское общество.

Ключевые слова: глобализация, человеческий капитал, культура, право, образование, культура права, справедливость, формирование «человеческого капитала».

cess in developing a proper “human capital” and the basis of a favorable environment for developing “human capital”.

Key words: globalization, human capital, culture, law, education, culture of law, justice, favorable environment for developing “human capital”.

На фоне проявления ряда продолжительных периодов неустойчивости в развитии мирового сообщества становится очевидным, что неотъемлемые элементы современной экономики, такие как изобретения, творчество, идеи для инноваций изначально могут быть результатом умственных и физических усилий исключительно конкретного индивидуума. Одновременно с этим необходимо помнить, что утрата межличностного взаимодействия людей, особенно на фоне интенсивной виртуализации реальности, это прямой к их поведению, которое не одобряется обществом, превалирующей в нем моралью, государством. В связи с этим ныне резко возрастает актуальность выработки, поддержания на должном уровне человеческих качеств, необходимых для выстраивания полезных для общества взаимоотношений личности с социумом, основанных на использовании «человеческого капитала» специалистов, способных к высокоэффективному труду и заинтересованных в нем, а также в искреннем и плодотворном социальном партнерстве с работодателями и государством. Говоря в этой связи о «человеческом капитале» отметим, что он неразрывно связан с личностью и служит источником персональных ресурсов, направляемых на удовлетворение ею своих потребностей, а также и потребностей тех лиц, которым данный индивидуум обеспечивает социальный «зонтик», то есть напрямую или опосредованно опекает их.

Понятно, что потребности человека, как впрочем и общества, в целом безграничны. И в этом скрыты ресурсы для развития, ведь суть закона роста потребностей состоит в том, что после удовлетворения потребностей более низкого ранга актуальной становится потребность следующего, высшего уровня [1]. Сказанное означает, что разумно выстроенный процесс накопления «человеческого капитала» личности тоже может не иметь пределов, помимо тех из них, которые связаны с её индивидуальными психофизическими ограничениями. Вполне очевидно и то, что основой и главной составляющей в деле формирования «человеческого капитала» является образование как важнейший фактор национальной безопасности, стабильности и развития общества и которое в таком своем качестве не может быть сведено лишь к простой передаче информации поскольку цель его состоит в развитии личности во всех её аспектах. Помня практику преувеличения роли государства в нашей жизни, отметим, что даже в современных условиях жесткая и бескомпромиссная, порой доведенная до бессмыслицы система законодательной регламентации делового оборота, соответствующее безапелляционное правоприменение вполне могут выступить как «достойная» замена превалирования во всех сферах общественной жизни государства со всеми сопутствующими этому негативными явлениями.

Современная рыночная экономика – это сложный, состоящий из разнообразных производственных, коммерческих, финансовых, информационных и прочих компонентов комплекс, для которого характерно наличие зрелой и даже изощренной правовой базы, включающей в себя множество национальных и межнациональных юридических составляющих, весьма отличных от российских. Именно поэтому попытки использовать его фрагменты, пусть даже и зарекомендовавших себя положительно, но в «их» условиях, заведомо непродуктивны в нашей стране. Говоря об иных факторах, от которых зависит создание «человече-

ского капитала», отметим, что зачастую они объединяются отечественными специалистами в различные группы, такие, например, как: социально-демографическая, институциональная, интеграционная, социально-ментальная, экологическая, экономическая, производственная, демографическая, социально-экономическая [2].

С нашей точки зрения, перечень таких факторов не может быть изначально признан достаточным без констатации важнейшей роли факторов культуры и права в деле формирования «человеческого капитала». В связи с тем, что как целостное системное явление культура всегда была, есть и будет важнейшим компонентом общественной жизни, суть которого интеллектуальная и физическая деятельность человека, она имеет мощное и многостороннее влияние на развитие как всей страны, так и отдельного гражданина. Не случайным в этом контексте выглядит включение в утвержденную Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N 683 Стратегию национальной безопасности РФ положения о том, что национальными интересами нашей страны на долгосрочную перспективу являются сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3]. Одновременно с этим неоспоримо и то, что неотъемлемым свойством культуры является её стабильная динамичность, что связано с постоянной трансформацией культурных явлений в естественной и гуманитарной сферах познавательной и творческой деятельности человека.

Такое противоречие, свойственное изменению форм и структур данной деятельности, зачастую называется «проблемой двух культур» и, как полагают специалисты в этом вопросе: «Шансы, что мы сейчас сможем избежать глобальной войны и выживем, в огромной степени зависят от того, насколько нам удастся подтянуть уровень гуманитарной составляющей нашей культуры до современных технологических и технических возможностей» [4, с. 5]. И такое мнение не единично, ибо именно «гуманитарная» культура является стержнем деятельности по созданию у личности должных предпосылок для формирования у неё полезных для общества идеалов и ценностей, знаний, умений, то есть всего того, что и составляет основу «человеческого капитала». Тем самым закладываются основы общественного согласия, консолидации социума, эффективного социального контроля за всеми его членами как со стороны государства, общества, сообществ граждан, так и для самоконтроля, и, следовательно, надлежащей социальной регуляции поведения членов социума.

Обращаясь к такому социальному регулятору как право, а точнее к правовой «среде», в своем роде «инкубатору» соответствующих процессов выработки и сохранения «человеческого капитала», активных и общественно полезных, законопослушных моделей поведения и психологических установок граждан, отметим, что в этом качестве право, прежде всего, является инструментом и одновременно необходимым условием формирования и сохранения юридического статуса личности. Данный статус обусловлен существованием у лица тех или иных прав, обязанностей и законных интересов. В способах же их использования, в отношении человека к существующим в обществе культурным ценностям проявляется его «правопонимание», сознательно допускаемая им свобода деяний и корректность исповедуемых им способов самоутверждения и самоконтроля. В свою очередь, применительно к желаемому, поощряемому или неодобряемому с точки зрения законодательства, а значит и государства поведению субъектов правоотношений, тестируется гуманность принципов, которые исповедуются в обществе, а также правопорядка, одобряющего, ограничивающего или запрещающего то либо иное поведение граждан и юридических лиц. И здесь мы приходим к констатации невозможности полноценного восприятия понятий «гуманизм», «культура» и «право» при их раздельном рассмотрении. Это связано, прежде всего, с тем, что праву как неотъемлемому элементу культуры присущи и её общие свойства, и специфические характеристики юридического инструмента, предназначенного для воздействия на общественные отношения, зачастую принудительного и связанного с санкциями, то есть узаконенным применением насилия. А такой важнейший элемент культуры как гуманизм, если он реально исповедуется

в обществе, несмотря на такой сложный характер права, обусловленный его функциями, должен пронизывать и право, и культуру как принцип, а также стиль мышления и образ поведения субъектов общественных отношений.

Рассуждая о взаимосвязи гуманизма и культуры, отметим, что их безусловное единство, также, безусловно, полно противоречий. Однако главное, что необходимо констатировать на данном этапе, так это то, что гуманизм признается многими учеными как мерило истинности культуры. Что же касается взаимодействия «культуры» и «права», то только на первый взгляд эти понятия могут быть разнесены по разным сегментам социальной жизни. Действительно, приходя на театральные спектакли, которые есть явления культуры, мы не размышляем о сложной правовой стороне деятельности театра. В свою очередь, затрагивая юридические вопросы, связанные с его легальным статусом, финансированием, проведением торгов по закупке работ, товаров, услуг, реализацией билетов, а также заключением трудовых договоров с работниками, мы мало задумываемся о культурной составляющей деятельности театра. Не нужно думать, что эти вопросы являются проблемой только России. Так, известный американский юрист, профессор Стэнфордского университета, член Американской академии искусств и наук Лоуренс Фридмэн пишет, что преобразования «в обществе, культуре и в правовой структуре настолько взаимосвязаны, что вряд ли мы когда-нибудь будем в состоянии реально распутать такой клубок. Ни один из трех основных элементов, составляющих право, – структура, сущность и культура – не может иметь значения в отрыве от других» [5, с. 178].

В связи со сказанным выше отметим, что право это не панацея и не должно идеализироваться. Так, в ст. 1 Конституции РФ закреплено положение о том, что наша страна является правовым государством, что изначально это не может полностью соответствовать даже такому базовому принципу правового государства, как верховенство закона, ведь и «верховенство», и «закон» в современном отечественном юридическом обороте не есть понятия однозначные. Однако коллизии различных законов неизбежно приводят к необходимости решения вопроса об их соподчиненности, да сам термин "закон" может иметь различное значение, ибо видов законов в Российской Федерации несколько, а именно: Конституция РФ; федеральные конституционные законы; федеральные законы; законы субъектов Федерации, а Президенту РФ, по сути, предоставляется право его указами устанавливать нормы законодательного уровня, т.е. фактически восполнять пробелы в законах.

Сложности в практическом воплощении принципа «верховенства закона» имеют место и в силу того, что как регулятор общественных отношений право постоянно развивается по мере эволюции самого общества. При этом полагаем, что законопроект должен быть отклонен, а действующий закон отменен, если они посягают на легально оформленные права и законные интересы личности, пусть даже и с констатацией причинения этим ущерба – мнимого или реального – сиюминутным управленческим интересам органам государственной власти. Исходя из сказанного выше, полагаем, что исходной матрицей права должно быть гражданское общество, построенное на принципах согласия, солидарности, честной состязательности субъектов различных правоотношений, и безусловной справедливости отношений государство – гражданин. Причем наличие в данном обществе квалифицированного согласия на применение легального принуждения к законопослушанию, безусловно предполагается, ибо иное означает отсутствие полноценной правовой системы как таковой.

Все это, конечно, не исключает наличия разногласий в таком гражданском обществе, на фоне чего не считаем правильным тезис Иеремии Бентама (15 февраля 1748 г. – 6 июня 1832 г. – английский философ-моралист, правовед, социолог) о том, что если власть принадлежит «правильным» людям, то нет нужды их ограничивать или к чему-то обязывать [10]. Со своей стороны, полагаем, что свойственная теории «правового государства» характеристика права как наиболее совершенного социального регулятора по сравнению с моралью, религией, традициями весьма преувеличена и что монопольное господство в социальной жизни и его, и

самого правового государства является не слишком большим благом. При правильной ориентированности на то, что педагогическое воздействие должно способствовать формированию таких важнейших элементов «человеческого капитала» будущих специалистов как компетентность (знание, опыт, умения) и профессиональная компетенция (способность применять знания, опыт, умения), тем не менее, не следует абсолютизировать роль правовой грамотности в деле формирования современной личности, которая не обладает и не должна априори обладать при этом знаниями, умениями и навыками, присущими профессиональным юристам.

В этой связи полагаем, что для лиц, не обучающихся по юридическими специальностям, нужно культивировать не изучение законодательства, права, а знание того, где, как и у кого искать и получать профессиональные ответы на свои вопросы юридического свойства и желательно до момента возникновения конфликтной ситуации. В связи со сказанным выше, применительно к проблемам юридической ответственности можно констатировать, что не столь важны знание или не знание закона, ибо она не слишком от этого зависима, а классическое латинское выражение выглядит так: «Незнание закона не является оправданием, незнание факта является оправданием». Поэтому считаем очевидными актуальность и целесообразность перехода в современных условиях от «правовой культуры», традиционно исповедуемой специалистами применительно к теме правового государства, к «культуре права», стержнем которой должна быть ответственная, социально оправданная, нормативно упорядоченная свобода субъектов складывающихся в обществе правоотношений, реализующих свой «человеческий капитал» в среде, существующей на принципах честного соперничества профессионалов, а также доброжелательной помощи реально немощным в силу возраста или здоровья членам общества. И возможно это лишь при опоре на такие важнейшие созидательные постулаты как повсеместное признание и обеспечение моральной и юридической справедливости. Ведь только при справедливых законах и правоприменении, их должном моральном обосновании, возможна подлинная гуманизация общества и государственной власти, права, его культуры и идеологии отечественной правовой системы (не путать с правовой идеологией), которая, к сожалению, еще содержит значительные рудименты, свойственные социалистической юриспруденции.

Очевидно, что ныне нужно от эры «кары и исправления» прийти к тому, чтобы реализовать свои права и обязанности субъекту правоотношений должно быть удобно и ему даже выгодно быть законопослушным. В случаях же имущественных и иных преступлений, не связанных с посягательствами на жизнь и здоровье личности, будет полезным максимально широкое использование института компенсации вреда как материального, так и морального. При этом получателями соответствующих компенсаций должны быть и как сами потерпевшие, и государство, понесшее затраты по реализации своей правоохранительной функции, так и специальные внебюджетные государственные фонды социальной направленности.

Если же все оставить как есть и пытаться конъюктурно модернизировать право в части регулирования правоотношений, возникающих применительно к той или иной текущей ситуации, оставляя за пределами реформирования основу отношений государства и гражданина, то к традиционным двум отечественным проблемам добавится как минимум проблема хронического отсутствия практического ответа на вопрос: почему слабо и медленно развивается экономика, в том числе и производственная база российского общества?

Библиографические ссылки

1. Савчук А. Потребность в экономике – это что? Ресурсы и потребности в экономике. Виды потребностей в экономике [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/185136/potrebnost-v-ekonomike-eto-cto-resursyi-i-potrebnosti-v-ekonomike-vidyi-potrebnostey-v-ekonomike> (дата обращения: 5.03.2018).

2. Тугускина Г. Факторы, влияющие на стоимость человеческого капитала // *Кадровик. Кадровый менеджмент*. 2011. № 3. С. 68-75.
3. ЭПС «Система ГАРАНТ»: ГАРАНТ-Аналитик. Группа компаний «ИРБиС». Версия от 03.03.2018.
4. Малинецкий Г. Математики посчитали формулу третьей мировой войны. // *Московский комсомолец*. 2014. 5 нояб.
5. Фридмэн Л. Американская правовая культура и федерализм // «Полис» («Политические исследования»). 1992. № 4. С. 176-183.

References

1. Savchuk A. Potrebnost' v ekonomike – eto chto? Resursy i potrebnosti v ekonomike. Vidy potrebnostei v ekonomike (The Need for Economics – What does It Mean? Resources and Needs in Economics. Types of Needs in Economics). URL: <http://fb.ru/article/185136/potrebnost-v-ekonomike-eto-chto-resursyi-i-potrebnosti-v-ekonomike-vidyi-potrebnostey-v-ekonomike> (accessed date: 5.03.2018).
2. Tuguskina G. Faktory, vliyayushchie na stoimost' chelovecheskogo kapitala (Factors Affecting the Value of Human Capital), *Kadrovik. Kadrovyyi menedzhment*, 2011, No. 3, pp. 68-75.
3. EPS «Sistema GARANT» (EPS “System “Garant”), GARANT-Analitik. Gruppa kompanii «IR-BiS». Versiya ot 03.03.2018.
4. Malinetskii G. Matematiki poschitali formulu tret'ei mirovoi voiny. (Mathematicians have Counted the Formula of the Third World War), *Moskovskii komsomolets*, 2014, 5 noyab.
5. Fridmen L. Amerikanskaya pravovaya kul'tura i federalizm (American Legal Culture and Federalism), «Polis» («Politicheskie issledovaniya»), 1992, No. 4, pp. 176-183.

Дата поступления: 28.03.2018

Received: 28.03.2018

УДК 340

МЕСТО МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ПОЗНАНИЯ ПРАВА

АЛЕКСАНДРОВ Илья Андреевич

*преподаватель кафедры конституционного
и административного права Тольяттинского
государственного университета, г. Тольят-
ти, Россия. E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru*

THE PLACE OF MATERIALIST DIALECTICS IN THE SYSTEM OF THE METHODS OF OBTAINING LAW KNOWLEDGE

ALEXANDROV Ilya Andreevich

*Instructor of the Chair of Constitutional and
Administrative Law of the Togliatti State Uni-
versity, Togliatti, Russia.
E-mail: alexandrovIlya88@mail.ru*

В исследуемом ряде проблем, касающихся системы методов познания права рассматривается роль метода материалистической диалектики в рамках данной системы. Актуальность данной темы обусловлена пересмотром в конце XX – начале XXI вв. роли диалектико-материалистического метода в исследовании государственно-правовых явлений. Дает-

The paper reviews a number of issues related to the system of the methods of obtaining law knowledge; in particular, the role of the method of materialist dialectics in terms of this system is investigated. The relevance of this topic is due to the revision of the role of dialectical materialist method in studying state law phenomena in the late XX - early XXI centuries. The

ся краткая характеристика понятия «диалектический материализм», законов и категорий материалистической диалектики. Также затрагивается вопрос соотношения формационного и цивилизационного подходов. Негативное отношение к методу материалистической диалектики может провоцироваться неадекватной оценкой его места в системе методов познания и отрицанием некоторыми авторами иных философских методов. Данный уровень системы методов научного исследования не может быть ограничен каким-либо одним методом; следует не догматизировать метод материалистической диалектики, а критически осмысливая и сохраняя преемственность, использовать те положения, которые сохраняют свое значение в настоящее время.

Ключевые слова: право; метод; методология; теория государства и права; материалистическая диалектика.

concept “dialectical materialism”, the laws and categories of materialist dialectics are briefly characterized. In addition, the issue of the correlation between formation-based and civilizational approaches to the study of the history of state and law is addressed. The author states a point of view that negative attitude towards the method of materialist dialectics may be provoked by inadequate estimation of its place in the system of methods of cognition and negation of other philosophical methods by some authors. The conclusion is that the level of the system of methods of scientific research cannot be limited to any one method; we should not dogmatize the method of materialist dialectics, but critically reflecting and maintaining continuity, we should use those provisions that remain their value now.

Key words: law; method; methodology; theory of state and law; materialist dialectics.

Состояние методологии правовой науки в значительной мере зависит от уровня ее развития на базе общей теории государства и права. Поэтому в соответствующей литературе можно встретить указания на наличие определенной взаимосвязи между происшедшим в конце XX – начале XXI вв. отвлечением внимания отечественной юридической науки от проблем ее методологии и принижением известной частью ученых-юристов методологической роли общей теории государства и права [1, с. 5]. Данный период характеризуется как «время концептуальной неразберихи и анархии, крушения кумиров и идолов и отсутствия новых авторитетов в сфере социального знания. Обвальное крушение советской социальной системы повлекло столь же масштабное крушение и методологической основы нашей общественной науки» [2, с. 17]. Одним из проявлений указанной тенденции стали высказывания ряда авторов о необходимости отказа от «использования диалектико-материалистического метода в исследовании государственно-правовых явлений и вообще идей марксизма, которые каких-нибудь два десятка лет назад единодушно оценивались (в том числе и этими авторами), как не подлежащие сомнению и единственно правильные». Подобные суждения влекут пересмотр не только негативного, но и положительного опыта, результатов и т.п., которые были достигнуты отечественной наукой в советский период; создаются препятствия для объективной оценки и обеспечения преемственности развития юридической науки в настоящее время. Подчеркивается, что такого рода «шарахания и конъюнктурные подходы ничего кроме вреда, науке принести не могут» [1, с. 5].

В связи с этим следует сказать несколько слов собственно о диалектическом материализме, определяемом как наука о наиболее общих законах движения и развития природы, общества и мышления. В основе диалектического материализма лежит проблема взаимодействия, взаимосвязи материи и сознания. В понимании К. Маркса и Ф. Энгельса мир, разделенный на эти две большие сферы, является единым. Материя и сознание не являются противостоящими друг другу сферами бытия, а находятся в органическом взаимодействии. В частности, мышление и познание предстают продуктами человеческого мозга, мыслительной деятельности чело-

века, но сам человек представляет собой результат развития природы, ее неотъемлемую часть. Следовательно, сознание человека в конечном итоге выступает продуктом природы, находится с ней в органическом соответствии, единстве [3, с. 181, 182; 4, с. 35-41].

Процесс диалектического развития отражается в системе законов и категорий. Это законы единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные, отрицания отрицания, а также категории движения, изменения, развития, противоречия, причины и следствия, необходимости и случайности, частного и общего, содержания и формы, возможности и действительности, сущности и явления. Каждая категория диалектики характеризует лишь отдельную сторону, момент единого и целостного процесса развития и потому отражает его неполно и односторонне. Однако система данных законов и категорий по мысли марксистов охватывает все наиболее важное, существенное в процессах развития природы, общества и мышления [3, с. 183; 5, с. 44, 45; 6, с. 55-59]. Говоря о проявлении данных законов в юридических явлениях и процессах, можно отметить, что та или иная юридическая норма отражает единство и противоречивость регулируемых общественных отношений, совпадающие и противоречивые интересы различных социальных групп (закон единства и борьбы противоположностей). Закон перехода количественных изменений в качественные проявляет себя в постепенном накапливании изменений в жизни общества (например, в рамках вероисповедной политики государства), которые по достижении нового качественного состояния начинают требовать принципиально иных юридических норм. По поводу закона отрицания отрицания указывается, что как новые общественные отношения меняют прежние, так и вновь созданная юридическая норма, регулирующая данные отношения, в какой-то мере отрицает ранее действовавшие правовые предписания [7, с. 18, 19]. Особо следует остановиться на познавательных средствах материалистической диалектики, в числе которых В.М. Сырых называет:

1) категории, характеризующие структуру познания, его отличие от иных видов человеческой деятельности, а также результаты познания и критерии их истинности. Это категории «субъект» и «объект», «истина», «практика», «свобода», и «необходимость», «эмпирическое» и «теоретическое», «конкретное» и «абстрактное», формы диалектического мышления (понятие, суждение, умозаключение, теория, проблема, гипотеза, идея) и др.;

2) принципы диалектической логики, представляющие собой всеобщие закономерности развития объективно-истинного знания (объективность, всесторонность и полноту познания, исторический и конкретно-исторический подходы, необходимость рассмотрения внутренних противоречивых сторон, тенденций исследуемого, борьба этих противоположностей, переход каждого отдельного качества, стороны, свойства в свою противоположность);

3) всеобщие философские методы познания (анализ и синтез, индукцию и дедукцию, сравнение, эксперимент, аналогию, моделирование, абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному, исторический и логический методы и т. д.) [3, с. 184, 185].

Приведенный фрагмент интересен еще и тем, что позволяет более подробно рассмотреть классификацию методов познания права, проводимую вышеуказанным автором. В.М. Сырых, кроме всего прочего, выделяет, с одной стороны, метод материалистической диалектики, а с другой, общие методы, включающие в себя анализ и синтез, индукцию и дедукцию, аналогию, сравнение и др. Указанное расхождение, по нашему мнению, подчеркивает необходимость выработки единых перечней методов познания права, относящихся к каждой из систематических групп. Говоря о материалистической диалектике, нельзя не упомянуть исторический материализм, в рамках которого история общества рассматривается как естественноисторический, закономерный процесс смены одной общественно-экономической формации другой. Движущей силой такого развития выступают противоречия между производительными силами общества и производственными отношениями. Вместе с тем, вряд ли можно согласиться с абсолютизацией данного подхода, имевшей место в рамках пятичленной

формационной периодизации исторического процесса, господствовавшей в течение ряда десятилетий в нашей стране [8, с. 97; 9, с. 319-329; 10, с. 36-46; 11, с. 222-227]. В частности, при изучении истории государства и права определенным эффектом дает использование цивилизационного подхода, особенно это касается тех случаев, когда ощущается методологическая слабость формационного подхода. Например, можно указать следующие положительные стороны цивилизационного подхода:

1) его принципы применимы к истории любой страны или группы стран со сложным общественным строем, который является трудным для понимания исследователями, использующими «вульгаризированный» формационный подход, не учитывающий специфики восточных стран, формирования их государственности и правовых систем;

2) он дает представление об истории как о многолинейном, многовариантном процессе, что очень важно для глубокого диалектического понимания таких сложных явлений, как государство и право;

3) отвлекаясь от приземленно-материальных причин эволюции государства и права, цивилизационный подход отводит приоритетную роль в историческом процессе духовно-нравственным и интеллектуальным факторам [12, с. 44].

Несомненно, рассматривая различные аспекты тех или иных подходов, методов познания, следует учитывать как их достоинства, так и недостатки. Зарубежные социологи, экономисты, философы, юристы, советологи, никогда не принимавшие марксизм и критиковавшие его, тем не менее, с должным уважением относятся к нему как к учению и учитывают его в своих исследованиях [13, с. 10].

С другой стороны, негативное отношение к методу материалистической диалектики в определенной мере провоцируется неадекватной оценкой его места и роли в системе методов познания, отрицанием иных философских методов некоторыми авторами. В частности, сказанное можно проиллюстрировать следующим примером: «постулируются многочисленные и произвольные методы с целью разрушения единой диалектической методологии исследования: цивилизационный, генетический, аксиоматический, культурологический, системный, структурный, функциональный, герменевтический, синергетический, системно-генетический, структурно-функциональный, семиотический и пр. Самое главное состоит в том, что диалектический метод имплицитно, в свернутом виде, потенциально содержит в себе ВСЕ эти и иные методы, подходы, аспекты» [13, с. 11]. Представляется актуальным мнение, согласно которому философский, всеобщий уровень системы методов научного исследования не может быть ограничен каким-либо одним, пусть даже и достаточно эффективным, методом. Каждая философская концепция выполняет в научном познании методологическую функцию, выступая своеобразным способом философского освоения предмета исследования. К числу подобного рода методов, помимо диалектического материализма, можно отнести такие подходы, как аналитический, феноменологический, герменевтический, синергетический, метафизику, идеалистическую диалектику [13, с. 10; 14, с. 17] и др.

«Методологическая «площадка» юридической науки достаточно обширна, и на ней найдется место любому философскому подходу, адекватному исследуемой проблеме. Выдвигается обоснованное мнение, что «претензии на исключительность и монополию какого-либо из них вряд ли уместны. Более продуктивным в подобной ситуации будет принцип дополнительности. Для того чтобы избежать крайностей в оценке конкретного философского подхода, необходимо найти общие логические основания различных философских систем и понять их как единство многообразного» [13, с. 10]. Философии свойственна ситуация альтернативности позиций и подходов к решению проблем, несогласия представителей различных направлений и школ по коренным вопросам этой дисциплины. Но в то же время философия объединяет множество учений, специализирующихся на осмыслении различного рода проблем – онтологических, эпистемологических, методологических, антропологических и иных.

Прибегая к философским методам для решения конкретно-научных, в том числе и юридических, проблем, необходимо по достоинству оценивать потенциал различных сосуществующих и взаимодополняющих друг друга философских школ [13, с. 11]. Так, без диалектического подхода немислимо построение категориальных рядов юридической науки, трудно представить масштаб негативных последствий изъятия из сферы юридических исследований таких категорий диалектики, как причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, сущность и явление, форма и содержание [13, с. 11]. Сказанное касается как историко-теоретических, так и отраслевых и прикладных юридических наук. В частности, диалектический подход занимает важное место в методологии криминалистических исследований. В криминалистике как прикладной юридической науке фундаментальную роль играют положения диалектики о способности материи к отражению, о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. К примеру, указывается, что «в процессе расследования преступлений возможен анализ самых разных форм отражения: начиная от простейших, связанных с контактным взаимодействием двух объектов, и до психофизиологических, когда факты и обстоятельства запечатлеваются в сознании людей. Основу метода криминалистической идентификации составляет учение о единичном (объект тождествен только самому себе) и особенном (установление групповой принадлежности объекта)» [15, с. 62].

Таким образом, говоря о группе философских методов познания права, в частности, о методе материалистической диалектики, следует признать, что данный уровень системы методов научного исследования не может быть ограничен каким-либо одним, пусть даже и достаточно эффективным, методом. Целесообразно не догматизировать метод материалистической диалектики, а критически осмысливая и сохраняя преемственность, на основе принципа дополнительности использовать те положения, которые наряду с другими философскими подходами, сохраняют свое значение и в современных условиях.

Библиографические ссылки

1. Байтин М.И. О методологическом значении и предмете общей теории государства и права // Государство и право. 2007. № 4. С. 5-9.
2. Брызгалов А.И. О некоторых теоретико-методологических проблемах юридической науки на современном этапе // Государство и право. 2004. № 4. С. 17-22.
3. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. 2-е изд., стер. М. : ЗАО Юстицинформ, 2004.
4. Очерки по диалектическому материализму / отв. ред. Л.Я. Станис. М. : Наука, 1985.
5. Энгельс Ф. Диалектика природы. М. : Изд-во политической литературы, 1969.
6. Материалистическая диалектика : в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. Т. 5. Критика идеалистических концепций диалектики. М. : Мысль, 1985.
7. Теория государства и права : учебник / под ред. В.К. Бабаева. М. : Юрист, 2003.
8. Новицкая Т.Е. Некоторые проблемы методологии исследования истории государства и права // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2003. № 3. С. 75-104.
9. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М. : Высш. шк., 1991.
10. Материалистическая диалектика : в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова, В.Г. Марахова. Т. 4. Диалектика общественного развития. М. : Мысль, 1984.
11. Хрестоматия по диалектическому и историческому материализму. М. : Политиздат, 1969.
12. Пристанский И.С. Цивилизационный и формационный подходы в науке истории государства и права: достоинства и недостатки // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2007. № 6. С. 44-46.
13. Баранов В.М., Першин В.Б., Баранова М.В. Место и роль метода материалистической диалектики в юридическом исследовании // Философия права. 2007. № 3. С. 7-12.

14. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2005.
15. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М. : Изд-во НОРМА, 2001.

References

1. Bajtin M.I. O metodologicheskom znachenii i predmete obshhej teorii gosudarstva i prava (On the Methodological Significance and Subject of General Theory of State and Law), *Gosudarstvo i pravo*, 2007, No 4, pp. 5-9.
2. Bryzgalov A.I. O nekotoryh teoretiko-metodologicheskikh problemah juridicheskoy nauki na sovremennom jetape (On Some Theoretical and Methodological Problems of Legal Science at Present Stage), *Gosudarstvo i pravo*, 2004, No 4, pp. 17-22.
3. Syryh V.M. Logicheskie osnovaniya obshhej teorii prava. T. 1. Jelementnyj sostav (Logical Basis of General Theory of Law. Vol.1. Elemental Composition). 2-e izd., ster. Moscow, ZAO Justicinform, 2004.
4. Ocherki po dialekticheskomu materializmu (Essays on Dialectical Materialism), otv. red. L.Ja. Stanis. Moscow, Nauka, 1985.
5. Jengel's F. Dialektika prirody (Dialectics of Nature). Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury, 1969.
6. Materialisticheskaja dialektika v 5-ti tomah. T. 5. Kritika idealisticheskikh koncepcij dialektiki (Materialist Dialectics in 5 volumes. Vol.5. Criticism of Idealistic Conceptions of Dialectics), pod obshh. red. F.V. Konstantinova, V.G. Marahova. Moscow, Mysl', 1985.
7. Teorija gosudarstva i prava: Uchebnik (Theory of State and Law: Textbook), pod red. V.K. Babaeva. Moscow, Jurist, 2003.
8. Novickaja T.E. Nekotorye problemy metodologii issledovanija istorii gosudarstva i prava (Some Problems of Methodology of Research of History of State and Law), *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 11, Pravo, 2003, No 3, pp. 75-104.
9. Alekseev P.V., Panin A.V. Teorija poznaniya i dialektika (Theory of Cognition and Dialectics). Moscow, Vyssh. shk., 1991.
10. Materialisticheskaja dialektika v 5-ti tomah. T. 4. Dialektika obshhestvennogo razvitiya (Materialist Dialectics in 5 volumes. Vol.4. Dialectics of Social Development), pod obshh. red. F.V. Konstantinova, V.G. Marahova. Moscow, Mysl', 1984.
11. Hrestomatija po dialekticheskomu i istoricheskomu materializmu (Reader on Dialectical and Historical materialism). Moscow, Politizdat, 1969.
12. Pristanskij I.S. Civilizacionnyj i formacionnyj podhody v nauke istorii gosudarstva i prava: dostoinstva i nedostatki (Civilizational and Formation-based Approaches to the Science of History of State and Law: Advantages and Disadvantages), *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Serija 11, Pravo, 2007, No 6, pp. 44-46.
13. Baranov V.M., Pershin V.B., Baranova M.V. Mesto i rol' metoda materialisticheskoy dialektiki v juridicheskom issledovanii (The Place and Role of the Method of Materialist Dialectics in Legal Research), *Filosofija prava*, 2007, No 3, pp. 7-12.
14. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teorija gosudarstva i prava: Uchebnik (Theory of State and Law: Textbook), 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Jurist, 2005.
15. Aver'janova T.V., Belkin R.S., Koruhov Ju. G., Rossinskaja E.R. Kriminalistika: Uchebnik dlja vuzov (Forensics: Textbook for Universities), pod red. R.S. Belkina. Moscow, Izd-vo NORMA, 2001.

Дата поступления: 20.03.2018

Received: 20.03.2018

УДК 340

**КОНСЕРВАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В РЕШЕНИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ****БУШУЕВ Вениамин Александрович***преподаватель АНО ДПО УЦ "Образование
Плюс", г. Таганрог, Россия.**Email: veni_amin@mail.ru***CONSERVATIVE TRENDS IN
RESOLVING MODERN PROBLEMS OF
NATIONAL SECURITY****BUSHUEV Veniamin Aleksandrovich***Teacher at Autonomous Noncommercial Or-
ganization of Supplementary Professional Edu-
cation Training Center "Obrazovaniye Plus".**E-mail: veni_amin@mail.ru*

В стремлении установить политико-правовую защищенность основных сфер деятельности общества и государства необходимо осуществлять эффективную деятельность по обеспечению безопасности страны. Политико-правовые меры по обеспечению национальной безопасности страны имеют опыт осуществления безопасности личности, общества и государства. Опыт использования консервативных политико-правовых мер по обеспечению безопасности российского государства и общества в XIX - начале XX вв., а также значимость и результативность консервативной государственной правовой политики дает основание применить потенциал консервативной идеологии как фундаментального образования в современной системе противодействия угрозам национальным интересам государства. Достижение качественной определенности государственно-правовой системы России, предложенное автором, позволит раскрыть позитивные ресурсы личности, государственных и общественных институтов, определить перспективную новизну консервативных политических, экономических и духовных ориентиров и ценностей.

Ключевые слова: национальная безопасность России, консерватизм, государственно-правовая идеология.

In attempts to establish political law protection of the main domains of modern society and state activity, it is necessary to perform effective operations of national security. The political law measures of ensuring national security have historical experience in performing security in the sphere of the interaction of interests of a personality, society and state. The experience of using conservative political law measures of ensuring the Russian state and society security formed in the XIX and in the early XX century as well as the significance and efficiency of conservative state law policy give ground to apply the conservative ideology potential as a fundamental formation in the modern system of countermeasures to threats to state national interests. The achievement of qualitative clearness of the Russian state law system, suggested by the author, will allow to release all positive resources of a personality, state and social institutions, to define a perspective novelty of conservative political, economic and spiritual orientations and values being requested in today's word.

Keywords: national security of Russia, conservatism, state law ideology.

Независимый и самостоятельный курс развития нашей страны, поиск новых путей в государственном регулировании проблем, связанных с обеспечением национальной безопасности, необходимостью повышения эффективности государственно-правового развития в условиях возрастания угроз внутреннего и внешнеполитического характера обусловили актуализацию государственно-правовой политики усиления мер в области обеспечения государственной и общественной безопасности и защиты национальных интересов. Комплексный анализ национальной безопасности, рассмотрение ее правовой природы, идейной сущности в истории пра-

вой и политической мысли, ее ценностных характеристик, свойств и принципов как общественно значимого явления ориентируют современную идеологию на консервативно-правовые начала правового обеспечения защищенности личности, общества и государства. Политико-правовые исследования в этой области доказывают органичность консервативно-правовой концепции традициям России, содержанию ее национально-правовой культуры, исторически сложившимся в России отношениям между государством, обществом и личностью. В связи с этим становится обоснованной масштабная деятельность по определению способов формирования и форм функционирования важнейших институтов национальной безопасности на том этапе отечественной истории, который был временем острых дискуссий и напряженных поисков, связанных с преобразованиями государственно-правовой системы. Главными направлениями охранительной мысли российского консерватизма, формирующими представление о мировоззренческой идеологии российского консерватизма с позиции национальных интересов, являются следующие аспекты.

Во-первых, опорой социальной стабильности и нравственного воспитания граждан для консерваторов является сильное государство. Очевидно, что определенное понятие сильного государства сформировалось в результате многовекового государственного авторитаризма в российском обществе [4, с. 71-74]. Национальный идеал государственности, по мнению русских консерваторов, «обуславливается известным психологическим состоянием нации, которому наиболее соответствует тот или иной принцип власти» [11, с. 3-116]. Только сильное монархическое государство, опирающееся на нравственные начала, могло подавлять «темные» стороны человеческого сознания, а сильная и авторитарная власть может иметь такую силу, которая «автоматически вызывает любовь и готовность подчиняться независимо от того кто ее проявил» [13, с. 145]. При этом ни государство, ни власть не должны проявлять признаки слабости, поскольку «безволие и слабоволие не импонируют русскому человеку» [3, с. 414]. Поэтому для русского народа характерно постоянное стремление к «сильной руке».

Во-вторых, по мнению консерваторов, приоритет публичных интересов над частными должен быть осуществлен за счет сдержанного отношения к идее свобод. Такое представление сформировалось в результате убеждения русских консерваторов в том, что институты государственной власти и гражданского общества должны существовать в гармонии. Для них кажется очевидным, что гражданское общество в России должно служить интересам российского государства, в противном случае оно не может считаться «обществом», тем более «обществом гражданским». А поскольку ценностью русского консерватизма является уважение к органическим, естественным формам жизни, а также отдается приоритет общего, государственного, национального интереса над личным, то общество воспринималось как «не что иное, как народный организм в деятельном развитии, не что иное, как сам народ в его поступательном движении» [2]. По мнению И.С. Аксакова, общество служит не только сознательному выражению народных начал, но и внутренней целостности народного организма. Составляющими общественного процесса являются понятия «власть» и «свобода». Для консерваторов свобода возможна только там, где власть способна защитить личную свободу людей. Обосновывая этот тезис, и считая свободу «величайшей ценностью и нации, и отдельного человека», И.Л. Солоневич также как и многие консерваторы, допускал ее ограничения «в случае крайней и самоочевидной необходимости, какими являются воинская повинность, обязательное обучение или лишение свободы тех людей, которые отказываются уважать свободу ближнего своего» [10, с. 65]. Интересы свободы и власти должны подчиняться государственным интересам. Государство же, в свою очередь, заинтересовано в том, чтобы не нарушалась правда в общественной жизни, люди жили в согласии друг с другом, а всякое преступление наказывалось. Постулируя тезис о взаимозависимости понятий власти и свободы, консервативные мыслители отдают приоритет обязанностям над индивидуальными свободами и правами. Ограничение свободы способствует установлению социального порядка в обществе.

В-третьих, консервативное мировоззрение осознает необходимость некоторой модернизации, исходя из особенностей и традиций страны. Консервативные мыслители, наблюдая неизбежные перемены, происходившие в стране, отмечали: «Времена изменились, и теперь стало необходимым выяснить себе наши начала, доказывать себе самим, что наши начала отличны от иноземных...» [14, с. 96]. Важным вкладом в развитие государства в социально – экономической сфере стал вариант политики, предложенный Тихомировым, при котором оказывалась бы поддержка аграрной сфере, обеспечив эффективность и благосостояние крестьянского хозяйства, а также создавалась сильная национальная промышленность за счет активного вмешательства и контроля государством. Нужно отметить, что консервативные мыслители, имея свою позицию по отношению к идеям прогресса, впервые поставили вопрос о морально-нравственной «цене» прогресса и модернизации (как политической, так и научно-технической). Многие консерваторы отмечали двойственность прогресса и технических достижений. С одной стороны, прогресс означал либерализацию политики государства и капитализацию социально-экономической жизни: «капитализм – самое страшное, что выдвинуло последнее полу столетие...» [7, с. 211]. С другой стороны, не смотря на негативные стороны прогресса, консерваторы признавали, что «капитализм пока единственное средство спасти человечество от анархии» [7, с. 211].

В-четвертых, соблюдение правовых и нравственных норм, по мнению консерваторов, должно быть обусловлено верностью традиционным консервативным ценностям, связанных с семьей, религией и культурой. По теории российской государственности, выработанной консервативными идеологами, основу государства составляет его целостность, которая опирается на единство государственной национальности. Принцип государственной национальности должен стать основой единства страны. Он требует единых законов, единой системы управления, единого государственного языка – русского, единого «русского патриотизма», но при этом не подразумевает отказа других «племен», вошедших в состав государства, от своих языка, обычаев, религии, особенностей и т.п. [1, с. 5].

Консерваторы выдвинули теорию национальной идеи, которая сплотит весь народ и послужит созидательной силой для России. Подобной идеей стала идея патриотизма, идея единения всего общества. К. Леонтьев подчеркивал национальный характер консерватизма и писал: «Охранение у всякой нации своё, у турка - турецкое, у англичанина - английское, у русских - русское» [6, с. 171]. Консерваторами отмечалась особое отношение к вопросу просвещения и нравственности всех наций империи, которое во многом объяснялось не попыткой обоснования возвышения одной нации над другой, а, прежде всего, возложением на русскую нацию ответственности за судьбу государства, и, соответственно, судьбы наций, населяющих его. Л.А. Тихомиров полагал, что монархическая политика должна развивать различные средства культурного единения всех народностей государства: «Россия... создана русскими и держится только русскими. Только русская сила приводит остальные племена к некоторой солидарности между собой и с Империей» [12, с. 464]. Таким образом, национальная идея должна служить не целям национального обособления, а согласовываться с потребностями единения и сплочения всех народов России. Традиционным для консерваторов считалось мнение о том, что главным являлась не принадлежность к той или иной нации, а принадлежность к тому или иному вероисповеданию. Русским, в полном смысле этого слова, для консерваторов продолжал считаться не столько русский по крови, сколько русский «по вере» и «взглядам».

Определенные национальные, конфессиональные и культурные традиции определили популярность консервативных ценностей. При этом консервативная идеология может служить как подъему национального самосознания, так и обострению межнациональных противоречий. Однако, соглашаясь с тем, что в многонациональной России консерватизм содержит специфические национальные черты, русский консерватизм не тождественен национализму.

Другой составляющей национальных традиций и важной составляющей общественно-го устройства и стабильности общества в целом, консерваторы считали религию, в частности для России - православие. Идеологи консерватизма подчеркивали не только нравственную, но и социальную ценность религии. Именно она должна была выполнять функции инструмента социальной консолидации и духовной мобилизации населения. Поэтому первоочередную задачу консерваторы видели в укреплении религиозности русского общества, в поощрении развития русской церкви [5, с. 44-47]. Для своего существования и устойчивого развития государству нужно поддерживать руководящие принципы морали и нравственности общества. Для этого необходимо, чтобы власть базировалась на основе национальной религии, и всячески способствовала прогрессивной эволюции религиозной консолидации нации. «Государство тем сильнее и тем более имеет значение, - утверждал К.П. Победоносцев, - чем явственнее в нем обозначается представительство духовное. Только под этим условием поддерживается и укрепляется в среде народной и в гражданской жизни чувство законности, уважение к закону и доверие к государственной власти» [8, с. 405-406].

Таким образом, государственно-правовая идеология отечественного консерватизма постулирует «принципы сильного, социально справедливого государства, задачу возрождения традиционной духовности русского народа и народов, населяющих Россию, восстановление исторических границ страны» [9, с. 48]. Эти приоритеты и принципы способствуют решению задачи построения адекватного внешним и внутренним угрозам национальной безопасности России государственного устройства, вокруг которого произойдет консолидация российского общества. На современном этапе изучение исторического опыта становится необходимым условием понимания и решения проблемы обеспечения национальной безопасности в России, в которой, как и в XIX – начале XX вв., наблюдается стремление осмыслить наступающие перемены в сфере обеспечения национальной безопасности, сформулировать новые подходы к организации эффективного государственного управления в борьбе с угрозами в военной, экономической и политической областях. Обращение к традициям и подходам российских консерваторов позволяют укрепить национальную безопасность страны, решить вопросы, связанные с сохранением стабильного и устойчивого развития российской государственности, отечественной правовой и политической систем, выявить, на этой основе, факторы (внешние и внутренние), влияющие на обеспечение реального государственного суверенитета, безопасного и прогрессивного развития общества. Уникальность теорий российских консервативных деятелей, актуализирующих исследования идейных наработок политико-правовой мысли XIX– начала XX вв. для теории и практики современного отечественного государственно-правового развития национальной безопасности может стать важнейшим направлением правовой политики государства в сфере национальной безопасности.

Библиографические ссылки

1. «Зло исчезнет, как только во всем Величии Выступит Россия». Записка М.Н. Каткова Александру III / Публ. В.Л. Степанова // Источник. 1994. № 5. С. 4-9.
2. Аксаков И.С. День. 1862. № 22.
3. Ильин И.А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 2. Кн. 1. Наши задачи: Статьи, 1948-1951 гг. М. : Русская книга, 1993.
4. Ишанова М.В. Идея всемирного государства в отечественной политико-правовой мысли (М.А. Бакунин, А.Д. Градовский, Л.А. Тихомиров) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9-2 (47). С. 71-74.
5. Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М. : Печатня А.И. Снегиревой, 1905.
6. Леонтьев К.Н. Избранное. М. : Рарогъ, Московский рабочий, 1993.

7. Меньшиков М.О. Национальная империя : сборник статей. М. : Имперская традиция, 2004.
8. Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. М. : Русская книга, 2004.
9. Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 2006.
10. Солоневич И.Л. Народная монархия. М. : Институт русской цивилизации, 2010.
11. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. Собр. соч.: в 4 ч. Ч. 1. Происхождение и содержание монархического принципа. М. : Университ. тип, 1905.
12. Тихомиров Л.А. Последнее письмо Столыпину // Руководящие идеи русской жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2008. С. 461-466.
13. Фромм Э. Бегство от свободы / пер с англ. ; общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. М. : Прогресс, 1989.
14. Хомяков Д.А. Православие. Самодержавие. Народность. Минск : Беларус. грамата, 1997.

References

1. «Zlo ischeznet, kak tol'ko vo vsem Velichii Vystupit Rossiya». Zapiska M.N. Katkova Aleksandru III ("Evil will disappear, as soon as in all the Greatness Russia will perform", Note by M.N. Katkov to Alexander III), Publ. V.L. Stepanova. *Istochnik*, 1994, No. 5, pp. 4-9.
2. Aksakov I.S. Den' (Day). 1862, No. 22.
3. Il'in I.A. Sobr. soch. : v 10 t. T. 2. Kn. 1. Nashi zadachi: Stat'i, 1948-1951 gg (Complete Works : in 10 Vol. V. 2. Book 1. Our tasks: Articles, 1948-1951). Moscow, Russkaya kniga, 1993.
4. Ishanova M.V. Ideya vseмирного gosudarstva v otechestvennoi politiko-pravovoi mysli (M.A. Bakunin, A.D. Gradovskii, L.A. Tikhomirov) (The idea of a World State in the National Politico-Legal Thought (M.A. Bakunin, A.D. Gradovsky, L.A. Tikhomirov). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktik*, 2014, No. 9-2 (47), pp. 71-74.
5. Katkov M.N. O samoderzhavii i konstitutsii (On the Autocracy and Constitution). Moscow, Pechatnya A.I. Snegirevoi, 1905.
6. Leont'ev K.N. Izbrannoe (Selection). Moscow, Rarog", Moskovskii rabochii, 1993.
7. Men'shikov M.O. Natsional'naya imperiya (National Empire), sbornik statei. Moscow, Impereskaya traditsiya, 2004.
8. Pobedonostsev K.P. Velikaya lozh' nashego vremeni (Great Lie of Our Time). Moscow, Russkaya kniga, 2004.
9. Popov E.A. Russkii konservatizm: ideologiya i sotsial'no-politicheskaya praktika (Russian Conservatism: Ideology and Socio-Political Practice), dis. ... d-ra filос. nauk. Rostov-na-Donu, 2006.
10. Solonevich I.L. Narodnaya monarkhiya (The People's Monarchy). M., Institut russkoi tsivilizatsii, 2010.
11. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. Sobr. soch., v 4 ch., Ch. 1, Proiskhozhdenie i soderzhanie monarkhicheskogo printsipa (Monarchical Statehood. Complete Works in 4 Parts, Part 1. Origin and Content of the Monarchical Principle). Moscow, Universit. tip, 1905.
12. Tikhomirov L.A. Poslednee pis'mo Stolypinu (The Last Letter to Stolypin). *Rukovodyashchie idei russkoi zhizni*. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii, 2008, pp. 461-466.
13. Fromm E. Begstvo ot svobody (Flight from Freedom), per s angl., obshch. red. i poslesl. P.S. Gurevicha. Moscow, Progress, 1989.
14. Khomyakov D.A. Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost' (Orthodoxy. Autocracy. Nationality). Minsk, Belarus. gramata, 1997.

Дата поступления: 27.03.2018

Received: 27.03.2018

УДК 340

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ТРАКТОВКИ ОТНОШЕНИЯ
ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА
И ГОСУДАРСТВА В РАННИХ РАБОТАХ
Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ**

ИСМАГИЛОВ Игорь Рашидович

*юрист по корпоративному праву компании
Eurasian Resources Group (Люксембург).
E-mail: ismagilovir@gmail.com*

ЮБИН Игорь Геннадиевич

*аспирант Юридического института (Санкт-
Петербург), г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: ismagilovir@gmail.com*

**METHODOLOGICAL ASPECTS OF
INTERPRETING THE RELATIONSHIP
OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND
STATE IN G.W.F. HEGEL'S
EARLY WORKS**

ISMAGILOV Igor Rashidovich

*Corporate Lawyer of Eurasian Resources
Group (Luxembourg).
E-mail: ismagilovir@gmail.com*

YUBIN Igor Gennadievich

*Postgraduate Student of the Law Institute (St.
Petersburg), St. Petersburg, Russia.
E-mail: ismagilovir@gmail.com*

Критикуя методологическую ограниченность эмпиризма и рационализма, Г.В.Ф. Гегель разрабатывал теоретические предпосылки ее преодоления на основе понятия свободы как всеобщей духовной сущности. При этом он создавал соответствующую методологию такой трактовки понятия свободы с его последующей экстраполяцией на проблемы отношения личности, общества и государства. Основы такого подхода закладывались уже в ранний период творчества немецкого ученого.

Criticizing the methodological limitation of empiricism and rationalism, G.W.F. Hegel developed theoretical prerequisites for overcoming it on the basis of the concept of freedom as a universal spiritual entity. At the same time, he created an appropriate methodology for such an interpretation of the concept of freedom with its subsequent extrapolation to the problems of the relationship of the individual, society and state. The foundations of this approach were laid already in early works of the German scientist.

Ключевые слова: право; гражданское общество; государство; личность; свобода; методология; Гегель; Кант.

Keywords: law; civil society; state; personality; freedom; methodology; Hegel; Kant.

Вопросы теории государства и права всегда стояли в центре внимания Г.В.Ф. Гегеля [4; 6; 8; 10, с. 237-259; 11]. В его ранних произведениях, в большинстве своем переведенных на русский язык, закладывались предпосылки будущих идей «Философии права», шел генезис синтетической политико-правовой теоретической модели. С точки зрения проблем теоретико-методологических оснований правовой науки важно, что в «Конституции Германии» мы также находим критику, с одной стороны, упрощенного правового эмпиризма, занятого лишь описанием и классификацией политико-правовых феноменов без соответствующей научной рефлексии, и, с другой стороны, столь же отвлеченного и абстрактного рационализма, дедуцирующего свои определения из общих понятий вне отношения к почве реальных политических отношений. В результате получался лишь комплекс суждений, не имевший никакого действительного результата: рационалисты не смогли дедуцировать общего понятия государства, к которому они стремились, а эмпирики не смогли точно определить сущность немецкого государства, прикрывая отсутствие понятия ничего не значащими словами [2, с. 65]. Такого рода критика эмпиризма и рационализма в науке в дальнейшем станет неперенным элементом всех крупных работ Гегеля. В противоположность адептам уходящей науки прошлого

века, он считал, что подлинное научное знание должно быть действительным синтезом эмпирии и рациональности. Этот синтез воплощается в понятии предмета, выражающем его внутреннюю суть, его истину. И это содержание Гегель называл понятием.

Задачу правовой науки Гегель видел, прежде всего, в том, чтобы выявить и эксплицировать само понятие права и государства. «То, что уже не может быть выражено в понятиях, больше не существует» [2, с. 65], примером чему является германское государство начала XIX в. И наоборот, теория права, оторванная от социальной действительности, не может объяснить своего предмета. В этом Гегель видит отличие теории права и государства от других видов научных теорий, которые могут иметь содержание безотносительно к степени осуществленности своего объекта: «Планы и теории могут претендовать на реальность в той мере, в какой они осуществимы, значимость их не меняется от того, обрели они свое воплощение в реальности или нет; что же касается теории государства, то она может отражать состояние государства и конституции лишь постольку, поскольку она реальна» [2, с. 76].

Согласно воззрениям раннего Гегеля, истинное государство, т.е. государство, соответствующее своему понятию в том смысле, какой вкладывал в это слово будущий автор «Науки логики», должно обладать достаточными возможностями для защиты объединенных им масс людей и своей собственности, прежде всего земель. Государство должно отвечать требованиям целостности и внутренней устойчивости. Эти идеи Гегель развивает в первом параграфе своей работы, который так и называет: «Понятие государства». Утверждая, что Германия больше не является государством, Гегель показывает, что она не отвечает ни одному из критериев государства, не отвечает самому понятию государства. Она не подходит ни под одно из определений государства, данных Аристотелем. Его даже нельзя назвать анархией, поскольку для анархии также нужна некоторая политическая целостность: «Будь Германия государством, это состояние распада можно было бы с полным основанием вслед за одним иностранным ученым в области государственного права назвать анархией; однако этому препятствует то обстоятельство, что отдельные части империи конституировались в государства, сохраняющие некоторую видимость единства» [2, с. 76]. Современная ему Германия – это просто совокупность отдельных суверенных государств («Германия – больше не государство», – этой яркой фразой Гегель начинает Введение к своей «Конституции Германии»).

В современных условиях особую актуальность работе «Конституция Германии» придает то, что в ней Гегель рассматривает процесс трансформации реальных государств и соответствующее развитие самого понятия государства в результате тех фундаментальных изменений, которые внес в политико-правовую жизнь Вестфальский мир. Это важно, поскольку сегодня в связи с процессами глобализации все чаще ставят вопрос о кризисе самой модели «вестфальского государства» (например, Ю. Хабермас [12; 19]). Именно Вестфальский мир покончил, по мысли Гегеля, с прежней Германской империей, которая стала выглядеть архаизмом в кругу суверенных «вестфальских» государств и постепенно стала своего рода фантомным государственным образованием [2, с. 100, 146]. И будущий автор «Философии права» детально и обстоятельно рассматривает этот процесс, а также закреплявшие его дипломатические и правовые документы [2, с. 100-104]. В параграфе «Процесс образования государств в других европейских странах» Гегель исследует процесс становления модели «вестфальского государства» в целом, используя методы и историко-правового, и теоретико-правового анализа.

Следующим за работой «Конституция Германии» шагом на пути создания системной политико-правовой теории стала работа 1802–1803 гг. «О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве». Здесь Гегель развивает свою критику эмпирического и рационалистического в духе Нового времени способов истолкования права (последний он называет формальный способ), начало которой было положено в «Конституции Германии». Им он противопоставляет идею нового метода, который получает название «абсолютного»: «истинным отличием принципа науки можно считать только следующее: находится ли она в абсолютном единстве или вне абсолютного единства, в противоположности» [2, с. 188]. Поскольку в это

время Гегель, пока еще совместно с Шеллингом, стремился к преодолению односторонности субъективизма и объективизма в философии и к научному постижению идеи Абсолюта, снимающего в себе эти противоположности, постольку идея «абсолютного» метода становится для него особо актуальной. В понимании Гегеля и Шеллинга абсолютность метода означает не универсальность и не наличие каких-то гарантий автоматического достижения истины, а лишь способ диалектического восхождения от особенного к всеобщему, абсолютному.

Согласно гегелевской критике, эмпирический метод не может быть признан в строгом смысле слова научным, поскольку он ориентирует лишь на внешнее описание правовых явлений. Здесь, правда, выдвигаются некоторые основания для обобщения, но они являются чем-то случайным, недоказанным, а потому проблематичным. Формальная наука, напротив, отрывает абсолютное основание от особенного содержания, тем самым делая знание бессодержательным: «ту форму науки, где противоречие положено абсолютно, а чистое единство или бесконечность есть негативно абсолютное, полностью обособленное от содержания и положенное для себя, мы назовем чисто формальной наукой» [2, с. 189].

Абсолютный метод познания, развивающийся из трансцендентального метода Канта, познает в диалектическом равновесии, с одной стороны, единство правовой материи, а с другой стороны, множественность ее форм [2, с. 205]. Этот метод позволяет понять диалектическую природу главного основания права – свободы, которую эмпирический и формальный метод, абсолютизируя, соответственно всеобщее или индивидуальное, превращают в абстракцию: «Прежде всего, встречается ничтожная абстракция понятия всеобщей свободы, существующей якобы отдельно от свободы индивидуумов; на другой стороне находится столь же изолированная свобода индивидуумов» [2, с. 224]. Столетием позже аналогичную критику кантианства мы можем встретить в работах Г. Радбруха, апеллировавшего к понятию целевой установки, синтезирующей начало всеобщей свободы и свободы индивидуума [3; 5, с. 19-26]. Целевая установка в области явлений культуры выступает как стремление к ценности. При этом, чем о более масштабных и значительных явлениях культуры мы ведем речь, тем более высокого ранга является формирующая их система ценностей [15, с. 12-14].

Согласно Гегелю, у Канта мы находим совершенно односторонний взгляд на сущность правовой свободы. Свободу нельзя свести только к свободе социума, поскольку в ней растворяется индивидуальное. Но и чисто индивидуальная свобода невозможна, поскольку тогда индивид будет детерминирован чем-то внешним: «свобода, для которой нечто поистине внешнее было бы чуждым, не есть свобода; ее сущность и формальная дефиниция есть именно то, что нет ничего абсолютно внешнего» [2, с. 224]. Позже Гегель разовьет эту мысль в «Философии права» и наиболее четко выразит в своих «Лекциях по истории философии», комментируя Платона и воспроизводя его идею о том, что нельзя быть свободным и справедливым человеком, живя в несправедливом обществе. Переходным этапом к зрелой теории абсолютного идеализма Гегеля стала рукопись, озаглавленная «Система нравственности», относящаяся к 1805–1806 гг. Понятие нравственности в ней трактуется предельно широко. В отличие от морали, которую Гегель связывал преимущественно с субъективным миром человека, нравственность охватывает всю систему объективных, материальных и духовных, форм жизни гражданского общества, обуславливающих ориентацию личности на ценности абсолютного блага. Такая трактовка понятия нравственности как формы гармонизации отношения гражданского общества и государства войдет позднее и в «Философию права».

Здесь же и предвосхищается архитектура «Философии права». Гегель говорит о субъективном духе, связывая его, прежде всего, с проблемой воли человека. Далее – о действительном духе, аналоге позднейшего понятия объективного духа, охватывающем в единстве сферу морали и нравственности и посвященном проблематике договора, преступления и наказания, закона и моральных норм. Третий раздел посвящен понятию государственного устройства. В основу последнего положен принцип свободы, который применительно к государственному устройству трансформируется в методологический «органический принцип», посредством которого принцип свободы получает свое «механическое строение». Его вопло-

шение осуществляется через гармонию, живое бытие единого», управляемого и управляющего, народа и правительства [2, с. 364-365].

Библиографические ссылки

1. Верховов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // *Юридическая наука: история и современность*. 2015. № 8. С. 201-208.
2. Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М. : Мысль, 1978.
3. Грибов И.Н., Петросян Л.К. Г. Радбрух о ценностной сущности конституционных прав личности // *Юридическая наука: история и современность*. 2017. № 4. С. 195-197.
4. Денисов А.М., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Гегель и Савиньи: становление идеи историзма в праве // *Юридическая наука: история и современность*. 2017. № 3. С. 181-185.
5. Идея справедливости в традициях постклассической философии права : научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
6. Исмагилов И.Р., Клименко О.А., Мирзоев А.К. Гегель о суверенитете как конституционной ценности // *Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности : материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / под общ. ред. А.А. Ливеровского, В.П. Сальникова*. СПб. : Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. С. 138-144.
7. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Поиск эмпирических оснований справедливости и права в творчестве Томаса Гоббса, Джона Локка, Шарля Монтескье и Жана-Жака Руссо // *Мир политики и социологии*. 2016. № 10. С. 38-44.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»).
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // *Правовое поле современной экономики*. 2016. № 5. С. 155-164.
10. История философии права : монография / А.П. Альбов, В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, А.И. Пешков, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников, М.В. Сальников, Н.Н. Сотникова, Л.А. Чеговадзе ; отв. ред. : А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
11. Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля // *Мир политики и социологии*. 2016. № 7. С. 191-196.
12. Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // *Ученые записки юридического факультета*. 2015. № 39 (49).
13. Масленников Д.В., Пономарев А.В. Кантовская философия права в системе парадигм правовой мысли // *Юридическая мысль*. 2016. № 5. С. 52-58.
14. Мирзоев А.К. Суверенитет: генезис и концептуальная эволюция представлений в политико-правовой науке (исходные начала – Никколо Макиавелли и Жан Боден) // *Мир политики и социологии*. 2013. № 11. С. 149-157.
15. Сальников В.П. Право и свобода в качественной иерархии ценностей личности // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2006. № 9. С. 6-15.
16. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // *Мир политики и социологии*. 2016. № 9. С. 19-26.
17. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // *Юридическая наука: история и современность*. 2016. № 5. С. 173-179.

18. Тарасова Т.А. Становление форм государства и оптимальные способы управления обществом (через призму учения Н. Макиавелли) // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 45-50.
19. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. М. : Наука, 2005.

References

1. Verkhovodov E.V., Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. «Estestvennoe pravo» i «dobrode-tel'» v trudakh Aristotelya ("Natural Law" and "Virtue" in Aristotle's Works), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 201-208.
2. Gegel' G.V.F. Politicheskie proizvedeniya (Political Works). Moscow, Mysl', 1978.
3. Gribov I.N., Petrosyan L.K. G. Radbrukh o tsennostnoi sushchnosti konstitutsionnykh prav lichnosti (Radbruch on the Value Nature of Constitutional Rights of the Individual), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 4, pp. 195-197.
4. Denisov A.M., Ismagilov I.R., Maslennikov D.V. Gegel' i Savin'i: stanovlenie idei istorizma v prave (Hegel and Savigny: the Formation of the Idea of Historicism in Law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 3, pp. 181-185.
5. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoi filosofii prava, nauchnoe izdanie (The Idea of Justice in the Traditions of Postclassical Philosophy of Law: Scientific publication), R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Sal'nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva. Saint Petersburg, Fond «Universitet», 2012.
6. Ismagilov I.R., Klimenko O.A., Mirzoev A.K. Gegel' o suverenitete kak konstitutsionnoi tsennosti (Hegel on Sovereignty as Constitutional Value), *Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proporsional'nosti*, materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii po konstitutsionnomu pravu, Sankt-Peterburg, 20-22 maya 2016 g., pod obsch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Sal'nikova. Saint Petersburg, Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi ekonomicheskii universitet, 2017, pp. 138-144.
7. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Poisk empiricheskikh osnovanii spravedlivosti i prava v tvorchestve Tomasa Gobbssa, Dzhona Lokka, Sharlya Monteske i Zhana-Zhaka Russo (The Search for Empirical Grounds for Justice and Law in the Works of Thomas Hobbes, John Locke, Charles Montesquieu and Jean-Jacques Rousseau), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 10, pp. 38-44.
8. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskie traditsii i sovremennye modeli (Istoriko-pravovoi analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models (Historical and Legal Analysis of Theoretical Studies of Actual Issues of the Relationship of the Idea of Law and the Idea of Justice in the Twentieth and Twenty-First Centuries), monografiya. Saint Petersburg, Fond «Universitet», 2017. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).
9. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Filosofiya I. Kanta i G.V.F. Gegelya: refleksiya nachal spravedlivosti i prava (Philosophy of I. Kant and G.W.F. Hegel: Reflection over Sources of Justice and Law), *Pravovoe pole sovremennoi ekonomiki*, 2016, No. 5, pp. 155-164.
10. Istoriya filosofii prava (History of Philosophy of Law), monografiya, A.P. Al'bov, V.M. Baranov, Z.Sh. Idrisov, D.V. Maslennikov, A.I. Peshkov, M.B. Revnova, V.P. Sal'nikov, M.V. Sal'nikov, N.N. Sotnikova, L.A. Chegovadze, otv. red. : A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov. Saint Petersburg, Yuridicheskii institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskii un-t MVD Rossii, 1998.
11. Klimenko O.A. Ideya suvereniteta v filosofii prava G.V.F. Gegelya (The idea of Sovereignty in the Philosophy of Law of G.W.F. Hegel), *Mir politiki i sotsiologii*. 2016, No. 7, pp. 191-196.
12. Klimenko O.A. Problema sootnosheniya suvereniteta gosudarstv, narodov i lichnosti v kontseptsii deliberativnoi demokratii Yu. Khabermasa (The problem of the correlation of the sovereignty of states, peoples and individuals in the concept of J. Habermas's deliberative democracy), *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2015, No. 39 (49).
13. Maslennikov D.V., Ponomarev A.V. Kantovskaya filosofiya prava v sisteme paradigm pravovoi mysli (Kant's Philosophy of Law in the System of Paradigms of Legal Thought), *Yuridicheskaya mysl'*, 2016, No. 5, pp. 52-58.

14. Mirzoev A.K. Suverenitet: genezis i kontseptual'naya evolyutsiya predstavlenii v politiko-pravovoi nauke (iskhodnye nachala – Nikkolo Makiavelli i Zhan Boden) (Sovereignty: the Genesis and Conceptual Evolution of Representations in Politico-Legal Science (the Starting Principles - Niccolo Machiavelli and Jean Bodin)), *Mir politiki i sotsiologii*, 2013, No. 11, pp. 149-157.
15. Sal'nikov V.P. Pravo i svoboda v kachestvennoi ierarkhii tsennosti lichnosti (Right and Freedom in the Qualitative Hierarchy of Personal Values), *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2006, No. 9, pp. 6-15.
16. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. Platon, Aristotel', Foma Akvinskii i ideya spravedlivosti v estestvenno-pravovoi traditsii (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the Idea of Justice in the Natural-Legal Tradition), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 9, pp. 19-26.
17. Sal'nikov S.P., Klimenko O.A., Mirzoev A.K., Tret'yakov I.L. Zhan-Zhak Russo i Dzhon Lokk: nekotorye idei o suverenitete i estestvennom prave (Jean-Jacques Rousseau and John Locke: Some Ideas on Sovereignty and Natural Law), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2016, No. 5, pp. 173-179.
18. Tarasova T.A. Stanovlenie form gosudarstva i optimal'nye sposoby upravleniya ob-shchestvom (cherez prizmu ucheniya N. Makiavelli) (Formation of State Forms and the Best Ways to Manage Society (through the Prism of N. Machiavelli's Doctrine)), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 7, pp. 45-50.
20. Shul'ts V.L. Filosofiya Yu. Khabermasa (Philosophy of J. Habermas). Moscow, Nauka, 2005.

Дата поступления: 28.03.2018

Received: 28.03.2018

УДК 342.4

РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ

МАЗИТОВ Артур Ильдусович

аспирант кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: Isador1999@yandex.ru

Правовой нигилизм является насущной проблемой современного российского общества и государства. Многими теоретиками права правовой нигилизм указывается как одна из причин совершения преступлений, так как он характеризуется низким правосознанием, отсутствием уважения к праву, игнорированием права в повседневной жизни, когда личность или группа, прежде всего, руководствуется в своих действиях традициями, политическими, экономическими или иными интересами, но не законом. Ввиду большого влияния правового нигилизма на общество и государство, вопросы изучения и формирования научных представлений о правовом нигилизме сегодня являются весьма актуальными.

DEVELOPMENT OF VIEWS OF LEGAL NIHILISM

MAZITOV Artur Ildusovich

Postgraduate Student of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: Isador1999@yandex.ru

Legal nihilism is an actual problem of modern Russian society and state. Many legal theorists point out legal nihilism as one of the reasons for committing crimes, since it characterizes, by means of a low sense of justice, a lack of respect for the law, and preferential non-use of it in everyday life, when a person or group is primarily guided in their actions by traditions, political, economic or other interests, but not by law. In view of a great influence of legal nihilism on society and the state, the issues of studying and forming scientific ideas on legal nihilism are very relevant today.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовая культура, нигилизм, отрицание права, правовой идеализм, правовое государство, тоталитаризм.

Key words: legal nihilism, legal culture, nihilism, denial of law, legal idealism, rule-of-law state, totalitarianism.

Начиная работу о правовом нигилизме, стоит вспомнить фразу выдающегося советского и российского правоведа С.С. Алексеева: «О правовом нигилизме много говорят на самом высоком уровне, а я бы сказал жестче: мы сталкиваемся с тотальной недооценкой права. Именно с этим связаны все трудности, переживаемые нашим обществом. Стремление произвольно перекраивать существующую юридическую систему, манипулирование правовой материей приводят к крупным политическим и социально-экономическим просчетам, а то и к катастрофическим последствиям» [1]. Правовой нигилизм – это концепция воззрения на права и правовые институты, которая заключается в отрицании права, как системы общепринятых правил поведения, способных регулировать общественные отношения наиболее эффективным образом. Признавая важность и актуальность изучения правового нигилизма, соглашаясь в оценке его социальной опасности, российские правоведы, социологи, политики обнаруживают единство в формальном подходе к раскрытию понимания используемого ими словосочетания. Основной акцент делается на исследовании форм проявления и причин этого явления. По верному замечанию Н.И. Матузова, эта проблема до сих пор в полной мере не рассматривалась и в научном плане в должной мере не исследовалась [2, с. 40]. При этом, не смотря на значительное количество времени, которое нас отделяет от того момента, когда о правовом нигилизме писал Н.И. Матузов, учитывая огромное влияние правового нигилизма на российское общество и российскую действительность, в должной мере, проблема правового нигилизма и в настоящее достаточно не исследована. В исследовании правового нигилизма необходимо использовать системный подход, поскольку «правовой нигилизм – это системное качество, не сводимое по своей сущности к сумме элементов, его составляющих. Правовой нигилизм, как и нигилизм в целом, возникает на стыке природной, социальной и духовной сфер человеческого бытия. Это явление можно рассматривать как вечное и неискоренимое зло, и в тоже время – это неприятие. Недовольство существующим порядком вещей в мире, оппозиция в широком смысле этого слова, вечная, покуда жив человек» [3, с. 3].

Свойствами правового нигилизма, которые определяют его сущность, являются определенные воззрения на право, которые характеризуются отчуждением права как регулятора общественных отношений, негативные и нерациональные взгляды на право и закон, пренебрежительное отношение к законным правам и интересам окружающих и государства. Среди свойств правового нигилизма также можно отметить воззрения, которые относятся скептически или равнодушно к собственным законным правам или правам граждан, организаций или государства, отрицание ценности права и государства в смысловой категории. Для должного понимания определения «правовой нигилизм» необходимо рассмотреть понимание нигилизма как такового. Первые упоминания о нигилизме появились в эпоху Средневековья. В то время под нигилизмом понималось отсутствие христианской веры в бога, язычество, религиозное неверие или неприятие власти церкви. Латинское слово «*nihil*» означает ничто, ничего. Термин нигилизм встречается у «блаженного Августина» и обозначает как отсутствие веры в бога, так и религиозно-догматическое неверие, не принятие канонів святой церкви [4, с. 2].

Нигилизм как течение общественной мысли наибольшее распространение получил в XIX–XX вв., главным образом в Западной Европе и в России. Он был связан с такими философами, как Ф.Г. Якоби, П.Ж. Прудон, Ф. Ницше, М. Штирнер, М. Хайдеггер и др. Среди отечественной публицистической литературы стоит особенно выделить имя Николая Ивановича Надеждина, который ввел в русский литературный оборот слова «нигилист» и «нигилизм» в статье «Сонмище нигилистов» в журнале «Вестник Европы» [5, с. 95] в значении

скептиков и отрицателей. Первое упоминание нигилизма в отечественной научной литературе можно встретить в книге «Психологический сравнительный взгляд на начало и конец жизни» В. Берве – казанского профессора. Книга В. Берве впервые была издана в 1858 году и подверглась критике Н.А. Добролюбова [6, с. 151].

Интересные воззрения на проблему правового нигилизма среди власти можно увидеть у А.Ф. Кони, который в своих работах отстаивает права и свободы человека и гражданина против тирании и авторитарности государства, более того, А.Ф. Кони противопоставлял народное право на митинги и демонстрации как право на самооборону против правового нигилизма и деспотии властей, при этом, он отмечал устойчивую связь права и судебной системы с законом, правдой, уважению к правам человека: «...помимо уважения к закону должны выноситься уроки служения правде и уважения к человеческому достоинству» [7, с. 25].

Понятие нигилизма получило новое содержание в трудах Фридриха Ницше, родоначальника философской теории эстетического имморализма и пламенного пропагандиста индивидуалистического культа сильной личности [7, с. 7]. Что означает нигилизм? – спрашивает Ницше и отвечает: «То, что высшие ценности теряют свою ценность... нет цели, нет ответа на вопрос «зачем?»» [8, с. 152]. Ф. Ницше, который является убежденным сторонником имморализма, употребляет «нигилизм» в философском, социокультурном значении, понимая под ним несостоятельность, мещанство современного западного идеала человеческого бытия. Фридрих Ницше отрицает современные ценности, которые по его словам делают «маленького человека» [9, с. 326], своего рода Обломовых и Маниловых, которые не способны на целеполагание и достижение великих идеалов, которым для Ф. Ницше является сверхчеловек. Идеи нигилистических взглядов Ницше взяли свое начало в работе «Мир как воля и представление» Артура Шопенгауэра, который противопоставлял христианскому Богу вездесущее понятие «воля». У Шопенгауэра основой и животворящим началом всего оказывается не познавательная способность и активность человека, а воля как слепая, бессознательная жизненная сила. Тем самым в человеке разумном разум перестал считаться его родовой сущностью, ею становилась неразумная воля, а разум начинал играть второстепенную, служебную роль. Жизнь, жизненная сила, волевое напряжение – вот что вышло на авансцену, оттеснив интеллект и рациональность на задний план. Данное видение Шопенгауэра – это своего рода ответ нигилиста всей рациональной философии XVIII и XIX веков, среди которых наиболее враждебную позицию Артур Шопенгауэр занимал по отношению к Гегелю [10, с. 55].

Нигилизм у Хайдеггера – это свободная и чистая задача установления новых ценностей, освобождение от прежних ценностей как освобождение для некоей переоценки всех этих ценностей. Нигилистическая картина мира не исключает оба варианта развития событий. Так, гуманизм еще с античных времен обнаруживает тенденцию перерождаться в антропоцентризм, учение весьма двусмысленное, когда рушится привычное представление о смысле человеческой жизни и возникают радикальные идеологии, основанные на отказе от традиции, на отрицании многовекового опыта человечества, когда абсолютизация человека, признание его как «меры всех вещей» порождает не меньше трудностей, чем попытки изобретения социалистического или национального варианта гуманизма.

«Нигилизм есть чисто практическое миронастроение жителей большого города, у которых за спиной законченная культура и ничего впереди». «Перед нами, – пишет Шпенглер, – три формы нигилизма. Вчерашние идеалы, великие религиозные, государственные, художественные формы изжиты, и только этот последний акт культуры – ее самоотрицание – еще раз служит выражением пра-символа всего существования... без всякого отношения к будущему или прошедшему» [11, с. 56].

Если мы рассмотрим историческую литературу, то среди трудов Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, интересна точка зрения Ключевского, который обосновывает возникновение правового нигилизма в столь значительных объемах, которые были

присущи России и Византийской империи значительными, большими и труднодоступными территориями, когда лоно государственно-правового регулирования было трудно охватывать и взаимодействовать со столь значительными, малонаселенными территориями [12, с. 98]. В продолжении «классической» исторической школы, исторические труды С.Ф. Платонова – ученика В.О. Ключевского рассказывают о влиянии Земств и местного самоуправления на развитие правовой культуры [13, с. 106] в условиях крайне устойчивого правового нигилизма, в особенности, среди самовластного чиновничества и низших слоев населения, словом, тех социальных групп, уровень правовой культуры которых был предельно низким. Если в Западной Европе, по утверждению Освальда Шпенглера, нигилизм происходил вследствие «пресыщенности», то в Российской империи, вследствие правового неравенства и угнетения наиболее крупной социальной группы – крестьянства. Рационализм и практицизм пришли в Европу, и в этом новом направлении знания, труд, иные общечеловеческие ценности, даже такие как закон, государство и право, подчиняются пользе. Однако, и в Соединенных Штатах Америки, догматизм и экономическая выгода, нередко, выступают в качестве антагонистов праву и закону.

Среди оценок и определений правовому нигилизму стоит отметить его регулярное упоминание в предыдущих Посланиях Президента Российской Федерации. В своем выступлении на Втором Общероссийском форуме Д.А. Медведев отметил, что «... Россия, без преувеличения, это страна правового нигилизма. К сожалению (и я вынужден это констатировать как человек, который давно занимается правом), таким уровнем пренебрежения к праву не может «похвастаться» ни одна другая европейская страна. И это явление, уходящее в нашу седую древность» [14]. Различные аспекты правового нигилизма освещали и анализировали в своих трудах известные отечественные правоведы: С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.М. Баранов, П.П. Баранов, Б.П. Козьмин, В.Н. Карташов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лазарев, Н.И. Матузов, В.С. Нерсисянц, В.А. Туманов, С.А. Шейфер, Б.С. Эбзеев, А.И. Экимов и др.

Библиографические ссылки

1. Умер один из авторов Конституции России // Новостной портал vesti.ru: сайт. Москва, 2013. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1083904&1083904> (дата обращения: 01.03.2018).
2. Матузов Н.И. Общая теория права и государства. Правовой нигилизм и правовой идеализм. М. : Юрайт, 1998.
3. Горохов П. А. Социальная природа правового нигилизма. Оренбург : 1998.
4. Сафонов В.Г. Правовой нигилизм работников государственного аппарата и пути его преодоления. М : Университет Российской Академии Образования, 2004.
5. Надеждин Н.И. Сонмище нигилистов // Вестник Европы. СПб.: Вестник Европы, 1829.
6. Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина. Собр. соч. : в 9 т. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1961.
7. Кони А.Ф. Воспоминания. Собр. соч. : в 8 т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1963.
8. Гулина О.Р. Феномен правового нигилизма в современной России. Уфа : РИО БашГУ, 2003.
9. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Полное собр. соч. : в 13 т. Т. 10. М. : Культурная революция, 2016.
10. Шпенглер О. Parerga und paralipomena. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. М. : Дмитрий Сечин, 2012.
11. Шпенглер О. Закат Европы. М. : АСТ, 2007.
12. Ключевский В.О. Курс русской истории. Собр. соч. : в 9 т. Т. 2. М. : Мысль, 1987.
13. Платонов С.Ф. К истории московских земских соборов. Собр. соч. : в 6 т. М. : Наука, 2017.
14. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 05.11.2008 // Официальный сайт Президента Российской Федерации kremlin.ru. Москва, 2008 [Электронный ресурс]. URL://<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (дата обращения: 01.03.2018).

References

1. Umer odin iz avtorov Konstitutsii Rossii (One of the Authors of the Russian Constitution has died), *Novostnoĭ portal vesti.ru: sait.* Moscow, 2013. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1083904&1083904> (accessed date: 01.03.2018).
2. Matuzov N.I. Complete Works Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. Pravovoi nigilizm i pravovoi idealism (General Theory of Law and State. Legal Nihilism and Legal Idealism). Moscow, Yurait, 1998.
3. Gorokhov P. A. Sotsial'naya priroda pravovogo nigilizma (Social Nature of Legal Nihilism). Orenburg, 1998.
4. Safonov V.G. Pravovoi nigilizm rabotnikov gosudarstvennogo apparata i puti ego preodoleniya (Legal Nihilism of Workers of the State Apparatus and Ways of Its Overcoming). Moscow, Universitet Rossiiskoi Akademii Obrazovaniya, 2004.
5. Nadezhdin N.I. Sonmishche nihilistov (The Crowd of Nihilists), *Vestnik Evropy.* SPb., Vestnik Evropy, 1829.
6. Dobrolyubov N.A. Chto takoe oblomovshchina. Sobranie sochinenii, v 9 t. (Complete Works, in 9 vols.). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi li-teratury, 1961.
7. Koni A.F. Vospominaniya. Sobranie sochinenii, v 8 t. T. 1. (Complete Works, in 8 vols.). Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1963.
8. Gulina O.R. Fenomen pravovogo nigilizma v sovremennoi Rossii (The Phenomenon of Legal Nihilism in Modern Russia). Ufa, RIO BashGU, 2003.
9. Nitshe F. Tak govoril Zaratustra. Polnoe sobranie sochinenii, v 13 t. T. 10. (Complete Works, in 13 vols.). Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, 2016.
10. Shopengauer A. Parerga und paralipomena. Sobranie sochinenii, v 6 t. T. 5. (Complete Works, in 6 vols.). Moscow, Dmitrii Sechin, 2012.
11. Shpengler O. Zakaz Evropy (Order of Europe). Moscow, AST, 2007.
12. Klyuchevskii V.O. Kurs russkoi istorii. Sobranie sochinenii, v 9 t. T. 2. (Complete Works, in 9 vols.). Moscow, Mysl', 1987.
13. Platonov S.F. K istorii moskovskikh zemskikh soborov. Sobranie sochinenii, v 6 t. (Complete Works, in 6 vols.). Moscow, Nauka, 2017.
14. Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii ot 05.11.2008 (Address to the Federal Assembly of the Russian Federation of 05.11.2008), *Ofitsial'nyi sait Prezidenta Rossiiskoi Federatsii kremlin.ru.* Moscow., 2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968> (accessed date: 01.03.2018).

Дата поступления: 25.01.2018

Received: 25.01.2018

**КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО**

УДК 340

**О ПРИНЦИПАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КАК ЭЛЕМЕНТАХ СТРАТЕГИИ
ЕГО РАЗВИТИЯ**

ЛИПИНСКИЙ Дмитрий Анатольевич

*доктор юридических наук, профессор, про-
фессор Тольяттинского государственного
университета, г. Тольятти, Россия.*

E-mail: Dmitri8@yandex.ru.

**ON THE PRINCIPLES OF STATE AND
MUNICIPAL ADMINISTRATION AS
STRATEGY ELEMENTS FOR ITS
DEVELOPMENT**

LIPINSKIY Dmitry Anatolievich

*Doctor of Law, Professor, Professor of the
Togliatti State University, Togliatti, Russia.*

E-mail: Dmitri8@yandex.ru.

Властная деятельность государственных органов и государственных служащих облачена в правовую форму. Поэтому принципы государственного управления в определенной части могут совпадать с принципами государства и государственных органов. Ученые пытаются вывести принципиальные различия между принципами функционирования государства и принципами государственного управления. Возможно, такое различие необходимо проводить, но не на уровне общих и системных принципов. Принцип взаимной юридической ответственности выступает в качестве одного из системных принципов, на котором основывается государство в целом, а тем более, вставшее на путь построения правового, и находится в основе управленческой деятельности государственных органов и государственных служащих. Реализация принципа ответственности в государственном управлении должна обеспечиваться системой правовых норм, в противном случае он теряет свои способы реализации. Принцип ответственности в государственном управлении в ряде случаев все еще остается декларацией и не снабжен механизмами реализации.

Ключевые слова: правовое государство; принципы правового государства; взаимная ответственность; принципы управления; виды принципов; правовые декларации.

The organizational and administrative activity of state bodies and civil servants has a legal form. Therefore, the principles of state governance in a certain part may coincide with the principles of the state and state bodies. Scientists try to develop fundamental differences between state functioning principles and state governance principals. Perhaps such a distinction should be made, but not at the level of general and systemic principles. It seems that the principle of mutual legal responsibility acts as one of the system principles on which the state as a whole is based, and even more so, if it aims to be a rule-of-law one and this principle is at the basis of the governance activity of state bodies and civil servants. The implementation of the principle of responsibility in state administration should be ensured by a system of relevant legal norms, otherwise it loses its implementation methods. At present, the principle of responsibility in state administration in a number of cases is still a declaration and is not provided with real implementation mechanisms.

Key words: rule-of-law state; principles of the rule-of-law state; mutual responsibility; governance principles; types of principles; legal declarations.

Прежде чем анализировать принципы управления, необходимо остановиться на общем понятии «принцип». Любое явление, любая система основана на определенных принципах. Не является исключением и система государственного управления. В общем виде принципы

государственного управления – это отправные идеи (начала), в которых отражается сущность и закономерности государственного управления, находящие свое проявление в государственной управленческой деятельности. При различных интерпретациях понятия «принцип государственного управления» отмечаются такие свойства как: исходное начало; отражение сущности; руководство к действию; наличие свойства управления у самого принципа; отражение закономерностей государственного управления [1, с. 100; 2, с. 64; 3, с. 252].

В научной литературе предлагается различный набор принципов государственного (публичного) управления, которые в свою очередь образуют сложную систему. Наиболее развернутый перечень принципов государственного управления приводит И.В. Понкин. По его мнению, данная система включает: «общеправовые и общеполитические принципы публичного управления; специальные принципы публичного управления; организационные (институциональные) принципы построения государственной администрации и реализации публичного управления; кибернетические и гибридные принципы публичного управления» [3, с. 156]. Автор отмечает, что «принцип публичного управления» сопрягается с понятием «правовой принцип», вместе с тем содержательно отличаясь от него» [3, с. 156]. Ссылаясь на А.М. Васильева, И.В. Понкин обосновывает сопряженность принципов публичного управления с общеправовыми императивами, но буквально через одну страницу критикует ученых, которые смешивают принципы публичного управления с принципами государственной службы, разработки законодательства и так далее. Однако они не могут не пересекаться ввиду того, что олицетворением государства выступают государственные органы, государственные служащие, которые являются одновременно и носителями государственной власти, а при ее помощи властвующий субъект подчиняет себе подвластного субъекта. Государственные органы, государственные служащие – это субъекты государственного управления, наделенные полномочиями, которые они должны осуществлять на основе правовых принципов.

Властная организационно-распорядительная деятельность государственных органов и государственных служащих облачена в правовую форму. Поэтому принципы государственного управления в определенной части могут совпадать с принципами государства и государственных органов. Признает это и сам И.В. Понкин, когда выделяет в своей классификации общеправовые и общеполитические принципы государственного управления. Приведённая им классификация очень напоминает более развернутый вариант деления принципов на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. При этом очень странно, что в числе «общеправовых и общеполитических принципов публичного управления» не нашлось места принципу взаимной юридической ответственности, который не должен подменяться принципами нравственности, справедливости и связанности с правовым характером государства.

Ученые пытаются вывести принципиальные различия между принципами функционирования государства и принципами государственного управления. Возможно, такое различие и необходимо проводить, но не на уровне общих и системных принципов. Можно обратиться к определению государственного управления. Так, под ним понимают «практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочивания, сохранения или преобразования, опирающееся на его властную силу» [4, с. 110]. Управляющее воздействие исходит от государства, которое основывается на ряде принципов и они не могут не реализовываться при осуществлении этого воздействия, а если уйти на иной уровень абстрагирования, то мы увидим, что данное воздействие осуществляют государственные органы и их представители – государственные служащие, а также лица, занимающие государственные должности. Поэтому остается не ясным позиция ученых, которые в числе принципов государственного управления называют федерализм, законность, разделение власти, демократизм (а последние два принципа – это принципы правового государства), но умалчивают о принципе взаимной юридической ответственности, а он в своем идеале должен «пронизывать» всю иерархию субъектов государственного

управления. Юридическая ответственность выступает сдерживающим и управляющим фактором, предопределяющим управленческую деятельность государства и государственных органов. Думается, что принцип взаимной юридической ответственности выступает в качестве одного из системных принципов, на котором основывается государство в целом, а тем более, вставшее на путь построения правового, а также данный принцип находится в основе управленческой деятельности государственных органов и государственных служащих.

В данной статье не анализируем ответственность другой стороны – граждан, их объединений, то есть управляемых субъектов, а остановимся на ответственности субъектов государственного управления. О персональной ответственности субъектов управленческой деятельности стали писать еще до официального признания в нашей стране идеологии правового государства [5, 6, 7, 8]. Ввиду господствовавшей в тот период идеологии ученые не могли прямо отмечать существование принципа взаимной ответственности, а подменяли его понятиями «персональная ответственность», «функциональная ответственность», «ответственность за порученное дело», «ответственность за подготавливаемые решения» и так далее.

Взаимная ответственность как принцип государственного управления должна рассматриваться, исходя из ее позитивной составляющей, которая выражается в том, что в процессе государственного управления субъекты, наделенные властными полномочиями, добросовестно реализуют правомочия, не злоупотребляют ими, исполняют обязанности и соблюдают, возложенные на них запреты. От деятельности государственных служащих зависит реализация прав и свобод человека, благосостояние населения, их решения оказывают влияние в краткосрочной и долгосрочной перспективе. На управленческих решениях основывается экологический, энергетический, радиационный контроль, от эффективности которого зависит безопасность целых регионов и выживаемость человека как биологического вида. Такая постановка вопроса присутствует не только в отечественных, но и в зарубежных исследованиях. Так, Ханс Йонас исследовал принцип ответственности через особенности влияния человека на окружающую среду, сохранение биологических видов. Им поставлен вопрос о том, что ответственность за сохранение человечества должна стать принципом третьего тысячелетия [9]. Всем известны недавние трагические события в Кемерово, когда в результате пожара погибло 64 человека, в том числе 41 ребенок. Расследование еще не закончено, но уже сейчас очевидно, что к таким трагическим последствиям привела целая цепочка безответственных управленческих решений государственных служащих, от дачи разрешения на ввод здания в эксплуатацию, до преступного попустительства различным нарушениям правил техники безопасности. Указанное выше еще раз подчеркивает интегративность принципа юридической ответственности, который пронизывает все сферы общественных отношений.

Управленческие решения существуют на разных уровнях: государства в целом; государственных органов; государственных служащих, которые коррелируют с тремя уровнями ответственности: государства в целом; государственных органов и государственных служащих. Ввиду процессов интеграции и глобализации ответственность международного сообщества государств становится принципом их деятельности при принятии решений и их исполнении, что непосредственно подчеркивается в Уставе ООН: государства – члены ООН возлагают на Совет Безопасности «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» [10]. «Члены ООН несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления» (ст. 73). По своим обязательствам перед мировым сообществом отвечает государство в целом. Кроме того, давно уже перестали быть редкостью иски граждан, обращенные непосредственно к государству. Из статей 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации следует правило, что государство должно нести полную имущественную ответственность за вред, причиненный незаконными действиями или бездействием их органов, а также в результате издания незаконных ненор-

мативных и нормативных актов. Президиум ВАС РФ в своем информационном письме от 31 мая 2011 года № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» отмечает, что «ответчиком по иску о возмещении вреда может быть только публичное образование». Таким образом, в качестве ответчика выступает Российская Федерация или ее субъект. Конкретный государственный орган является в таких отношениях представителем Российской Федерации или ее субъекта.

Если обратиться к ст. 4 второго раздела Конституции РФ, то в ней указано, что «совет Министров – Правительство РФ со дня вступления в силу настоящей Конституции приобретает права, обязанности и ответственность Правительства Российской Федерации». Понятие ответственности употребляется в данном случае в его позитивном, а не негативном значении.

Ответственность называется в качестве одного из принципов деятельности Правительства Российской Федерации (ст. 3 Федерального Конституционного Закона РФ «О Правительстве Российской Федерации») [11]. «Гражданин и государство Российской Федерации связаны взаимными правами, ответственностью и обязанностями», – отмечается в Постановлении Конституционного Суда РФ [12]. «Субъекты, включенные в правовую сферу, неизбежно оказываются взаимно связаны между собой, с одной стороны, правомочиями и притязаниями, а с другой – обязательствами и ответственностью» [13, с.9]. Основа принципа взаимной юридической ответственности закреплена в Конституции РФ, так как именно в ней определяется общая правовая связь гражданина, человека и государства. Признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанность государства» – указано в ст. 2 Конституции РФ. На гражданах находится обязанность по соблюдению Конституции РФ (ч. 2 ст. 15). Н.И. Матузов справедливо отметил, что «в первом случае это означает, что российские граждане как носители прав выступают по отношению к государству в качестве управомоченных, а государство по отношению к ним является правообязанной стороной, а во втором, государство выступает управомоченной стороной, а граждане – правообязанной стороной» [13, с. 9]. На более низком уровне обобщения принцип ответственности государственного правления трансформируется в принцип ответственности государственных служащих за подготавливаемые и принимаемые решения, исполнение обязанностей и соблюдение запретов, в том числе и в сфере антикоррупционной деятельности.

Реализация принципа ответственности в государственном управлении должна обеспечиваться системой соответствующих правовых норм, в противном случае он теряет свои способности реализации. В настоящее время принцип ответственности в государственном управлении в ряде случаев все еще остается декларацией и не снабжен реальными механизмами реализации. В настоящей статье мы только отметим существующие проблемы в данной сфере.

1. Часто происходит декларирование юридической ответственности в законодательстве, путем формулирования отсылочных, указывающих, что субъект несет ответственность в «соответствии с действующим законодательством».

2. Наличие в действующем законодательстве необоснованно широкого перечня лиц, обладающих иммунитетами от уголовной и (или) административной ответственности, которые фактически исключают реальную возможность привлечения субъекта к ответственности.

3. Отсутствие полного соответствия в служебном и ином законодательстве требованиям международных стандартов в области борьбы с коррупцией.

4. Отсутствие в законодательстве четких оснований ответственности государственных органов и лиц занимающих государственные должности.

5. Слабый контроль за деятельностью государственных органов и должностных лиц со стороны институтов гражданского общества, что обусловлено как отсутствием соответствующих правовых механизмов, так и незрелостью самого гражданского общества в нашей стране.

Библиографические ссылки

1. Охотский Е.В. Теория и механизмы современного государственного управления. М. : Юрайт, 2017.
2. Понкин И.В. Общая теория публичного управления: правовые основы, цели, инструменты, принципы, модели и концепты публичного управления. М. : Буки Веди, 2016.
3. Понкин И.В. Теория публичного управления. М.: Буки Веди, 2017.
4. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М. : Юрид. лит., 1997.
5. Агеева Е.А. Юридическая ответственность в государственном управлении (социально-правовой аспект). Л. : ЛГУ, 1990.
6. Боброва Н.А., Зражевская Т.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм (государственно-правовые аспекты). Воронеж, 1985.
7. Бельский К.С. Персональная ответственность в советском государственном управлении (понятие, формы, факторы укрепления). М. : ВЮЗИ, 1988.
8. Бачило И.Л. Компетенция и ответственность субъектов управления // Советское государство и право. 1981. № 11. С. 21-28.
9. Hesselink M. W. The General Principles of Civil Law: their Nature, Roles and Legitimacy // Centre for the Study of European Contract Law Working Paper Series. № 2011-14. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1932146> (дата обращения: 10.10.2017).
10. Устав ООН и Статут международного суда. М., 1992.
11. Собрание законодательства РФ. 1997. № 51 . Ст. 5712.
12. Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 54.
13. Матузов Н.И. Конституционные нормы и общерегулятивные правоотношения // Конституционное развитие России : Межвузовский сборник научных статей. Саратов, 1996.

References

1. Okhotskii E.V. Teoriya i mekhanizmy sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya (Theory and Mechanisms of Modern Public Administration). M., Yurait, 2017.
2. Ponkin I.V. Obshchaya teoriya publichnogo upravleniya: pravovye osnovy, tseli, instrumenty, printsipy, modeli i kontsepty publichnogo upravleniya (General Theory of Public Administration: Legal Framework, Goals, Tools, Principles, Models and Concepts of Public Administration). Moscow, Buki Vedi, 2016.
3. Ponkin I.V. Teoriya publichnogo upravleniya (Theory of Public Administration). Moscow, Buki Vedi, 2017.
4. Atamanchuk G.V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya (Theory of State Administration). Moscow, Yurid. lit., 1997.
5. Ageeva E.A. Yuridicheskaya otvetstvennost' v gosudarstvennom upravlenii (sotsial'no-pravovoi aspekt) (Legal Responsibility in State Administration (Socio-Legal Aspect). L., LGU, 1990.
6. Bobrova N.A., Zrazhevskaya T.D. Otvetstvennost' v sisteme garantii konstitutsionnykh norm (gosudarstvenno-pravovye aspekty) (Responsibility in the System of Guarantees of Constitutional Norms (State Law Aspects). Voronezh, 1985.
7. Bel'skii K.S. Personal'naya otvetstvennost' v sovetskom gosudarstvennom upravlenii (ponyatie, formy, faktory ukrepleniya) (Personal Responsibility in the Soviet Government (Concept, Forms, Reinforcement Factors). Moscow, VYuZI, 1988.
8. Bachilo I.L. Kompetentsiya i otvetstvennost' sub'ektov upravleniya (Competence and Responsibility of the Subjects of Management), *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1981, No. 11, pp. 21-28.
9. Hesselink M. W. The General Principles of Civil Law: their Nature, Roles and Legitimacy // *Centre for the Study of European Contract Law Working Paper Series*, No. 2011-14. Available at: <http://ssrn.com/abstract=1932146> (accessed date: 10.10.2017).
10. Ustav OON i Statut mezhdunarodnogo suda (The UN Charter and the Statute of the International Court of Justice). Moscow, 1992, p. 20.

11. Sbornie zakonodatel'stva RF (Collection of Legislation of the Russian Federation), 1997, No. 51, St. 5712.
12. Sbornie zakonodatel'stva RF (Collection of Legislation of the Russian Federation), 1996, No. 1, St. 54.
13. Matuzov N.I. Konstitutsionnye normy i obshcheregulyativnye pravootnosheniya (Constitutional Norms and General Regulative Legal Relations), *Konstitutsionnoe razvitie Rossii*, Mezhdvuzovskii sbornik nauchnykh statei. Saratov, 1996, p. 19.

Дата поступления: 29.03.2018

Received: 29.03.2018

УДК 342.4

**КОНЦЕПЦИЯ «МОЛЧАЛИВОЙ»
ТРАНСФОРМАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ
НОРМ БЕЗ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ,
ДОПОЛНЕНИЙ И ПОПРАВОК В НИХ
ПОСРЕДСТВОМ ТОЛКОВАНИЯ И
ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ**

МОКОСЕЕВА Марина Александровна
*кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Марийский государственный
университет», г. Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: pvl_mkst@mail.ru*

**THE CONCEPT OF “SILENT”
TRANSFORMATION OF
CONSTITUTIONAL LEGAL NORMS
WITHOUT MAKING CHANGES,
ADDITIONS AND AMENDMENTS TO
THEM THROUGH INTERPRETING AND
APPLYING LEGAL POSITIONS**

MOKOSEEVA Marina Aleksandrovna
*Candidate of Sciences (Law), Associate Profes-
sor, FSBEI HE “Mari State University”,
Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: pvl_mkst@mail.ru*

Разрабатывается концепция трансформации конституционных правовых норм без внесения изменений, дополнений и поправок в нормативные правовые акты. Под концепцией трансформации конституционных правовых норм понимается изменение, дополнение и внесение поправок в конституционные нормативные правовые акты без соблюдения классической техники и методологии внесения изменений, дополнений и поправок в текст актов посредством: 1) толкования конституционных правовых норм конституционными и уставными судами, в т.ч. толкования ранее принятого решения; 2) применения правовых позиций конституционных и уставных судов; 3) ратификации международных правовых актов и 4) имплементации решений иностранных судов. На сегодняшний день можно констатировать появление нового способа правотворчества – это трансформация конституционных правовых норм без внесения изменений, дополнений и поправок в них.

This article is devoted to the development of the concept of transformation of constitutional legal norms without changes, additions and amendments directly to the text of normative acts. Moreover, the conception of transformation of constitutional norms means bringing changes, additions and amendments into legal acts without observing classical techniques and methods directly to the text of acts through: 1) interpretation of constitutional legal acts by constitutional and statutory courts, including the interpretation of the earlier decision; 2) application of legal positions of constitutional and statutory courts; 3) ratification of international legal acts and 4) implementation of foreign courts decisions. Nowadays we can observe the appearance of a new way of lawmaking, which is a transformation of constitutional legal norms without making changes, additions and amendments.

Ключевые слова: правотворчество, трансформации конституционных правовых норм, изменение, дополнение и внесение поправок в конституционные нормативные правовые акты.

Key words: lawmaking, transformation of constitutional and legal norms, change, additions and amendments to the constitutional regulatory legal acts.

Первая трансформация конституционных правовых норм без внесения изменения, дополнений и поправок в них имела место в 1995 г., когда Конституционный Суд Российской Федерации дал толкование ч. 4 ст. 105 и ст. 106 Конституции Российской Федерации в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 марта 1995 г. N 1-П и регламентировал особенности законодательного процесса в Российской Федерации, а именно, дал толкование распространяется ли 14-дневный срок, установленный для рассмотрения и одобрения федеральных законов в Совете Федерации, на федеральные законы по вопросам, перечень которых дан в ст. 106 Конституции. Последствия трансформации следующие: Совет Федерации освобождается от обязанности рассматривать федеральные законы, подлежащие обязательному рассмотрению в этой палате (в соответствии со ст. 106 Конституции), в 14-дн. срок. Теперь достаточно начать рассмотрение не позднее 14 дней после передачи закона в Совет Федерации. При этом, если Совет Федерации в течение 14 дней не завершит рассмотрение закона, то он не считается одобренным и его рассмотрение продолжается на следующем заседании Совета Федерации до вынесения решения о его одобрении либо отклонении. Отметим, что за всю историю существования Конституционного Суда РФ им было принято только 13 решений о толковании Конституции Российской Федерации в период с 1995 по 2015 годы. Последнее толкование было осуществлено 1 июля 2015 г. по делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации. Последствием трансформации стал перенос даты очередных выборов депутатов Государственной Думы.

Толкованием Конституции Российской Федерации Конституционный Суд устраняет обнаружившуюся неопределенность в соотношении различных положений, выясняет объективный смысл и содержание позитивных правовых принципов. Определением от 5 ноября 1998 года Конституционный Суд установил, что цель толкования состоит "в том, чтобы, устранив неопределенность в понимании конституционных положений, обеспечить надлежащее их применение, соблюдение, исполнение и использование" (п. 4 мотивировочной части) [3, с. 77-91].

Большинство ученых конституционалистов считают, что при толковании новые конституционные нормы не создаются, например В.О. Лучин [4, с. 536, 537], но по сути это не так, трансформация норм права имеет место быть, правда, специфическая без преобразования содержания самой Конституции. В постановлении Конституционного Суда от 19 мая 1992 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности постановления Верховного Совета РСФСР от 18 декабря 1991 г. «О толковании статьи 183 Конституции (Основного Закона) РСФСР» указано, что недопустимо искажение содержания конституционно-правовой нормы в процессе ее толкования [8, с. 80-88]. Однако интерпретационные положения, сформулированные конституционными и уставными судами в актах толкования Основных Законов, в дальнейшем обязательно находят свое закрепление в законодательстве в виде правовых норм, т.е. в дальнейшей трансформации. Н.В. Витрук считает, что органы конституционного правосудия фактически осуществляют функции «позитивного» законодателя. Например, Постановление от 11 декабря 1998 года (толкование ч. 4 ст. 111), согласно которому Президент РФ вправе дважды или трижды представлять одного и того же кандидата на должность Председателя Правительства. По мнению М.А. Краснова, это толкование не соответствует статьям 1, 3, 10 Конституции Российской Федерации. Толкование ст. 111 Конституции, в данном конкретном случае представляет собой новую норму, ибо оно не конкретизирует конструктивные положения, а полностью меняет их [2, с. 44-64]. Насколько бы серьезными были бы последствия политиче-

ских преобразований в сентябре 1998 г., если бы Конституционный Суд дал другое толкование и заставил Б.Н. Ельцина подыскивать все время разные кандидатуры Председателя Правительства. Это заставило бы Президента и Государственную Думу искать компромисс в условиях срочности формирования Правительства [3, с. 77-91].

Итак, акты толкования являются разновидностью нормативно-правовых актов, а содержащиеся в них положения интерпретационного характера – составной частью процесса правотворчества. А.В. Мазуров считает, что данный способ «молчаливой» трансформации конституционных норм практически себя изжил. Он отмечает, что «чем больше проходит времени от принятия Конституции, тем меньше вероятность принятия постановления Конституционного Суда о толковании ее положений. Правовое пространство постепенно заполняется актами законодательства, содержащими свое толкование Конституции, а также решениями Конституционного Суда по другим категориям дел, которые также содержат толкование Конституции. Было бы странно, если спустя полтора десятилетия действия Конституции обнаружилась бы неопределенность ее положений, которые стали основой многочисленных нормативных актов и судебных решений. Такое толкование наиболее вероятно лишь для положений Конституции, которые бездействовали (например, ст. 93)» [5, с. 85].

В законодательстве ряда государств дан однозначный ответ на вопрос о юридической природе решений Конституционного Суда РФ. Например, согласно ст. 94 Основного Закона ФРГ решение федерального конституционного суда приравнивается по юридической силе к закону в случае прямого указания на это в законодательстве. В Литве, Казахстане, Беларуси, Азербайджане решения органов конституционного контроля также официально признаны источниками права в форме нормативных актов. В Республике Беларусь акты Конституционного Суда определяются как нормативные. Следует обратить особое внимание на то, что нормативный характер имеют не все акты Конституционного Суда Республики Беларусь, а лишь акты, принимаемые Конституционным Судом в порядке последующего конституционного контроля, и решения, принимаемые в порядке обязательного предварительного контроля, а также решения об устранении правовых пробелов, исключении коллизий и правовой неопределенности. В соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь "О нормативных правовых актах Республики Беларусь" акты Конституционного Суда, наряду с постановлениями Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда, определяются как нормативные правовые акты, принятые в пределах его компетенции по регулированию общественных отношений, установленной Конституцией Республики Беларусь и принятыми в соответствии с ней иными законодательными актами. Сущностные свойства актов толкования конституций в Российской Федерации раскрываются в постановлении Конституционного суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании конституционных положений отдельных положений статей 125, 126, 127 Конституции Российской Федерации». В этом постановлении указано, что акты Конституционного Суда РФ имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа. Конституционный суд Республики Башкортостан в постановлении от 26 ноября 1998 г. № 8-П «По делу о толковании отдельных положений статей 132 и 135 Конституции Республики Башкортостан» высказал аналогичную правовую позицию.

Таким образом, в акте толкования Основного Закона закрепляются предписания, связанные с уточнением и конкретизацией действительного смысла толкуемых положений. Данные предписания имеют такое же действие, как и толкуемые положения, их применение не ограничивается рамками конкретного дела. Поэтому следует согласиться с Т.Я. Хабриевой, что толкование может стать альтернативной для принятия конкретизирующих поправок в текст Основного Закона [8, с. 80-88].

Вполне допустимо признать решения конституционных (уставных) судов по наиболее важным вопросам о толковании конституций (уставов), о признании нормативных актов или

их частей соответствующими или не соответствующими конституциям (уставам), по результатам рассмотрения споров о компетенции между органами государственной власти в качестве нормы права. Однако мы должны понимать, что это не классический пример нормы права [7, с. 967-977]. Вместе с тем абсолютно все решения органов конституционной юстиции, безусловно, нельзя признавать актами нормативного содержания и соответственно влекущими за собой дальнейшую трансформацию норм права.

Впервые законодательное понятие "правовая позиция" появилось в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ "О Конституционном Суде Российской Федерации". В ст. 73 данного Закона содержалось положение, согласно которому "... в случае, если большинство участвующих в заседании палаты судей склоняются к необходимости принять решение, не соответствующее правовой позиции, выраженной в ранее принятых решениях Конституционного Суда Российской Федерации, дело передается на рассмотрение в пленарное заседание". Однако данная статья была исключена из текста Закона в 2010 году.

Правовая позиция Конституционного Суда РФ – это выводы по определенной проблеме, к которым пришел Суд при разрешении конкретного дела, носящие неоднократный характер, а также обладающие юридической силой, как и решения Конституционного Суда. Правовые позиции служат правовым основанием итоговых решений, они разрешают конституционно-правовую неопределенность. Правовые позиции все чаще ложатся в основу аргументации, обоснования итогового правового решения суда, поэтому решения Конституционного Суда следует отличать от его правовых позиций. Представляется, что не все правовые позиции обязательны к исполнению и обеспечиваются силой государственного принуждения. Например, правовые позиции по вопросам содержания, механизмам реализации и защиты конституционных прав и свобод граждан, содержащиеся в Постановлении Конституционного суда РФ от 27.12.1999 г., обязательны к исполнению:

- установление предельного возраста при замещении определенных должностей по трудовому договору допустимо, если это ограничение обусловлено спецификой и особенностями выполняемой работы;

- при введении таких возрастных ограничений должно быть обеспечено соблюдение конституционного принципа равенства, исключающего необоснованное предъявление разных требований к лицам, выполняющим одинаковые по своему содержанию функции;

- в противном случае установление предельного возраста, достижение которого является основанием для освобождения от должности независимо от согласия работника, рассматривается как дискриминация по возрастному признаку.

Правовые позиции, в отличие от решений Конституционного Суда РФ, не завершают процесс рассмотрения конкретного дела, а лежат в основе принятого Конституционным Судом решения, его аргументации. Отсюда следует, что при принятии итогового решения складывается мнение большинства судей, которое и становится правовой позицией Конституционного Суда. Судьи, разрешая конкретные дела, вырабатывают правовые позиции, содержащие профессиональное и авторитетное мировоззрение, восполняя пробелы в праве и разрешая противоречия в действующем законодательстве. Судье при рассмотрении дела приходится разрешать возникающие в правовой действительности казусы, которые законодателем не урегулированы. В связи с пробелом в праве у судьи не оказывается под рукой необходимого закона. Однако спор он обязан разрешить на основе общих принципов права. И в этом ему помогают правовые позиции Конституционного Суда РФ, которые он выводит из правовых норм, имеющихся в правовой базе, что, безусловно, влечет за собой дальнейшую трансформацию конституционного законодательства в данной сфере.

Так, в соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 7 октября 1997 г. № 88-О, «Правовые позиции, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на

которых основаны выводы Конституционного Суда Российской Федерации в резолютивной части его решений, обязательны для всех государственных органов и должностных лиц...». Например, в определении Конституционного Суда РФ от 05.11.1998 N 134-О "По делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго "Заключительные и переходные положения" Конституции Российской Федерации", Суд констатировал, решение вопроса о порядке выдвижения кандидата на должность Президента РФ, об условиях регистрации гражданина РФ в качестве кандидата на эту должность является прерогативой законодателя.

Правовые позиции Конституционного Суда России, сформулированные по вопросам избирательного права, также оказали существенное влияние на трансформацию нормативных правовых актов, регулирующих иные формы непосредственной демократии, а также вызвали неоднозначность их применения. Например, правовая позиция по поводу отзыва выборного лица, выраженная в постановлении Конституционного Суда РФ от 02.04.2002 N 7-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Красноярского края "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления" и Закона Корякского автономного округа "О порядке отзыва депутата представительного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления в Корякском автономном округе" в связи с жалобами заявителей А.Г. Злобина и Ю.А. Хнаева".

Институт отзыва был охарактеризован Конституционным Судом в качестве одной из форм непосредственной (прямой) демократии. Институт отзыва не затрагивает и не ограничивает закрепленные ст. 32 (ч. 2) Конституции РФ избирательные права граждан, так как эти права реализуются именно в избирательном процессе, их содержание определяет только процесс и механизмы выборов, а не последующие отношения между депутатами, другими выборными лицами и избирателями. Не являясь институтом избирательного права, институт отзыва означает конституционную ответственность высшего должностного лица перед избравшим его народом. Хотя Конституция Российской Федерации и не содержит положений, предусматривающих отзыв какого-либо должностного лица, ее нормы не препятствуют возможности введения федеральным законом института отзыва высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Таким образом, значение позиции Конституционного Суда РФ по данному вопросу весьма важно в том плане, что отсутствие конституционной нормы, закрепляющей и регулирующей институт отзыва выборного должностного лица, не препятствует его введению федеральным законом, а, следовательно, подтверждает трансформационные процессы. При этом отзыв выборного должностного лица не должен искажать смысла выборов и предназначения каждой из форм непосредственной демократии, а сам отзыв может быть введен при условии установления надлежащих правовых оснований и процедур. Особо отметим, что правовые позиции Конституционного Суда РФ оказывают влияние на процесс трансформации не только конституционно-правовых норм.

В начале двухтысячных сложилась противоречивая практика применения п. 2 ст. 117 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) и возник вопрос, из какой суммы минимального размера оплаты труда следует исходить при индексации алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме. Согласно правовой позиции Верховного Суда, «поскольку лица, получающие алименты в долевом отношении от заработной платы плательщика алиментов, и лица, получающие алименты в твердой денежной сумме, должны быть в равной мере защищены от инфляции, при индексации сумм алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, должен применяться минимальный размер оплаты труда, установленный ст. 1 Федерального закона от 19.06.2000 г. № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда». Суды учитывали рекомендованный Верховным Судом индексируемый показатель; судебные приставы-исполнители исходили из базовой суммы 100 рублей. Конституционный Суд в Постановлении №11-П признал положения ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О минимальном размере опла-

ты труда» не соответствующими, статьям 8, 19 (ч. 1 и 2), 34 (ч. 1), 35 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции в части предписания производить исчисление платежей по договорам пожизненной ренты и пожизненного содержания с иждивением, установленных в зависимости от минимального размера оплаты труда исходя из базовой суммы, равной 100 рублям, и установил, что они утрачивают силу с момента введения в действие нового правового регулирования. Изменена и индексация алиментов, взыскиваемых судом в твердой денежной сумме, размер которой стали увеличивать пропорционально росту величины прожиточного минимума соответствующей социально-демографической группы населения [1, с. 117-123].

Например, в Постановлении от 21 мая 2013 г. № 10-П Конституционный Суд рассмотрел оспоренные заявителем законоположения, на основании которых суд, осуществляющий производство о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости и по своему психическому состоянию представляющего опасность, выносит постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера, если совершенное деяние отнесено к преступлениям небольшой тяжести, и направляет копию постановления о прекращении уголовного дела в орган здравоохранения для решения вопроса о лечении или направлении лица, нуждающегося в психиатрической помощи, в психиатрический стационар. Своим решением Конституционный Суд признал оспариваемые положения не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой они исключают для суда возможность назначить принудительные меры медицинского характера лицу, совершившему в состоянии невменяемости запрещенное уголовным законом деяние, отнесенное к преступлениям небольшой тяжести, и при этом по своему психическому состоянию представляющему опасность для себя или окружающих [6, с. 51-55].

1. Представляется, что в российском конституционном праве созрела необходимость оперирования новой концепцией: «молчаливой» трансформации конституционных правовых норм без внесения изменения, дополнений и поправок в них посредством толкования конституционных правовых норм конституционными и уставными судами, в т.ч. толкования ранее принятого решения; применения правовых позиций конституционных и уставных судов; ратификации международных правовых актов и имплементации решений иностранных судов. При этом данная концепция будет успешно адаптирована не только в конституционном праве, но и в других отраслях права.

Концепция «молчаливой» трансформации конституционных правовых следует рассматривать как метод осуществления государственной власти и систему требований, предъявляемых к личности. В силу этого очевидна необходимость новых исследований вследствие существования новой концепции в условиях современного общества и государства. Иными словами, требуется комплексный подход, который позволяет учесть как чисто теоретический, так и практический факторы, влияющие на трансформацию конституционных правовых норм, а также создать условия для выявления тенденций развития данного явления в современном обществе. Представляется, что в ходе дальнейших исследований и разработок автору концепции следует разработать основные признаки трансформации и сделать их подробное описание.

2. На сегодняшний день можно констатировать появление нового вида правотворчества, которое имеет определённый концептуальный характер, поскольку характеризует новый способ правотворческого процесса (трансформации) конституционных правовых норм без внесения изменения, дополнений и поправок в них.

Под концепцией трансформации конституционных правовых норм понимается изменение, дополнение и внесение поправок в конституционные нормативные правовые акты без соблюдения классической техники и методологии внесения изменений, дополнений и поправок непосредственно в текст актов посредством: 1) толкования конституционных правовых норм конституционными и уставными судами, в т.ч. толкования ранее принятого решения;

2) применения правовых позиций конституционных и уставных судов; 3) ратификации международных правовых актов и 4) имплементации решений иностранных судов.

3. Для обеспечения реализации концепции, необходимо будет внести изменения в КоАП и в региональное законодательство, предусмотрев механизм административно-правовой ответственности за неисполнение, ненадлежащее исполнение или воспрепятствование исполнению решения конституционного и уставного суда.

Библиографические ссылки

1. Гладковская Е.И. О значении правовых позиций конституционного суда Российской Федерации для применения семейного законодательства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. Выпуск 1 (19). С. 117-123.
2. Звягин Ю.Г., Ершов В.Н., Лапаева В.В. Вправе ли Президент РФ трижды представлять Думе одного и того же кандидата на пост главы Правительства? // Журнал российского права. 1999. № 5/6. С. 44-64.
3. Краснов М.А. Толкования Конституции как ее фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1. С. 77-91.
4. Лучин В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. М.: Юнити-Дана. 2002. С. 536-537.
5. Лучин В.О., Мазуров А.В. Толкование Конституции Российской Федерации (Обзор практики Конституционного Суда) // Право и власть. 2001. № 1. С. 85.
6. Медведева С. В. Значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в деятельности судов общей юрисдикции по уголовным делам // Журнал Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2014. Специальный выпуск (49). С. 51-55.
7. Мокосеева М.А. Решения органов конституционной юстиции Российской Федерации: норма права или юридическая формальность // Административное и муниципальное право. 2015. №9. С. 967-977.
8. Худолей К.М. Природа решений конституционных судов о толковании конституционных положений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Выпуск 2 (16). С. 80-88.

References

1. Gladkovskaya E.I. O znachenii pravovyih pozitsiy konstitutsionnogo suda Rossiyskoy Federatsii dlya primeneniya semeynogo zakonodatelstva (On the Importance of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation for Family Law Application), *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2013, Vyipusk 1 (19), pp. 117-123.
2. Zvyagin Yu.G., Ershov V.N., Lapaeva V.V. Vprave li Prezident RF trizhdy predstavlyat Dume odnogo i togo zhe kandidata na post glavyi Pravitelstva? (Has the President of the Russian Federation the Right to Submit Three Times to the Duma the Same Candidate for Head of the Government?), *Zhurnal rossiyskogo prava*, 1999, No. 5/6, pp. 44-64.
3. Krasnov M.A. Tolkovaniya Konstitutsii kak ee fakticheskie popravki (Interpretations of the Constitution as its Actual Amendments), *Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie*, 2016, No. 1, pp. 77-91.
4. Luchin V.O. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Problemy realizatsii (The Constitution of the Russian Federation. Problems of Realization), M., Yuniti-Dana, 2002. pp. 536-537.
5. Luchin V.O., Mazurov A.V. Tolkovanie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii (Obzor praktiki Konstitutsionnogo Suda) (Interpretation of the Constitution of the Russian Federation (Review of the Practice of the Constitutional Court)), *Pravo i vlast*, 2001, No. 1, p. 85.
6. Medvedeva S. V. Znachenie pravovyih pozitsiy Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v deyatel'nosti sudov obshchey yurisdiktsii po ugolovnyim delam (The Importance of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Activities of Courts of General Jurisdiction in Criminal Cases), *Zhurnal Voprosy sovremennoy nauki i praktiki*, Universitet im. V.I. Vernadskogo, 2014, Spetsialnyi vyipusk (49), pp. 51-55.

7. Mokoseeva M.A. Resheniya organov konstitutsionnoy yustitsii Rossiyskoy Federatsii: norma prava ili yuridicheskaya formalnost (The Importance of the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Activities of Courts of General Jurisdiction in Criminal Cases), *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*, 2015, No. 9, pp. 967-977.

8. Hudoley K.M. Priroda resheniy konstitutsionnykh sudov o tolkovanii konstitutsionnykh polozheniy (The Nature of the Decisions of Constitutional Courts on the Interpretation of Constitutional Provisions), *Vestnik Permskogo universiteta, Yuridicheskie nauki*, 2012, Vyipusk 2 (16), pp. 80-88.

Дата поступления: 30.03.2018

Received: 30.03.2018

УДК 340

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РЕГИОНАЛЬНОГО
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ**

**CURRENT ISSUES OF REGIONAL
CONSTITUTIONAL
CONTROL**

ХЫШИКТУЕВ Олег Валентинович

*кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права
ФГБОУ ВО Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ, Россия.
E-mail: olegbuyanto@yandex.ru*

KHYSHIKTUEV Oleg Valentinovich

*Candidate of Sciences (Law), Head of the Department of International Law of the Buryat State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Ulan-Ude, Russia.
E-mail: olegbuyanto@yandex.ru*

Деятельность конституционных судов в субъектах Российской Федерации – есть реализация принципа федеративного государства. Там, где конституционные суды субъектов Федерации созданы и успешно функционируют, они действуют в рамках единого правового пространства, осуществляют конституционное правосудие. 25 октября 1994 года Народным Хуралом был принят закон «О Конституционном Суде Республики Бурятия». Интенсивность деятельности Конституционного Суда Республики Бурятия сопоставима с деятельностью других конституционных судов субъектов Российской Федерации. В настоящее время все чаще возникает вопрос: нуждается ли Республика Бурятия в Конституционном Суде? Проблемы, с которыми в настоящее время сталкивается суд, включают в себя нехватку финансирования, отсутствие поддержки от парламента республики и др. Поиск решения для этих и других вопросов наиболее актуальная задача как для самого Конституционного Суда, так и для региональных властей.

Activities of the Constitutional courts in the constituent entities of the Russian Federation implement a principle of the federative state. In those constituent entities of the Federation where constitutional courts are established and function successfully, they operate within a single legal framework and exercise constitutional justice. On October 25th 1994, People's Khural of the Republic of Buryatia adopted the law "On the Constitutional Court of the Republic of Buryatia". Field of work of this Constitutional judicial body is identical to other courts functioning in different constituent entities of the federation. However, right now there is a debate about the necessity of the separate Constitutional court at the regional level. The problems that the court is facing now include lack of funding, lack of support from the parliament of the republic, and others. Finding solutions for these and other questions is the most pressing and crucial task, both for the Constitutional Court and regional authorities.

Ключевые слова: Конституционный Суд Республики Бурятия, Конституция, принцип разделения властей, конституционная юрисдикция.

Key words: Constitutional Court of the Republic of Buryatia, constitution, principle of separation of powers, constitutional jurisdiction.

Ст. 77 Конституции Российской Федерации предоставляет право субъектам самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти в соответствии с основами конституционного строя РФ и общими принципами организации представительных и исполнительных органов государственной власти, установленными федеральным законом. В отношении судов субъектов РФ такие принципы были определены ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Так появилась единая правовая база для образования и деятельности органов конституционного контроля. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации положила начало создания органов конституционной юстиции в субъектах федерации. В российских регионах начали создаваться органы конституционного контроля – конституционные (уставные) суды. 25 октября 1994 года Народным Хуралом был принят Закон «О Конституционном Суде Республики Бурятия». Это было третье заседание второй сессии Народного Хурала первого созыва.

Представляя проект закона, депутат В.И. Яковлев сказал: «Уважаемые депутаты Народного Хурала Республики Бурятия! Президентом представлен в порядке законодательной инициативы на ваше рассмотрение проект Закона Республики Бурятия о Конституционном Суде. Он подготовлен с учетом предложений и замечаний, поступивших по законопроекту, обсуждавшемуся в первом чтении Верховным Советом Республики Бурятия, а также положений нового Закона о Конституционном Суде Российской Федерации» [1]. Большая часть выступавших была единогласна за создание такого органа конституционной юстиции. Основным ключевым вопросом, тормозившим принятие законопроекта, был вопрос о финансовой составляющей деятельности Конституционного Суда, однако в конце обсуждений пришли к мнению, что «самое дорогое управление – это дешевое». Депутат Н.М. Белоколодов высказал мнение о том, что «Конституционный Суд нужен, и никаких двояких подходов тут быть не может. Во всем цивилизованном мире всегда существует арбитр между ветвями власти, который защищает права человека, то, что положено по Конституции. Следует согласиться с созданием этой структуры, и не думаю, что это сильно отяготит наш бюджет. А если мы будем работать над экономикой и развитием доходной части бюджета, то и проблемы такой не будет».

Конституционный суд Республики Бурятия был образован на основании и в соответствии с Конституцией Республики Бурятия и Законом Республики Бурятия от 25 января 1995 года в результате назначения Народным Хуралом Республики Бурятия по представлению Президента Республики Бурятия Председателя – автора данной статьи – и двух судей Конституционного суда: Андрея Дашиевича Улымжиева и Елены Александровны Мурзиной. Это высококвалифицированные юристы, прошедшие, несмотря на молодость, немалую профессиональную школу. А.Д. Улымжиев в органах юстиции работал 15 лет, кандидат юридических наук, у Е.А. Мурзиной был опыт поменьше, но у нее за плечами почти десять лет работы в качестве народного судьи. У каждого из судей была своя специализация. Аппарат состоял из 3 человек – бухгалтер, секретарь и делопроизводитель. С первых дней работы суда усилия были направлены на укрепление конституционной законности, чтобы законы были признаны не только органами государственной власти и местного самоуправления, но и гражданами, их объединениями и должностными лицами, и способствовали стабильности государственного устройства республики, защите основных прав и свобод граждан.

В стране, как известно, принимались немалые усилия по разделению полномочий между различными ветвями государственной власти – представительной (законодательной), исполнительной и судебной. По Конституции Российской Федерации они все независимы и

действуют в пределах своей компетенции, определенной действующим законодательством. Однако, как показывает практика, в связи с ухудшением положения дел в экономике, трения между различными ветвями власти возможны. Закон «О Конституционном суде Республики Бурятия» запрещает судьям иметь свои политические пристрастия. Ст. 16 Закона четко указывает – судья Конституционного суда не вправе выступать перед любой аудиторией и публично высказывать свое мнение по вопросу, который может стать предметом рассмотрения в Конституционном суде Республики Бурятия. Одним словом, речь идет о создании цивилизованного правового государства, в котором у каждой ветви государственной власти есть свои функции, свои задачи. А Конституционный суд – высший орган судебной власти по охране Основного Закона. И логично, что он был создан в нашей Республике. Приходится только сожалеть, что процесс его создания несколько затянулся.

Важно подчеркнуть, что многие решения Конституционного Суда Республики Бурятия не только способствовали укреплению конституционной законности, но и содействовали развитию законотворческого процесса в республике в соответствии с принципами и нормами Конституции Республики Бурятия. Интенсивность деятельности Конституционного Суда Республики Бурятия сопоставима с деятельностью других конституционных судов субъектов Российской Федерации. Конституционным Судом Республики Бурятия в период с 1995 года по февраль 2012 года рассмотрено 128 дел, по ним принято 46 постановлений, 2 заключения, 80 определений, из них 9 определений по прекращению дел в связи с отменой или внесением изменений в нормативные правовые акты до рассмотрения дела в суде и отзывом обращений [2, с. 50].

В июне 1997 года Президент Республики Бурятия обратился в Конституционный Суд Республики Бурятия с запросом о проверке соответствия Конституции статей 5 и 11 Закона «О Народном Хурале», которые наделяют законодательные органы правом осуществления контроля за соблюдением законов, не устанавливая пределов контроля, и, по сути, превращают парламент республики в контрольный орган. Конституционный Суд постановил отклонить данный запрос, пояснив, что аналогичные полномочия присущи любому парламенту. Сама формулировка данного положения оспариваемого закона содержит указания на пределы осуществления контроля. Республиканским законодательством определены формы, в которых соответствующий контроль осуществляется. Не согласившись с таким решением суда, Президент Республики Бурятия созвал совещание руководителей судебных и правоохранительных органов, где ему было разъяснено, что постановления окончательны и не подлежат отмене.

Таким образом, Конституционным Судом прилагались усилия, чтобы статьи Конституции Республики Бурятия были реально действующими, а не декларативными, на деле защищали конституционные права и свободы граждан, закрепленные в гл. 2 (в статьях 15-59) Конституции Республики Бурятия, повышали качество принимаемых нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления, чтобы возрос уровень доверия к ним со стороны населения. Решения суда способствуют претворению в жизнь общефедеральных конституционных принципов на уровне Республики Бурятия, таких, как разделение властей, самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, четкое разграничение их полномочий, взаимный контроль, равенство всех перед законом и судом и др.

Сейчас предназначение органов судебного конституционного контроля состоит в том, чтобы защищать Конституцию, права граждан. Они способны в случае необходимости «поправить» органы законодательной и исполнительной властей, которые по каким-либо причинам в чем-то отступили от Конституции. Можно с уверенностью говорить, что число законов, в которых нуждается наша Республика Бурятия, да и страна в целом, значительно превышает количество принятых. Нередко законодательный процесс подменяется политической борьбой. Во многом сохраняется старая технология власти, по-прежнему велика роль субъективизма при принятии государственных решений. Чрезвычайно медленно утверждается авторитет права, низка правовая культура населения. Широкое распространение приобретает право-

вой нигилизм [3]. В настоящее время все чаще возникает вопрос: нуждается ли наша Республика в Конституционном Суде?

Ответ прост. Сложившаяся в России система органов государственной власти, основанная на принципе разделения властей, не оставляет сомнений в необходимости конституционного правосудия не только в лице Конституционного Суда РФ, но и в Конституционных Судах субъектов РФ, которые на уровне субъекта федерации рассматривали бы вопросы: о разрешении компетенции между органами государственной власти субъектов РФ, а также между органами государственной власти субъектов и органами местного самоуправления; защиты прав и свобод граждан; толкования Конституции субъекта; защита Конституции РФ на уровне субъекта федерации [4, с. 157]. Конституционный Суд России не осуществляет проверку конституционности муниципальных нормативных правовых актов. А ведь именно нормативно-правовые акты этого уровня страдают серьезными дефектами и оспариваются в судах из-за нарушения прав граждан и организаций, вторжения в чужую компетенцию, нарушения порядка принятия и опубликования актов и др. Кто, как не Конституционный (Уставной) Суд должен эти дела рассматривать?!

23 марта 2015 года Конституционный Суд РФ признал незаконными действия властей Бурятии, которые приостановили деятельность республиканского Конституционного Суда из-за недостатка средств. В Конституционный Суд РФ с запросом обратились депутаты Госдумы от фракции КПрФ. Они обратили внимание на действия властей Республики Бурятия, которые фактически «заморозили» деятельность регионального конституционного суда на ближайшие три года, мотивировав это недостатком средств в казне. В своем решении Конституционный Суд РФ напомнил о уже высказанной правовой позиции по бюджетным законам – они должны касаться только государственных доходов и расходов, а не изменять другие акты. Тем более, они не могут использоваться для «переформатирования» органов власти. Кроме того, решение об упразднении конституционного суда субъекта РФ предполагает внесение изменений в его конституцию. Кроме того, Конституционный Суд РФ счел возможным «воздержаться от вынесения итогового решения в виде постановления» по этому делу, поскольку в настоящее время в составе Конституционного Суда Бурятии не осталось ни одного судьи. Таким образом, даже в случае отмены оспоренных норм, суд не смог бы возобновить свою деятельность.

Как разъяснил Конституционный Суд РФ, в сложившейся ситуации власти региона должны принять политическое решение - либо заполнить вакансии, либо упразднить свой конституционный суд путем внесения изменений в Конституцию Республики Бурятия. «Речь идет об изменении системы региональных органов власти. Подобный вопрос не может решаться исключительно с позиций бюджетной экономии. Для упразднения в регионе конституционного или уставного суда требуется внесение соответствующих изменений в основной закон субъекта Федерации», – сказал судья С.П. Маврин. В сентябре 2015 года Парламент Бурятии отменил принятый им закон о приостановлении действия Закона «О Конституционном Суде Республики Бурятия» от 5 ноября 2013 года. Началось формирование нового состава суда.

И вдруг на днях Глава Республики Бурятия внес в Народный Хурал РБ проект закона об упразднении Конституционного Суда республики. В соответствии с ч. 3 ст. 17 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» никакой суд не может быть упразднен, если отнесенные к его ведению вопросы осуществления правосудия не были одновременно переданы в юрисдикцию другого суда. Авторы законопроекта считают, что конституционный нормоконтроль в отношении нормативных правовых актов Республики Бурятия будет осуществляться на основании Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и ФЗ Конституционным Судом РФ и Верховным Судом Бурятии.

В своем определении от 3.03.2015 Конституционный Суд Российской Федерации указал: «по смыслу положений частей 2 и 4 ст. 4 и части 2 ст. 17 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» субъект РФ не лишен возможности – при наличии конституционно зна-

чимых оснований и посредством надлежащей конституционно-правовой (уставно-правовой) процедуры – решать вопрос о целесообразности дальнейшего функционирования учрежденного им конституционного (уставного) суда как субсидиарного органа конституционного контроля», «упразднение конституционного (уставного) суда субъекта РФ не означает прекращения конституционного нормоконтроля в отношении нормативных правовых актов данного субъекта Российской Федерации, поскольку таковой согласно Конституции Российской Федерации возложен на Конституционный Суд Российской Федерации вне зависимости от того, создан и действует либо упразднен в этом субъекте Российской Федерации конституционный (уставной) суд как институт региональной конституционной юстиции, функционирующий в качестве субсидиарного звена в механизме обеспечения конституционной законности в Российской Федерации». Деятельность конституционных судов в субъектах Российской Федерации – есть реализация принципа федеративного государства. Там, где конституционные суды субъектов Федерации созданы и успешно функционируют, они действуют в рамках единого правового пространства, осуществляют конституционное правосудие. Значение такого института, как судебного органа конституционного контроля, состоит в том, что развитие этой деятельности необходимо всему обществу, провозгласившему построение правового государства, защиту прав и свобод человека и гражданина [5]. Профессор З.И. Еникеев считает, что в республиках, поскольку они признаются государством в составе Российской Федерации, в целях реализации принципа правового государства, конечно, следует создать свои конституционные суды [6].

Профессор Ф.М. Раянов подчеркивает: «Правовое государство реально функционирует тогда, когда его фактической основой в том или ином конкретном обществе являются: учрежденная и сформированная гражданским обществом политическая власть; действенные и гарантированные положения Конституции страны о правах и свободах человека» [7, с. 7].

Без конституционного контроля невозможна реализация принципов правового государства, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Хотелось бы пожелать Конституционному Суду Республики Бурятия, если Народный Хурал отстоит его, и далее стоять на страже конституционной законности, на юрисдикционных позициях понимания Конституции Республики Бурятия, быть образцом ее применения и точности юридической техники, дистанцируясь от политических и декларативных вопросов.

Библиографические ссылки

1. Стенограмма 3 заседания второй сессии Народного Хурала РБ 1 созыва от 25.10.1994. С. 109-147.
2. Конституционный суд Республики Бурятия : сборник официальных материалов / сост.: С.Н. Быков, С.Е. Гнеушева. Улан-Удэ : Респ.тип., 2007.
3. Будаев К.А. О будущем региональной конституционной юстиции в свете правовых позиций Конституционного Суда РФ в Определении от 3 марта 2015 г. № 421-О // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 2 (92). С. 23-27.
4. Кряжков В.А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60). С. 156-162.
5. Будаев К.А., Дампилов А.Н. О дальнейшем развитии организации и деятельности органов конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации (сравнительный аспект) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сборник научных трудов Республики Татарстан. Выпуск XII. Казань, 2017. С. 118-128.
6. Еникеев З.И. Конституционный Суд субъекта Федерации как важный фактор в становлении правового государства // Проблемы реализации Конституций и уставов субъектов федеративных государств : материалы Всероссийской конференции, посвященной 20-летию образования Кон-

ституционного Суда Республики Башкортостан, 17-18 ноября 2016 / под общ. ред. З.И. Еникеева, Ф.Р. Муратшина. Уфа : Конституционный суд Республики Башкортостан, 2017. С. 7-13.

7. Раянов Ф.М. Актуальные проблемы теории и практики правового государства в России // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 1 (19). С. 3-8.

References

1. Stenogramma 3 zasedaniya vtoroi sessii Narodnogo Khurala RB 1 sozyva ot 25.10.1994 (Transcript of the 3rd Session of the Second Meeting of the People's Khural of the Republic of Buryatia of the 1 convocation of 25.10.1994), pp. 109-147.
2. Konstitutsionnyi sud Respubliki Buryatiya (The Constitutional Court of the Republic of Buryatia), sbornik ofitsial'nykh materialov, sost., S.N. Bykov, S.E. Gneusheva. Ulan-Ude, Resp.tip., 2007.
3. Budaev K.A. O budushchem regional'noi konstitutsionnoi yustitsii v svete pravovykh pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF v Opredelenii ot 3 marta 2015 g. № 421-0 (On the Future of Regional Constitutional Justice in the Light of Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in Decision No. 421-0 of March 3, 2015), *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2016, No. 2 (92), pp. 23-27.
4. Kryazhkov V.A. Regional'naya konstitutsionnaya yustitsiya v Rossiiskoi Federatsii: sostoyanie i puti razvitiya (Regional Constitutional Justice in the Russian Federation: Status and Development Paths), *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2007, No. 3 (60), pp. 156-162.
5. Budaev K.A., Dampilov A.N. O dal'neishem razvitii organizatsii i deyatel'nosti organov konstitutsionnoi yustitsii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii (sravnitel'nyi aspekt) (On the Further Development of the Organization and Activity of Bodies of Constitutional Justice in the Subjects of the Russian Federation (Comparative Aspect), *Aktual'nyi problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva*, sbornik nauchnykh trudov Respubliki Tatarstan. Vypusk XII. Kazan', 2017, pp. 118-128.
6. Enikeev Z.I. Konstitutsionnyi Sud sub"ekta Federatsii kak vazhnyi faktor v stanovlenii pravovogo gosudarstva (The Constitutional Court of the Subject of the Federation as an Important Factor in the Formation of the Rule-of-Law State), *Problemy realizatsii Konstitutsii i ustavov sub"ektov federativnykh gosudarstv*, materialy Vserossiiskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu obrazovaniya Konstitutsionnogo Suda Respubliki Bashkortostan, 17-18 noyabrya 2016, pod obshch. red. Z.I. Enikeeva, F.R. Muratshina. Ufa, Konstitutsionnyi sud Respubliki Bashkortostan, 2017, pp. 7-13.
7. Rayanov F.M. Aktual'nye problemy teorii i praktiki pravovogo gosudarstva v Rossii (Actual problems of the theory and practice of the rule of law in Russia), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2010, No. 1 (19), pp. 3-8.

Дата поступления: 22.04.2018

Received: 22.04.2018

**ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО.
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.
ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 340

**ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАКУПОК
ДЛЯ ПУБЛИЧНЫХ НУЖД:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

РЕВНОВ Борис Александрович

*кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: akziz07@ya.ru*

КОМАРОВ Владимир Сергеевич

*кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: wladskom@mail.ru*

**PROCUREMENT FOR PUBLIC NEEDS:
THEORY AND PRACTICE**

REVNOV Boris Alexandrovich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St.-Petersburg), Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: akziz07@ya.ru*

KOMAROV Vladimir Sergeevich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute (St.-Petersburg), Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: wladskom@mail.ru*

Большинство денежных средств бюджетов всех уровней публичных образований реализуются посредством процедур, предусмотренных Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Редко вспоминается предыдущий, менее масштабный по регулированию Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Не будет ошибкой утверждение о том, что по сути своей Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ регулировал только ту часть процедур, которые Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ именует «определением поставщика», то есть совокупностью действий, осуществляемых заказчиками, начиная с размещения извещения об осуществлении закупки для обеспечения публичных нужд, либо с направления приглашения принять участие в

It is not an overstatement to say that the majority of budget money resources of all levels of public entities are realized precisely through the procedures provided for by Federal Law No. 44-FZ “On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs” of Federal Law No. 44- FZ “On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services to ensure state and municipal needs”. We seldom look back upon the previous, less ambitious Federal Law of July 21, 2005, No. 94-FZ “On placing orders for the supply of goods, performing works, rendering services for state and municipal needs”. It would not be a big mistake to say that in its essence, Federal Law No. 94-FZ of July 21, 2005 regulated only that part of the procedures that Federal Law No. 44-FZ of April 5, 2013 refers to as “supplier's definition” that is, cumulative actions that are carried out by customers, starting with the placement of the procurement notice for public needs, or by sending an invitation to participate in the supplier's definition (contractor, performer) and completing by en-

определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершая заключением контракта. Несмотря на отличия, у двух указанных Федеральных законов есть несколько весьма схожих, общих черт.

Ключевые слова: контрактная система, закупки для публичных нужд, планирование, электронный аукцион, административная ответственность, контрактная система, государственные нужды, муниципальные.

tering into the contract. Despite the differences, the two Federal Laws have several very similar features in common.

Key words: contract system, procurement for public needs, procurement planning, electronic auction, administrative responsibility, contract system, public needs, municipal needs.

В 2018 году исполняется четыре года действия Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1, ст. 114, ч. 1]. Он по своей сути стал базовым законом, регулирующим общественные отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок [1, ст. 1, ч. 1]. Наверное не будет преувеличением утверждение, что большинство денежных средств бюджетов всех уровней публичных образований реализуются именно посредством процедур, предусмотренных данным Федеральным законом. Уже редко вспоминается предыдущий, менее масштабный по регулированию Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [2].

Сравнению этих двух Федеральных законов было посвящено большое количество научных статей и работ, касающихся самых разнообразных аспектов [3; 4; 5]. Полагаем, что не будет большой ошибкой утверждение о том, что по сути своей Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ регулировал только ту часть процедур, которые Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ именуется «определением поставщика», то есть совокупностью действий, которые осуществляются заказчиками, начиная с размещения извещения об осуществлении закупки для обеспечения публичных нужд, либо с направления приглашения принять участие в определении поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершая заключением контракта. В этой связи тяжело сравнивать эффективность действия названных Федеральных законов, так как «новый» Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ устанавливает регулятивные нормы, распространяющиеся не только на весь срок исполнения контракта, но и далеко на будущее, охватывая планирование закупок по сути своей на 3 года вперед (срок привязан к планированию бюджета) [1, ст. 17, ч. 4].

Несмотря на подобные отличия, у двух указанных Федеральных законов есть несколько весьма схожих, общих черт. Одна из таких черт, бросающаяся в глаза неискушенному юридической казуистикой взгляду – это количество вносимых поправок. В Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ они вносились с различными законами в 2014 г. – 6 раз, в 2015 г. – 12 раз, в 2016 г. – 14 раз. Эти цифры сопоставимы и даже превышают количество изменений отдельными законами Федерального закона от 21 июля 2005 года № 94-ФЗ: 2013 г. – 2 раза, 2012 г. – 3 раза, 2011 г. – 9 раз, 2010 г. – 4 раза и т.д. Подобные процессы можно по-разному оценивать, однако бесспорным выводом подобного частого изменения является наличие большого количества проблем в данной области. Причем некоторые из них носят фундаменталь-

ный, базовый, основополагающий характер и, судя по всему, разрешены будут нескоро. Именно на некоторых из них нам бы и хотелось заострить основное внимание в данной статье.

В период действия обоих названных Федеральных законов, основным способом определения поставщика (размещения заказа) являлся электронный аукцион (открытый аукцион, открытый аукцион в электронной форме). При реализации данной процедуры, единственным критерием оценки является цена, предложенная участниками закупки. Участник электронного аукциона, который предложил наиболее низкую цену контракта и заявка на участие в таком аукционе который соответствует требованиям, установленным документацией о нем, признается победителем такого аукциона [1, ст. 69, ч. 10]. При этом начальная (максимальная) цена контракта, то есть та цена, с которой, собственно, и стартуют торги должна быть заказчиком обоснована при помощи использования специфических методов, установленных Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1, ст. 22]. Вместе с тем, участники электронного аукциона не могут «экономить на качестве». Объект закупки таких аукционов определен заказчиком заранее и не предполагает, по общему правилу, возможности существенного изменения [1, ст. 33, 95]. Использование материалов, качество которых ниже установленного, невыполнение части предусмотренных в соответствующей документации об аукционе работ, либо услуг влекут неблагоприятные последствия для победителя аукциона: от штрафов до расторжения контракта с таким участником в одностороннем порядке с последующим включением его в перечень недобросовестных поставщиков [1, ст. 95, 104].

Напрашивается вопрос: как возможно снижение начальной (минимальной) цены контракта, обоснованной заказчиком? Логичных ответов напрашивается два: либо заказчик осознанно, либо нет, завысил начальную (максимальную) цену электронного аукциона, тем самым неудовлетворительно исполнив обязанность по обоснованию начальной максимальной цены контракта, либо победитель аукциона не собирается выполнять часть своих обязанностей, предусмотренных контрактом, с учетом установленных требований к качеству выполнения работ, поставки товара, оказанию услуг. Безусловно, возможно теоретически представить самые разнообразные варианты и схемы конкурентных преимуществ участников: у кого-то часть товара уже может быть в наличии, кто-то может оптимизировать издержки за счет массовости, кто-то согласится на меньший процент прибыли и т.д., однако, это частные случаи, являющиеся, скорее исключением из правила и никак не годящиеся для объяснения логики наиболее массовой в Российской Федерации процедуры определения поставщика. Логика названного Федерального закона в вопросе потенциальной прибыли победителя электронного аукциона в принципе достаточно альтруистична: в случае, если при проведении электронного аукциона цена контракта снижена до половины процента начальной (максимальной) цены контракта или ниже, такой аукцион проводится на право заключить контракт. При этом такой аукцион проводится путем повышения цены контракта до достижения цены контракта не более чем сто миллионов рублей [1, ст. 68, ч. 23]. Подобное регулирование не лишено смысла, к примеру, в аспекте борьбы со злоупотреблениями правом участниками электронного аукциона, но с точки зрения коммерческих интересов участников – это абсурд.

Однако, проблема имеет место быть: невозможно по общему правилу снижать надлежащим образом обоснованную цену выполнения работ, оказания услуг, поставки товара на существенные величины без ухудшения качества закупки. Исключения данное правило лишь подтверждают. А потому цена не должна быть главным и единственным критерием оценки. Конечно, исследуемый Федеральный закон предусматривает и конкурсные процедуры определения поставщика, однако, с учетом действующих ограничений, сравнительно небольшое число закупок возможно осуществить посредством конкурсов, в ходе которых применяются также и нестойкие критерии оценки. Вариантов разрешения данной проблемы множество: от расширения перечня объектов закупки, определения поставщика по которым воз-

можно не только через электронный аукцион, до усовершенствования процедуры самого электронного аукциона, путем введение нестоймых критериев оценки. Данная проблема очень сложна и требует отдельного исследования. Вместе с тем, общий вектор её решения не должен быть связан с дальнейшей бюрократизацией системы.

Еще одна фундаментальная проблема, уже только «нового» Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» связана с планированием закупок. Это относительно новый институт – предыдущий, утративший ныне силу Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» его не устанавливал. Суть данного института сводится к обязанности заказчика составлять и публиковать планы закупок (на 3 года вперед) [1, ст. 17, ч. 4; 6] и планы-графики (на год вперед) [1, ст. 21, ч. 1], в которых содержится информация о предстоящих закупках. Закупки, не предусмотренные планами-графиками, осуществлены быть не могут [1, ст. 21, ч. 11]. При этом оба документа могут быть изменены заказчиком, с использованием установленной законом процедуры [1, ст. 17, ч. 6; ст. 21, ч. 13]. Оба документа подлежат опубликованию [1, ст. 17, ч. 9; ст. 21, ч. 15] в единой информационной системе [1, ст. 4], в которой содержится информация обо всех проводимых публичными образованиями закупках посредством конкурентных способов определения поставщика (за исключением закрытых способов определения поставщика, связанных с необходимостью наличия у участников закупки допуска к государственной тайне). Представляется, что институт планирования закупок, введенный, по сути своей во исполнение принципа открытости и прозрачности контрактной системы [1, ст. 7], среди прочего должен служить и цели предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере публичных закупок [1, ст. 1, ч. 1, п. 1].

Вместе с тем, при реализации данных базовых целей и принципов контрактной системы посредством института планирования возникает ряд вопросов. Во-первых, абсолютно вся информация, содержащаяся в планах и планах графиков дублируется в извещениях о проведении конкретных процедур и соответствующих документациях. Планы и планы графики устанавливают своего рода программу проведения процедур конкретного заказчика на 3 и 1 год вперед, однако данная программа может быть заказчиком практически по всем важнейшим параметрам: сроки проведения процедур, способ определения поставщика, начальная (максимальная) цена контракта и т.д. Таким образом, среднестатистическому участнику закупки проще и вернее осуществлять постоянный текущий контроль за интересующими его, но уже стартовавшими процедурами (извещения по которым уже опубликованы в единой информационной системе), чем рассчитывать на информацию планов и план-графиков, ввиду изменчивости последних. Кроме того, учет только информации из планов и планов-графиков не снимает вопроса мониторинга начала текущих процедур. Таким образом, по сути своей, для участников закупок опубликованные планы и планы-графики заказчиков существенной роли не играют, а носят скорее ориентирующий характер.

Для контролирующих органов, по тем же причинам, названные документы тоже не открывают Америки. Разве что появляются дополнительные процедуры, за правильностью проведения и соблюдения которых теперь нужно следить. О заказчиках и говорить не приходится, так как вряд ли они обрадовались появлению новой жестко контролируемой обязанности, которая к тому же имеет и весомую бюрократическую составляющую. При этом для заказчиков по сути своей появился новый, отдельный аспект работы, который фактически не несет никакой позитивной нагрузки: дублирование информации на будущие периоды, требующей соблюдения жесткой процедуры при каком-либо изменении.

С учетом изложенного, возникает вопрос о смысле института планирования закупок заказчиками вообще, в том виде, в котором его предусматривает нынешнее законодательство о контрактной системе. Вместе с тем решением изложенной выше фундаментальной проблемы

никак не может быть упразднение механизма внесения изменений в планы и планы-графики. Возможно, упразднение в целом института планирования, предусмотренного нынешним законодательством о контрактной системе, явилось бы самым позитивным решением. Ни эффективность контроля, ни качество закупок, ни степень открытости и информативности о публичных закупках, ни какой-либо из принципов контрактной системы никак бы не пострадали, а вот абсолютно лишняя бюрократическая обязанность с заказчика была бы снята.

Третья фундаментальная проблема контрактной системы, на которую мне бы хотелось обратить особое внимание – это проблема реализации принципа ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок. Возможно, она не столь очевидна, как две озвученные выше. Анализ норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающих конкретные составы административных правонарушений, связанных с нарушением законодательства о контрактной системе [7], позволяет сделать вывод о том, что практически все они формальны. То есть ответственность для заказчика (его должностных лиц, членов соответствующих комиссий и т.д.) наступает за сам факт нарушения законодательства о контрактной системе, вне зависимости от того, повлекло ли данное нарушение общественно опасные последствия либо нет. Не умаляя значимости законодательно установленного регулирования отношений, тем не менее полагаю в корне неверным подобный подход в сфере закупок для публичных нужд. Вывод, конечно, хромает, но для любого заказчика вопросом первостепенной важности всё-таки должно являться исполнение своих непосредственных функций, ради которых он и был создан. Соответственно общественная опасность нарушения процедуры, выразившейся, скажем, в необоснованном ограничении конкуренции, если в результате такого нарушения объект был построен, услуга была оказана, а работа была выполнена, существенно ниже общественной опасности такого нарушения порядка осуществления закупок, в результате которого результат достигнут не был. Действующее законодательство, устанавливающее административную ответственность за нарушение законодательства о контрактной системе, не содержит предпосылок, позволяющих сделать вывод о том, что наличие, либо отсутствие позитивного результата хоть как-то повлияет на наказание заказчика. Предусмотренные диапазоны штрафных санкций никак не решают данной проблемы, так как не переводят сами составы из формальных в материальные, да и назначение штрафа выше минимального размера скорее является исключением, подтверждающим общее правило.

Для решения данной проблемы необходим комплексный подход, начиная от дифференциации наказаний, с учетом реально наступивших общественно-опасных последствий либо отсутствия их, заканчивая разработкой механизма, позволяющего учитывать последующие действия заказчика и его должностных лиц, направленные на исправление допущенных ошибок достижения позитивного результата. Вплоть до возможного полного освобождения от административной ответственности по некоторым составам. Существующий механизм, расценивающий подобные действия как смягчающие обстоятельства, следствием которого является, как правило, назначение минимально возможного наказания малоэффективен. С учетом того, что средней размер штрафа за нарушение законодательства о контрактной системе сопоставим, либо превышает месячную зарплату среднестатистического федерального государственного служащего – члена конкурсной, либо аукционной комиссии, либо работника контрактной службы заказчика, очевидно, что увеличение сумм штрафов никак не поможет в решении проблемы.

Составы административных правонарушений за нарушение законодательства о контрактной системе не дифференцируют наказания в зависимости от того умышлено совершено было правонарушение, либо по неосторожности. Тем сильнее ощущается необходимость в выработке ординарного механизма, позволяющего освобождать от административной ответственности в случае деятельных попыток должностных лиц нивелировать неблагоприятные

последствия административного правонарушения, если они привели к практическому позитивному результату.

По нашему мнению, изложенные выше общие проблемы контрактной системы закупок для публичных нужд позволяют говорить о необходимости масштабных реформ в этой сфере. Вместе с тем, при разрешении данных проблем положительно необходимо воздерживаться от соблазна углубления в частные, смежные и процедурные вопросы. Какой смысл рассуждать об особенностях порядка исполнения отдельных аспектов процедур, если возникает вопрос о принципиальной их пользе и смысле? Углубляясь в частности, всегда можно найти грань, спектр, аспект, при котором польза будет доказуема и оправдана, в том числе большим количеством отчетов и продублированной информации. Вот только для чего искать так глубоко запрятанные аспекты, если отсутствуют ответы позитивные ответы на общие, принципиальные вопросы? Вместе с тем, хотели бы предостеречь от представления о неэффективности существующей контрактной системы в целом. Этот тезис сколь спорен, столь и неверен. Закупки для публичных нужд осуществляются, система является рабочей и задачи свои выполняет. Однако, по нашему мнению, при должном внимании к обозначенным выше проблемам, включая ещё некоторые общие, фундаментальные вопросы, состоящего, прежде всего, в должном конкретном реформировании, данная система работала бы существенно эффективнее. Пилотный анализ общего вектора поправок и законодательных изменений данной системы не позволяет сделать вывод о том, что должные попытки разрешения обозначенных проблем привели к практическим позитивным результатам.

Библиографические ссылки

1. Ч. 1 ст. 114 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.
2. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3105.
3. Миронов В. С прицелом на результат. С 1 января 2014 года вступил в силу Закон о контрактной системе // Информационно-аналитическое издание «Бюллетень Оперативной Информации "Московские Торги"». 2014. № 1. С. 28-31.
4. Чуряев А. Правила закупок снова меняются // ЭЖ-Юрист. 2014. № 4. С. 10.
5. Андреева Л.В. Определение поставщиков (подрядчиков, исполнителей) высокотехнологичной и инновационной продукции (работ, услуг) для обеспечения государственных нужд по новому законодательству // Юрист. 2014. № 5. С. 28-32.
6. Ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 19.12.2016 № 415-ФЗ «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов» // Российская газета. 2016. 21 декабря.
7. Ст. 7.29-7.32.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

References

1. Ch. 1 st. 114 Federal'nogo zakona ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» (Part 1 of Art. 114 of the Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ “On the Contract System in the Sphere of Procurement of Goods, Works, Services to Ensure State and Municipal Needs”), *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2013, No. 14, St. 1652.
2. Federal'nyi zakon ot 21.07.2005 No. 94-FZ «O razmeshchenii zakazov na postavki tovarov, vypolnenie rabot, okazanie uslug dlya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» (Federal Law of

- 21.07.2005 No. 94-FZ “On the Placement of Orders for the Supply of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs”), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2005, No. 30 (ch. 1), St. 3105.
3. Mironov V. S pritselom na rezul'tat. S 1 yanvarya 2014 goda vstupil v silu Zakon o kon-traktnoi sisteme (With a Focus on the Result. From January 1, 2014, the Law on the Contractual System Came into Force), *Informatsionno-analiticheskoe izdanie «Byulleten' Operativnoi Informatsii "Moskovskie Torgi"»*, 2014, No. 1, pp. 28-31.
4. Churyaev A. Pravila zakupok snova menyayutsya (The Procurement Rules Are Changing Again), *EZh-Yurist*, 2014, No. 4, p. 10.
5. Andreeva L.V. Opredelenie postavshchikov (podryadchikov, ispolnitelei) vysokotekhnologichnoi i innovatsionnoi produktsii (rabot, uslug) dlya obespecheniya gosudarstvennykh nuzhd po novomu zakonodatel'stvu (Definition of Suppliers (Contractors, Executors) of High-Tech and Innovative Products (Works, Services) to Meet State Needs under the New Legislation), *Yurist*, 2014, No. 5, pp. 28-32.
6. Ch. 1 st. 1 Federal'nogo zakona ot 19.12.2016 No. 415-FZ «O federal'nom byudzhete na 2017 god i na planovyi period 2018 i 2019 godov» (Part 1 of Art. 1 of the Federal Law of December 19, 2016 No. 415-FZ “On the Federal Budget for 2017 and the Planning Period of 2018 and 2019”), *Rossiiskaya gazeta*, 2016, 21 dekabrya.
7. St. 7.29-7.32.1 Kodeksa Rossiiskoi Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 No. 195-FZ (Art. 7.29-7.32.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 195-FZ), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 2002, No. 1 (ch. 1), St. 1.

Дата поступления: 02.04.2018

Received: 02.04.2018

УДК 340

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ САНКЦИИ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

**ALTERNATIVE SANCTIONS
IN CIVIL LAW**

ЧУКЛОВА Елена Валериевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры Предпринимательского и трудового
права Тольяттинского государственного
университета, Тольятти, Россия.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

CHUKLOVA Elena Valerievna

Candidate of Sciences (Law), Associate Pro-
fessor, Assistant Professor of the Department
of Business and Labour Law of the Togliatti
State University, Togliatti, Russia.
E-mail: elenachuklova@mail.ru

Рассмотрение альтернативных санкций в гражданском праве является актуальным в связи с важностью определения их места и роли в системе дифференциации ответственности. Первостепенное значение имеет рассмотрение таких категорий, как: «дифференциация ответственности», «принцип дифференциации ответственности за гражданско-правовое нарушение», «санкция», «альтернативная санкция», «гражданско-правовая санкция». Предметом исследования выступили нормы гражданского законодательства, закрепляющие санкции за соответствующе виды правонарушений и злоупотребления пра-

Reviewing alternative sanctions in civil law is relevant in connection with the importance of determining their place and role in the system of responsibilities differentiating. It is of paramount importance to consider such categories as: “differentiation of responsibility”, “principle of differentiation of responsibility for civil offence”, “sanction”, “alternative sanction”, “civil law sanction”. The subject of the study is the norms of civil legislation, fixing sanctions for the appropriate types of offences and abuse of law, including alternative sanctions. The author analyzes decisions of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of

вом, в том числе и альтернативные санкции. Проведен анализ решений Верховного Суда РФ по вопросам применения гражданско-правовых санкций и практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции. Для гражданского законодательства характерна двухуровневая альтернативность, которая предполагает выбор между несколькими мерами принуждения и определение размера ответственности за нарушение обязательства. Альтернативная гражданско-правовая санкция может быть охарактеризована с качественной и количественной стороны.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, принуждение, альтернативная санкция, договор, дифференциация ответственности.

civil penalties, as well as the practice of arbitration courts and courts of general jurisdiction. Civil law is characterized by a two-level alternativity, which involves choosing between several coercive measures and determining the amount of liability for breach of obligation. Alternative civil sanction can be characterized qualitatively and quantitatively.

Key words: civil law liability, coercion, alternative sanction, contract, differentiation of responsibility.

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ проект 17-03-00022
«Альтернативные санкции в механизме дифференциации
и индивидуализации юридической ответственности»*

Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) [1] в качестве основного фундаментального принципа регулирования гражданского оборота, несоблюдение которого делает невозможным нормальное развитие рыночных отношений, называет принцип свободы договора. Пункт 1 ст. 1 ГК РФ закрепляет свободу договора в качестве одного из начал гражданского законодательства. В соответствии со ст. 421 ГК РФ принцип свободы договора сформулирован в виде следующих правомочий: право заключить договор с любым контрагентом, право включить в договор любые условия, право выбрать вид и тип договора [2, с. 13]. Соответственно, стороны могут, наряду с остальным, выбрать способы обеспечения исполнения обязательств, меры ответственности за нарушение обязательств, как закрепленные в законе, так и нет. Как верно заметил А.И. Мягих, договор является гибким и быстро адаптирующимся регулятором общественных отношений, который позволяет закрепить оптимальные меры, способствующие исполнению заключенных в него обязательств [3], а также меры, способствующие дифференциации ответственности за совершение гражданско-правового правонарушения или злоупотребление правом. Отметим, что под дифференциацией ответственности мы будем понимать разделение мер правового принуждения, применяемых за совершение гражданского правонарушения или за злоупотребление правом, мер гражданско-правового принуждения и мер принуждения другой отраслевой принадлежности на основании обстоятельств совершенного правонарушения. Одним из средств дифференциации ответственности за совершение гражданско-правового правонарушения или за злоупотребление правом является санкция. В юридической литературе встречается множество её определений, что подтверждает многоаспектность содержания рассматриваемой юридической категории. В настоящее время насчитывается минимум три точки зрения на понятие санкции.

Согласно первой точке зрения, санкция представляет собой часть нормы, которая регламентирует неблагоприятные последствия нарушения этой нормы [4, с. 28]. Так, О.А. Красавчиков определял гражданско-правовую санкцию как меру имущественных или иных невыгодных последствий, установленные законом и применяемую к лицу в случае не-

соблюдения законодательных положений, неисполнения обязательств, причинения вреда [5, с. 264]. Г.П. Савичев под правовой санкцией понимал «правоохранительное средство, отрицательное и неблагоприятное имущественное последствие для стороны, нарушившей закон или договор, меру принуждения на неисправного должника» [6, с. 3].

Другую точку зрения высказал О.С. Лейст. Она заключается в том, что санкция представляет собой указание только на меру принуждения [7, с. 28]. Согласно третьей точке зрения, возможность применения принуждения может быть основана как на санкции, так и на диспозиции нормы права [8, 9]. Все приведенные точки зрения хороши, но в них речь идет о санкции как элементе правовой нормы, но в гражданском праве, как верно подмечено А.Е. Кирпичевым, санкция может выступать условием договора, то есть применяться не только за нарушение законодательного предписания, но и за нарушение индивидуального правила поведения [10, с. 12]. Основная цель работы – сформулировать понятие альтернативной санкции в гражданском праве.

Как мы уже отмечали, в гражданском праве существуют санкции, закрепленные в законе, и санкции, закрепленные в договоре. Санкция закона закрепляет меры принуждения на правонарушителя, установленные в правовых нормах, а санкции договора закрепляют меры, устанавливаемые по соглашению сторон [3]. На наш взгляд, санкция закона закрепляет меры принуждения, которые обеспечивают поведение, предусмотренное диспозицией правовой нормы. Договорные санкции, в свою очередь, могут вводить как меры, закрепленные в законе, так и меры, отличные от предусмотренных в законодательстве. Беря за основу классификации санкций конкретность закрепленных в них мер принуждения, можно выделить:

- во-первых, абсолютно-определенные, относительно-определенные, именуемые в литературе императивными гражданско-правовыми санкциями, то есть не дающими право выбора последствий правонарушения;

- во-вторых, альтернативные и кумулятивные санкции, устанавливающие несколько видов юридических последствий правонарушения, один из которых может быть использован [11, с. 75].

В абсолютно-определенных санкциях четко указываются подлежащие применению меры принуждения. К примеру, в силу п. 2 ст. 152 ГК РФ, «сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина и распространенные» в СМИ, должны быть опровергнуты в тех же изданиях [12]. В содержании относительно-определенных санкций регламентируются пределы применения мер принуждения. Например, в таких санкциях обычно закреплены размеры неустоек и штрафов за нарушения договорных обязательств. Например, в договорах часто встречается условие, содержащие ограничение сумм штрафных санкций по договору с учетом ограничения их предельной величиной по договору: за недопоставку поставщик уплачивает неустойку в размере 0,5 % за каждый день просрочки поставки, но не более 10% от стоимости товара. В альтернативных санкциях сформулированы несколько мер принуждения, которые могут применяться каждая самостоятельно за конкретное правонарушение. Например, в соответствии со ст. 466 ГК РФ, если продавец нарушил условие договора о количестве товара, то покупатель вправе применить одно из следующих последствий: потребовать передать недостающее количество товара, отказаться от переданного товара и не оплачивать его [13]. Заявление об этом должно быть сделано незамедлительно, поскольку, например, отказ от оплаты, сделанный по истечении полугода после принятия товара, может быть признан судом злоупотреблением со стороны покупателя [14]. Примером кумулятивной санкции являются последствия, предусмотренные в п. 9 ст. 152 ГК РФ, в соответствии с которым гражданин, в отношении которого были распространены порочащие его достоинство, честь и репутацию сведения, может требовать опровержения, а также возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением сведений.

Особое значение в реализации механизма дифференциации ответственности имеют альтернативные санкции, подразумевающие один из возможных вариантов поведения [15]. Альтернативная гражданско-правовая санкция представляет собой структурную часть гражданско-правовой нормы, содержащую меры правового принуждения, которая позволяет выбрать одну из указанных в ней мер в зависимости от тяжести совершенного правонарушения, выбора потерпевшего или органа, применяющего санкцию. В гражданском законодательстве можно найти большое количество альтернативных санкций, что, по мнению некоторых авторов, связано с гибкостью механизма гражданско-правового регулирования, включая способы защиты гражданских прав, позволяющего оперативно обеспечивать защиту интересов потерпевшего [3]. В альтернативной санкции содержится несколько мер принуждения. Так, в соответствии со ст. 503 ГК РФ в случае, если покупатель обнаружит недостатки товара, свойства которого не позволяют их устранить, у него есть выбор: либо потребовать замены товара, либо соразмерного уменьшения его цены. Применительно к гражданско-правовой ответственности альтернатива заключается в выборе необходимой меры принуждения, позволяющей наиболее эффективно защитить интересы потерпевшего, из нескольких возможных [16]. Ст. 18 Закона о защите прав потребителей [17] предоставляет более широкий выбор при обнаружении недостатков товара, не оговоренных продавцом. Покупатель может потребовать: или замены товара на идентичный товар, или замены на однородный товар, или потребовать уменьшения цены, или потребовать безвозмездного устранения недостатков, или отказаться от договора и потребовать назад уплаченную за него сумму [18].

Для гражданского законодательства характерно двухуровневая альтернативность, которая предполагает выбор между несколькими мерами принуждения и определение размера ответственности за нарушение обязательства. Альтернативная гражданско-правовая санкция может быть охарактеризована с качественной и количественной стороны. Качественные признаки альтернативной гражданско-правовой санкции проявляются в количестве и видах мер принуждения, в них закрепленных, и, как правило, основная их цель не столько наказание правонарушителя, сколько восстановление прав потерпевшего. Например, довольно часто встречаются договоры, в которых размер неустойки дифференцируется в зависимости от срока просрочки исполнения обязательства. Количественные характеристики определяются количеством мер принуждения, их пределом и размером. Как правило, большинство гражданско-правовых санкций носит соразмерный нарушению характер, но встречаются и ограниченные санкции, которые восстанавливают право в меньшем, чем причиненный ущерб объеме. Часть ограничений установлена на законодательном уровне, например ограничение ответственности перевозчика, организаций связи, энергоснабжающих организаций, а часть зависит от усмотрения органа, применяющего санкцию, и не предполагает вынесения произвольного немотивированного решения. Так, в некоторых случаях суд должен брать во внимание наличие вины кредитора, вины потерпевшего, имущественное положение лица, причинившего ущерб [19]. Например, при рассмотрении дел о взыскании ресурсоснабжающими организациями возмещения потерь, вызванных межтарифной разницей, суд вправе снизить размер взыскиваемого возмещения, если ответчиком будет доказано, что ресурсоснабжающая организация содействовала увеличению размера своих потерь [20].

Таким образом, альтернативная санкция представляет собой структурную часть гражданско-правовой нормы или индивидуального правила поведения, которая содержит меры принуждения, дает возможность выбрать одну из указанных мер соразмерно причиненному ущербу, степени опасности правонарушения, с учетом наличия вины потерпевшего и имущественного положения причинителя вреда. Для гражданского законодательства характерно наличие двухуровневой альтернативности.

Библиографические ссылки

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Шабанов А. Можно ли договариваться о налоговых последствиях сделки? // ЭЖ-Юрист. 2016. № 43. С. 13.
3. Мягих А.И. Договорные санкции в гражданском праве // Гражданское право. 2009. № 1. С. 40-48.
4. Сырых В.М. Теория государства и права : учебник. М. : ЗАО Юрический дом «Юстицинформ», 2002.
5. Красавчиков О.А. Ответственность, меры защиты и санкции в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005.
6. Савичев Г.П. Предприятие и правовые санкции / отв. ред. И.А. Танчук. М., 1981.
7. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1969.
8. Серегина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991.
9. Попкова Е.С. Юридическая ответственность и ее соотношение с иными правовыми формами государственного принуждения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
10. Кирпичев А.Е. Система санкций за нарушение договора: меры ответственности, меры оперативного принуждения, расторжение договора и неюридические санкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 9-16.
11. Жицинский Ю.С. Санкция нормы советского гражданского права. Воронеж, 1968.
12. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10. С. 21-35.
13. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 21.12.2010 N Ф03-8315/2010 по делу N А73-3810/2010 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
14. Постановление ФАС Поволжского округа от 03.07.2014 по делу N А12-21296/2013 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
15. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2011.
16. Постановление ФАС Уральского округа от 26.07.2010 N Ф09-4994/10-С2 по делу N А71-15728/2009Г13 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
17. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 18.04.2018) "О защите прав потребителей" // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
18. Постановление Верховного Суда РФ от 22.06.2015 N 307-АД15-5842 по делу N А56-21463/2014 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N 49 "О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде" // Российская газета. 2017. 11 дек.
20. Постановление Пленума ВАС РФ от 06.12.2013 N 87 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных со взысканием потерь ресурсоснабжающих организаций, вызванных межтарифной разницей" // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2. С. 100-102.

References

1. Grazhdanskii kodeks Rossijskoi Federacii (chast pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 29.07.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 06.08.2017) (The Civil Code of the Russian Federation (Part One), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1994, No. 32, art. 3301.

2. Shabanov A. *Mozhno li dogovarivatsya o nalogovyh posledstviyah sdelki?* (Is It Possible to Agree on Tax Consequences of the Transaction?), *E`Zh-Yurist*, 2016, No. 43, pp.13.
3. Myagkix A.I. *Dogovornye sankcii v grazhdanskom prave* (Contractual Sanctions in Civil Law), *Grazhdanskoe pravo*, 2009, No. 1, pp. 40-48.
4. Sy`ry`x V.M. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of State and Law), *uchebnik*, Moscow, ZAO Yuridicheskij dom «Yusticinform», 2002.
5. Krasavchikov O.A. *Otvetstvennost, mery zashhity i sankcii v sovetskom grazhdanskom prave* (Responsibility, Measures of Protection and Sanctions in Soviet Civil Law), *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy*, In 2 vols T. 2, Moscow, Statute, 2005.
6. Savichev G.P. *Predpriyatie i pravovye sankcii* (Enterprise and Legal Sanctions), *otv. red. I.A. Tanchuk*, Moscow, 1981.
7. Lejst O.E`. *Sankcii v sovetskom prave* (Sanctions in Soviet Law), Moscow, 1969.
8. Seregina V.V. *Gosudarstvennoe prinuzhdenie po sovetskomu pravu* (State Coercion under Soviet Law), Voronezh, 1991.
9. Popkova E.S. *Yuridicheskaya otvetstvennost i ee sootnoshenie s inymi pravovymi formami gosudarstvennogo prinuzhdeniya* (Legal responsibility and its Correlation with Other Legal Forms of State Coercion), *dis. ... kand. jurid. Nauk*, Moscow, 2001.
10. Kirpichev A.E. *Sistema sankcij za narushenie dogovora: mery otvetstvennosti, mery operativnogo prinuzhdeniya, rastorzhenie dogovora i neyuridicheskie sankcii* (The System of Sanctions For Violation of the Contract: Measures of Responsibility, Measures of Operational Coercion, Termination of the Contract and Non-Legal Sanctions), *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2016, No. 7, pp. 9-16.
11. Zhicinskij Yu.S. *Sankciya normy sovetskogo grazhdanskogo prava* (The sanction of the Norm of Soviet Civil Law), Voronezh, 1968.
12. *Obzor praktiki rassmotreniya sudami del po sporam o zashhite chesti, dostoinstva i delovoi reputacii* (Review of Practice of Consideration by Courts of Cases on Disputes on Protection of Honor, Dignity and Business Reputation), (utv. Prezidiumom Verxovnogo Suda RF 16.03.2016), *Byulleten Verhovnogo Suda RF*, 2016, No. 10, pp. 21-35.
13. *Postanovlenie FAS Dalnevostochnogo okruga ot 21.12.2010 N F03-8315/2010 po delu N A73-3810/2010* (Decree of the FAS of the Far Eastern District of 21.12.2010 No F03-8315, 2010 in the case No A73-3810), dokument ne opublikovan, Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsultant Plyus».
14. *Postanovlenie FAS Povolzhskogo okruga ot 03.07.2014 po delu N A12-21296/2013* (Decree of the Federal Arbitration Court of the Volga Region from 03.07.2014 on the case No. A12-21296, 2013), dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsultant Plyus».
15. Rajzberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubceva E.B. *Sovremennyi ekonomicheskij slovar* (Modern Economic Dictionary), 6-e izd., *pererab. i dop*, Moscow, INFRA-M, 2011.
16. *Postanovlenie FAS Uralskogo okruga ot 26.07.2010 N F09-4994/10-S2 po delu N A71-15728/2009G13* (Decree of the Federal Antimonopoly Service of the Ural District of 26.07.2010 No. F09-4994, 10-C2 on the case No. A71-15728, 2009G13), dokument opublikovan ne byl, Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul`tant Plyus».
17. *Zakon RF ot 07.02.1992 No 2300-1 (red. ot 18.04.2018) "O zashhite prav potrebitel'ei"* (Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (Edited on 18.04.2018) "On the Protection of Consumer Rights"), *Sobranie zakonodatel'stva RF*, 1996, No. 3, St. 140.
18. *Postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 22.06.2015 N 307-AD15-5842 po delu N A56-21463/2014* (Decree of the Supreme Court of the Russian Federation of June 22, 2015 No. 307-AD15-5842 in case No. A56-21463, 2014), dokument opublikovan ne byl, dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Konsul`tant Plyus».
19. *Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30.11.2017 N 49 "O nekotoryh voprosah primeneniya zakonodatel'stva o vozmeshenii vreda, prichinennogo okruzhayushhei srede* (Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30 November 2017 No.49 "On Some Issues of Applying Legislation on Compensation for Damage Caused to the Environment), *Rossiiskaya gazeta*, 2017, 11 dek.
20. *Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 06.12.2013 N 87 "O nekotoryh voprosah praktiki rassmotreniya sporov, svyazannyh so vzyskaniem poter` resursosnabzhayushhih organizacii, vyzvannyh mezhtarifnoi raznicei* (Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 6

December 2013 “On Some Issues of Practice of Consideration of Disputes Associated with Recovery of Losses of Resource Supplied Organizations, Caused by the Inter-Tariff Difference”), *Vestnik VAS RF*, 2014, No. 2, pp. 100-102.

Дата поступления: 18.04.2018

Received: 18.04.2018

УДК 347.1

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛКИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОЛЖНИКА

ИВАНОВА Татьяна Константиновна

аспирант кафедры гражданского права Института права ФГБОУ ВО "Баширский государственный университет", г. Стерлитамак, Россия. E-mail: tanita7323@mail.ru

В современной цивилистической науке отсутствует целостная концепция сущности последствий недействительности сделок несостоятельного должника. Единообразная судебная практика применения последствий недействительности сделок несостоятельного должника не выработана. Неуклонное возрастание в делах о банкротстве заявлений арбитражных управляющих, а также временных администраций финансовых организаций о признании сделок недействительными подтверждает актуальность и правоприменительную значимость исследования вопроса о последствиях недействительности сделок несостоятельного должника. Последствия недействительности сделок несостоятельного должника, установленные Федеральным законом от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", отражают особенности таких сделок и являются специальными. Данные последствия не исключают реституционного характера обязательственных охранительных правоотношений, возникающих в связи с применением этих последствий. Содержанием таких правоотношений является совокупность субъективных реституционных прав (притязаний) и обязанностей несостоятельного должника и его контрагента по недействительной сделке. Закон, по сути, устанавливает специальную, "банкрот-

CONSEQUENCES OF INVALIDITY OF LEGAL TRANSACTIONS OF THE BANKRUPT DEBTOR

IVANOVA Tatiana Konstantinovna

Postgraduate Student of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir state University", Sterlitamak, Russia. E-mail: tanita7323@mail.ru

In the modern period in the civil law science there is no integral concept of the nature of consequences of invalidity of legal transactions of the bankrupt debtor. The uniform judicial practice of application of consequences of invalidity of transactions of the bankrupt debtor is not developed. The steady increase in bankruptcy cases of applications of arbitration managers, as well as temporary administrations of financial organizations for invalidation of transactions confirms the relevance and legal significance of the study of the consequences of invalidity of legal transactions of the bankrupt debtor. The consequences of invalidity of transactions of the bankrupt debtor established by rules of the Federal law of 26.10.2002 No. 127-FZ "On insolvency (bankruptcy)" reflect features of such legal transactions and are special. These consequences do not exclude the restorative nature of mandatory protective legal relations arising in connection with the use of these consequences. The content of such legal relations is a set of subjective restorative rights (claims) and obligations of the bankrupt debtor and his counterparty to an invalid transaction. The law, in fact, establishes a special, "bankruptcy" restitution, involving the obligation of the debtor's counterparty to return received from

ную" реституцию, предполагающую обязанность контрагента должника возвратить полученное от должника в конкурсную массу и приобретением после такого возврата права требования к должнику, подлежащего включению в реестр требований кредиторов. Такие последствия по своему характеру занимают промежуточное положение между двусторонней реституцией и односторонней реституцией. Результаты исследования могут применяться в теоретических изысканиях, направленных на установление сущности недействительных сделок несостоятельного должника.

Ключевые слова: недействительность сделок, последствия недействительности, банкротство, несостоятельный должник, реституция, реституционные правоотношения, специальная реституция.

the debtor to bankruptcy assets and after such a return, the debtor's counterparty acquires the right of claim to the debtor, subject to inclusion in the register of creditors' claims. Such effects are of an intermediate nature between bilateral restitution and unilateral restitution. The results of the study can be used in theoretical researches aimed at determining the nature of invalid legal transactions of the bankrupt debtor.

Key words: invalidity of legal transactions, consequences of invalidity, bankruptcy, bankrupt debtor, restitution, restitution legal relations, special restitution.

Возможность признания недействительными сделок несостоятельного должника является эффективным правовым инструментом, способствующим пополнению конкурсной массы в результате возврата ранее отчужденного имущества. Неуклонное возрастание в делах о банкротстве заявлений арбитражных управляющих о признании сделок недействительными подтверждает актуальность и правоприменительную значимость исследования вопроса о последствиях недействительности сделок несостоятельного должника. Ст. 12. Гражданского кодекса РФ [1] (далее по тексту – ГК РФ) признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, а также применение последствий недействительности ничтожной сделки относит к способам защиты гражданских прав. Анализ нормы п. 2 ст. 167 ГК РФ позволяет подразделить в первую очередь на общие и специальные последствия недействительности сделок. Общие последствия предполагают обязанность каждой из сторон сделки возвратить другой все полученное по сделке либо возместить его стоимость, специальные – иные последствия, предусмотренные законом.

Последствия недействительности сделок несостоятельного должника являются специальными, поскольку отражают специфику данных сделок и предполагают с одной стороны обязанность контрагента должника возвратить полученное от должника в конкурсную массу, а с другой стороны – удовлетворение требования к должнику в порядке и очередности, установленными Федеральным законом от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" [10] (далее – Закон о банкротстве). В качестве отдельной группы целесообразно выделять дополнительные последствия, а именно возмещение реального ущерба (ст.ст. 171, 172, 175, 176, 177, 178 ГК РФ) и возмещение убытков (ст.ст. 178, 179 ГК РФ, ст. 61.6 Закона о банкротстве), применяемые субсидиарно по отношению к общим или специальным последствиям. Последствия недействительности сделки в отечественной цивилистике и судебной практике устойчиво связывается с понятием реституции (от латинского "restituere" – восстанавливать, возмещать, приводить в порядок; "restitutio" – восстановление). «В привычку российских юристов, – пишет Ю. Е. Туктаров, – вошла терминологическая идентификация требования о возврате полученного по недействительной сделке с термином "реституция". ... В зарубежном праве термин "реституция" используется в основном для обозначения требования о возврате всего того, что получено "несправедливо" (Англия) или "необоснованно"

(Германия), т.е. по большому счету "реституцией" называют все требования из области несправедливого обогащения одного лица за счет другого» [21, с. 146].

Понятие "реституция" уходит своими корнями к частному праву Древнего Рима. В классическом римском праве выражение *in integrum restitution* (буквально «восстановление в целостности») означало преторское средство, устранявшее в плоскости *jus honorarium* правовой эффект того или иного юридического факта, вполне действительного с точки зрения *jus civile* и являвшегося по сути прообразом аннулирования оспоримой сделки в современном праве [8, с. 195]. В четвертой книге Дигест Юстиниана реституция характеризуется как средство защиты, устраняющее различного рода несправедливости, зачастую порождаемые строгим применением права [16, с. 71]. Претор, в силу своего постановления, уничтожал правовые последствия юридического факта, восстанавливая лицо в исходном правовом положении, руководствуясь при этом отнюдь не законом, а исключительно соображениями справедливости. Реституция была направлена не на возврат переданного по сделке имущества, а на отмену правового эффекта самой сделки (равно как и других юридических фактов). Таким образом, реституция рассматривалась в качестве чрезвычайного средства преторской защиты для ситуаций, когда формальное право не соответствовало представлениям о справедливости [3, с. 12]. Реституция со времен Древнего Рима претерпела значительные изменения, тем не менее, современными правовыми системами была воспринята ее основная идея, заключающаяся в возможности восстановления исходного положения.

В гражданском законодательстве России легальное закрепление термина «реституция» отсутствует, однако в доктрине российского гражданского права данное понятие определяется как возвращение сторонами недействительной сделки друг другу полученного ими по такой сделке или же компенсацию полученного при невозможности возврата его в натуре [2, с. 494; 15, с. 384]. Правило, установленное п. 2 ст. 167 ГК РФ, в юридической литературе получило также название "двусторонней реституции", в противопоставление терминам "односторонняя реституция", "недопущение реституции". Таким образом, в качестве общего правила законодатель вводит режим двусторонней реституции [11, с. 56]. Так называемая односторонняя реституция в качестве возможного последствия недействительности сделки предусматривалась ранее (ст. 179 ГК РФ), предполагала приведение в первоначальное состояние только невиновной потерпевшей стороны и обращение в доход государства имущества, полученного по сделке потерпевшим от другой стороны либо причитавшегося в возмещение переданного другой стороне. Данная норма подвергалась критике, поскольку содержала публично-правовые элементы. В последствие законодатель принял предложение отказаться от названной меры конфискационного характера [14, с. 46]. В настоящий период применение односторонней реституции главой 9 ГК РФ не предусматривается. Так называемое "недопущение реституции" означает взыскание в доход государства всего полученного сторонами по сделке и является исключительным последствием недействительности сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности. В случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом (169 ГК РФ).

Применение последствий недействительности сделки осуществляется в рамках реституционных отношений. Основаниями возникновения данных правоотношений являются юридические факты: совершение недействительной сделки и осуществление исполнения по ней; содержанием – совокупность субъективных реституционных прав (притязаний) и обязанностей. Научная дискуссия о правовой природе реституционных правоотношений весьма полемична. Согласно мнению одних данное правоотношение имеет обязательственную природу [17, с. 120; 7, с. 12; 19, с. 36; 20, с. 99-103; 6, с. 122; 18, с. 39]. Другие категорически отрицают обязательственный характер указанных правоотношений [4, с. 51; 3, с. 131; 5, с. 20-23]. Ю.Х. Калмыков, в частности, писал: "Не говоря уже о том, что при совершении незаконной сделки каждая из

сторон обычно не заинтересована в признании ее недействительной, а потому не имеет каких-либо притязаний к своему контрагенту, факт предъявления претензии не превращает участника подобной сделки в кредитора, так как возвращение ... в первоначальное положение достигается не в результате совершения сделки должника, а с помощью правоохранительных органов" [4, с. 51]. На наш взгляд подобная трактовка реституционного правоотношения не является правильной. Субъективное реституционное право (притязание) и корреспондирующая ему обязанность другой стороны недействительной сделки существуют объективно и не зависят от возможной незаинтересованности сторон сделки в реституции. Кроме того, во многих случаях стороны недействительной сделки, напротив, заинтересованы в применении последствий ее недействительности, о чем свидетельствует имеющаяся судебная практика. О незаинтересованности сторон можно вести речь лишь применительно к отдельным категориям недействительных сделок (мнимые и притворные, совершенные с целью противной основам правопорядка или нравственности, не соответствующие закону). Следует согласиться с исследователями, обосновывающими обязательственную природу реституционных отношений. При обращении к легальному определению обязательства (п. 1 ст. 307 ГК РФ), обязательственная природа реституционных отношений становится очевидной [19, с. 36; 6, с. 122]. Предписываемое законом поведение сторон недействительной сделки вписывается в понятие обязательства, поскольку п. 2 ст. 167 ГК РФ возлагает на каждую из сторон недействительной сделки обязанность совершения действий по возврату полученного по сделке.

Обязательственная природа реституционного отношения подкрепляется и введенной сравнительно недавно в ГК РФ ст. 307.1 [9]. В соответствии с п. 3 ст. 307.1 ГК РФ общие положения об обязательствах, поскольку иное не установлено Гражданским кодексом РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений, применяются к требованиям, связанным с применением последствий недействительности сделок. Такой же подход в последнее время господствует и в судебной практике [12]. Реституционные правоотношения как обязательственные, безусловно, являются относительными, поскольку возникают между конкретными лицами, сторонами недействительной сделки. По своему возникновению реституционное правоотношение является внедоговорным, поскольку возникает не в силу договора, а в силу закона. По выполняемым в механизме правового регулирования функциям реституционное обязательство является охранительным, поскольку направлено на устранение последствий безосновательных изменений в имущественной сфере сторон недействительной сделки. Таким образом, реституционные правоотношения можно определить как вид относительных, обязательственных, охранительных гражданских правоотношений, возникающих вследствие совершения недействительной сделки и осуществления исполнения по ней, сопряженные с применением последствий недействительности сделки. Закон о банкротстве (ст. 61.6.), определяя последствия недействительности сделки, исходит из необходимости максимального восстановления имущественных прав должника в интересах его кредиторов.

Все, что было передано должником или иным лицом за счет должника или в счет исполнения обязательства перед должником, а также изъято у должника по сделке, признанной недействительной, подлежит возврату в конкурсную массу. В случае невозможности возврата имущества в конкурсную массу в натуре приобретатель должен возместить действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества, в соответствии с положениями об обязательствах, возникающих вследствие неосновательного обогащения. Кредиторы и иные лица, которым передано имущество или перед которыми должник исполнял обязательства или обязанности по сделке, признанной недействительной, в случае возврата в конкурсную массу полученного по недействительной сделке имущества приобретают право требования к должнику. Очередность удовлетворения таких требований зависит от оснований недействительно-

сти сделки. После удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, включенных в реестр требований кредиторов, удовлетворяются требования:

- по подозрительным сделкам, совершенным в целях причинения вреда имущественным интересам кредиторов (п. 2 ст. 61. 2);

- по сделкам с предпочтением, совершенным в течение шести месяцев до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом при наличии условий, предусмотренных абз. 2, 3 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве, или если установлено, что кредитору или иному лицу, в отношении которого совершена такая сделка, было известно о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества (п. 3 ст. 61. 3).

В общем порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве), удовлетворяются требования:

- по подозрительным сделкам, совершенным при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки (п. 1 ст. 61. 2);

- по сделкам с предпочтением, совершенным после принятия заявления о признании должника банкротом или в течение одного месяца до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом (п. 2 ст. 61. 3).

Правоотношения, связанные с применением последствий недействительности сделок несостоятельного должника также имеют относительный, обязательственный, охранительный и реституционный характер. Содержанием таких правоотношений является совокупность субъективных реституционных прав (притязаний) и обязанностей несостоятельного должника и его контрагента по недействительной сделке. Закон о банкротстве, по сути, устанавливает специальную, "банкротную", реституцию. Она своему характеру занимает промежуточное положение между двусторонней реституцией и односторонней реституцией. Особенность "банкротной" реституции обусловлена необходимостью возврата в конкурсную массу полученного от должника по недействительной сделке и приобретением после такого возврата контрагентом должника права требования к должнику, подлежащего включению в реестр требований кредиторов. Резюмируя изложенное, сформулируем основные выводы.

1. Последствия недействительности сделки классифицируются на общие, специальные и дополнительные. Общие последствия устанавливаются правилом п. 2 ст. 167 ГК РФ, специальными являются иные последствия, предусмотренные законом; дополнительными, применяемыми субсидиарно по отношению к общим либо специальным последствиям, являются возмещение реального ущерба и возмещение убытков.

2. Последствия недействительности сделок несостоятельного должника, установленные правилами ст. 61.6. Закона о банкротстве, отражают особенности таких сделок и являются специальными. Данные последствия предполагают кумулятивное применение возмещения убытков и кондикционных требований.

3. Правоотношения, сопряженные с применением последствий недействительности сделки, являются реституционными. Основания возникновения данных правоотношений представлены юридическим составом фактов совершения недействительной сделки и осуществления исполнения по ней. Содержанием таких правоотношений является совокупность субъективных реституционных прав (притязаний) и обязанностей сторон недействительной сделки.

4. Реституционные правоотношения можно определить как вид относительных, обязательственных, охранительных гражданских правоотношений, возникающих вследствие совершения недействительной сделки и осуществления исполнения по ней, сопряженных с применением последствий недействительности сделки.

5. Специальные последствия недействительности сделок несостоятельного должника не исключают реституционного характера обязательственных охранительных правоотношений, возникающих в связи с применением этих последствий. Данные правоотношения имеют все элементы реституционного правоотношения. Содержанием таких правоотношений явля-

ется совокупность субъективных реституционных прав (притязаний) и обязанностей несостоятельного должника и его контрагента по недействительной сделке.

6. Последствия недействительности сделок несостоятельного должника можно определить как специальную, "банкротную", реституцию, предполагающую с одной стороны обязанность контрагента должника возвратить полученное от должника в конкурсную массу, а с другой стороны – удовлетворение требования к должнику о возврате полученного по недействительной сделке в порядке и очередности, установленными Законом о банкротстве.

Библиографические ссылки

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г. введ. Федер. законом Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 52-ФЗ // Рос. газ. 1994. 08 дек.
2. Гражданское право : учебник. Т. 1. / под ред. А.П. Сергеева. М. : РГ-Пресс, 2012.
3. Джанаева А.М. Понятие реституции: сравнительно-правовой анализ института в российской и англо-американской системах права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
4. Калмыков Ю.Х. Принцип всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1987.
5. Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
6. Лушина Л.А. К вопросу о понятии и правовой природе реституции в гражданском праве // Власть и народ: взаимодействие в истории и современности : научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Выпуск 3. Н. Новгород : Издательство ООО «Растр», 2016. С. 121–129.
7. Михайлич А.М. Внедоговорные обязательства в советском гражданском праве : учебное пособие. Краснодар : Изд-во Кубан. Ун-ва, 1982.
8. Новицкий И.Б. Римское частное право : учебник. М., 2012.
9. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации): федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 февр. 2015 г. одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 4 марта 2015 г. // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10., ст. 1412.
10. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 27 сент. 2002 г. одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 16 окт. 2002 г. // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43, ст. 4190.
11. Поваров Ю.С. Вопросы соотношения реституционного и кондикционного требований // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 55-67.
12. Постановление Президиума ВАС от 11 ноября 2005 года № 6325/05 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 июля 2011 № 13639/2010-НП по делу № А32-20980/2010-55/411 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Праскелова Д.В. Особенности применения последствий недействительности оспоримых сделок // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 41-44.
15. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. I. / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Статут, 2011.
16. Солодовникова С.В. Генезис реституции // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2015. № 2 (27). С. 71-75.
17. Толстой В.С. Понятие обязательства по советскому гражданскому праву // Учен. зап. ВЮЗИ. Вып. 19. М. : РИО ВЮЗИ, 1971. С. 102-121.
18. Тужилова-Орданская Е.М. Теоретические проблемы защиты прав на недвижимость в гражданском праве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
19. Тузов Д.О. Природа реституционных отношений // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика : сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 35– 43.

20. Тузов Д.О. Реституция при недействительности сделок и защита добросовестного приобретателя в российском гражданском праве. М. : Статут, 2007.
21. Туктаров Ю.Е. Требование о возврате полученного по недействительной сделке // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика : сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2006. С. 146-147.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (The Civil Code of the Russian Federation), Chast' pervaja ot 30 nojab. 1994 g., No. 51-FZ, prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 21 okt. 1994 g., vvod Feder. zakonom Ros. Federacii ot 30 nojab. 1994 g., No. 52-FZ, Ros. Gaz, 1994, 08 dek; *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 1994, No. 32, st. 3301.
2. Grazhdanskoe pravo (Civil Law): uchebnik, T. 1., pod red. A.P. Sergeeva, M., RG-Press, 2012.
3. Dzhanajeva A.M. Ponjatje restitucii: sravnitel'no-pravovoj analiz instituta v rossijskoj i anglo-amerikanskoj sistemah prava (The Concept of Restitution: Comparative Legal Analysis of the Institute in the Russian and Anglo-American Systems of Law), avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk, Moscow, 2015.
4. Kalmykov Ju.H. Princip vsemernoj ohrany socialisticheskoj sobstvennosti v grazhdanskom prave (The Principle of Full Protection of Socialist Property in Civil Law), Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1987.
5. Komashko M.N. Restitucija kak sposob zashhity prava (Restitution as a Remedy), dis. ... kand. jurid. nauk, Moscow, 2010.
6. Lushina L.A. K voprosu o ponjatii i pravovoj prirode restitucii v grazhdanskom prave (To the Question of the Concept and Legal Nature of Restitution in Civil Law), *Vlast' i narod: vzaimodejstvie v istorii i sovremennosti*, nauchnyj ezhegodnik fakul'teta prava Nizhegorodskogo filiala Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta "Vysshaja shkola jekonomiki", vypusk 3, Nizhnij Novgorod, Izdatel'stvo OOO "Rastr", 2016, pp. 121-129.
7. Mihajlich A.M. Vnedogovornye objazatel'stva v sovetskom grazhdanskom prave (Non-contractual Obligations in Soviet Civil Law), uchebnoe posobie, Krasnodar, Izd-vo Kuban. Un-va, 1982.
8. Novickij I.B. Rimskoe chastnoe pravo (Roman Private Law), uchebnik. Moscow, Zercalo-M, 2012.
9. O vnesenii izmenenij v chast' pervuju Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (On the Modification of Part One of the Civil code of the Russian Federation): feder. zakon ot 8 marta 2015 g., No. 42-FZ, prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 25 fevr. 2015 g., odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 4 marta 2015 g., *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 2015, No. 10, st. 1412.
10. O nesostojatel'nosti (bankrotstve) (On Insolvency (Bankruptcy): feder. zakon ot 26 okt. 2002 g., No. 127-FZ, prinjat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 27 sent. 2002 g., odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 16 okt. 2002 g., *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 2002, No. 43, st. 4190.
11. Povarov Ju.S. Voprosy sootnoshenija restitucionnogo i kondikcionnogo trebovanij (Questions of the Ratio of Restorative and Conduction Requirements), *Zhurnal rossijskogo prava*, 2010, No.7, pp. 55-67.
12. Postanovlenie Prezidiuma VAS (The Presidium's Ruling) ot 11 nojabrja 2005 goda, No. 6325/05, SPS "Konsul'tantPljus".
13. Postanovlenie Pjatnadcatogo arbitrazhnogo apelljacionnogo suda (Resolution of the Fifteenth Arbitration Court) ot 5 ijulja 2011, No. 13639/2010-NR po delu, No. A32-20980/2010-55/411, SPS "Konsul'tantPljus".
14. Praskelova D.V. Osobennosti primenenija posledstvij nedejstvitel'nosti osporimyh sdelok (Features of Application of Consequences of Invalidity of Voidable Transactions), *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika*, 2014, No. 3 (37), pp. 41-44.
15. Rossijskoe grazhdanskoe pravo (Russian Civil Law): uchebnik, v 2 t, T. I., otv. red. E.A. Suhanov. Moscow, Statut, 2011.
16. Solodovnikova S.V. Genezis restitucii (Genesis of Restitution), *Vestnik Sankt-Peterburgskoj juridicheskoy akademii*, 2015, No. 2 (27), pp. 71-75.
17. Tolstoj V.S. Ponjatje objazatel'stva po sovetskomu grazhdanskomu pravu (Concept of the Obligation under Soviet Civil Law), *Uchen. zap. VJuZI*, Vyp.19, M., RIO VJuZI, 1971, pp. 102-121.

18. Tuzhilova-Ordanskaja E.M. Teoreticheskie problemy zashhity prav na nedvizhimost' v grazhdanskom prave Rossii (Theoretical Problems of Protection of Rights to Real Estate in Civil Law of Russia), avtoref. dis. ... dokt. jurid. Nauk, Moscow, 2007.
19. Tuzov D.O. Priroda restitucionnyh otnoshenij (The Nature of Restorative Relations), *Nedejstvitel'nost' v grazhdanskom prave: problemy, tendencii, praktika*, sbornik statej, otv. red. M.A. Rozhkova, M., 2006, pp. 35–43.
20. Tuzov D.O. Restitucija pri nedejstvitel'nosti sdelok i zashhita dobrosovestnogo priobretatelja v rossijskom grazhdanskom prave (Restitution in Case of Invalidity of Transactions and Protection of a Bona Fide Purchaser in Russian Civil Law), Moscow, Statut, 2007.
21. Tuktarov Ju. E. Trebovanie o vozvrate poluchennogo po nedejstvitel'noj sdelke (The Demand for the Return of Received under an Invalid Transaction), *Nedejstvitel'nost' v grazhdanskom prave: problemy, tendencii, praktika*, Sb. st., otv. red. M.A. Rozhkova, Moscow, Statut, 2006, pp. 146–147.

Дата поступления: 24.03.2018

Received: 24.03.2018

УДК 342.4

НЕОТЪЕМЛЕМОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЛИЩЕ

ХАЙРЛЬВАРИНА Лилия Ильдаровна

аспирант, главный юрисконсульт юридического отдела Администрации Советского района городского округа город Уфа Республики Башкортостан, г. Уфа, Россия.

E-mail: Hairlvarina@mail.ru

INALIENABLE HUMAN RIGHT TO HOUSING

KHAIRLVARINA Lilia Ildarovna

Postgraduate Student, Chief Lawyer of the Legal Department of the Soviet District Administration of Urban District the Ufa City of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.

E-mail: Hairlvarina@mail.ru

Права человека являются краеугольным камнем социальных преобразований, путем которых выстраивалось современное гражданское общество. На национальном и международном уровне права человека признаются универсальной ценностью. Вместе с тем, современный мир является не только ареной торжества гражданских прав человека, но и суровым испытанием механизма их реализации. XXI век стал временем не только всепланетного признания человеческих прав как фундаментальной основы, но и периодом откровенного пренебрежения ими. В последние годы некоторые преступные деяния приобрели глобальные масштабы и подрывают базис прав человека, вынуждают применять жесткие меры и ставить вопрос о возможности вынужденного ограничения прав человека. В рамках проводимого исследования особое внимание будет уделено праву человека на жилище – неотъемлемому гражданскому праву, которое подтверждает ценность и признанную значимость каждого человека в мире.

Human rights are the cornerstone of social transformations that have built modern civil society. Human rights are declared a universal value on both national and international levels. However, today's world is not only a scene of triumph of human civil rights, but also a severe test of their enforcement mechanism. The XXI century has become a period of global recognition of human rights as a fundamental basis, as well as a period of their sheer defiance. During recent years, many criminal acts have spread globally and are undermining the basis of human rights, forcing to apply harsh response and raise the question about the possibility of a forced restriction of human rights. In terms of the research, special attention is given to the human right to housing – an inalienable civil right, which confirms the value and recognizes the importance of each person in the world.

Ключевые слова: Права человека на жилище, свобода выбора места жительства.

Key words: human rights to housing, freedom of choice of domicile.

Современная эпоха характеризуется ростом количества глобальных проблем, требующих как содержательного переосмысления, так и выработки эффективных путей их решения. Особое значение приобретает исследование прав человека, формирование новых гуманитарных ценностей. Поэтому одной из ведущих задач правоведения является не только продолжение научно-исследовательской работы по системному исследованию прав и свобод человека и гражданина, но и создание реального механизма их обеспечения в сфере распространения теоретических знаний, создание реальных условий для их реализации, разработка научно-обоснованных программ обеспечения основных прав человека. Исследование проблематики прав человека в общем контексте, а также вопросов, связанных с их обеспечением, предполагает рассмотрение широкого круга научных работ, касающихся освещения конституционно-правового содержания современной системы прав человека.

В философской терминологии естественные права человека – это имманентное свойство человеческой природы, отражение определенных требований, вытекающих из условий существования человека, которые порождены натуральными законами без участия человека как их автора. Естественность этих прав имеет свои корни, которые заключаются в их принадлежности индивиду, так как он родился человеком – общественным существом, а значит, автоматически приобретает правовой статус, который определяется сущностными характеристиками самого общества. В целом к ним относятся те права человека и гражданина, от которых нельзя отказаться. Как философская категория, права человека и гражданина имеют системный характер и выступают в действительности фундаментальной основой человеческого бытия, также они связаны с решением основных жизненных вопросов. По своей сути они представляют собой один из способов защиты человеческого достоинства, который реализуется в русле общечеловеческих ценностей, обеспечения развития каждого человека в государстве, в обществе и мире в целом. В таком толковании права человека представляют собой философию гуманизма, основанного на системе европейских ценностей, которые предусматривают приоритет духовно-творческого интеллектуально-информационного бытия индивида.

Права человека – это специфическая система, состоящая из многообразия отдельных элементов, частей и требующая их восприятия в целостности, что дает возможность выйти на новые методологические подходы. В частности, речь идет о том, что проблему прав человека стоит рассматривать как междисциплинарный феномен, который исследуется философией прав человека, теорией государства и права, конституционным правом, социологией, философией.

По своей организации и проявлениям права человека выступают сложным объектом, который предусматривает системно-логическое изучение. Они имеют определенные специфические признаки: во-первых, составляют юридическую базу для всей системы прав человека, во-вторых, имеют всеобщий и неотчуждаемый характер, в-третьих, имеют непосредственное действие и наконец, подлежат повышенной защите и гарантированности государством. В этом случае права человека возникают как комплексное образование, что требует и соответствующего подхода к их познанию и определению. В рамках данного исследования наше внимание будет обращено не на всю систему неотъемлемых прав человека, а лишь на одно из них – право каждого человека на жилище. Названное право отнесено к категории социально-экономических прав человека, ко «второму поколению человеческих прав». На национальном уровне о данном праве, в первую очередь, сказано в ч. 1 ст. 40 Конституции РФ. Следует отметить, что ни в дореволюционный, ни в советский период государство не обеспечивало свободу передвижения, не способствовало выбору места жительства и не заботилось о реализации права человека на жилище, несмотря на его неотъемлемый характер. Впервые законодательное признание названное право получило лишь тогда, когда Россия стала на путь демократи-

ческих преобразований. Принятие Декларации прав и свобод человека 22 ноября 1991 года ознаменовало начало работы Российской Федерации над признанием прав и свобод человека. В настоящее время право человека на жилище является органичной составляющей частью правового статуса личности в государстве. Статья 40 Конституции России не содержит конкретной юридической формулы, которая бы позволила раскрыть содержательные признаки права на жилище. О.И. Стародубцева отмечает, что право граждан на жилище можно свести к трем юридическим возможностям:

- а) стабильность, устойчивость и постоянное пользование жилым помещением;
- б) возможность улучшения жилищных условий в домах всех разновидностей жилищного фонда;
- в) обеспечение здоровой среды обитания, которая достойна цивилизованного человека.

Названные элементы существовали и раньше, однако, вследствие признания советскими конституциями монополии государственного, общественного и муниципального жилищного фонда, воплотить их не представлялось возможным. Так, Т.И. Погодина подчеркивает, что индивидуальный жилищный фонд занимал второстепенное место, и полноценно господствовал только в сельской местности. Советское государство обязывалось содействовать гражданам в развитии жилищного фонда, тем более что долгое время частная собственность пребывала под запретом, а личное пользование гражданами жилыми помещениями имело потребительский характер.

Система, сложившаяся в советское время, не дала ожидаемого результата. Миллионы граждан действительно сумели улучшить свои жилищные условия, но и миллионы продолжали ожидать своей очереди на получение благоустроенного жилья. Ощущалась острая нехватка бюджетных и общественных ассигнований, необходимых для полноценного и достаточного строительства жилья. Существование в советскую эпоху института прописки противоречило праву выбора места жительства. Прописка представляла собой государственную систему контроля миграции населения. Прописка существовала еще в Российской империи, в последующем активно использовалась в странах Советского Союза. Принцип прописки заключался в установлении жесткой привязки к постоянному месту жительства человека. Прописка требовала от административных органов осуществления привязки гражданина к месту учебы, работы или проживания. Только в 1991 году характер и порядок прописки был признан несоответствующим Конституции СССР. Термин «прописка» был впервые введен в 1925 году в РСФСР. Институт прописки был тесно связан с существующей паспортной системой.

В России прописка была отменена 01 октября 1993 года, с момента вступления в силу Закона РФ «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах РФ» (далее – Закон № 5242-1). Ч. 2 ст. 3 Закона РФ от 25 июня 1993 года № 5242-1 «О праве граждан РФ на свободу передвижения, выбор места жительства в пределах РФ» содержит указания на то, что отсутствие или наличие регистрации не является основанием для того, чтобы ограничить право гражданина на жилое помещение. После принятия данного нормативного акта в России стал применяться термин «регистрация». В 90-е годы пребывание без регистрации считалось легальным в течение пяти дней, на сегодняшний же день в России легальным считается пребывание в течение 90 дней. К тому же в 1998 году Конституционный Суд России было принято соответствующее постановление, которым нормы об ограничении срока регистрации и основаниях для отказа в регистрации по месту пребывания были признаны противоречащими Конституции России. Признание Конституцией России права частной собственности на жилье и землю отразило смену эпох в рамках удовлетворения жилищных потребностей.

Заслуживает внимания и международно-правовое регулирование названного права. В силу своего естественного и неотъемлемого характера, право на достойное жилище упоминается практически во всех международных документах о правах и свободах человека и

гражданина. Так, во Всеобщей декларации прав человека в ч. 1 ст. 13 значится, что каждый человек вправе свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах любого государства. О праве на жилище, сущность которого заключается в правовом обеспечении проживания, в доступности и адекватности жилья с финансовой и культурной точки зрения, в пригодности для проживания, сказано в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. В п. 1 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах предусмотрено, что каждый человек, законно находящийся на территории какого-либо государства, имеет право свободно передвигаться и выбирать место жительства. Схожая формулировка присутствует в Протоколе № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Ф.М. Рудинский высказывает точку зрения, согласно которой терминологически словосочетание «право выбора места жительства» является более удачным, нежели формулировка «право на свободу выбора». Отсутствие различий между понятиями «право» и «свобода» приводит к тому, что в каждом международном документе правомочие выбирать место жительства подается по-разному – и как право, и как свобода.

Провозглашенное в Конституции России право на достойное жилище служит базой для его законодательной конкретизации. Конституционное право человека предполагает удовлетворение жилищных потребностей общества; от реализации названного права зависит существование в государстве конкретных жилищных прав граждан. Соответственно, возникновение жилищных проблем не должно стать причиной пренебрежения прав человека. Согласно ч. 1 и 4 ст. 17 Жилищного кодекса Российской Федерации (ЖК РФ), жилое помещение предназначается для проживания граждан, любое пользование жилым помещением требует соблюдения законных прав и интересов граждан. В Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ) дано общее определение места жительства. Так, в соответствии со ст. 20 ГК РФ, местом жительства является место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Действующая Конституция расширила состав жилищного фонда, например, посредством предоставления жилья малоимущим гражданам за доступную плату или бесплатно из государственных, муниципальных и иных жилищных фондов (ч. 3 ст. 40 Конституции России). В этих целях может заключаться договор социального найма жилого помещения (п. 1 ст. 60 ЖК РФ), согласно которому одна сторона обязуется передать другой стороне жилое помещение во владение и пользование для проживания в нем на условиях, предусмотренных жилищным законодательством. Несмотря на указанное положение, проблема обеспечения граждан доступным и достойным жильем продолжает оставаться весьма актуальной.

Например, при выселении нанимателя и членов его семьи из неблагоустроенного жилого помещения указанные субъекты обладают правом на предоставление благоустроенного жилья. Но в тоже время, ч. 1 ст. 89 ЖК РФ определяет, что предоставляемое другое жилое помещение должно быть благоустроенным и равнозначным по общей площади, ранее занимаемому помещению. Однако о благоустроенности можно говорить только абстрактно, так как уровень благоустройства в каждом населенном пункте неодинаков. Полагаем, что благоустройство напрямую зависит от степени благоустроенности жилищного фонда социального использования, имеющегося в конкретном населенном пункте. Формулировку ч. 1 ст. 89 ЖК РФ нельзя назвать вполне точной и полноценной. Ее буквальное прочтение позволяет предположить, что во всех случаях, когда жилое помещение предоставляется по основаниям, предусмотренным ст. 86–88 ЖК РФ, должны предоставляться только благоустроенные жилые помещения. Однако фактически это не так, поскольку по правилам ч. 1 ст. 88 ЖК РФ предоставляются жилые помещения маневренного фонда, которые могут не соответствовать критериям «благоустроенности», установленным в ч. 1 ст. 89 ЖК РФ.

Неполноценной представляется и формулировка ст. 90 ЖК РФ, которая устанавливает возможность выселения граждан из помещения с предоставлением другого, необязательно благоустроенного, помещения, в случае, если наниматель не осуществляет своевременную

плату за жилое помещение в течение более шести месяцев без уважительных причин. В рамках данной статьи законодатель не оперирует и не расшифровывает термин «уважительные причины», следовательно, предоставляет широкие границы для злоупотребления полномочиями компетентными органами власти. Также не ясно, каким образом стоит осуществлять подсчет шести месяцев в рамках данной нормы. Практическое применение ст. 90 ЖК РФ способно породить множество случаев произвольного лишения прав на жилое помещение, что противоречит основам жилищного права, провозглашенным ст. 1 ЖК РФ. Целесообразно было бы рассмотреть данную норму законодателем на предмет детальной корректировки, учитывая, что большинство людей в России находятся за чертой бедности и лишены возможности на нормальное трудоустройство. Таким образом, ч. 1 ст. 27 и ч. 1 ст. 40 Конституции Российской Федерации определяют, что каждый, законно находящийся на территории России, человек вправе свободно передвигаться, выбирать место своего пребывания и жительства. В целях совершенствования действующего законодательства и улучшения процедурных аспектов реализации права на жилище предлагается:

1) В рамках действующего законодательства должны быть даны соответствующие пояснения к терминам «благоустроенность», «уважительные причины», «иные члены семьи», определены их понятийные критерии, что облегчит процедуру подбора соответствующего жилья в рамках заключений, изменений и расторжений договоров социального найма.

2) Статьи 82 и 83 ЖК РФ целесообразно дополнить положениями о том, что возраст не может стать препятствием на пути к реализации права на жилое помещение и улучшение жилищных условий. Следовательно, несовершеннолетие нанимателя не является причиной для отказа ему в заключении договора социального найма.

3) Норма ч. 2 ст. 88 ЖК РФ должна быть подкреплена установлением обязанности наймодателя предоставить переселяемым гражданам другое благоустроенное жилое помещение.

4) Статья 90 ЖК РФ требует значительных корректировок, так как последствия ее нерационального применения способны породить множество нарушений в области жилищных прав человека. Минимальные изменения должны коснуться установления четких юридических определений, что позволит избежать своевольного усмотрения и произвола.

Библиографические ссылки

1. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апреля.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принят Резолюцией 2200 А (XXI) Ген. Ассамблеи от 16.12.1966 г. на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. М. : Юридическая литература, 1990.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Российская газета. 1995. № 11.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключена в Риме 4.11.1950 г., с изменениями от 13.05.2004 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
5. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 5.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ, в редакции от 1.03.2016 г. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ, в редакции от 10.03.2016 г. // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч.1). Ст. 14.
8. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
9. Закон Российской Федерации от 25.06.1993 г. № 5242-1, в редакции от 01.02.2015 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места жительства в пределах Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 32. Ст. 1227.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2.02.1998 г. № 4-П // Бюллетень Конституционного Суда РФ. 1998. № 4.
11. Бару М.И., Пушкин А.А., Сибилев М.Н. Понятие и юридическая природа права на жилище // Основы советского жилищного законодательства : Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1981. С. 56–61.
12. Гражданские права человека: современные проблемы теории и практики / под ред. Ф.М. Рудинского. М., 2010.
13. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 1996.
14. Погодина Т.И. Право на жилище // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву : Межвузовский сборник. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 94–103.
15. Стародубцева О.И. Право граждан на жилище: проблемы реализации и защиты // 35 лет Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации и ее роль в развитии юридического образования : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 т. Т. 2. М. : РПА МЮ РФ, 2005, С. 59–67.

References

1. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka, prinyata General'noi Assambleei OON 10.12.1948 g. (Universal Declaration of Human Rights, adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948), *Rossiiskaya gazeta*. 1995. 5 aprelya.
2. Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh, prinyat Rezolyutsiei 2200 A (XXI) Gen. Assamblei ot 16.12.1966 g. na 1496-om plenarnom zasedanii General'noi Assamblei OON (International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, adopted by Resolution 2200 A (XXI). Assembly of 16.12.1966 at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly), *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka* : sbornik dokumentov. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 1990.
3. Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh, prinyat 16.12.1966 g. Rezolyutsiei 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noi Assamblei OON (International Covenant on Civil and Political Rights, adopted on 16.12.1966. Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary meeting of the UN General Assembly), *Rossiiskaya gazeta*. 1995. No. 11.
4. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod, zaklyuchena v Rime 4.11.1950 g., s izmeneniyami ot 13.05.2004 g. (Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, concluded in Rome on 4.11.1950, with changes from 13.05.2004), *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*, 2001, No. 3.
5. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g., s uchetom popravok, vnesennykh Zakonami Rossiiskoi Federatsii o popravkakh k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 30.12. 2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 5.02.2014 g. № 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ (The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12.12.1993, taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12. 2008 No. 6-FKZ, from

30.12.2008 No. 7-FKZ, from 5.02.2014 No. 2-FKZ, from July 21, 2014 No. 11-FKZ), *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2014, No. 31, St. 4398.

6. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 g. No. 51-FZ, v redaktsii ot 1.03.2016 g. (The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ, as amended on March 1, 2016). *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 1994, No. 32, St. 3301.

7. Zhilishchnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2004 g. No. 188-FZ, v redaktsii ot 10.03.2016 g. (Housing Code of the Russian Federation No. 188-FZ of December 29, 2004, as amended on March 10, 2016), *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federatsii*, 2005, No. 1 (ch. 1), St. 14.

8. Postanovlenie VS RSFSR ot 22.11.1991 g. No. 1920-1 «O Deklaratsii prav i svobod cheloveka i grazhdanina» (Decree of the Supreme Court of the RSFSR of 22.11.1991 No. 1920-1 "On the Declaration of Rights and Freedoms of Man and Citizen"), *Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR*, 1991, No. 52, St. 1865.

9. Zakon Rossiiskoi Federatsii ot 25.06.1993 g. No. 5242-1, v redaktsii ot 01.02.2015 g. «O prave grazhdan Rossiiskoi Federatsii na svobodu peredvizheniya, vybor mesta zhitel'stva v predelakh Rossiiskoi Federatsii» (Law of the Russian Federation of June 25, 1993, No. 5242-1, as amended on 01.02.2015 "On the right of citizens of the Russian Federation to freedom of movement, choice of residence within the Russian Federation"), *Vedomosti SND RF i VS RF*, 1993, No. 32, St. 1227.

10. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 2.02.1998 g. No. 4-P. (Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation from 2.02.1998 No. 4-P), *Byulleten' Konstitutsionnogo Suda RF*, 1998, No. 4.

11. Baru M.I., Pushkin A.A., Sibilev M.N. Ponyatie i yuridicheskaya priroda prava na zhilishche (The concept and legal nature of the right to housing), *Osnovy sovetskogo zhilishchnogo zakonodatel'stva : Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1981, pp. 56–61.

12. Grazhdanskie prava cheloveka: sovremennye problemy teorii i praktika (Civil Rights of Man: Modern Problems of Theory and Practice), pod red. F.M. Rudinskogo. Moscow, 2010.

13. David R., Zhoffre-Spinozi K. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (The Main Legal Systems of Our Time). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1996.

14. Pogodina T.I. Pravo na zhilishche (The Right to Housing), *Pravosub'ektnost' po grazhdanskomu i khozyaistvennomu pravu*, Mezhvuzovskii sbornik. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1983, pp. 94–103.

15. Starodubtseva O.I. Pravo grazhdan na zhilishche: problemy realizatsii i zashchity (The Right of Citizens to Housing: Problems of Implementation and Protection), *35 let Rossiiskoi pravovoi akademii Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii i ee rol' v razvitii yuridicheskogo obrazovaniya*, materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, v 2 t, T. 2. M., RPA MYu RF, 2005, pp. 59–67.

Дата поступления: 25.03.2018

Received: 25.03.2018

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ.
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**

УДК 342.56

**СУЩЕСТВЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНА ПРИ ИЗМЕНЕНИИ МЕРЫ
ПРЕСЕЧЕНИЯ, ДОПУЩЕННЫЕ
ПРИГОВОРом СУДА И СУДОМ
АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ**

КУРМАНОВ Мидхат Мазгутович

*доктор юридических наук, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин Ка-
занского института (филиала) Всероссий-
ского государственного университета юс-
тиции (РПА Минюста России), г. Казань,
Россия. E-mail: Kurmanov_midhat@mail.ru*

**SIGNIFICANT VIOLATIONS OF THE
CRIMINAL PROCEDURE LAW WHEN
VARYING A PRE-TRIAL RESTRAINT
BY THE COURT SENTENCE AND THE
COURT OF APPEAL**

KURMANOV Midhat Mazgutovich

*Doctor of Law, Professor of the Department of
State Law Disciplines of the Kazan Institute
(branch) of the All-Russian State University of
Justice (RPA of the Ministry of Justice
of Russia), Kazan, Russia.
E-mail: Kurmanov_midhat@mail.ru*

Представлен анализ нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных судами при изменении меры пресечения с домашнего ареста на арест, которые привели к тому, что осужденный И. с 14 апреля 2016 г. по 26 сентября 2016 г., то есть в течение 5 месяцев и 12 дней, содержался под стражей без решения суда, незаконно. Нарушения УПК РФ допущены как при вынесении приговора, так и при назначении судом апелляционной инстанции заседания и при рассмотрении ходатайства об изменении меры пресечения. При принятии окончательного решения 26 сентября 2016 г. суд апелляционной инстанции констатировал: «Вместе с тем, изменяя меру пресечения на заключение под стражу, суд в нарушение п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ не указал в приговоре, что мера пресечения избирается до вступления приговора в законную силу и эти нарушения подлежат устранению». Суд апелляционной инстанции 26 сентября 2016 г. вынес частное определение по факту нарушения закона, указав, что суд в нарушение п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части приговора не указал, что мера пресечения изменяется до вступления приговора в законную силу. Несмотря на признание нарушения УПК РФ при изменении меры пресечения судом апелляционной инстан-

The paper analyzes the violations of the criminal procedure law committed by the courts in the event of varying a pre-trial restraint from house arrest for arrest. It resulted in the fact that convicted I. was held in custody without a court decision, unlawfully from 14 April 2016 to 26 September 2016, that is, within 5 months and 12 days. The violations of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation were committed both during sentencing and during appointing a hearing by the court of appeal and when considering a petition for varying a restraint. In making the final decision on September 26, 2016, the court of appeal stated: “At the same time, varying a pre-trial restraint for detention, the court, in violation of paragraph 10 of part 1 of Article 308 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, did not indicate in the verdict that the pre-trial restraint is imposed prior to entry of judgment into legal force and these violations are subject to elimination”. The court of appeal on September 26, 2016 issued a private ruling on the fact of the law violation, indicating that the court, in violation of paragraph 10 of part 1 of Article 308 of the Code of Criminal Procedure, had not indicated in the operative part of the judgment that the pre-trial restraint had been varied before the judgment entered into legal force. Despite the fact that the violation of the Code of Criminal

ции в определении от 26 сентября и в частном определении, судья Верховного суда Республики Татарстан И.Ф. Загидуллин при рассмотрении кассационной жалобы утверждает, «Согласно материалам уголовного дела сроки содержания И. под стражей продлевались в строгом соответствии с требованиями закона».

Procedure of the Russian Federation while varying the pre-trial restraint was recognized by the court of appeal in court ruling of September 26 and in a private ruling, the judge of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan I.F. Zagidullin while considering a cassation complaint, states "According to the materials of the criminal case, the custody terms of I. were prolonged in strict compliance with legal requirements".

Ключевые слова: мера пресечения в приговоре, изменение меры пресечения судом.

Key words: pre-trial restraint order in the sentence, variation of pre-trial restraint by the court.

Анализ существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных Вахитовским районным судом города Казани (далее – Вахитовский суд) и Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан (далее – Суд апелляционной инстанции) цель настоящего исследования, которое не ограничивается рамками научной дискуссии, а имеет непосредственное практическое значение в юридико-прикладном плане. Приговором Вахитовского суда от 23 марта 2016 года И. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ сроком на 6 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Оправдан по ч. 2 ст. 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями»), по ст. 196 УК РФ (Преднамеренное банкротство), по ч. 1 ст. 195 УК РФ (Неправомерные действия при банкротстве), п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ (Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем), п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ, ч. 4 ст. 160 УК РФ (присвоение) на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в его действиях составов указанных преступлений. Мера пресечения в виде домашнего ареста в отношении И. приговором изменена на заключение под стражу [1]. Определением суда апелляционной инстанции от 26 сентября 2016 г. действия осужденного И. переквалифицированы на ч. 3 ст. 159.4 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ), по которой И. назначено наказание в виде лишения свободы на 3 года в колонии-поселении [2].

Наглядным примером отступления от закона является попытка Вахитовского суда изменить меру пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу во время судебного следствия. На заседании суда 2 июля 2016 г. И. через адвоката оповестил суд о не возможности присутствовать на заседании и представил медицинскую справку о наличии ушиба области правового локтевого сустава. По мнению государственного обвинителя, И. тем самым нарушил меру пресечения. На этом основании Вахитовский суд ходатайство государственного обвинителя удовлетворил и изменил меру пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу. 14 июля 2015 г. Апелляционной инстанцией постановление Вахитовского суда отменено, указав следующие нарушения, допущенные судом:

- не представлены конкретные, фактические обстоятельства, установленные ч. 1 ст. 108 УПК РФ;
- принято в нарушение п. 5 ст. 108 УПК РФ в отсутствие обвиняемого;
- судом единолично, без мотивированного ответа врачей дана оценка возможности или невозможности явки на судебное заседание подсудимого;
- суд не принял мер к обеспечению явки подсудимого;
- подсудимый находился по месту проживания и не предпринимал каких-либо попыток скрыться от суда;
- характеризуется положительно.

Следует поддержать правовую позицию Н.И. Колоколова, который утверждает, что последствия судебных решений о продлении срока содержания под стражей выходят за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений и затрагивают сферу конституционных прав и свобод личности. В результате затрагиваются предусмотренные ст. 22 Конституции РФ гарантии судебной защиты конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

Лишение подсудимого права изложить свою позицию относительно вопроса о продлении срока содержания под стражей и представить в ее подтверждение необходимые доказательства является существенным нарушением его процессуальных прав, что не позволяет признать законным Постановление суда [3, с. 3].

Рассмотрим подробно нарушения закона, допущенные Вахитовским судом при вынесении обвинительного приговора. В приговоре провозглашено, что «Меру пресечения в виде домашнего ареста в отношении И. изменить на заключение под стражу с водворением в ФКУ СИЗО-1 У ФСИН России по Республике Татарстан, взяв под стражу в зале суда». Суду в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ надлежало указать меру пресечения «до вступления приговора в законную силу». Это решение должно быть мотивировано в приговоре.

Однако суд проигнорировал данное требование УПК РФ и какой-либо мотивировки не привел и не указал, что мера пресечения избрана до вступления приговора в законную силу, тем самым допустил нарушение п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста». В нем прямо предписано, что при вынесении обвинительного приговора суду в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ надлежит указать меру пресечения в отношении осужденного до вступления приговора в законную силу. Кроме того суд не учел, что Постановлением Вахитовского суда от 03 февраля 2016 г. продлен срок домашнего ареста в отношении И. на 02 месяца, а всего до 01 (одного) года 01 (одного) месяца со дня поступления уголовного дела в суд, то есть до 13 апреля 2016 года. Таким образом, приговор в котором не указан срок, на который избрана мера пресечения, вступил в противоречие с постановлением о продлении срока домашнего ареста. При этом у суда права на продление срока заключения под стражу после вынесения приговора, уголовно-процессуальным законом не предусмотрено, как правильно отметил В.Н. Курченко [4, с. 43]. На этот важный процессуальный момент обратил внимание А.С. Червоткин, указав, «как показывает судебная практика, в ряде случаев в приговоре содержится запись «меру пресечения оставить заключение под стражу» без указания момента окончания ее действия – срока или события (до вступления приговора в законную силу). Хотя в силу п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК, т.е. в самом законе, этот момент определен, судам следует указывать это прямо в резолютивной части приговора» [5, с. 9].

Трудно не согласиться с примером, который привел В.П. Кашепов, он аналогичен с данным случаем, «суд обосновал свое решение об изменении подсудимым меры пресечения «необходимостью обеспечения исполнения приговора», что на данном этапе судопроизводства недопустимо [6, с. 262]. По мнению И.С. Дикарева, назначение лицу наказания в виде лишения свободы недопустимо рассматривать как достаточное основание для избрания (оставления без изменения) меры пресечения в виде заключения под стражу. Создается впечатление, что суды исходят из презумпции недобросовестности лица, приговоренного к лишению свободы (независимо от его позиции по делу, характера совершенного преступления, степени участия в раскрытии преступления, характеризующих данных и т.д.). Однако для такой презумпции нет оснований уже потому, что обвиняемый после вынесения приговора хотя и именуется осужденным, виновным еще не признан [7, с. 24]. Таким образом, суд, заменяя домашний арест на заключение под стражу, проигнорировал тот факт, что домашний арест продлен только до 13 апреля 2016 года, и, соответственно, с 14 апреля 2016 года осужденный И. более 5 месяцев находился под стражей незаконно.

Представляют научный и практический интерес действия суда апелляционной инстанции по исправлению нарушений закона, допущенных Вахитовским судом. К сожалению, суд апелляционной инстанции не только не исправил, а сам допустил существенные нарушения норм процессуального права. К примеру, при назначении заседания суда апелляционной инстанции 11 июля 2016 года судья апелляционной инстанции Верховного суда РТ Романов Л.В. в соответствии с ч. 4 ст. 389.11 УПК РФ, п. 7.1. Постановления Пленума Верховного суда от 1 декабря 2015 года № 54 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» не решил вопрос о продлении срока содержания под стражей с участием осужденного И., его защитников, государственного обвинителя или прокурора в порядке, установленном статьей 108 УПК РФ. Тем самым, допустил незаконное содержание под стражей осужденного И. уже по вине суда апелляционной инстанции с 11 июля 2016 года. На данный факт нарушения должна была обратить внимание суда апелляционной инстанции прокуратура Республики Татарстан [8, с. 30]. Однако, старший помощник прокурора Вахитовского района А.И. Атнагуллов, который был государственным обвинителем при рассмотрении уголовного дела в Вахитовском суде, и он же в нарушение Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» принимал участие в рассмотрении данного дела судом апелляционной инстанции, не имея на то полномочий. Тем самым прокуратура РТ сама допустила нарушение процессуального закона.

К сожалению, суд апелляционной инстанции и в дальнейшем при рассмотрении ходатайства осужденного И. об изменении меры пресечения проявил непоследовательность и допустил существенное нарушение норм процессуального права. В обосновании ходатайства было указано, что при постановлении приговора Вахитовским судом мера пресечения И. изменена на заключение под стражу с грубым нарушением закона, поскольку вопреки требованиям пункта 10 части 1 статьи 308 УПК РФ в резолютивной части приговора не указано, на какой срок применена новая мера пресечения. Отказывая в удовлетворении ходатайства, суд апелляционной инстанции в определении от 29 августа 2016 года указал, «изменяя меру пресечения с домашнего ареста на заключение под стражу, суд исходил из положений пункта 10 части 1 статьи 308 УПК РФ о том, что мера пресечения изменяется на период до вступления приговора в законную силу». Таким образом, суд апелляционной инстанции попытался исправить процессуальное нарушение суда первой инстанции за него. Однако при принятии окончательного решения 26 сентября 2016 года суд апелляционной инстанции констатировал: «Вместе с тем, изменяя меру пресечения на заключение под стражу, суд в нарушение пункта 10 части 1 статьи 308 УПК РФ не указал в приговоре, что мера пресечения избирается до вступления приговора в законную силу и эти нарушения подлежат устранению». Суд апелляционной инстанции 26 сентября 2016 года вынес частное определение по факту нарушения закона, указав, что суд в нарушение п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части приговора не указал, что мера пресечения изменяется до вступления приговора в законную силу.

Определение суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворения ходатайства об изменении меры пресечения было обжаловано в кассационную инстанцию с указанием о признании нарушения закона судом апелляционной инстанции. Несмотря на признание нарушения УПК РФ при изменении меры пресечения судом апелляционной инстанции в определении от 26 сентября и в частном определении, судья Верховного суда Республики Татарстан И.Ф. Загидуллин при рассмотрении кассационной жалобы утверждает, «Согласно материалам уголовного дела сроки содержания И. под стражей продлевались в строгом соответствии с требованиями закона». Совершенно очевидно, что судья И.Ф. Загидуллин не читал определение от 26 сентября 2016 года и частное определение, иначе понять его правовую позицию не представляется возможным.

Подведем печальный итог существенных нарушений норм уголовно-процессуального закона, допущенных судами. Осужденный И. с 14 апреля 2016 года по 26 сентября 2016 год, то есть в течение 5 месяцев и 12 дней содержался под стражей без решения суда незаконно.

Библиографические ссылки

1. Яковлева Н.М. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации в реализации правозащитных функций прокурора в Архив Вахитовского районного суда г. Казани. Уголовное дело №52172/2016.
2. Архив Вахитовского районного суда г. Казани. Уголовное дело №52172/2016.
3. Колоколов Н.И. Срок предварительного расследования, содержание под стражей: критерий разумности // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 3-7.
4. Курченко В.Н. Заключение под стражу: типичные ошибки // Законность. 2015. № 8 (970). С. 41-45.
5. Червоткин А.С. Новая апелляция и заключение под стражу // Российский судья. 2013. № 7. С. 6-10.
6. Кашепов В.П. Продление заключения под стражу в практике Европейского суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации // Комментарий судебной практики. Вып. 16 / под ред. К.Б. Ярошенко. М. : юрид. литература, 2011. С. 250-278.
7. Дикарев И.С. Разрешение судом вопроса о мере пресечения при постановлении приговора // Мировой судья. 2008. № 11. С. 23–25.
8. Яковлева Н.М. Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации в реализации правозащитных функций прокурора в судопроизводстве // Российский судья. 2005. № 5. С. 30-34.

References

1. Yakovleva N.M. Znachenie reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v realizatsii pravozashchitnykh funktsii prokurora v Arkhiv Vakhitovskogo raionnogo suda g. Kazani. Ugolovnoe delo №52172/2016 (The Significance of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Implementation of the Human Rights Functions of the Prosecutor in the Archive of the Vakhitovskiy District Court of Kazan. Criminal Case No. 52172/2016).
2. Arkhiv Vakhitovskogo raionnogo suda g. Kazani. Ugolovnoe delo №52172/2016 (Archive of the Vakhitovskiy District Court of Kazan. Criminal Case No. 52172/2016).
3. Kolokolov N.I. Srok predvaritel'nogo rassledovaniya, sodержanie pod strazhei: kriterii razumnosti (The Term of the Preliminary Investigation, Detention: Criterion of Reasonableness), *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2014, No. 4, pp. 3-7.
4. Kurchenko V.N. Zaklyuchenie pod strazhu: tipichnye oshibki (Detention: Typical Mistakes), *Zakonnost'*, 2015, No. 8 (970), pp. 41-45.
5. Chervotkin A.S. Novaya apellyatsiya i zaklyuchenie pod strazhu (New Appeal and Detention), *Rossiiskii sud'ya*, 2013, No. 7, pp. 6-10.
6. Kashenov V.P. Prodlenie zaklyucheniya pod stazhu v praktike Evropeiskogo suda po pravam cheloveka i Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii (Extension of the Imprisonment in the Practice of the European Court of Human Rights and the Supreme Court of the Russian Federation), *Kommentarii sudebnoi praktiki*. Vyp. 16, pod red. K.B. Yaroshenko. Moscow, Yurid. literatura, 2011, pp. 250-278.
7. Dikarev I.S. Razreshenie sudom voprosa o mere presecheniya pri postanovlenii prigovora (The court's decision on the measure of restraint while attaining a verdict), *Mirovoi sud'ya*, 2008, No. 11, pp. 23–25.
8. Yakovleva N.M. Znachenie reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v realizatsii pravozashchitnykh funktsii prokurora v sudoproizvodstve (The Significance of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Implementation of the Human Rights Functions of the Prosecutor in Proceedings), *Rossiiskii sud'ya*, 2005, No. 5, pp. 30-34.

Дата поступления: 27.03.2018

Received: 27.03.2018

УДК 340

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ
ПОЛУЧЕНИЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ИНФОРМАЦИИ В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ****АЛЕКСАНИН Александр Сергеевич**

*адъюнкт кафедры оперативно-розыскной деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России, оперуполномоченный по особо важным делам ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: aleksqpd@gmail.com*

**USING THE RESULTS OF OBTAINING
COMPUTER INFORMATION IN
CRIMINAL PROCEEDINGS****ALEKSANIN Alexander Sergeevich**

Adjunct of the Department of Operative Search Activities of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Major Case Investigator of the Russian MIA General Administration for the city of St. Petersburg and the Leningrad Region, St. Petersburg, Russia. E-mail: aleksqpd@gmail.com

В связи с появлением возможности получения компьютерной информации в уголовном процессе становится актуальным исследование особенностей и порядка использования результатов получения такой информации в уголовном судопроизводстве. В особом внимании нуждаются спорные вопросы использования результатов названного мероприятия в доказывании по уголовным делам.

Due to the possibility of obtaining computer information in criminal proceedings, it becomes urgent to study the features and procedures for using the results of obtaining computer information in criminal proceedings. Particular attention should be given to controversial issues of using the results of the above-mentioned activity in proving in criminal cases.

Ключевые слова: оперативно-розыскная наука, оперативно-розыскные мероприятия, получение компьютерной информации.

Key words: operative search science, operative search measures, obtaining computer information

Вопросы использования результатов получения компьютерной информации в уголовном процессе первыми подробно рассмотрели С.И. Захарцев, В.Н. Медведев и В.П. Сальников в монографии, посвященной оперативно-розыскному мероприятию «снятие информации с технических каналов связи» [5], когда данная деятельность еще не была включена в Закон в перечень оперативно-розыскных мероприятий. В соответствии со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закона об ОРД) результаты получения компьютерной информации могут быть использованы:

- для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;
- проведения других оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- как повод для возбуждения уголовного дела;
- в качестве основания для возбуждения уголовного дела;
- в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Следует сказать, что разрешение Закона использовать результаты получения компьютерной информации при проведении следственных действий, по нашему мнению, нужно рассматривать не более как общее дозволение. Сама возможность и пределы использования ре-

зультатов оперативно-розыскной деятельности при производстве следственных действий определяются уголовно-процессуальным законом, поскольку именно в нем регламентированы основания и порядок производства таких действий. При подготовке к производству следственных действий результаты получения компьютерной информации могут использоваться достаточно широко. Оперативная информация, поступившая в результате проведения названного мероприятия в процессе подготовки к производству следственных действий, может помочь следователю или дознавателю оптимально определить место, время, участников производства следственного действия, правильно выбрать тактические приемы его производства [3; 4]. Результаты получения компьютерной информации могут быть полезны и при задержании.

Собственно говоря, возможность использования оперативно-розыскной информации, полученной при проведении получения компьютерной информации, для принятия решения о производстве следственных действий заложена в самом уголовно-процессуальном законодательстве. Так, основанием для принятия решения о производстве любого следственного действия является совокупность фактических данных, указывающих на возможность получения новых доказательств, сведений, имеющих значение для дела. Отдельные следственные действия (например: очная ставка, проверка и уточнение показаний на месте) проводятся только на основании фактических данных, содержащихся в уголовном деле. Однако в УПК РФ имеются и иные следственные действия, основанием производства которых может служить совокупность фактических данных, почерпнутых, в том числе, из результатов оперативно-розыскных мероприятий. К таким следственным действиям, например, относятся обыск и осмотр. Согласно ст. 182 УПК РФ, обыск производится при наличии достаточных оснований полагать, что в определенном месте находятся предметы, могущие иметь значение для дела. В соответствии со ст. 176 УПК РФ осмотр также может производиться при наличии к тому оснований в целях обнаружения следов преступления и иных обстоятельств, имеющих значения для дела. Таким образом, уголовно-процессуальный закон не связывает проведение осмотра и обыска с наличием исключительно имеющихся в уголовном деле данных. Основанием для принятия решения о производстве указанных следственных действий могут быть данные, полученные, в том числе, в результате получения компьютерной информации. Эти данные эффективно используются и при подготовке к следственным действиям [10, с. 115].

Аналогично результаты получения компьютерной информации могут использоваться и для принятия решения о производстве некоторых других следственных действий. Например, вызов и допрос свидетеля могут осуществляться на основе предоставленной следствию оперативно-розыскной информации, так как уголовно-процессуальный закон практически не ограничивает круг лиц, могущих быть допрошенными в качестве свидетелей по делу, и не требует при этом каких-либо особых условий для их вызова. Результаты указанного оперативно-розыскного мероприятия могут эффективно применяться при производстве допросов. Сведения, полученные в ходе мероприятия, могут предъявляться при допросе подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и даже потерпевших, в случаях, например, если они не дают правдивых показаний в полном объеме [12]. В целом, представляемые для подготовки и осуществления следственных действий результаты получения компьютерной информации должны содержать сведения о возможных источниках доказательств, лицах, которым известны обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела, о местонахождении орудий и средств совершения преступления, денег и ценностей, нажитых преступным путем, предметах и документах, связанных с обстоятельствами предмета доказывания, и о других фактах и обстоятельствах, позволяющих определить объем и последовательность проведения следственных действий, выбрать наиболее эффективную тактику их производства, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу. При производстве судебных действий результаты получения компьютерной информации обычно используются при оценке полученных по делу доказательств. Помимо производства следственных дей-

ствий, результаты получения компьютерной информации могут использоваться для подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий. Организация и тактика использования результатов данного мероприятия при подготовке других оперативно-розыскных мероприятий регулируется внутриведомственными нормативными актами, является государственной тайной и в предмет настоящего исследования не входит.

Результаты получения компьютерной информации могут использоваться в качестве повода для возбуждения уголовного дела. Так, если в ходе проведения названного мероприятия будет получена информация о совершенном преступлении, то на основании этого сотрудники органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность и проводившего это мероприятие, отразят полученную информацию в официальном сообщении в органы следствия для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Названное официальное сообщение будет являться поводом для возбуждения уголовного дела. Кроме того, орган, осуществляющий названную деятельность, вправе самостоятельно при наличии на то оснований, в качестве органа дознания возбудить уголовное дело.

В научной литературе рассматривается мнение о необходимости дополнения поводов для возбуждения уголовного дела представлением результатов оперативно-розыскной деятельности. Так, ряд ученых пишут, что «с учетом развития оперативно-розыскного права правомерно ставится вопрос о включении в УПК РФ самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела – постановления органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о представлении органу дознания, следователю, прокурору данных, указывающих на признаки преступления» [14, с. 111]. Впрочем, в настоящее время сообщение органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность об обнаруженных в результате проведения своей деятельности, признаках преступления, в соответствии с УПК РФ и так может выступать поводом к возбуждению уголовного дела. А именно, ст. 140 УПК РФ устанавливает, что, помимо других, поводом к возбуждению уголовного дела являются сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников. Предлагаемое указанными авторами постановление органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, о представлении данных, указывающих на признаки преступления, по своей форме и содержанию является ни чем иным как разновидностью названного сообщения. При выявлении сотрудником органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, признаков преступления, он, в соответствии со ст. 143 УПК РФ, обязан написать рапорт об обнаружении признаков преступления. Однако в какой-то степени стоит и согласиться с названными учеными, предложившими увеличить количество поводов в УПК РФ. Оперативно-розыскная деятельность проводится исключительно государственными органами, причем в основном в целях борьбы с преступностью. Для этого оперативно-розыскная деятельность и создана. Поэтому ее результаты нельзя рассматривать просто источник информации о преступлениях в ряду других источников.

Результаты получения компьютерной информации, представляемые для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, могут содержать данные, указывающие на признаки преступления, а именно, сведения о том, где, когда, какие признаки и какого именно преступления обнаружены, сведения о лице (лицах), совершившем преступление, местонахождении следов преступления, документов и предметов, которые могут стать вещественными доказательствами, о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В некоторых случаях результаты получения компьютерной информации связи могут использоваться в качестве основания для возбуждения уголовного дела. Закон об ОРД позволяет использовать результаты получения компьютерной информации в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими соби-
рание, проверку и оценку доказательств.

Вместе с тем, УПК РФ совершенно не разумно регламентирует использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, что не раз отмечалось в научных исследованиях [2; 5; 6; 7]. В настоящей работе мы не будем анализировать уже рассмотренные проблемы, касающиеся использования в уголовном судопроизводстве результатов всей оперативно-розыскной деятельности, а обратим внимание на ряд частных проблем, касающихся получения компьютерной информации. Так, серьезным научным вопросом использования результатов получения компьютерной информации является их уголовно-процессуальная доказательственная сущность. В научной литературе не имеется однозначно ответа на вопрос: после уголовно-процессуальной проверки результатов мероприятия, признанием их доказательством – к какому виду доказательств они относятся? [1, с. 69-75].

Ряд юристов сходятся во мнении, что результаты оперативно-розыскных мероприятий занимают в уголовном деле положение вещественных доказательств. Обоснованием такой точки зрения служит немало признаков, характерных именно для этого вида доказательства [3; 4]. В результатах в виде образов непосредственно отражаются факты совершаемых и совершенных преступлений, иная имеющая значения информация. Однако такая позиция, по нашему мнению, скорее подходит к оперативно-розыскному мероприятию «прослушивание телефонных переговоров». Применительно же к результатам получения компьютерной информации (распечаток информационных систем, сообщений и т.д.) более подходит такой вид доказательств как документ. Поэтому заслуживает внимания противоположная точка зрения, высказанная, например, Ю.В. Корневским и М.Е. Токаревой, согласно которой данные результаты следует рассматривать как документы [10, с. 75]. Всем известно и понятие документа в широком смысле: документ – это зафиксированная на материальном носителе информация, позволяющая её идентифицировать. И действительно, к вещественным доказательствам, возможно, следовало отнести электронную информацию, обращающуюся в системе или базе данных. Однако распечатка этой информации, непосредственно представленная следователю, имеет уже признаки документа с доказательственной информацией.

Таким образом, по нашему мнению, результаты получения компьютерной информации следует признавать таким видом доказательств как иной документ. По использованию результатов оперативно-розыскной деятельности вообще и получения компьютерной информации в частности, нельзя согласиться с мнением А.Ю. Шумилова в части того, что «факт нарушения Закона об ОРД не должен повлечь аннулирования полученных результатов» [9, с. 120]. К аргументации своего мнения А.Ю. Шумилов относит то, что Закон об ОРД санкций ничтожности не предусматривает, и при этом нарушения этого закона находятся за рамками уголовного процесса и не означают нарушения процедуры формирования доказательства. Однако, как справедливо возразил А.В. Белоусов, Конституция Российской Федерации налагает запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, который относится не только к следователю, но и к иным субъектам уголовного процесса. При этом нормы Конституции имеют прямое действие и не нуждаются в дублировании [1, с. 74].

По нашему мнению, материалы получения компьютерной информации могут использоваться в доказывании по уголовным делам только если они получены в строгом соответствии с требованиями Закона об ОРД. Если при уголовно-процессуальной проверке результатов указанного мероприятия выяснится, что их получение привело к незаконному ограничению конституционных прав граждан, то содержащиеся в них сведения не могут быть использованы в доказывании. По этому поводу Н.М. Кипнис подчеркнул, что если ранее вопросы оперативно-розыскной деятельности регламентировались закрытыми нормативными актами и поэтому можно было ставить лишь вопрос о достоверности оперативных материалов (на предмет их подделки, монтажа и т.п.), то после появления Закона об ОРД нужно проверять как достоверность, так и законность получения оперативных материалов [8, с. 61]. С этим согласны и другие ученые [5; 6; 7; 11; 13; 14].

Таким образом, результаты получения компьютерной информации могут использоваться и используются в уголовном судопроизводстве. Более того, их использование может активно способствовать всестороннему, полному и объективному расследованию преступления, изобличению виновных, обеспечению правильного применения закона. Результаты указанного мероприятия могут использоваться по уголовному делу для подготовки и осуществления следственных и судебных действий; проведения других оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств; как повод и основание для возбуждения уголовного дела.

Результаты получения компьютерной информации могут использоваться в доказывании по уголовным делам только если они получены в строгом соответствии с требованиями Закона об ОРД. Если при уголовно-процессуальной проверке данных результатов выяснится, что их получение привело к незаконному ограничению конституционных прав граждан, то содержащиеся в них сведения не могут быть использованы в доказывании.

Библиографические ссылки

1. Белоусов А.В. Процессуальное оформление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001.
2. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / под ред. В.П. Сальникова. Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. Изд. 2-е. СПб., 2004.
3. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996.
4. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009.
5. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / под общ. ред. В.П. Сальникова. Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности. СПб., 2004.
6. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб., 2012.
7. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке : монография. М., 2015.
8. Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995.
9. Комментарий к ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» / отв. ред. А.Ю. Шумилов. М., 1997.
10. Корневский Ю.В., Токарева М.Е. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. М., 2000.
11. Михайлов В.И. Контролируемая поставка как оперативно-розыскная операция. М., 1998.
12. Новиков С.А. Показания обвиняемого в современном уголовном процессе России. СПб., 2004.
13. Основы оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. С.В. Степашина. СПб., 1999.
14. Федеральный закон об оперативно-розыскной деятельности : научно-практический комментарий / под ред. И.Н. Зубова, В.В. Николука. М., 1999.

References

1. Belousov A.V. Protsessual'noe oformlenie dokazatel'stv pri rassledovanii prestuplenii (Procedural Preparation of Evidence in Investigating Crimes). Moscow, 2001.
2. Vinnichenko N.A., Zakhartsev S.I., Rokhlin V.I. Pravovaya reglamentatsiya ispol'zovaniya operativno-rozysknoi deyatelnosti v ugolovnom sudoproizvodstve (Legal Regulation of the Use of Operative Search Activity in Criminal Proceedings), pod red. V.P. Sal'nikova. Seriya: Teoriya i praktika operativno-rozysknoi deyatelnosti. Izd. 2-e. St. Petersburg, 2004.

3. Dolya E.A. Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti (Using the Results of Operative Search Activity in Proving). Moscow, 1996.
4. Dolya E.A. Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti (Formation of Evidence based on the Results of Operative Search Activity). Moscow, 2009.
5. Zakhartsev S.I., Medvedev V.N., Sal'nikov V.P. Snyatie informatsii s tekhnicheskikh kanalov svyazi: pravovye voprosy (Withdrawal of Information from Technical Channels of Communication: Legal Issues), pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. Seriya: Teoriya i praktika operativno-rozysknoi deyatel'nosti. St. Petersburg, 2004.
6. Zakhartsev S.I. Nauka operativno-rozysknoi deyatel'nosti: filosofskii, teoretiko-pravovoi i prikladnoi aspekty (The Science of Operative Search Activity: Philosophical, Theoretical-Legal and Applied Aspects). St. Petersburg, 2012.
7. Zakhartsev S.I., Ignashchenkov Yu.Yu., Sal'nikov V.P. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v XXI veke (Operative Search Activity in the XXI Century), monografiya. Moscow, 2015.
8. Kipnis N.M. Dopustimost' dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve (Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings). Moscow, 1995.
9. Kommentarii k FZ «Ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti» (Commentary to the Federal Law "On Operative Search Activity"), otv. red. A.Yu. Shumilov. Moscow, 1997.
10. Korenevskii Yu.V., Tokareva M.E. Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti v dokazyvanii po ugovnym delam (Use of the Results of Operative Search Activity in Proving in Criminal Cases). Moscow, 2000.
11. Mikhailov V.I. Kontroliruemaya postavka kak operativno-rozysknaya operatsiya (Controlled Delivery as an Operative Search Operation). Moscow, 1998.
12. Novikov S.A. Pokazaniya obvinyаемого v sovremenном ugovnom protsesse Rossii (Testimony of the accused in the Modern Criminal Process in Russia). SPb., 2004.
13. Osnovy operativno-rozysknoi deyatel'nosti, uchebnik (Fundamentals of Operative Search Activity: Textbook), pod red. S.V. Stepashina. St. Petersburg, 1999.
14. Federal'nyi zakon ob operativno-rozysknoi deyatel'nosti, nauchno-prakticheskii kommentarii (Federal Law on Operative Search Activity: Scientific and Practical Commentary), pod red. I.N. Zubova, V.V. Nikolyuka. Moscow, 1999.

Дата поступления: 02.04.2018

Received: 02.04.2018

УДК 343.14 + 343.98

**К ВОПРОСУ О ЗАКРЕПЛЕНИИ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ЗАКОНЕ ПОНЯТИЯ "ТЕХНИЧЕСКИЕ
СРЕДСТВА"**

АМИНЕВА Зульфия Фарисовна

*соискатель кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО "Уральский государственный
юридический университет", г. Екатеринбург,
Россия. E-mail: basyrovaz@mail.ru*

**TO THE ISSUE OF ENSHRINING THE
CONCEPT "TECHNICAL FACILITIES"
IN CRIMINAL PROCEDURE LAW**

AMINEVA Zulfiya Farisovna

*Degree-Seeking Student of the Department of
Criminal Procedure of the FSBEI HE "Ural
State Law University", Yekaterinburg, Russia.
E-mail: basyrovaz@mail.ru*

Проблема использования технических средств в правоохранительной деятельности постоянно привлекала к себе внимание ученых и практиков. Вместе с тем, действующее уголовно-процессуальное законодательство

The problem of using technical facilities in law enforcement activities has always attracted the attention of scientists and experts. At the same time, the current criminal procedure legislation needs additional scientific researches. The

нуждается в дополнительных научных исследованиях. Сказанное предопределило необходимость правового анализа взглядов по вопросу понимания "технических средств" в уголовном процессе. В работе рассматриваются критерии, на основе которых формируются понятия "технические средства", "научно-технические средства" и "технико-криминалистические средства". Высказывается видение содержания рассматриваемых понятий и их соотношения. Особое внимание уделено анализу требований, предъявляемых к техническим средствам, применяемым в уголовном процессе. Сформулированы отдельные предложения по совершенствованию Уголовно-процессуального кодекса РФ, направленные на законодательное закрепление понятия "технические средства". Предложено определение "технических средств".

Ключевые слова: технические средства, научно-технические средства, технико-криминалистические средства, этичность, законность, безопасность, научная обоснованность, доказывание.

foregoing has predetermined the necessity for a legal analysis of views on understanding "technical facilities" in criminal procedure. The paper examines the criteria for forming the concepts "technical facilities", "scientific and technical facilities" and "technical and forensic facilities". The author gives her viewing of the concepts and their correlation. In the article, special attention is paid to the analysis of the requirements for technical facilities in criminal procedure. The author formulates certain proposals for improving the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation aimed at the legislative recognition of the concept "technical facilities". The author's definition of "technical facilities" is proposed.

Key words: technical facilities, scientific technical facilities, technical and forensic facilities, ethics, legality, security, scientific foundation, proving.

В соответствии с пп. 11 п. 7 Указа Президента Российской Федерации от 14.01.2011 № 38 "Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации" Следственный комитет осуществляет следующие полномочия: обеспечивает внедрение в деятельность Следственного комитета достижений науки, техники и положительного опыта, а также развитие систем связи и автоматизированного управления в системе Следственного комитета [17]. Данные полномочия подчеркивают значимость использования технических средств в правоохранительной деятельности. Необходимость активного применения и использования новейших достижений науки и высоких технологий в борьбе с преступностью представляется бесспорной. Значимость технических средств подчеркивает в своих интервью и Председатель Следственного комитета России А.И. Бастрыкин [11]. Однако ст. 5 УПК РФ легального определения технических средств не содержит. Впрочем, его не содержало и все предыдущее российское уголовно-процессуальное законодательство, хотя необходимость применения технических средств, во все времена существования кодифицированного уголовно-процессуального права, под сомнение не ставилась. В то же время отсутствие общего понятия технических средств в УПК РФ с позиций законодательной техники некорректно, что приводило и приводит к разночтениям в осмыслении их сущности и видов. Именно по этой причине предложенные криминалистами одорологический метод, метод гипноза и полиграф вызвали со стороны отдельных процессуалистов некоторые возражения [6, с. 85-86; 7, с. 35; 10, с. 5]. Существуют различные формулировки понятия технических средств, применяемых органами предварительного расследования. В науках криминалистики и уголовного процесса термин имеет различное значение. Думается, что разумно рассматривать эти понятия с точки зрения двух смежных наук. Нельзя не согласиться с мнением С.П. Митричева о том, что

"криминалистика без уголовного процесса мертва, ибо приемы и средства криминалистики применяются только в уголовном процессе" [7, с. 35].

Считаем необходимым проанализировать в настоящей статье такие понятия как "техническо-криминалистические средства" и "технические средства", предусмотренные уголовно-процессуальным законом. Техническо-криминалистические средства являются неотъемлемой частью экспертно-криминалистического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений, то есть деятельности органов следствия, дознания и экспертно-криминалистических подразделений по собиранию, исследованию, оценке и использованию криминалистически значимой информации, получаемой в результате исследования доказательств и других объектов судебно-экспертными учреждениями и специалистами-криминалистами.

На практике технические средства, применяемые в криминалистических целях, имеют широкий перечень: программно-технический комплекс Розыск-Магистраль, специализированный газоанализатор для поиска трупов, источники криминалистического света для ИК-диапазона, позволяющие выявлять невидимые следы биологического происхождения, система обнаружения оптических приборов. Рассмотрим пример из практики. Так, в Хабаровском крае следователи успешно раскрыли преступление прошлых лет. Расследование этого убийства - показательный пример использования прибора под названием криминалистический источник света. Он позволяет выявлять визуально невидимые следы, оставленные преступником. Были обнаружены расчлененные останки женщины. Возникло предположение, что убитую перевозили в багажнике автомобиля. Преступники постарались избавиться от всех улик. Этот автомобиль несколько раз перепродавался, он был утоплен в реке, после извлечения из воды снова эксплуатировался. При осмотре машины, на которой преступники предположительно перевозили расчлененный труп, специалисты Следственного комитета использовали источник криминалистического света. С его помощью на матерчатой обшивке багажника были обнаружены следы крови погибшей, наличие которых невооруженным взглядом не определялось. Таким образом, только за счет применения прибора стало возможным обнаружение значимого для расследования доказательства [11]. Кроме того, под техническо-криминалистическими средствами необходимо понимать приемы, способы, правила применения технических средств. При исследовании возможностей, представляемых техническими средствами, целесообразно придерживаться более широкого понятия, так как криминалистическая техника практически реализуется в неразрывном единстве соответствующих приборов и методов их использования.

Понимание технических средств в уголовно-процессуальном смысле должно определяться нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ. Однако понятия "техника", "технические средства" в уголовно - процессуальном законе отсутствуют. Закон регламентирует лишь возможность их применения, не ограничивая субъектов уголовного преследования в понятийной конструкции, а также в перечне технических средств. Отсутствие в процессуальном акте дефиниции приводит к проблемам в правоприменительной практике, в частности, к спорам о том, какие технические средства можно применять в уголовном судопроизводстве, каким критериям и принципам они должны соответствовать. Появляются предложения о законодательной замене термина "технические средства" на "научно-технические средства".

О понятии технических средств в уголовном судопроизводстве в разное время в своих трудах писали Р.С. Белкин [1, с. 62], М.Е. Вандер [2, с. 3-5], Л.Я. Драпкин [4, с. 83], З.Д. Еникеев [5, с. 50], В.А. Панюшкин [9, с. 100], В.И. Романов [12, с. 12], С.Н. Трегубов [15, с. 1-15], А.Е. Федюнин [18, с. 52], С.Д. Цомае [19, с. 8] и др. Так, Л.Я. Драпкин под техническо-криминалистическими средствами понимает приборы, устройства, инструменты и вещества, специально разработанные, приспособленные или позаимствованные криминалистикой для собирания, исследования и использования доказательственной информации, а также для предотвращения преступлений. [4, с. 81]. Р.С. Белкин технические средства делит на сред-

ства, специально изготовленные для криминалистических целей, приспособленные для названных целей и применяемые без дополнительной переделки или приспособления [1, с. 62]. А.Е. Федюнин определяет технические средства как: "совокупность технических средств (приборов, устройств, приспособлений, программных продуктов), применяемых участниками уголовного процесса в целях обеспечения производства процессуальных действий, собирания, проверки и оценки доказательств в соответствии с их полномочиями, определенными Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации" [18, с. 69]. Похожие определения предлагают В.А. Панюшкин [9, с. 90], М.Е. Вандер [2, с. 3-5], В.И. Романов [12, с. 12], С.Н. Трегубов [15, с. 1-15]. З.Д. Еникеев говорил "о криминалистической технике, предназначенной для обнаружения, фиксации, изъятия, исследования, накопления и переработки криминалистической информации о расследуемом преступном событии" [5, с. 50]. С.Д. Цомае использует термин "научно-технические средства", которые "являются не вспомогательными средствами, а играют более существенную роль, так как по своему содержанию ориентированы исключительно на цели раскрытия и расследования преступлений" [19, с. 34]. А.И. Садовский указывает, что в процессуальных действиях по доказыванию могут применяться не только научно-технические средства, но и различные простые технические приспособления (при поиске следов, трупов, орудий преступления, измерении пространственных характеристик объектов). Исключать их из нормативного регулирования - не совсем оправданный подход [13, с. 115-116]. В.А. Панюшкин считает, что применение обычных бытовых технических средств не ново и не зависит от использования их с наукоемкими технологиями или в рамках криминалистической техники: "Обычное техническое средство из-за этого не становится криминалистическим или научным" [9, с. 70]. Таким образом, можно встретить разные формы технических средств: "научно-технические средства", "техническо-криминалистические средства"; "обычные средства техники".

Определим содержание понятия "научно-техническое средство". Словарь С.И. Ожегова определяет технику как "1. Круг наук, связанных с изучением и созданием средств производства, орудий труда. 2. Совокупность средств труда, знаний и деятельности, служащих для создания материальных ценностей. 3. Совокупность приемов, применяемых в каком-нибудь деле, мастерстве. 4. Машины, механические орудия, устройства" [8]. Следовательно, техническими средствами в общем смысле можно назвать совокупность устройств, приспособлений, созданных человеком для реализации задач в определенной деятельности. Дать всестороннее понятие определению "наука" крайне сложно вследствие ее многогранности. В настоящее время существует несколько сотен определений этого понятия. В данной же работе наука определена как система, объединяющая установленные научные знания, обоснованные практикой. Наука имеет свои обязательные признаки: систематизированность совокупности накопленных научных знаний, проверенность фактов (научные положения не могут быть основаны на предположениях), воспроизводимость явлений в объект. Сами научные исследования должны обладать такими признаками как новизна, уникальность и неповторимость.

На наш взгляд, технические средства могут признаваться научными, лишь в следующих случаях: в них должны быть воплощены достижения научной мысли, они должны позволять воспринимать и отражать такие свойства объектов, которые недоступны обычному чувственному восприятию.

Впервые исследование термина "научно-техническое средство" в уголовном судопроизводстве было произведено Н.А. Селивановым. Он предложил использование термина в широком и узком смыслах. Так, в узком смысле научно-технические средства представляют собой приборы, инструменты, различного рода приспособления и материалы, так или иначе способствующие решению задач уголовного судопроизводства путем их применения для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств, фиксации хода и результатов следственных и судебных действий, а также предупреждения преступлений. В широком смысле понятие

включает в себя также методы (способы, приемы) и методики применения технических средств [14, с. 6-7]. Думается, что термин наиболее полно отражает значение научных технических средств, с точки зрения как криминалистики, так и уголовного процесса. В общем смысле и те, и другие необходимо относить к научным техническим средствам. В качестве аргументов в пользу необходимости определения общего термина "научно-техническое средство" в процессуальном законе можно назвать следующие. При решении вопроса об использовании той или иной техники, в том числе криминалистической, необходимо исходить из того, что основным постулатом доказательственного права в области применения научно-технических средств является правило о недопустимости их внедрения в правоприменительную практику без предварительной разработки процессуальных и криминалистических норм, обеспечивающих их использование в соответствии с задачами и принципами российского уголовного процесса. Особое значение это требование приобретает в случаях, когда использование криминалистической техники затрагивает личные и имущественные права граждан. Следовательно, внедрять можно только надежные и проверенные научно-технические средства. Что же включает в себя понятие научной состоятельности? Во-первых, это соответствие применяемых технических средств современному уровню развития науки и техники. Средства и методы, применяемые в рамках уголовного процесса, должны быть основаны на хорошо изученных наукой физических, химических, биологических и иных явлениях, причем недопустима неполнота полученной с их помощью информации или ее искажение в процессе фиксации, хранения, передачи, исследования и воспроизведения. Во-вторых, это положительная экспериментальная и практическая апробация новых методик, аппаратов и приборов. В-третьих, гарантированность получения достоверного результата. В-четвертых, возможность проверки и оценки этого результата.

Представляется верным применять термин "техничко-криминалистические средства" в криминалистике, а в уголовно-процессуальном праве придерживаться термина "технические средства". Это обусловлено тем, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ осуществляет правовое урегулирование важнейших вопросов применения криминалистической техники в следственной деятельности. Здесь можно выделить четыре группы вопросов: 1) субъекты применения технико-криминалистических средств; 2) допустимость использования в уголовном процессе отдельных видов техники; 3) порядок применения технико-криминалистических средств; 4) процессуальное оформление факта использования техники. Без правового урегулирования этих вопросов немыслима никакая другая работа по технико-криминалистическому обеспечению следствия. Поэтому правовое обеспечение занимает главенствующее положение по отношению к другим элементам технико-криминалистического обеспечения следствия. Статья 164 УПК РФ указывает, что при производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. В уголовно-процессуальном законе нашло непосредственное закрепление применение лишь некоторых средств техники, причем только тех, которые относятся к числу технических средств фиксации доказательств. Такой подход законодателя не случаен, поскольку результаты применения технических средств фиксации, будучи приобщенными к материалам дела, в рамках которого они использовались, признаются имеющими доказательственное значение. Это фотографические снимки, негативы, киноленты, фонограммы допросов, слепки и оттиски следов, которые являются результатом применения соответствующих технических средств фиксации: фотографирования, звукозаписи, киносъемки и т.д. В подобной правовой регламентации не нуждаются, например, поисковые приборы, технические средства для исследования материальных объектов, и другие средства, результаты использования которых не могут быть признаны самостоятельными источниками доказательств. Таким образом, к техническим средствам в уголовно-процессуальном смысле, можно отнести лишь те, которые являются источниками доказательств и прямо предусмотрены законом.

В качестве примера внедрения понятийных конструкций в уголовно-процессуальное законодательство необходимо отметить Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, который в ст. 7 указывает, что научно-технические средства представляют собой "приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств" [16]. Кроме того, ст. 127 Закона УПК РК предусматривает критерии применения научно-технических средств субъектами уголовного судопроизводства: прямое указание на их применение законом или их непротиворечивость с его нормами и принципами, научная состоятельность, эффективность производства по уголовному делу, безопасность.

В правовой литературе не сложилось единого мнения о требованиях, предъявляемых к использованию научно-технических средств. Так, Е.А. Федюнин сформулировал систему принципов применения технических средств, которая представлена им в виде трех групп:

- общеправовые (конституционные, международно-правовые) принципы в области прав и свобод человека и гражданина, являющиеся общепризнанными в международном праве, закрепленные в международных договорах Российской Федерации и Конституции Российской Федерации;

- уголовно-процессуальные принципы, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве и определяющие особенности и порядок применения технических средств при производстве по уголовным делам;

- прикладные принципы, определяющие правомерность и обоснованность применения того или иного технического средства в каждом конкретном случае в зависимости от его конструктивных особенностей, технических характеристик и назначения [18, с. 52].

С.Д. Цомая к принципам допустимости применения научно-технических средств относит: прямое указание в законе на виды научно-технических средств; непротиворечивость их нормам УПК РФ и таким условиям использования как научная состоятельность, эффективность в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств, безопасность для субъектов и окружающей среды [19, с. 8]. А.И. Гаевой дополнительно включает сюда и принцип диспозитивности, указывая, что тем самым участникам уголовного процесса (в первую очередь, стороне защиты) предоставляется право выбора в применении тех или иных технических средств или способов работы со следами преступления [3, с. 68-71].

Анализируя различные мнения ученых-процессуалистов относительно сложившейся практики классификации требований, предъявляемых к техническим средствам, представляется, что наиболее оптимальной является классификация, предложенная С.Д. Цомая. Думается, что в число рассматриваемых требований должны быть включены этичность, законность, безопасность, обоснованность и эффективность.

Считаем, что подобное положение ценно для уголовного процесса, и что по своей значимости оно заслуживает закрепления в отдельной статье УПК РФ. Широкое применение научно-технических средств в уголовном процессе должно представлять собой непрерывный процесс использования комплекса современных научно-технических средств и методов. Для использования последних, следователям необходимо обладать специальными знаниями, умениями и навыками по их применению. Для устранения разночтений в понимании сущности технических средств, представляется верным:

- внести изменения в УПК РФ, дополнив ст. 5 понятием "технические средства" (приборы, специальные приспособления, материалы, способствующие решению задач уголовного судопроизводства путем их применения для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств, фиксации хода и результатов следственных и судебных действий, а также предупреждения преступлений);

- закрепить в гл. 11 УПК РФ основные критерии использования технических средств: этичность, законность, безопасность, научная обоснованность.

Библиографические ссылки

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика : учебник / под ред. Р.С. Белкина. М. : НОРМА, 2000.
2. Вандер М.Б. Применение научно-технических средств при расследовании преступлений : конспект лекций. СПб, 2000.
3. Гаевой А.И. К вопросу о допустимости технических средств и технологий в российском уголовном процессе // Право как основа современного общества : материалы XV Международной научно-практической конференции (25.06.2014). М. : Спутник+, 2014. С. 68-71.
4. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика. М. : Проспект, 2011.
5. Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования : учебное пособие. Уфа : Изд-во Башкирск. ун-та, 2002.
6. Ларин А.М. Криминалистика и паракриминалистика. М. : БЕК, 1996.
7. Митричев С.П. Предмет, метод и система советской криминалистики : учебное пособие для вузов. М., 1972.
8. Ожегов И.В. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31737> (дата обращения: 17.08.2017).
9. Панюшкин В.А. Научно-технический прогресс и уголовное судопроизводство. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.
10. Протопопов А.Л. Нетрадиционные методы раскрытия и расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 4. С.4-11.
11. Козлова Н. След в след // Российская газета. 2016. 19 окт.
12. Романов В.И. Процессуальные, тактические и этические вопросы применения научно-технических средств при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1997.
13. Садовский А.И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013.
14. Селиванов Н.А. Научно-технические средства расследования преступлений : автореф. дис...д-ра юрид. наук. М., 1935.
15. Трегубов С.Н. Основы уголовной техники. Петроград, 1915.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4.07.2014 г. № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.07.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.zakon.kz>. (дата обращения: 17.08.2017).
17. Указ Президента РФ от 14.01.2011 N 38 (ред. от 22.12.2016) "Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации" (вместе с "Положением о Следственном комитете Российской Федерации") [Электронный ресурс] : Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".
18. Федюнин А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.
19. Цомае С.Д. Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

References

1. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Kriminalistika : uchebnik (Forensic Science: Textbook), pod red. R.S. Belkina. Moscow, NORMA, 2000.
2. Vander M.B. Primenenie nauchno-tekhnicheskikh sredstv pri rassledovanii prestuplenii, konspekt lektzii (The Use of Scientific and Technical Facilities in Investigating Crimes: Summary of Lectures). St. Petersburg, 2000.
3. Gaevoi A.I. K voprosu o dopustimosti tekhnicheskikh sredstv i tekhnologii v rossiiskom ugolovnom protsesse (To the Question of the Admissibility of Technical Facilities and Technologies in Russian Criminal Procedure), *Pravo kak osnova sovremennogo obshchestva*, materialy XV

Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (25.06.2014). Moscow, Sputnik+, 2014, pp. 68-71.

4. Drapkin L.Ya., Karagodin V.N. Kriminalistika (Forensic Science). Moscow, Prospekt, 2011.

5. Enikeev Z.D. Mekhanizm ugovnogo presledovaniya (The Mechanism of Criminal Prosecution), uchebnoe posobie. Ufa, Izd-vo Bashkirsk. un-ta, 2002.

6. Larin A.M. Kriminalistika i parakriminalistika (Forensic Science and Paraxriminology). Moscow, BEK, 1996.

7. Mitrichev S.P. Predmet, metod i sistema sovetskoi kriminalistiki (The Subject, Method and System of Soviet Forensics), uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow, 1972.

8. Ozhegov I.V. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (Explanatory Dictionary of the Russian Language). URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=31737> (accessed date: 17.08.2017).

9. Panyushkin V.A. Nauchno-tehnicheskii progress i ugovnoe sudoproizvodstvo (Scientific and technological progress and criminal justice). Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985.

10. Protopopov A.L. Netraditsionnye metody raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii (Non-traditional methods of detecting and investigating crimes), *Vestnik kriminalistiki*, 2008, No4, pp. 4-11.

11. Kozlova N. Sled v sled (In Trail), *Rossiiskaya gazeta*, 2016, 19 okt.

12. Romanov V.I. Protsessual'nye, takticheskie i eticheskie voprosy primeneniya nauchno-tehnicheskikh sredstv pri rassledovanii prestupleniy (Procedural, Tactical and Ethical Issues of Applying Scientific and Technical Facilities in Crime Investigation), dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 1997.

13. Sadovskii A.I. Problemy formirovaniya dokazatel'stv sledovatelem s ispol'zovaniem spetsial'nykh poznanii i tekhnicheskikh sredstv (Problems of Forming Evidence by the Investigator with Using Special Knowledge and Technical Facilities), dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2013.

14. Selivanov N.A. Nauchno-tehnicheskie sredstva rassledovaniya prestupleniy (Scientific and Technical Facilities of Investigating Crimes), avtoref. dis...d-ra yurid. nauk. Moscow, 1935.

15. Tregubov S.N. Osnovy ugovnoi tekhniki (Fundamentals of Criminal Techniques). Petrograd, 1915.

16. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Respubliki Kazakhstan ot 4.07.2014 g. № 231-V (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 11.07.2017 g.) (The Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of July 4, 2014 No. 231-V (with amendments and additions as of July 11, 2017). URL: <http://pravo.zakon.kz>. (accessed date: 17.08.2017).

17. Ukaz Prezidenta RF ot 14.01.2011 N 38 (red. ot 22.12.2016) "Voprosy deyatelnosti Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii" (vmeste s "Polozheniem o Sledstvennom komitete Rossiiskoi Federatsii") (Decree of the President of the Russian Federation No. 38 of January 14, 2011 (revised as of December 22, 2016) "Questions of the Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation" (together with the "Regulations on the Investigative Committee of the Russian Federation"), Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy "Konsul'tantPlyus".

18. Fedyunin A.E. Pravovoe regulirovanie primeneniya tekhnicheskikh sredstv v sfere ugovnogo sudoproizvodstva (Legal Regulation of Using Technical Facilities in Criminal Justice), dis. ... d-ra yurid. nauk. Moscow, 2009.

19. Tsomaya S.D. Pravovoe regulirovanie i dokazatel'stvennoe znachenie primeneniya nauchno-tehnicheskikh sredstv v ugovnom sudoproizvodstve (Legal Regulation and Evidentiary Value of Applying Scientific and Technical Facilities in Criminal Proceedings), dis. ... kand. yurid. nauk. Moscow, 2007.

Дата поступления: 22.03.2018

Received: 22.03.2018

УДК: 34

**МЕСТО ИМУЩЕСТВЕННЫХ САНКЦИЙ
В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

КАБАНОВА Людмила Николаевна

аспирант кафедры конституционного и административного права института права Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти, Россия.

E-mail: ludmilak2014@icloud.com

КАБАНОВ Павел Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса института права Тольяттинского государственного университета. Г. Тольятти, Россия.

E-mail: p.kabanov@tlt.su.ru

**PROPERTY SANCTIONS IN THE
FUTURE DEVELOPMENT OF
NATIONAL CRIMINAL LAW**

KABANOVA Lyudmila Nikolaevna

Postgraduate Student of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Institute of Law, Togliatti State University. Togliatti, Russia.

E-mail: ludmilak2014@icloud.com

KABANOV Pavel Aleksandrovich

Candidate of Sciences, Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Togliatti State University. Togliatti, Russia.

E-mail: p.kabanov@tlt.su.ru

Имущественные санкции в отношении нарушившего закон юридического лица в мировой практике существуют и могут быть применены к юридическому лицу, как в рамках санкций уголовно-правовых норм, так и административных. В Российской Федерации – и в рамках иного законодательного регулирования. Определяя место имущественных санкций в системе мер воздействия уголовно-правового и иного регулирования, применяемых в отношении коллективных образований, можно констатировать (на основе, прежде всего, зарубежного опыта), что имущественные санкции – это эффективный инструмент, обеспечивающий формирование «здорового» распределения рынка товаров и услуг в новых экономических условиях. Это позволяет отграничить финансовую выгоду криминальной деятельности, защищая экономическую систему государства. Все это дает почву для теоретического обоснования самостоятельности такого вида юридической ответственности, как экономическая ответственность, и такой правовой категории, как «имущественные санкции», призванных регулировать экономические отношения, главным образом, с участием коллективных образований.

Property sanctions against a legal entity that has violated the law currently exist in world practice and can be applied to a legal entity, both within the framework of sanctions of criminal law and administrative rules. In the Russian Federation, they can be also applied within other legislative regulation. Determining the place of property sanctions in the system of measures of impact of criminal and other regulations applied to collective entities, it can be stated (based primarily on foreign experience) that property sanctions are a very effective tool to ensure the formation of a “healthy” distribution of the market of goods and services in new economic conditions. Such measures allow to delimit the financial benefit of criminal activity, protecting the state economic system. This study, in our opinion, provides the basis for the theoretical justification of the independence of such a type of legal responsibility as economic responsibility, and such a legal category as “property sanctions”, which are designed to regulate economic relations, mainly with the participation of collective entities, which undoubtedly requires further scientific research and justification.

Ключевые слова: имущественные санкции, уголовно-правовое регулирование, мера юридической, экономической, гражданско-правовой ответственности, административно-правовой, финансово-правовой.

Key words: property sanctions, criminal law regulation, measure of legal, economic, civil liability, administrative law, financial law.

Одной из актуальных проблем развития отечественного уголовного права является дискуссия о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц. В настоящее время нет однозначной позиции в научной и практической среде, идти ли по пути усиления ответственности юридических лиц через ужесточение административного законодательства или вводить уголовную ответственность [21]. Специалисты уголовного права рассматривают данную проблему с позиции уголовно-правовой доктрины и сравнительного правоведения. Процессуалисты – обсуждают особенности производства, криминалисты – методики расследования соответствующих видов преступлений. Одной из причин поддержания научного и практического интереса к вопросу о введении института уголовной ответственности юридических лиц является членство РФ в международных организациях и участие в международных договорах. Часть международных договоров предусматривает вариативность ответственности: отсутствие уголовной ответственности юридических лиц компенсируется возможностью привлечения их к административной или даже (как в Российской Федерации, например) к гражданско-правовой ответственности. Другие трактуются как предусматривающие для юридических лиц обязательную уголовную ответственность за определенные этими актами преступления. В статье VII Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении закреплено, что государствам-участникам рекомендовано принимать уголовное законодательство в отношении соответствующей деятельности [20]. Российская Федерация в силу развития экономических отношений должна быть заинтересована, во-первых, в защите национального рынка, во-вторых, создании условий для развития здоровой конкуренции, когда право на заключение выгодных контрактов (с государственным участием) будет получать тот, кто имеет конкурентные преимущества. Однако методы и способы достижения указанных целей определяются, безусловно, внутренним национальным законодательством. Позиция России, озвученная Президентом РФ в ежегодном послании Президента Федеральному Собранию, на сегодняшний день сводится к тому, что «уголовный кодекс должен перестать быть способом решения хозяйственных споров между юридическими лицами. Такие споры необходимо переводить в административную и арбитражную плоскость» [21].

Вместе с тем, институт уголовной ответственности юридических лиц (институт корпоративной, коллективной ответственности) в том или ином виде имеет место в 70 странах мира, в том числе и в бывших союзных республиках. Так, в ч. 3 ст. 26 Уголовного кодекса Кыргызской республики (вводится с января 2019 г.) закреплено, что юридическое лицо не является субъектом преступления, уголовной ответственности и наказания, но к нему могут применяться принудительные меры уголовно-правового воздействия [11]. По Уголовному кодексу Республики Молдавия «юридическое лицо, за исключением органов публичной власти, привлекается к уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом» [6, с. 91], если оно «виновно в невыполнении или ненадлежащем выполнении прямых предписаний закона, устанавливающих обязанности или запреты» [6, с. 92] на осуществление определенной деятельности, и если устанавливаются обстоятельства, указанные в ст. 21 Кодекса. Юридические лица, за исключением органов публичной власти, несут уголовную ответственность за преступления, за совершение которых предусмотрено наказание для юридических лиц в Особенной части настоящего кодекса [12]. Таким образом, понятие уголовная ответственность различается в зависимости от правовых традиций отдельных стран и конкретных

ситуаций. В одних странах применительно к коллективной ответственности этим понятием обозначают привлечение коллективных образований к уголовной ответственности как субъектов преступлений, за совершение которых им назначается уголовное наказание. В ряде стран под уголовной ответственностью юридических лиц понимается применение к организациям иных мер уголовно-правового характера (мер безопасности), при этом не во всех странах такая ответственность является уголовной.

В отдельных странах под уголовной ответственностью юридических лиц понимается возможность их привлечения к ответственности за противоправное деяние в уголовно-процессуальном порядке. Если привлечение к ответственности осуществляется в уголовно-процессуальном порядке, значит это уголовная ответственность. Соответственно, когда речь идет об уголовной ответственности применительно к конкретной стране или к конкретному международному договору, а также о коллективной ответственности, следует пояснять, что именно понимается под уголовной ответственностью юридических лиц, и в каком смысле используется понятие юридическое лицо. Кроме того, если в РФ уголовная ответственность устанавливается исключительно уголовным кодексом, то во многих странах уголовное законодательство образуют не только национальные уголовные кодексы, но и другие законы, содержащие нормы об уголовной ответственности. Во многих странах это называется дополнительным уголовным правом, которое по своему объему на много больше, чем сам кодекс. Таким образом, отсутствие в уголовных кодексах конкретных стран уголовной ответственности не означает, что такой ответственности нет, так как она может быть установлена не уголовным кодексом, а другими законами.

Термин «имущество» в контексте понятия «имущественные санкции», следует понимать в широком смысле, включая всякого рода имущественные права и иные гражданские права на материальные блага, названные в ст. 128 ГК РФ. Как верно замечает А.А. Мусаткина: «понятие "финансовые санкции" шире понятия "имущественные санкции", поскольку финансовые санкции в зависимости от последствий воздействия могут быть имущественными, организационными, заключаться в разовом порицании или поощрении». «Порядок наложения финансово-правовых санкций на правонарушителя урегулирован нормами финансового права» [7, с. 67-68]. А.З. Арсланбекова определяет финансовую санкцию как «применяемая уполномоченными на то государственными органами к физическим и юридическим лицам за нарушение финансовой дисциплины меры экономической ответственности, выраженные в денежной форме и зачисляемые в государственные и местные (муниципальные) денежные фонды» [3, с. 113]. А.А. Мусаткина, критически оценивая позицию автора, замечает, что с одной стороны, она (А.З. Арсланбекова) считает финансовую санкцию мерой финансовой ответственности, с другой – мерой экономической ответственности. Понятие экономическая ответственность – широкое и собирательное так как в него включаются и меры административно-правового и гражданско-правового и других видов юридической ответственности, связанные с воздействием в сфере экономической деятельности [7, с. 68].

По убеждению Е.Ю. Антоновой все виды наказаний и иных мер уголовно-правового характера (мер безопасности) [1, с. 91], «применяемые к корпоративным образованиям в зарубежных странах можно разделить на четыре вида: экономического характера; связанные с ограничением или лишением прав корпоративного (коллективного) образования; связанные с ликвидацией корпоративного (коллективного) образования или прекращением его деятельности; иные виды» [1, с. 91]. Все эти виды мер уголовно-правового воздействия имеют последствия, связанные с лишениями имущественного характера. По мнению ученых, экономические меры [1, с. 90; 2, с. 58] имущественного характера (штрафы, конфискация имущества) являются наиболее эффективным средством по сдерживанию распространения организационной преступности. Эти меры позволяют отграничить финансовую выгоду криминальной деятельности и активно бороться с экономическими преступлениями, защищая экономическую систему гос-

ударства. При этом особое внимание должно быть обращено на конфискационную практику в отношении имущества национальных и транснациональных корпораций, сотрудничающих с организованной преступностью либо находящихся под ее контролем. Американская практика показывает, что легальные фирмы не только подвергаются уголовному наказанию (штраф, конфискация имущества, лишение юридических прав), но и теряют репутацию.

К вопросу конструирования имущественных санкций, главным образом в виде штрафа, законодатели зарубежных стран подходят по-разному. В таких странах, как Англия, США, Франция и ряде других стран корпоративные образования подвергаются штрафу [5, с. 109, с. 276, с. 405]. В Польше – денежному взысканию [13]. В Австрии – выплате денежной суммы в размере незаконного обогащения [14]. Так в ст. 58 УК Австрии закреплено, что штраф не назначается, если доходы виновного, его материальное положение или возможности заработка приводят к обоснованному убеждению, в том, что виновный штраф не уплатит и его невозможно будет взыскать в принудительном порядке. Имущественная санкция в виде денежного штрафа в соответствии с уголовным законодательством Республики Германия является мерой наказания и критерием отнесения деяния к преступлению или к проступку [5, с. 446]. По Уголовному Кодексу Республики Молдова «к юридическим лицам могут применяться следующие виды наказания: штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, ликвидация» [16]. При этом, «штрафом является денежное взыскание, применяемое судебной инстанцией в случаях и в пределах, установленных настоящим кодексом» [16]. А размер штрафа для юридических лиц устанавливается с учетом характера и тяжести совершенного преступления и размера причиненного ущерба, а также финансово-экономического положения юридического лица в пределах от 1500 до 60000 условных единиц. В случае злостного уклонения юридического лица от уплаты установленного штрафа судебная инстанция может заменить неуплаченную сумму штрафа обращением взыскания на имущество [15]. В отдельных странах, например в КНР, штраф назначается юридическим лицам в определенной сумме в соответствии с обстоятельствами дела, а максимальный штраф законом не ограничен.

Таким образом, развитие института имущественных санкций в ряде зарубежных стран предполагает построение целой системы штрафов в зависимости от категории совершенных правонарушений, преступлений (проступков), размера причиненного ущерба, с учетом экономического положения юридического лица, возможности прекращения уголовного (административного) преследования при полном погашении штрафа, до начала судебного разбирательства. При этом в одних странах суммы штрафов ограничены, в других максимальный размер штрафа не ограничен.

Первым из российских ученых, позитивно высказавшихся о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц, как об эффективном уголовно-правовом инструменте противодействия преступности в экономической сфере, обеспечивающем формирование здорового распределения рынка товаров и услуг, был профессор А.В. Наумов [8]. Его поддержали и авторы концепции уголовного законодательства в РФ, разработанной в 1992 г. Среди положений концепции предлагалось введение в новый Уголовный кодекс РФ и института уголовной ответственности юридических лиц. Однако разработанные предложения о введении уголовной ответственности юридических лиц не получили своего закрепления в уголовном законодательстве. В своих научных трудах профессор А.В. Наумов и его последователи обращают внимание на объективно возникшую потребность использования уголовно-правовых средств защиты на данном этапе социально-экономических отношений. Как переход к рынку в России обусловил в свое время отказ от такого состава как спекуляции, устранения деления преступлений на совершенные в отношении социалистической собственности и государственной, так и развитие рыночных отношений с неизбежностью повлечет к необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц.

Позднее неоднократно предпринимались попытки вернуться к вопросу об установлении уголовной ответственности юридических лиц. Так, в 2011 г. Следственный комитет РФ разработал проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [18]. Этот законопроект основан на теоретической концепции, сформулированный еще Б.В. Волженкиным [4, с. 53]. Он содержит предложения о дополнении Уголовного кодекса гл. 15 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», включающих несколько статей, в том числе ст. 10410 «Штраф» и определяет порядок установления штрафа как меры уголовно-правового характера. В части второй названной статьи определено, что штраф может устанавливаться в виде единовременной выплаты в размере от пятидесяти тысяч до пяти миллионов рублей (фиксированный штраф), в виде единовременной выплаты в размере, кратном полученному юридическим лицом в результате преступления дохода или кратном предотвращенному в результате преступления убытку либо кратном стоимости приобретенного в результате преступления имущества (кратный штраф) либо в виде систематических ежеквартальных платежей в размере от пяти до двадцати пяти процентов дохода осужденного юридического лица в течение срока от одного года до двух лет (аннуитетный штраф) [17]. Как и в зарубежном праве при определении суммы штрафа предлагалось учитывать имущественное положение юридического лица. При этом кратный штраф не может превышать пятикратный размер стоимости полученного юридическим лицом в результате преступления дохода или предотвращенного в результате преступления убытка либо стоимости приобретенного в результате преступления имущества. В случае злостного уклонения от уплаты штрафа юридическим лицом, признанным причастным к тяжкому или особо тяжкому преступлению, этот вид меры уголовно-правового характера по решению суда может быть заменен на меру уголовно-правового характера в виде принудительной ликвидации [17]. Так же предусмотрены иные меры уголовно-правового характера, порядок и условия их назначения, имеющие последствия имущественного характера. К ним автор законопроекта относил: лишение лицензии, квоты, преференций и льгот; лишение права заниматься определенным видом деятельности; запрет на осуществление деятельности на территории РФ; принудительная ликвидация [17].

В 2015 г. депутатом Государственной Думы А.А. Ремезковым был представлена еще одна законодательная инициатива – проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением уголовной ответственности юридических лиц» [19]. Здесь уже предлагалось признать юридическое лицо в качестве субъекта уголовной ответственности наряду с физическим лицом, определены в отношении юридического лица такие категории, как общие условия привлечения юридического лица к ответственности, вина, невиновное причинение вреда, категории преступлений, наказуемых для юридических лиц, особенности освобождения юридических лиц от уголовной ответственности и определены критерии соучастия юридических лиц в совершении преступления. В качестве видов наказания, назначаемых юридическим лицам, предлагалось ввести аналогичные тем мерам уголовно-правового характера, которые предлагались в Проекте Следственного комитета. Проект не содержал каких-либо конструктивных изменений по построению санкций, главным образом в виде штрафа, предлагалось лишь увеличить его нижний и верхний пределы с 50 тыс. руб. до 200 млн руб. и от 5 млн руб. до 30 млн руб., соответственно.

Принудительная ликвидация в рамках национального законодательства является гражданско-правовой мерой ответственности. Так, п.п. 3 п. 3 ст. 61 ГК РФ предусматривается ликвидация юридического лица по решению суда в случае осуществления им деятельности, запрещенной законом, либо с нарушением Конституции Российской Федерации либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов. Меры воздействия на юридические лица вплоть до их ликвидации предусмотрены также, например,

Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Как справедливо отмечают некоторые ученые-юристы, невозможность применения уголовного наказания к юридическим лицам не означает их безответственности. Юридические лица несут имущественную ответственность за причиненный вред, к ним могут быть применены определенные финансовые и административные санкции [10]. Кодекс об административных правонарушениях в Российской Федерации установил для юридических лиц административное наказание, которое по своей тяжести идентично уголовному. К юридическому лицу в предусмотренных законом случаях могут применяться такие виды административных наказаний, как административный штраф до 1 млн руб., и даже более, конфискация орудия или предмета административного правонарушения, а также административное приостановление деятельности, которое нередко приводит к ее прекращению. Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ ст. 19.28 Кодекса об административных правонарушениях дополнена квалифицированными составами. Теперь предусмотрен административный штраф за совершение действия в крупном размере до тридцатикратного размера суммы денежных средств, стоимости ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, но не менее 20 млн. руб. с конфискацией передаваемых денег, ценных бумаг, иного имущества. За действия в особо крупном размере – до стократной суммы денежных средств, но не менее 100 млн руб. [9]. Примечательными являются и ссылки в Кодексе РФ об административных правонарушениях на положения Уголовного Кодекса РФ об определении понятия должностного лица и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации. Таким образом, в национальной правовой системе, указанные виды наказаний существуют и могут быть применены к юридическому лицу, но в рамках иного законодательного регулирования, что свидетельствует о стирании границ между видами юридической ответственности субъектов экономической деятельности.

В одних странах применительно к коллективной ответственности обозначают привлечение коллективных образований к уголовной ответственности как субъектов преступлений, за совершение которых им назначается уголовное наказание. В ряде стран под уголовной ответственностью юридических лиц понимается применение к организациям иных мер уголовно-правового характера (мер безопасности), при этом не во всех странах такая ответственность является уголовной. Таким образом, складывается ситуация когда уголовное право начало выполнять не только свою репрессивную функцию, но и превентивную – регулировать экономические отношения с участием юридических лиц. Определяя место имущественных санкций в системе мер воздействия уголовно-правового, административно-правового, гражданско-правового и иного регулирования применяемых в отношении коллективных образований, можно констатировать (на основе, прежде всего зарубежного опыта), что имущественные санкции – это весьма эффективный инструмент, обеспечивающий формирование «здорового» распределения рынка товаров и услуг в новых экономических условиях. Именно такие меры позволяют отграничить финансовую выгоду криминальной деятельности, защищая экономическую систему государства. При этом особое внимание должно быть обращено на конфискационную практику в отношении имущества национальных и транснациональных корпораций, сотрудничающих с организованной преступностью либо находящихся под ее контролем.

Все это делает возможным теоретическое обоснование самостоятельности такого вида юридической ответственности как экономическая ответственность, и такой правовой категории как «имущественные санкции», которые призваны регулировать экономические отношения, главным образом с участием коллективных образований, что, несомненно, требует дальнейшего научного исследования и обоснования.

Библиографические ссылки

1. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. С. 91 // Коллекция РГБ [Электронный ресурс]. URL: <https://dvs.rsl.ru> (дата обращения: 01.04.2018).
2. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации : монография / Т.Я. Хабриева [и др.]. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 127 // ЭБС «IPRbooks» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/35744.html> (дата обращения: 04.02.2018).
3. Арсланбекова А.З. Налоговые санкции в системе мер финансово-правовой ответственности [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2001. // Коллекция РГБ [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002293401> (дата обращения: 04.02.2018).
4. Волженкин, Б.В. К вопросу о субъекте коррупционных правонарушений по проекту Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в сфере экономики : материалы научно-практической конференции, 18-19 апреля 1995 г. Вып. 1. М. : Московский ин-т МВД России, 1995. С. 50-57.
5. Голованова Н.А., Еремин В.Н., Игнатова М.А. Уголовное право зарубежных стран. Общая и Особенная части [Электронный ресурс] : учебник. М. : Волтерс Клувер, 2010. // ЭБС «IPRbooks». URL: <http://www.iprbookshop.ru/16807.html> (дата обращения: 04.02.2018).
6. Карибов С.И. Уголовная ответственность легальных организаций: понятие и содержание : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 91 // Коллекция РГБ [Электронный ресурс]. URL: <https://dvs.rsl.ru/inet/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01002000000%2Frsl01002976000%2Frsl01002976021%2Frsl01002976021.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).
7. Мусаткина А.А. Финансовая ответственность в системе юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. // Коллекция РГБ. URL [Электронный ресурс]. <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002663096#?page=1> (дата обращения: 01.04.2018).
8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Том 1. Общая часть : курс лекций. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 365-368 // ЭБС «IPRbooks» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/16798.html> (дата обращения: 02.04.2018).
9. Собрание законодательства РФ. 01.01.2002. № 1. Ст. 19.28.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский [и др.]. М. : Статут, 2014. // ЭБС «IPRbooks» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iprbookshop.ru/29091.html> (дата обращения: 04.02.2018).
11. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527/10?mode=tekst> (дата обращения: 12.03.2018).
12. Уголовный Кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения: 04.02.2018).
13. Уголовный Кодекс Польши [Электронный ресурс]. URL: <http://www.low.edu.ru/> (дата обращения: 04.02.2018).
14. Уголовный кодекс Австрии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.low.edu.ru/> (дата обращения: 04.02.2018).
15. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс]. URL: <http://ex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения: 04.02.2018).
16. Комментарий к Уголовному Кодексу Молдавии [Электронный ресурс]. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/862605-3-nezavisimiy-mezhdunarodniy-universitet-moldovi-centrul-instruire-cercetare-buzhor-guculyak-spinu-kommentariy-ugo.php> (дата обращения: 01.04.2018).
17. Проект Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» ст. 10410 [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/documents/Ob-suzhdenija_zakonoproektov/item/1133/ (дата обращения: 01.04.2018).
18. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdenija_zakonoproektov/item/1133/ (дата обращения: 01.04.2018).

19. Официальный сайт Государственной Думы РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/750443-6> (дата обращения 04.02.2018).
20. Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11542/ (дата обращения: 01.04.2018).
21. Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/10/03/59d21d619a7947e01690f0f2> (дата обращения: 12.03.2018).

References

1. Antonova E.Yu. Kontseptual'nye osnovy korporativnoi (kollektivnoi) ugovnoyi otvetstvennosti (Conceptual Foundations of Corporate (Collective) Criminal Responsibility). SPb. : Yuridicheskii tsentr Press, 2011. P. 91. *Kolleksiya RGB*. URL: <https://dvs.rsl.ru> (accessed date: 01.04.2018).
2. Antikorruptsiyonnye standarty Organizatsii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya i ikh realizatsiya v Rossiiskoi Federatsii (Anticorruption Standards of the Organization for Economic Cooperation and Development and Their Implementation in the Russian Federation), monografiya, T.Ya. Khabrieva [i dr.]. M., Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2015. P. 127. *EBS «IPRbooks»*. URL: <http://www.iprbookshop.ru/35744.uhtml> (accessed date: 04.02.2018).
3. Arslanbekova A.Z. Nalogovye sanktsii v sisteme mer finansovo-pravovoi otvetstvennosti (Tax Sanctions in the System of Measures of Financial and Legal Responsibility), dis. ... kand. jurid. nauk. Makhachkala, 2001. *Kolleksiya RGB*. URL: <https://dlib.rsl.ru/01002293401> (accessed date: 04.02.2018).
4. Volzhenkin, B.V. K voprosu o sub'ekte korruptsiyonnykh pravonarushenii po proektu Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (On the Issue of the Subject of Corruption Offenses Under the Draft Criminal Code of the Russian Federation), *Aktual'nye problemy bor'by s korruptsiei i organizovanoi prestupnost'yu v sfere ekonomiki*, materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, 18-19 aprelya 1995 g. Vyp. 1. M., Moskovskii in-t MVD Rossii, 1995, pp. 50-57.
5. Golovanova N.A., Eremin V.N., Ignatova M.A. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya i Osobennaya chast' (Criminal Law of Foreign Countries. General and Special Parts), uchebnik. M., Volters Kluver, 2010. *EBS «IPRbooks»*. URL: <http://www.iprbookshop.ru/16807.html> (accessed date: 04.02.2018).
6. Karibov S.I. Ugolovnaya otvetstvennost' legal'nykh organizatsii: ponyatie i sodержanie (Criminal Liability of Legal Organizations: Concept And Content), dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2006. P. 91. *Kolleksiya RGB*. URL: <https://dvs.rsl.ru/inet/Vrr/SelectedDocs?docid=%2Frsl01002000000%2Frsl01002976000%2Frsl01002976021%2Frsl01002976021.pdf> (accessed date: 01.04.2018).
7. Musatkina A.A. Finansovaya otvetstvennost' v sisteme yuridicheskoi otvetstvennosti (Financial Responsibility in the System of Legal Responsibility), dis. ... kand. jurid. nauk. Tol'yatti, 2004. *Kolleksiya RGB*. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01002663096#?page=1> (accessed date: 01.04.2018).
8. Naumov A.V. Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Tom 1. Obshchaya chast' (Russian Criminal Law. Volume 1. The General Part), kurs lektsii. M., Volters Kluver, 2011, pp. 365-368. *EBS «IPRbooks»*. URL: <http://www.iprbookshop.ru/16798.html> (accessed date: 02.04.2018).
9. Sbranie zakonodatel'stva RF (Collection of legislation of the Russian Federation). 01.01.2002, No. 1, St. 19.28.
10. Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast' (Criminal Law of the Russian Federation. The General Part), uchebnik dlya vuzov. N.N. Belokobyl'skii [i dr.]. M., Statut, 2014. *EBS «IPRbooks»*. URL: <http://www.iprbookshop.ru/29091.html> (accessed date: 04.02.2018).
11. Ugolovnyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki (The Criminal Code of the Kyrgyz Republic). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527/10?mode=tekst> (accessed date: 12.03.2018).
12. Ugolovnyi Kodeks Respubliki Moldova (The Criminal Code of the Republic of Moldova). URL: <http://ex.justice.md/ru/331268/> (accessed date: 04.02.2018).
13. Ugolovnyi Kodeks Pol'shi (The Criminal Code of Poland.). URL: <http://www.low.edu.ru/> (accessed date: 04.02.2018).

14. Uголовnyi kodeks Avstrii (The Criminal Code of Austria). URL: <http://www.low.edu.ru/> (accessed date: 04.02.2018).
15. Uголовnyi kodeks Respubliki Moldova (The Criminal Code of the Republic of Moldova). URL: ex.justice.md/ru/331268/ (accessed date: 04.02.2018).
16. Kommentarii k Uголовnomu Kodeksu Moldavii (Comments on the Criminal Code of Moldova). URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/862605-3-nezavisimiy-mezhdunarodniy-universitet-moldovi-centrul-instruire-cercetare-buzhor-guculyak-spinu-kommentariy-ugo.php> (accessed date: 01.04.2018).
17. Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v nekotorye zakonodatel'nye akty RF v svyazi s vvedeniem instituta uголовno-pravovogo vozdeistviya v otnoshenii yuridicheskikh lits» st. 10410 (Draft Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Introduction of the Institute of Criminal Legal Influence in Relation to Legal Entities”, art. 10410). URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdeniya_zakonoproektov/item/1133/ (accessed date: 01.04.2018).
18. Ofitsial'nyi sait Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii (Official site of the Investigative Committee of the Russian Federation). URL: https://sledcom.ru/documents/Obsuzhdeniya_zakonoproektov/item/1133/ (accessed date: 01.04.2018).
19. Ofitsial'nyi sait Gosudarstvennoi Dumy RF (Official site of the State Duma of the Russian Federation). URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/750443-6> (accessed date: 04.02.2018).
20. Ofitsial'nyi sait kompanii «Konsul'tantPlyus» (Official site of the company “ConsultantPlus”). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11542/ (accessed date: 01.04.2018).
21. Ofitsial'nyi sait RBK (Official site of RBC). URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/10/03/59d21d619a7947e01690f0f2> (accessed date: 12.03.2018).

Дата поступления: 29.03.2018

Received: 29.03.2018

УДК 343.293

**НИВЕЛИРОВАНИЕ НЕГАТИВНЫХ
ПОСЛЕДСТВИЙ АМНИСТИИ В СФЕРЕ
СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ
И ВОЗМЕЩЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО
УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**

КОХМАН Дмитрий Вадимович

*адъюнкт кафедры уголовно-исполнительного
права ФКОУ ВПО «Академия права и управ-
ления Федеральной службы исполнения нака-
заний», г. Рязань, Россия.*

E-mail: kokhman2013@yandex.ru

**REDUCING NEGATIVE
CONSEQUENCES OF AMNESTY IN
RESPECT OF VICTIMS' RIGHTS AND
COMPENSATION FOR MATERIAL
LOSSES CAUSED BY THE CRIME**

KOKHMAN Dmitry Vadimovich

*Postgraduate Student of the Department of Pe-
nal Law of the “Academy of Law and Man-
agement of the Federal Penal Service
of Russia”, Ryazan, Russia.*

E-mail: kokhman2013@yandex.ru

Лица, которые признаны потерпевшими по уголовным делам, вправе получить компенсацию за нанесенный вред и требовать справедливого наказания для виновных. Политика российского государства в уголовной сфере не может обойтись без издания актов об амнистии. Законодатель и авторы проектов постановлений об амнистии обходят вниманием

Persons who are recognized as victims in criminal cases are entitled to receive compensation for the harm inflicted by the crime and to demand a fair punishment for the perpetrators. The policy of the Russian state in the criminal sphere can not do without the issuance of acts of amnesty. The legislator and authors of draft amnesty decrees ignore the issues of restoring

вопросы восстановления материального вреда и прав потерпевших. В результате амнистированные лица не заинтересованы в том, чтобы загладить вред, причиненный преступлением. Предотвращение негативных последствий амнистии станет возможным, если осужденные за совершение преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти, будут обязаны получить согласие потерпевшего на применение к ним досрочного освобождения.

Ключевые слова: амнистия, акт об амнистии, постановление об амнистии, восстановление материального вреда, права потерпевших, причинение вреда здоровью, причинение смерти.

material damage and victims' rights. As a result, potentially amnestied individuals are not interested in making up losses caused by the crime. The author concludes that the prevention of negative consequences will become possible if persons convicted for committing crimes connected with causing serious harm to health or causing death will be required to obtain the victim's consent to apply for early parole.

Key words: amnesty, act of amnesty, amnesty decree, restoration of material damage, victims' rights, harm to health, infliction of death.

Институту уголовной амнистии присущи свои отрицательные черты – негативные последствия его применения. К таковым относятся: повторная преступность амнистированных лиц; не восстановление материального ущерба, причиненного преступлением; не соблюдение прав потерпевших по уголовным делам. Эти отрицательные черты неизбежны и являются неотъемлемой частью любой объявляемой амнистии, остается возможным только их минимизировать. На предупреждение негативных последствий амнистии должна быть направлена деятельность законодателя по разработке акта об амнистии и его реализации правоприменительными органами, но происходит это далеко не всегда. Причины здесь кроются в особой юридической природе амнистии, а также целях и задачах, которые преследует отдельный акт об амнистии.

Профилактика совершения новых преступлений лицами, к которым был применен акт амнистии, может обеспечиваться как нормативно-правовыми актами, специально созданными для реализации конкретной амнистии¹, так и общими актами федерального² и регионального³ значения. Безусловно, проблема рецидива, в том числе среди амнистированных, значима и заслуживает отдельных исследований, поскольку данному вопросу уделено недостаточное внимание законодателя, а принимаемые в этом направлении правовые документы, не всегда воплощаются в жизнь или реализуются не в полном объеме. Учитывая особый государственно-правовой статус акта об амнистии, суть которого заключается во внесудебном освобождении от уголовной ответственности и наказания лиц, в большинстве своем не заслуживших права прекращения уголовного преследования или досрочного освобождения от отбывания наказания, становится невозможным обеспечение восстановления материального ущерба, причиненного преступлением и прав потерпевших. Масштабам этих негативных последствий, в отличие от рецидива амнистированных лиц, нельзя предать объективное числовое выражение, можно только предположить, что они имеют прямую пропорциональную зависимость от количества лиц, пострадавших от действий амнистируемых.

Следует отметить, что мы намеренно разделяем два понятия: «материальный ущерб, причиненный преступлением» и «права потерпевших», несмотря на то, что второй термин по своему объему шире первого. В первом случае речь идет о материальной части возмещения вреда, причиненного физическому лицу или государству, которая может быть компенсирована в денежном эквиваленте, натуре, предоставлении услуг и работ. Под вторым термином, в данном контексте, следует понимать восстановление социальной справедливости, применении кары как воздаяния за совершенное преступление, недопустимости, с позиции прав и законных

интересов потерпевших, освобождение лица, совершившего общественно-опасное деяние, от уголовной ответственности и наказания. В литературе неоднократно поднимался вопрос о нарушении прав потерпевших вследствие издания актов об амнистии. Так, справедливо указывается, что граждане, которые пострадали от совершенных амнистируемыми преступлений лишились материальных благ, чести, здоровья, жизни родственников или близких, вправе требовать от государства возможность обеспечить восстановление причиненного вреда и адекватных уголовно-правовых санкций в отношении виновных. В данном случае государство проявляет гуманность и милосердие за счет жертв преступлений и лиц, признанных потерпевшими по уголовным делам [2, с. 53-54]. Существует и диаметрально противоположная точка зрения. По утверждению профессора В. М. Платонова государство берет на себя ответственность по защите граждан, а значит, преступление совершается одновременно и против государства. Поэтому, после совершения преступления остаются только взаимоотношения между государством и тем, кто совершил преступление. В данном случае, если государство взяло на себя обязанности по защите, то так же оставляет за собой право прощать преступников [1, с. 19].

Представляется, что с данной позицией можно не согласиться по следующим соображениям. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы провозглашены высшей ценностью, их соблюдение и защита не что иное, как обязанность государства. Исходя из ст.ст. 46, 52 Основного закона страны права потерпевших охраняются законом, каждому гарантируется доступ к правосудию и судебная защита, а также компенсация за причиненный преступлением ущерб. Более того, с этой позиции акт об амнистии противоречит такому элементу принципа правовой определенности как предсказуемость, стабильность и ясность правовых последствий [6, с. 117]. Следовательно, перечисленные аргументы никак не согласуются с изложенным мнением профессора В.М. Платонова. Однако, стоит признать, что его точка зрения отчасти верна, поскольку Конституционный Суд РФ закрепляет за амнистией статус уникального нормативно-правового акта, по своей сути приравненного к закону. Именно Государственная Дума РФ, олицетворяя высшие органы государственной власти, является своего рода «монополистом» в выборе категорий амнистируемых лиц, исходя из всей полноты предоставленных ей Конституцией РФ полномочий, по своему усмотрению определяет основания, ограничения и условия применения конкретного акта об амнистии⁴.

Изданные в новейшей истории России акты об амнистии, повсеместно содержат одно и то же условие, согласно которому амнистируемые лица не освобождаются от обязанности по возмещению вреда, причиненного в результате их противоправных действий (данное положение содержится в постановлениях о применении амнистии 2015 г., декабря 2013 г., 2010 г., апреля 2006 г., 2005 г. и ряда других, принятых ранее). Фактически это означает, что за потерпевшей стороной остается возможность возмещения ущерба в дальнейшем – уже после реализации амнистии. Однако, данное право ничем не подкреплено и никак не гарантируется, так как указанное правило именно условие, а не ограничение, которое могло бы препятствовать освобождению лиц, не загладивших вред, причиненный преступным деянием, а также не требует согласия потерпевших на применение амнистии. В этой связи необходимо выделить постановление Государственной Думы РФ от 02.07.2013 г. № 2559-6 ГД, которое предусматривает освобождение от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших ряд «экономических преступлений» только при выполнении ограничительного условия по возврату имущества и (или) возмещению ущерба потерпевшим. Подобная норма является новеллой для отечественного института уголовной амнистии, но пока она характерна для одного единственного акта об амнистии, распространяющего свое действие на незначительный круг лиц, совершивших некоторые составы экономических преступлений. В остальных случаях, издание акта об амнистии приводит к нарушению прав и законных интересов потерпевших и препятствует возмещению вреда, причиненного преступлением. Кроме того, Н. А. Колоколов на примере поста-

новления ГД РФ от 02.07.2013 г. № 2559-6 ГД, отмечает коррупциогенность подобного ограничения акта об амнистии, так как в стадии предварительного расследования и судебного разбирательства невозможно объективно определить размер вреда, причиненного преступлением. Например, в таких ситуациях следователь может оказывать давление на потенциально амнистируемое лицо путем существенного завышения размера, причиненного преступлением вреда и требовать взятку. В случае невыполнения этих требований, следователь обязуется затянуть расследование и передать уголовное дело в суд с надуманным или явно завышенным размером материального ущерба [4, с. 105].

Амнистия может применяться на разных стадиях уголовного процесса. Это положение вытекает из ч. 2 ст. 84 УК РФ и реализуется на практике в отдельных актах об амнистии. В результате проведенного анализа изданных актов об амнистии можно выделить следующие стадии их применения:

- 1) возбуждение уголовного дела;
- 2) предварительное расследование;
- 3) применение амнистии судом до назначения судебного разбирательства;
- 4) применение амнистии после назначения судебного заседания;
- 5) применение амнистии судом одновременно с вынесением обвинительного приговора;
- 6) применение амнистии судом после вынесения обвинительного приговора, если он не вступил в законную силу;
- 7) исполнение наказания;
- 8) применение амнистии после отбытия наказания в отношении лиц с неснятой и непогашенной судимостью.

Масштабы нарушения прав потерпевших имеют прямую зависимость от того на какой из указанных стадий применяется акт об амнистии. «Если уголовный процесс находится на стадии возбуждения дела или дело недавно возбуждено, то права и интересы потерпевшего ущемляются более всего» [7, с. 62-68]. Так, постановление Государственной Думы РФ от 22.09.2006 г. № 3498-4 ГД предписывает не возбуждать уголовные дела в отношении лиц, совершивших преступления, при условии отказа от участия в незаконных вооруженных формированиях и (или) сдачи оружия. Совершенно очевидно, что восстановление прав потерпевших в результате применения данного акта об амнистии становится невозможным, так как преступления, совершенные амнистированными доподлинно неизвестны, как неизвестны личности самих потерпевших и остальные сопутствующие уголовному делу обстоятельства. Ввиду сказанного, нельзя не согласиться со многими авторами, отмечающими, что применение амнистии на стадии возбуждения уголовного дела необоснованно. Главная проблема в этом вопросе была обозначена Е.В. Скутиной, которая совершенно верно задается вопросом: «Как можно применить амнистию к тем лицам, квалификация содеянного которых не произведена? Государство прощает им те преступные деяния, которые еще не установлены и не доказаны в порядке, предусмотренным Конституцией и УПК РФ» [8, с. 78].

Анализ издаваемых в Российской Федерации актов об амнистии показал, что предписания о не возбуждении уголовных дел характерны для амнистий в целях восстановления мира и согласия, тогда как общеуголовные амнистии содержат только положения о прекращении уголовных дел, находящихся в производстве органов дознания, предварительного следствия и судов. Амнистия как средство восстановления мира является экстраординарной правительственной мерой. В этом смысле, она занимает своеобразное промежуточное положение между политикой и правом [11, р. 4-8].

Прекращение уголовного дела по амнистии на стадии предварительного расследования так же во многом способствует нарушению прав потерпевших. В этом случае по возбужденному уголовному делу не удастся произвести полного, объективного и всестороннего рас-

следования. Более того вина лица, совершившего общественно-опасное деяние не доказана в установленном законом порядке. В свою очередь, это означает то, что потерпевший должен самостоятельно доказывать право на возмещение материального и иного вреда, причиненного преступлением, в порядке гражданского судопроизводства. Рассмотрение же гражданского иска одновременно с уголовным делом, в порядке предусмотренным ст. 44 УПК РФ, представляет потерпевшему целый ряд преимуществ. Во-первых, это способствует запуску механизмов по возмещению вреда, причиненного преступлением на ранних стадиях. Так, в соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, совершившее преступление небольшой и средней тяжести впервые и загладившее причиненный преступлением вред может быть освобождено от уголовной ответственности. В случае же совершения тяжкого или особо тяжкого преступления восстановление материального и иного вреда служит смягчающим обстоятельством при назначении наказания (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Во-вторых, бремя доказывания характера и размера вреда, причиненного преступлением ложиться на органы предварительного расследования и государственного обвинителя, а не на самого потерпевшего (п. 4 ст. 73 УПК РФ). В-третьих, с большей вероятностью будет обеспечена явка подсудимого в суд, благодаря избранию необходимой меры пресечения. В-четвертых, вынесенный по такому уголовному делу приговор суда, будет обладать преюдициальной силой (ч. 4 ст. 61 ГПК РФ).

Следует отметить, что при определенном развитии событий применения амнистии на стадии предварительного расследования правовое положение потерпевшего будет улучшено. Зачастую дознаватели и следователи получают от обвиняемого признательные показания своей вины, ссылаясь на то, что это является одним из ограничительных условий применения амнистии, но на самом деле, подобное в актах об амнистии не устанавливается. В дальнейшем потерпевший сможет использовать полученные признания о виновности лица совершившего преступление при доказывании в порядке гражданского судопроизводства.

Однако органам предварительного расследования не всегда удастся получить признательные показания. Как известно амнистия является нереабилитирующим основанием освобождения от уголовной ответственности и требует согласие потенциально амнистируемого лица (ч. 2 ст. 27 УПК РФ). Следовательно, применение амнистии на стадии досудебного производства как бы означает признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины. В то же время это противоречит п. 3 ст. 49 Конституции РФ, которая гласит о том, что виновность лица может быть установлена только вступившим в законную силу приговором суда. Поэтому, многие из лиц, совершивших общественно-опасные деяния, знают об этом или пользуются помощью своих правозащитников и адвокатов. На основании всего вышеизложенного, трудно не согласиться с Е. В. Жоголевой, которая говорит о несомненном преимуществе постановления обвинительного приговора по сравнению с прекращением уголовного дела [3, с. 135-136]. В связи с этим будет уместным привести пример из зарубежного законодательства. Во Франции отличительной особенностью уголовной амнистии является то, что она служит только для освобождения от наказания, то есть применяется исключительно к тем лицам, в отношении которых судом вынесен обвинительный приговор [10]. Подобная норма установлена в Уголовном кодексе Китая, где определено, что в качестве последствий амнистии может быть только освобождение от наказания [9]. Если издание акта об амнистии обнаруживается на стадии исполнения наказания, то вопрос о нарушении в этом случае прав потерпевших носит противоречивый характер. С одной стороны, осужденный, работая в исправительном учреждении, находится под контролем администрации, которая в соответствии с ч. 2 ст. 107 УИК РФ регулярно производит отчисления из его заработной платы в пользу взыскателя (потерпевшего).

С другой стороны – в местах лишения свободы не всегда имеется возможность для трудоустройства осужденного. В год издания акта об амнистии 2015 г. в исправительных учреждениях к оплачиваемому труду было привлечено только 31,7 % от общего числа лиц,

отбывающих наказания в местах лишения свободы⁵. Учитывая это, логично предположить, что после освобождения вероятность трудоустройства увеличивается в несколько раз, появляется возможность поиска более высокооплачиваемой работы. Тем не менее, после освобождения от отбывания наказания амнистированный остается бесконтрольным, может скрывать свое имущество и доходы, вследствие чего, возмещение материального вреда становится еще менее вероятным. Восстановление материального ущерба, причиненного преступлением, в большинстве случаев, удовлетворяет требования потерпевших по уголовным делам. Предположим, государство при объявлении амнистии сможет обеспечить восстановление материального вреда, причиненного преступлением частным лицам. Однако, необходимо учитывать мнение тех потерпевших, которые всегда будут против объявления амнистии. Надо полагать, что граждане, признанные потерпевшими по уголовным делам, связанным с причинением тяжкого вреда здоровью, либо смерти, имеют право выразить свое несогласие на применение амнистии к виновным лицам. В свою очередь государство обязано уважать это право [5, с. 25].

Практика же издания актов амнистии в России демонстрирует иное. Как правило, общеуголовные амнистии не распространяют своего действия на лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, но под их действие попадают лица, совершившие преступления с неосторожной формой вины, в том числе связанные с причинением тяжкого вреда здоровью человека или смерти. Приведем несколько ярких примеров, одним из которых является, так называемое «дело Шавенковой». В 2009 г. Шавенкова совершила ДТП, в результате которого один человек погиб, а другому был причинен тяжкий вред здоровью. Октябрьский районный суд г. Иркутска признал ее виновной в совершении преступлений предусмотренных ч. 1 и ч. 3 ст. 264 УК РФ и назначил наказание в виде 2,5 лет лишения свободы с отсрочкой отбывания наказания до достижения ребенком возраста 14 лет. В последующем осужденная была освобождена от отбывания наказания по амнистии этим же судом. Известно, что лица, признанные потерпевшими по данному уголовному делу были возмущены таким решением и собирались его обжаловать⁶. Другими примерами служат уголовные дела, где действия (бездействия) виновных лиц, в последующем амнистированных, привели к гибели 2-х и более человек. Так, в 2013 г. амнистия была применена к одному из фигурантов уголовного дела по крушению теплохода «Булгария»⁷; в 2015 г. от назначенного судом наказания были освобождены двое лиц, виновных в гибели рабочих на предприятии ОАО «НЗИВ»⁸; в 2017 г. от уголовной ответственности по амнистии были освобождены двое диспетчеров, причастных к крушению самолета главы французской компании «Total»⁹.

Можно сказать, что все подобные случаи не просто нарушают права потерпевших, рассчитывающих на применение к виновным лицам справедливого наказания, но и порождают в обществе «двойной резонанс». Впервые всплеск негодования наступает по факту совершения преступления, повлекшего за собой человеческие жертвы, а уже затем возмущение общественности вызывают решения правоприменительных органов, применивших амнистию к лицам, совершившим эти преступления. Для решения вышеуказанной проблемы в акте об амнистии возможно установить правовое ограничение в соответствии с которым лица, осужденные за совершение преступлений связанных с причинением тяжкого вреда здоровью или смерти, обязаны получить согласие потерпевшего на применение к ним досрочного освобождения по амнистии. К примеру, самым распространенным случаем применения амнистии к лицам, совершившим неосторожные преступления, повлекшие тяжкое причинение вреда здоровью или смерти являются деяния, предусмотренные ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). Совершение подобных составов преступлений, как правило, влечет обязанность возместить потерпевшим имущественный, физический и моральный вред в форме компенсации расходов на лечение, ремонт транспортного средства и т.д.

Однако этого не всегда удастся добиться на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства. Поэтому издание акта амнистии, содержащего правовое ограничение, в соответствии с которым лица, осужденные за совершение преступлений связанных с причинением вреда здоровью или смерти, обязаны получить согласие потерпевшего на применение к ним досрочного освобождения, будет стимулировать осужденных предпринять все возможные меры для урегулирования конфликта, вызванного совершенным преступлением и заглавить причиненный вред. Таким образом, уголовно-правовой конфликт, не решенный на стадии предварительного расследования и суда, может получить новую возможность своего урегулирования в стадии исполнения наказания.

В механизме реализации данного замысла будет важным установить истинное согласие потерпевших от преступлений на применение амнистии к лицам, которые совершили общественно-опасные деяния, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью, либо гибель человека, так как не исключается возможность оказания физического и (или) психического давления на них. Следовательно, в получении согласия от потерпевшей стороны на применение амнистии к конкретному осужденному или нескольким осужденным необходимо использовать третью сторону. Думается, что третьей стороной может выступать администрация исправительного учреждения, в котором осужденный отбывает наказание или орган, исполняющий уголовные наказания. Со стороны осужденного возможно направление в адрес потерпевшего или потерпевших извинительного письма с просьбой применить к нему амнистию, либо личная встреча, если он отбывает наказание или меру уголовно-правового характера без изоляции от общества. В случае же, когда по уголовному делу признанно потерпевшими несколько лиц, то необходимо установить согласие на применение амнистии каждого из них. Письменное согласие потерпевшего на применение амнистии к осужденному приобщается к материалам потенциально амнистируемого лица и подлежит проверки прокурором перед утверждением постановления начальника исправительного учреждения о применении амнистии или аналогичного постановления начальника уголовно-исполнительной инспекции. При невозможности установления местонахождения потерпевшего, либо его смерти, вопрос о применении амнистии необходимо разрешать в общем порядке.

Примечания

¹ О мерах по ресоциализации лиц, амнистированных в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: постановление Совета Федерации Российской Федерации от 24.06.2015 г. № 278-СФ // СПС «КонсультантПлюс»

² О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17.01.2006 г. № 19 (ред. от 20.01.2016) // СПС «КонсультантПлюс»

³ Об оказании помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, и лицам, осужденным к мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества, и содействию их социальной реабилитации» на 2012–2016 годы: постановление Правительства Самарской области от 10.04.2012 г. № 167 URL: <http://docs.cntd.ru/document/945036063> (дата обращения: 13.07.2017 г.).

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5.07.2001 г. «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28.06.2000 г. № 492-111 ГД “О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов” в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // СПС «КонсультантПлюс»

⁵ Статистические данные ФСИН России. Режим доступа: <http://fsin.su/structure/inspektor/iao/> (дата обращения: 15.07.2017 г.).

⁶ Виновницу скандального ДТП в Иркутске освободили по амнистии. Режим доступа: <https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/154524> (дата обращения: 13.07.2017 г.).

7. Одного из обвиняемых по делу «Булгарии» амнистировали. <https://rg.ru/2014/07/07/reg-pfo/sroki.html> (дата обращения: 13.07.2017 г.).
8. Признанные виновными во взрыве цеха НЗИВа избежали наказания. Режим доступа: <http://vn.ru/news-vinovnykh-v-gibeli-rabochikh-nziva-osvobodili-po-amnistii/> (дата обращения: 13.07.2017 г.).
9. Суд освободил по амнистии фигурантов уголовного дела о гибели во «Внуково» бывшего главы Total. Режим доступа: <https://www.aex.ru/news/2017/7/10/172098/> (дата обращения: 13.07.2017 г.).

Библиографические ссылки

1. Александров Ю. Амнистия должна быть // Преступление и наказание. 2007. № 11. С. 18-19.
2. Аскеров Э. Акты об амнистии и помиловании // Законность. 2005. № 11. С. 53–54.
3. Жоголева Е.В. Изменение обстановки при производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
4. Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность : монография. М. : «Юрлитинформ», 2014.
5. Коломольцева А.А. Ивашкина Е.А. Институт амнистии: правовая природа и проблемы применения в современной России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 3. С. 22-26.
6. Полищук Н.И. Функциональная ценность принципа правовой определенности в нормотворческой политике государства // Правовое государство. 2017. № 4 (50). С. 115–121.
7. Скобликов П. Амнистия в контексте возмещения вреда, причиненного преступлением // Уголовный процесс. 2014. № 5. С. 62-68.
8. Скутина Е.В. Амнистия в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
9. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14.03.1997 г. / под ред. А.И. Коробеева, пер. с китайского Д.В. Вичикова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2001.
10. Уголовный кодекс Франции. СПб. : Юридический центр Пресс. 2002.
11. Pensky M. Jus Post Bellum and Amnesties / Larry May Editor, Jus Post Bellum. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 4-8.

References

1. Aleksandrov Yu. Amnistiya dolzhna byt' (Amnesty should be), *Prestuplenie i nakazanie*, 2007, No. 11, pp. 18-19.
2. Askerov E. Akty ob amnistii i pomilovanii (Acts of Amnesty and Pardon), *Zakonnost'*, 2005, No. 11, pp. 53-54.
3. Zhogoleva E.V. Izmenenie obstanovki pri proizvodstve po ugovnomu delu (Change in the Situation in Criminal Proceedings), dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2006.
4. Kolokolov N.A. Ugolovnaya politika: zagadochnaya ochevidnost' (Criminal Policy: Mysterious Evidence), monografiya. Moscow, «Yurlitinform», 2014.
5. Kolomol'tseva A.A. Ivashkina E.A. Institut amnistii: pravovaya priroda i problemy primeneniya v sovremennoi Rossii (Institute of Amnesty: Legal Nature and Problems of Application in Modern Russia), *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*, 2012, No. 3, pp. 22-26.
6. Polishchuk N.I. Funktsional'naya tsennost' printsipa pravovoi opredelennosti v normotvorcheskoi politike gosudarstva (Functional Value of the Principle of Legal Certainty in the Normative Policy of the State), *Pravovoe gosudarstvo*, 2017, No. 4 (50), pp. 115-121.
7. Skoblikov P. Amnistiya v kontekste vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem (Amnesty in the Context of Compensation for Harm Caused by Crime), *Ugolovnyi protsess*, 2014, No. 5, pp. 62-68.
8. Skutina E.V. Amnistiya v ugovnom sudoproizvodstve (Amnesty in Criminal Proceedings), dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2008.
9. Ugolovnyi kodeks Kitaiskoi Narodnoi Respubliki ot 14.03.1997 g. (The Criminal Code of the People's Republic of China of 14 March 1997), pod red. A.I. Korobeeva, per. s kitaiskogo D.V. Vichikova. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2001.

10. Ugolovnyi kodeks Frantsii (The Criminal Code of France). St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2002.
11. Pensky M. Jus Post Bellum and Amnesties. Larry May Editor, Jus Post Bellum. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 4–8.

Дата поступления: 29.03.2018

Received: 29.03.2018

**КРИМИНАЛИСТИКА.
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

УДК 343.98

**ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ
СИТУАЦИИ И ПЛАНИРОВАНИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ
ОБ УБИЙСТВАХ, СОПРЯЖЕННЫХ
С ПОДЖОГОМ**

**TYPICAL INVESTIGATIVE
SITUATIONS AND PLANNING OF
INVESTIGATIONS INTO MURDERS,
CONNECTED TO ARSON**

ФАЙЗУЛЛИНА Алина Анисовна

*кандидат юридических наук, доцент кафедры
криминалистики Института права
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный
университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: lilialan@rambler.ru*

FAYZULLINA Alina Anisovna

*Candidate of Science (Law), Assistant Profes-
sor of the Chair of Forensics of the Institute of
Law of the FSBEI HE “Bashkir State
University”, Ufa, Russia.
E-mail: lilialan@rambler.ru*

Для эффективного, последовательного, тактически грамотного проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий при расследовании убийств, сопряженных с поджогом, важное значение имеет знание следователем типовых следственных ситуаций, возникающих на отдельных этапах расследования этого вида преступлений. В зависимости от типовых следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном и последующем этапах расследования данных преступлений, выдвигаются типовые версии о месте нахождения доказательственной информации, предполагаемом преступнике, мотивах и целях преступления и других обстоятельствах происшедшего события, в соответствии с которыми планируется дальнейшее расследование. В статье особое внимание уделено анализу типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования

For effective, consistent, tactically competent carrying out investigative actions, operative search activities while investigating murders involving arson, it is important for the investigator to know typical investigative situations that arise at certain investigative stages. Depending on typical investigative situations occurring at the initial and subsequent stages of crime investigation, model versions are put forward concerning the location of evidential information, alleged criminal, motives and purposes of the crime and other circumstances of the past event, in accordance with which further investigation is planned. The paper focuses on the analysis of typical investigative situations of the initial stage of the investigation into murders connected to arson; the correct assessment of these crimes contributes to the completeness of the versions, determination of the correct direction of criminal investigation.

убийств, сопряженных с поджогом, правильная оценка которых способствует полноте выдвижения версий, определению верного направления расследования уголовного дела.

Ключевые слова: типичные следственные ситуации, типовые следственные версии, планирование расследования, убийство, поджог, личность преступника.

Key words: typical investigative situations, model investigative versions, investigation planning, murder, arson, criminal identity.

Расследование преступлений осуществляется в конкретных условиях места и времени, взаимосвязи с другими процессами объективной действительности, поведением лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, а также под воздействием иных, порой остающихся неизвестными для органов расследования факторов. Эта сложная система соотношения различных факторов, в которой действует следователь и протекает акт расследования, образует в итоге конкретную обстановку, которая в криминалистике получила название следственной ситуации [1, с. 135]. Взаимосвязь версий, вытекающих из следственных ситуаций, и планирования расследования – это согласованность мысленной модели преступного события с выводами о необходимости проведения конкретных мероприятий по собиранию и исследованию доказательств преступной деятельности. Тем самым, между такими криминалистическими категориями, как «следственная ситуация», «выдвижение версий» и «планирование расследования» существует неразрывная логическая связь. Анализ криминалистической литературы свидетельствует о том, что среди ученых-криминалистов единства взглядов относительно понятия, сущности и содержания следственной ситуации. Не останавливаясь на подробном изложении различных точек зрения ученых относительно данной криминалистической категории, вместе с тем, отметим, что различные подходы ученых относительно понятия и содержания следственной ситуации обусловлены включением в ее структуру внешних или внутренних факторов, составляющих ее содержание.

Исследуя вопросы сущности и значения следственной ситуации, заслуживает внимания точка зрения Д.В. Кима, согласно которой «информационная база следственных ситуаций состоит из данных, относящихся, с одной стороны, к закономерностям проявления механизма подготовки, совершения и сокрытия преступлений (преступная деятельность) и создания на этой основе криминалистической характеристики преступлений, и, с другой стороны, из данных, относящихся к закономерностям механизма раскрытия и расследования преступлений. Эти различные информационно-познавательные подсистемы, со своими внутренними составляющими, тесно связаны между собой сложными явлениями и процессами, центральным, ключевым из которых является следственная ситуация. Именно через информационную базу следственной ситуации происходит пересечение этих двух подсистем и проявляется их общность в специфической информационно-познавательной системе – методике расследования преступлений» [2, с. 17-18]. На наш взгляд, следственную ситуацию, складывающуюся при расследовании конкретного уголовного дела, следует определить как совокупность фактических данных об обстоятельствах преступного события, отражающую процесс расследования [3, с. 85]. При этом, как справедливо указывает Л.Я. Драпкин, формируя решения по уголовным делам, выдвигая версии, проводя тактические операции и приемы, отдельные процессуальные и розыскные действия, следователь исходит не из реальной ситуации, а из ее информационной модели, из того, что отражено в его сознании для принятия следственных решений и их реализации [4, с. 49].

В научной литературе, посвященной расследованию убийств, сопряженных с поджогом, описываются типичные следственные ситуации на первоначальном этапе следствия, ко-

торые классифицируются по различным основаниям. В.Л. Попов в своем диссертационном исследовании, посвященном расследованию убийств, сокрытых поджогами, выделяет следующие типичные следственные ситуации: 1) имеется труп с явными признаками насильственной смерти и явные следы поджога; 2) имеется труп без явных следов убийства и явные следы поджога; 3) имеется труп с явными признаками насильственной смерти, нет явных следов поджога; 4) имеется труп без явных следов убийства и нет явных следов поджога [5, с. 25].

Анализ судебно-следственной практики позволил выделить несколько наиболее типичных следственных ситуаций, возникающих на первоначальном этапе расследования убийств, сопряженных с поджогом. Рассмотрим их более подробно.

1. При тушении пожара обнаружен труп с признаками насильственной смерти, имеются сведения о совершении поджога, личность потерпевшего установлена, однако отсутствуют данные о личности преступника.

В этой следственной ситуации выдвигаются и отрабатываются в основном следственные версии о личности предполагаемого преступника, мотивах и целях убийства (с учетом обстановки на месте происшествия, позы трупа, наличия или отсутствия на нем одежды и др.).

Тактические задачи следователя в рассматриваемой ситуации: а) установить обстоятельства совершения убийства и поджога (путь проникновения в квартиру или дом потерпевшего, способ, орудие и время совершения убийства, способ поджога); б) выявить обстоятельства, указывающие на мотив убийства; в) выявить возможных свидетелей; г) обнаружить следы, предметы и признаки, указывающие на личность преступника; д) изучить личность потерпевшего. Рекомендуются выполнить следующий комплекс оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий: осмотр места пожара и трупа, в процессе которого следует произвести изъятие образцов для сравнительного исследования (например, отбор проб древесины, грунта, сыпучих материалов, тканей, копоти, воздуха с остатками легковоспламеняющейся и горючей жидкости и др.). По изъятым с места происшествия вещественным доказательствам назначаются соответствующие экспертизы: судебно-медицинская, пожарно-техническая, криминалистические и иные судебные экспертизы следов и других вещественных доказательств. Определенный объем криминалистически значимой информации об обстоятельствах расследуемого события, личности преступника может быть получен из показаний свидетелей. В частности, необходимо выяснить, не находился ли потерпевший с кем-либо в конфликтных отношениях, не поступали ли угрозы в его адрес. С этой целью проводятся допросы родственников, соседей и других свидетелей.

Одновременно с этим, сотрудниками уголовного розыска, участковыми уполномоченными полиции проводится комплекс мероприятий, направленных на получение информации данных о личности потерпевшего, его связях, а также о лице, совершившем преступление, выявление свидетелей и очевидцев убийства, принимаются оперативно-розыскные меры для установления преступника (поквартирный обход, опросы граждан), осуществляется наблюдение за лицами, склонными к совершению противоправных действий, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, исследуются предметы и документы, наводятся справки, изучаются материалы о нераскрытых убийствах, проводится проверка по оперативно-справочным учетам лиц, ранее судимых за совершение такого рода преступлений, проживающих в данном регионе, анализируется информация, содержащаяся в криминалистических картотеках, и пр. При задержании подозреваемого, следует провести личный обыск, освидетельствование, обыск по месту жительства, выемку, допрос.

2. При тушении пожара обнаружен труп без явных признаков насильственной смерти, личность потерпевшего установлена, однако нет ясности в отношении расследуемого события.

В случае обнаружения на месте происшествия трупа со следами термического воздействия сложность этой ситуации заключается в неопределенности характера расследуемого события. Имеющиеся сведения могут указывать как на неосторожное обращение потерпевшего с

огнем, самоубийство, так и на их инсценировку с целью сокрытия с помощью поджога ранее совершенного убийства либо убийства, совершенного путем поджога. Возможно выявление данных, указывающих на инсценировку другим лицом, не являющимся убийцей (подброшены документы или вещи, принадлежащие определенному лицу). В последних случаях преступник пытается направить следствие по ложному пути, маскируя подлинные мотивы убийства и пытаясь уйти от ответственности. Общими типовыми версиями будут являться следующие: а) совершено убийство; б) произошел несчастный случай; в) совершено самоубийство. Определение признаков инсценировки свидетельствует, как правило, о том, что убийство совершено лицом, имевшим с потерпевшим достаточно близкие отношения (родственником, сожителем, сослуживцем и т.д.). Задачи, стоящие перед следователем в такой ситуации, заключаются в: а) определении характера исследуемого события, выявлении признаков убийства и поджога; б) установлении наличия или отсутствия инсценировки, ее содержания и направленности; в) выяснении подлинных мотивов убийства и поджога; г) выявлении круга лиц, которым могла быть выгодна смерть потерпевшего; д) получении данных, указывающих на физические и психические признаки подозреваемого; е) установление свидетелей.

В анализируемой сложной следственной ситуации рекомендуется производство осмотра места пожара и трупа, тщательный поиск «негативных обстоятельств» и других признаков инсценировки; назначение судебно-медицинской экспертизы, включая вопросы, связанные с причинами наступления смерти (в частности, вследствие конкретных событий и обстоятельств, а также возможности выполнения каких-либо действий потерпевшим); почерковедческой экспертизы при наличии предсмертной записки потерпевшего; баллистической, трасологической, химической, пожарно-технической или других видов судебных экспертиз, что зависит от особенностей наступления смерти и содержания инсценировки; получение оперативно-розыскным путем данных, характеризующих потерпевшего, его отношения с родственниками, знакомыми; допросы свидетелей; истребование из поликлиники и психоневрологического диспансера справок о состоянии здоровья потерпевшего; осмотр сохранившихся после пожара личных документов потерпевшего (записных книжек, дневников и т.д.); производство следственного эксперимента, направленного на проверку возможности осуществления каких-либо действий, развития события в определенных условиях и при конкретных обстоятельствах (например, возможности возникновения и развития пожара).

3. Обнаружен обгоревший труп неизвестного лица. Версии выдвигают относительно личности потерпевшего, места его проживания, рода занятий, причин нахождения трупа в месте обнаружения, мотивов убийства. Тактические задачи следователя: а) установить личность потерпевшего; б) определить характер расследуемого события; в) выявить свидетелей; г) выяснить основные обстоятельства события (способ, время, место, орудие преступления); д) получить данные о личности преступника. Последовательность действий следователя в данной ситуации выглядит следующим образом: а) осмотр места происшествия и трупа; б) назначение судебно-медицинской экспертизы трупа, включая вопросы, касающиеся установления анатомических, физиологических и других признаков, которые могут способствовать идентификации личности потерпевшего; в) предъявление трупа для опознания; г) использование системы учета лиц, пропавших без вести (сопоставление данных о пропавшем без вести с данными о трупе неизвестного лица); д) использование возможностей дактилоскопического учета; е) поручение производства оперативно-розыскных мероприятий для получения сведений: о личности потерпевшего (кто, где, с кем и при каких обстоятельствах видел потерпевшего ранее в данной местности); об исчезнувших лицах, не приехавших по назначению (которые убыли незадолго до обнаружения трупа и по приметам схожи с потерпевшим); о лицах, ранее совершивших аналогичные преступления; о нераскрытых преступлениях, совершенных аналогичным способом; о лицах, ранее обращавшихся за медицинской помощью; о выявленных свидетелях; ж) принятие мер по сохранению черепа и костных останков для последующего ком-

плексного медико-криминалистического идентификационного исследования; 3) допросы лиц, обнаруживших труп, а также других свидетелей; и) назначение соответствующих судебных экспертиз при обнаружении следов рук, обуви, крови, слюны, частей одежды и др.).

4. При тушении пожара обнаружен труп с признаками насильственной смерти, имеются сведения о совершении поджога, личность потерпевшего установлена, есть данные о личности преступника, который задержан на месте преступления.

Задачи, стоящие перед следствием, сводятся к следующему: а) сбор доказательственной информации, позволяющей изобличить подозреваемого в совершении убийства и поджога; б) установление, розыск и задержание неизвестных следствию возможных соучастников преступления; в) выяснение обстоятельств, предшествовавших совершению преступления; г) установление свидетелей преступления; д) предупреждение попыток оказания подозреваемым возможного противодействия расследованию на начальном этапе и др. В условиях исследуемой ситуации следователем проводятся: осмотр места происшествия и трупа; личный обыск подозреваемого, целью которого является обнаружение орудий убийства, остатков зажигательных средств и предметов, использовавшихся для совершения поджога; освидетельствование подозреваемого, осмотр его одежды и обуви; допрос подозреваемого; обыск по месту жительства, выемка предметов, документов, допрос свидетелей, назначение судебных экспертиз. При взаимодействии с органами дознания следователь осуществляет сбор данных о личности подозреваемого, круге его преступных связей; установление и задержание возможных соучастников преступления.

Исходя из вышеизложенного, необходимо резюмировать, что эффективность первоначального этапа расследования убийств, сопряженных с поджогом, определяется ситуационно-обусловленной оптимальной и тактически верной последовательностью проведения системы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также эффективной организацией и грамотным использованием следователем различных форм взаимодействия с оперативно-розыскными органами.

Библиографические ссылки

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997.
2. Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009.
3. Файзуллина А.А. Методика расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога : монография / науч. ред. А.Н. Халиков. М. : Издательство Юрлитинформ, 2017.
4. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика. М. : Проспект, 2011.
5. Попов В.Л. Расследование убийств, сокрытых поджогами : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1993.

References

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki, v 3 t. T. 3. Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendatsii (Course of Forensics: in 3 V. V. 3. Forensic Means, Techniques and Recommendations). Moscow, 1997.
2. Kim D.V. Problemy teorii i praktiki razresheniya kriminalisticheskikh situatsii v protsesse raskrytiya, predvaritel'nogo rassledovaniya i sudebnogo rassmotreniya ugovolnykh del (Problems of Theory and Practice of Resolving Criminal Situations in the Process of Disclosure, Preliminary Investigation and Judicial Review of Criminal Cases), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2009.
3. Faizullina A.A. Metodika rassledovaniya umyshlennogo unichtozheniya ili povrezhdeniya chuzhogo imushchestva, sovershennogo putem podzhoga, monografiya (Methodology for Investigating

Intentional Destruction or Damage to Property of Others Committed by Arson: monograph), nauch. red. A.N. Khalikova. Moscow, Izdatel'stvo Yurlitinform, 2017.

4. Drapkin L.Ya., Karagodin V.N. Kriminalistika (Forensics). Moscow, Prospekt, 2011.

5. Popov V.L. Rassledovanie ubiistv, sokrytykh podzhogami (Investigation of Murders Concealed by Arson), dis. ... kand. yurid. nauk. Minsk, 1993.

Дата поступления: 04.04.2018

Received: 04.04.2018

УДК 340

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА В СВЕТЕ РАСШИРЕНИЯ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ШАГИМУРАТОВА Залия Альбертовна
*старший преподаватель кафедры финансо-
вого и экологического права Института пра-
ва ФГБОУ ВО «Башкирский государствен-
ный университет», г. Уфа, Россия.*
E-mail: zaliya2008@mail.ru

Криминалистика в силу своей синтетической природы и возможностей использования ее положений в любых направлениях практической юридической деятельности, прямо или косвенно связанных с установлением характера правонарушения, доказывания оснований ответственности за него, может быть востребована практически во всех сферах правоприменения, где возникает необходимость собирания, проверки и оценки сведений об обстоятельствах того или иного деликта, причастности к нему и виновности в нем конкретных лиц. Более того, в пограничных областях правового регулирования, предваряющих производство по уголовному делу административных процедур, нескоординированность усилий именно на прикладном практическом уровне порой приводит к утрате существенных доказательств, поскольку криминалистическое обеспечение не распространяется на ту деятельность, которая в рамках осуществления публичных же функций, но за пределами уголовного судопроизводства направлена на выявление правонарушений с неопределенностью конечного результата: что будет установлено – признаки состава преступления, административного правонарушения или вовсе отсутствие события и состава и того и другого.

FORENSIC TACTICS IN VIEW OF EXTENDING SUBJECT AREA OF FORENSIC INVESTIGATIONS

SHAGIMURATOVA Zaliya Albertovna
*Senior Instructor of the Chair of Financial and
Environmental Law of the Institute of Law of
the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa,
Russia. E-mail: zaliya2008@mail.ru*

Due to its synthetic nature and the possibility of using its provisions in any field of practical legal activity, directly or indirectly related to the establishment of the nature of the offense, proving grounds of liability for it, forensics can be actual in almost all areas of law enforcement, where there is a need to collect, verify and assess information about the circumstances of a tort, involvement in it and certain persons' guilt. Moreover, in border areas of legal regulation preceding criminal proceedings, administrative procedures, lack of coordination of the efforts applied on a practical level sometimes leads to the loss of significant evidence, as forensic provisions do not apply to those activities that, in terms of implementing public functions, but outside of criminal proceedings are aimed at identifying offences with the uncertainty of the final outcome: what will be revealed – signs of a crime or an administrative offense or even the absence of the event and the composition of both.

Ключевые слова: допрос, тактика изобличения, следователь, криминалистическая тактика, тактика допроса, преступление, криминалистика, правонарушение, востребованность, теоретико-доказательственная концепция.

Key words: interrogation, tactics of exposure, investigator, forensic tactics, interrogation tactics, crime, forensics, offense, relevance, theoretical and evidentiary concept.

Криминалистическая тактика как подсистемное образование науки криминалистики существенно зависит от трансформаций, которые в последнее время происходят в деятельности по выявлению, расследованию и раскрытию преступлений, организации и проведению судебного разбирательства в целом и практике правоприменения в сфере доказывания в частности. При этом в криминалистической литературе наметились тенденции к сведению криминалистического потенциала к реализации назначения уголовного судопроизводства и выходу предмета исследования за формат теоретико-доказательственной концепции, за пределы места производства расследования. Эти подходы стали ответом на снижение социальной ценности процессуальных, материальных правовых наук в сфере судопроизводства и прикладного, но узко трактуемого потенциала криминалистики, попыткой преодолеть ее излишнюю замкнутость на месте производства расследования в условиях, когда порой решающее исход дела противодействие оказывается далеко за его пределами. Разумеется, криминалистическая наука должна адекватно реагировать на новые вызовы практики следственной деятельности.

Отводя скромное вспомогательное и вместе с тем самостоятельное место криминалистике, ее основоположник Г. Гросс писал: «Криминалистика ... начинается лишь там, где уголовное право ... прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы к совершению такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорят ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики и особенной части ее: криминальной психологии» [4, с. VIII]. Этот классический ориентированный на познание события преступления и установление его совершившего лица с последующим изобличением причастного к содеянному подход с теоретической и практической точек зрения стал на долгие годы основополагающим в определении теоретико-доказательственной концепции криминалистики, который особенно ярко был выражен и стал по существу общепризнанным в трактовке Р.С. Белкина: «Криминалистика – наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных средств и методах судебного исследования и предотвращения преступлений» [2, с. 65]. Одновременно заложенное изначально в развитие криминалистической науки противоречие начала определения своей предметной самостоятельности и принципиальной необходимости координации предпринимаемых теоретических и практических прикладных усилий с утилитарными ориентирами уголовного правосудия в целом до настоящего времени не нашло своего конструктивного разрешения преимущественно из-за часто меняющихся и очень далеких от реальной действительности норм-деклараций, определяющих ориентиры деятельности по уголовному преследованию, защиты от него и разрешения дела по существу. Более того, в настоящее время не представляется возможным, не смотря на имеющиеся правовые традиции, из буквы и духа имеющихся норм различных отраслей процессуального права вывести единую и всеохватывающую ценность всего российского правосудия безотносительно к отраслевой его принадлежности.

Как справедливо отмечает В.Н. Карагодин, «объектом криминалистической тактики является часть объекта закономерностей предмета науки криминалистики. Предмет же криминалистической тактики образуют вышеперечисленные закономерности, действующие на досудебных стадиях и в процессе судебного следствия» [6, с. 109]. А.С. Князьков понимает

под предметом криминалистической тактики как закономерности поведения обвиняемого и взаимосвязанных с ним действий иных лиц, получающих отражение в материальных и идеальных следах, так «и закономерности криминалистической поисково-познавательной деятельности дознавателя, следователя, государственного обвинителя и судьи в связи с производством следственного и иного процессуального действия, основывающегося на реализации тактико-криминалистических средств» [8, с. 20]. Как видно из имеющихся подходов, предметная область исследований криминалистики в частном сегменте ее тактики выглядит как часть целого, производная от теоретико-доказательственной концепции.

Традиционно по целеполаганию криминалистическая тактика во многом повторяет на частном уровне предметное приложение познавательного потенциала криминалистики как таковой. Цель эффективного собирания доказательств в соответствии с нормами УПК определяла существо понимания утилитарной природы следственной тактики А.Н. Васильевым, который, решив фундаментальный вопрос об отличии этого раздела криминалистики от других, все-таки допустил очевидное сужение по нормативно-правовому основанию до требований УПК и в вопросах обращения с доказательствами исключительно их собиранием [3, с. 32]. Ориентир на оптимизацию отыскания, изучения и использования тактически значимой информации кладет в основании своего определения следственной тактики В.И. Комиссаров (1989) [9, с. 132], многими годами позже в 2009 г. предложивший одно из наиболее классических определений уже тактики криминалистической и внесший в ранее предложенную дефиницию в части целеполагания несущественную замену слова «отыскание» на «поиск», но отошедший от акцента на оптимизации простым описательным изложением: «Криминалистическая тактика – это раздел науки, в котором познаются закономерности возникновения, сохранения, угасания и передачи идеальной информации (следов) о преступлении, а также закономерности психологии взаимоотношений следователя с участниками предварительного расследования и его обращения с материальными объектами, на базе чего формируются системы общих и частных рекомендаций (приемов) по организации поиска, изучения и использования тактически значимой информации в типичных ситуациях производства отдельных следственных действий» [10, с. 88]. На ценностях организационного обеспечения уголовного процесса, наиболее эффективного собирания, исследования, проверки и использования тактически значимой информации сконцентрировано внимание в определении криминалистической тактики О.В. Полстовалова [11, с. 52]. Еще более близким теоретико-доказательственной концепции выглядит определение В.Я. Карлова, который пишет, что этот раздел криминалистики содержит «систему научных положений и рекомендаций по организации и планированию расследования и тактике проведения отдельных следственных действий, направленных на собирание и исследование доказательств по уголовным делам» [7, с. 3]. Здесь мы видим очевидное сужение прикладной области целесообразности: во-первых, не всякая тактически значимая информация представлена доказательствами, а во-вторых, собиранием и исследованием не исчерпывается обращение с имеющимися отношением к делу фактическими сведениями. На цель выработки в соответствии с законом общих научно-обоснованных рекомендаций по повышению эффективности судебной, следственной и экспертной деятельности в своем авторском определении обращает внимание С.В. Даков, который тем самым излишне широко трактует предметную область приложения оптимизационного потенциала, так как не всякая деятельность следователя, судьи и уж тем более эксперта нуждается в тактическом ее обеспечении [5, с. 66]. Однако именно такой подход уже позволяет выйти за формат известных процессуально-правовых процедур, поскольку, как уже отмечалось выше, деятельность по воспрепятствованию достижению назначения уголовного судопроизводства порой развивается далеко за пределами места производства расследования. С.Ю. Якушин давал содержательную характеристику криминалистической тактики, которая согласно его пониманию как раздел науки криминалистики представляет собой «систему теоретических положений и практических рекомендаций по определению допустимой оптимальной линии поведения лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также судебное рассмотрение уголовных

дел» [14, с. 253]. Е.Е. Центров в своем определении задачи криминалистической тактики напрямую связывает с разработкой и аккумулярованием специальных знаний, организационно-плановых начал, наиболее рациональных и целесообразных приёмов, правил, установлений, технологий, предписаний и рекомендаций «по определению наиболее эффективной линии поведения и способам осуществления конкретных следственных и судебных действий в специфических ситуациях, возникающих в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [12, с. 142]. С позиций оптимизации деятельности субъектов публичного и частно-публичного уголовного преследования и профессиональной защиты от него по допустимому и рациональному собиранию, исследованию и использованию доказательственной информации в условиях противодействия противоположной стороны рассматривает целеполагание криминалистической тактики в авторском определении этого раздела криминалистики О.Я. Баев [1, с. 14].

В любом случае все названные подходы органично сочетаются с теоретико-доказательственной концепцией предмета криминалистики, которая по праву является доминирующей в теории. Именно криминалистика как юридическая наука в силу ее синтетической природы с доминированием отраслевых процессуально-правовых наук и возможностями использования в ее положений в любых направлениях практической юридической деятельности, прямо или косвенно связанных с установлением характера правонарушения, доказывания оснований ответственности за него причастных и виновных лиц, может быть востребована практически во всех сферах правоприменения, где возникает необходимость собирания, проверки и оценки сведений об обстоятельствах того или иного деликта, причастности к нему и виновности в нем конкретных лиц. Более того, в пограничных областях правового регулирования предваряющих производство по уголовному делу административных процедур порой нескоординированность усилий именно на прикладном практическом уровне приводит к утрате существенных доказательств, поскольку криминалистическое обеспечение не распространяется на ту деятельность, которая в рамках осуществления публичных же функций, но за пределами уголовного судопроизводства, направлена на выявление правонарушений с неопределенностью конечного результата: что будет установлено – признаки состава преступления, административного правонарушения или вовсе отсутствие события и состава и того, и другого. Речь здесь идет о различного рода расследованиях по установлению обстоятельств несчастного случая на производстве или налогового правонарушения, содержащего признаки состава преступления, о деятельности контрольно-счетной палаты России и таких же органов финансового контроля на региональном уровне, о деятельности Федеральной антимонопольной службы, о проводимых в рамках различных спецопераций досмотрах транспортных средств и личных досмотров граждан и пр.

Востребованность криминалистических знаний за пределами уголовного судопроизводства в действительности, по мнению ряда исследователей, не является достаточным основанием для качественной трансформации предметной области науки. В частности, один из столпов теории криминалистической тактики В.Ю. Шепитько пишет: «Востребованность криминалистики, использование ее данных в иных сферах, определенные процессы интеграции и дифференциации научного знания не смогли привести к существенному изменению предмета криминалистики, которая по-прежнему остается наукой о закономерностях преступной деятельности и ее отражении в источниках информации» [13, с. 28].

Библиографические ссылки

1. Баев М.О. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика : науч.-практ. пособие. М. : Экзамен, 2005.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2. Частные криминалистические теории. М. : Юрист, 1997.
3. Васильев А.Н. Следственная тактика. М. : Юрид. лит., 1976.

4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / пер. с нем. Л. Дудкина, Б. Зиллера. 4-е изд. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1908.
5. Даков С.В. Криминалистическая тактика (генезис и перспективы развития) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999.
6. Карагодин В.Н. О практическом значении концептуальных положений об объекте и предмете криминалистической тактики // Актуальные проблемы криминалистической тактики : матер. Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 28 марта 2014 г. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 108–111.
7. Карлов В.Я. Криминалистическая тактика : учеб. пособие для бакалавров / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ О.А. Зайцева. М. : Юрлитинформ, 2013.
8. Князьков А.С. Проблемы предмета криминалистической тактики // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 4-1. С. 18–20.
9. Комиссаров В.И. Актуальные проблемы следственной тактики : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1989.
10. Комиссаров В.И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. М. : Юрлитинформ, 2009.
11. Полстовалов О.В. Современные проблемы криминалистической тактики / под науч. ред. д-ра юрид. наук проф. В.И. Комиссарова. М. : Юрлитинформ, 2009.
12. Центров Е.Е. Парадигма криминалистической тактики и ее основные понятия // Известия Тульск. гос. ун-та. Сер. «Экономические и юридические науки». 2016. № 3-2. С. 137–144.
13. Шепитько В.Ю. Криминалистика в системе научного знания: задачи и некоторые тенденции в современных условиях // Библиотека криминалиста. 2012. № 3 (4). С. 27–36.
14. Якушин С.Ю. Актуальные проблемы тактико-криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства в современных условиях // Криміналістика ХХ століття : матер. міжнар. наук.-практ. конф. 25–26 листоп. 2010 р. Харків : Право, 2010. С. 554–560.

References

1. Baev M.O. Taktika ugovnogo presledovaniya i professional'noi zashchity ot nego. Prokurorskaya taktika. Advokatskaya taktika (The Tactics of Criminal Prosecution and Professional Defense against It. Prosecutorial Tactics. Advocacy Tactics), nauch.-prakt. posobie. Moscow, Ekzamen, 2005.
2. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki (Course of Forensics), v 3 t. T. 2. Chastnye kriminalisticheskie teorii (Private Forensic Theories). Moscow, Yurist", 1997.
3. Vasil'ev A.N. Sledstvennaya taktika (Investigative Tactics). Moscow, Yurid. lit., 1976.
4. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei kak sistema kriminalistiki (Manual for Forensic Investigators as a Forensic System), per. s nem. L. Dudkina, B. Zillera. 4-e izd. St. Petersburg, Tip. M. Merkusheva, 1908.
5. Dakov S.V. Kriminalisticheskaya taktika (genezis i perspektivy razvitiya) (Forensic Tactics (Genesis and Development Prospects), dis. ... kand. jurid. nauk. St. Petersburg, 1999.
6. Karagodin V.N. O prakticheskom znachenii kontseptual'nykh polozhenii ob ob'ekte i predmete kriminalisticheskoi taktiki (On the Practical Significance of Conceptual Provisions on the Object and Subject of Forensic Tactics), Aktual'nye problemy kriminalisticheskoi taktiki, mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Moskva, 28 marta 2014 g. Moscow, Yurlitinform, 2014, pp. 108–111.
7. Karlov V.Ya. Kriminalisticheskaya taktika (Forensic Tactics), ucheb. posobie dlya bakalavrov, pod nauch. red. d-ra jurid. nauk, prof., zasl. deyatelya nauki RF O.A. Zaitseva. Moscow, Yurlitinform, 2013.
8. Knyaz'kov A.S. Problemy predmeta kriminalisticheskoi taktiki (Problems of the Subject of Forensic Tactics), Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami, 2016, No. 4-1, pp. 18–20.
9. Komissarov V.I. Aktual'nye problemy sledstvennoi taktiki (Actual Problems of Investigative Tactics), dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 1989.
10. Komissarov V.I. Kriminalisticheskaya taktika: istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya (Forensic Tactics: History, Current State and Development Prospects). Moscow, Yurlitinform, 2009.

11. Polstovalov O.V. *Sovremennye problemy kriminalisticheskoi taktiki* (Modern Problems of Forensic Tactics), pod nauch. red. d-ra yurid. nauk prof. V.I. Komissarova. Moscow, Yurlitinform, 2009.
12. Tsentrov E.E. *Paradigma kriminalisticheskoi taktiki i ee osnovnye ponyatiya* (The Paradigm of Forensic Tactics and Its Basic Concepts), *Izvestiya Tul'sk. gos. un-ta. Ser. «Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki»*, 2016, No. 3-2, pp. 137–144.
13. Shepit'ko V.Yu. *Kriminalistika v sisteme nauchnogo znaniya: zadachi i nekotorye tendentsii v sovremennykh usloviyakh* (Forensic Science in the System of Scientific Knowledge: Tasks and Some Trends in Modern Conditions), *Biblioteka kriminalista*, 2012, No. 3 (4), pp. 27–36.
14. Yakushin S.Yu. *Aktual'nye problemy taktiko-kriminalisticheskogo obespecheniya ugolovnogo sudoproizvodstva v sovremennykh usloviyakh* (Actual Problems of Tactical and Forensic Support of Criminal Justice in Modern Conditions), *Kriminalistika XX stolittya*, mater. mizhnar. nauk.-prakt. konf. 25–26 listop. 2010 r. Kharkiv, Pravo, 2010, pp. 554–560.

Дата поступления: 15.05.2018

Received: 15.05.2018

**ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО.
БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО**

УДК 349.23

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО КОНТРАКТА
В ЗДРАВООХРАНЕНИИ**

ЕНИКЕЕВ Олег Анатольевич

*кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса ГБОУ ВО «Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан», г. Уфа, Россия.
E-mail: enikeevo2013@yandex.ru.*

ЕНИКЕЕВА Светлана Ахметовна

*доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, г. Уфа, Россия.
E-mail: enikeyevasa@yandex.ru*

**SOME PROBLEMS OF INTRODUCING
PERFORMANCE-BASED CONTRACTS
OF EMPLOYMENT INTO HEALTH
CARE SERVICE**

ENIKEEV Oleg Anatolievich

Candidate of Science (Law), Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Law and Procedure of the FSBEI HE “Bashkir Academy of State Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan”, Ufa, Russia. E-mail: enikeevo2013@yandex.ru

ENIKEEVA Svetlana Akhmetovna

*Doctor of Medical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Ufa, Russia.
E-mail: enikeyevasa@yandex.ru*

В 2018 году завершено внедрение эффективных контрактов для всех работников здравоохранения. Вместе с тем, проблемы качества медицинской помощи и оплаты труда медицинских работников остались не разрешенными до конца. Авторами выявлены следующие проблемы внедрения эффективных контрактов в здравоохранении: 1. Отсутствие ба-

In 2018, performance-based contracts of employment for all health workers have been introduced. At the same time, the problems of quality of medical care and payment for labour of health workers are not thoroughly resolved. The authors identify the following problems of introducing performance-based contracts of employment into health care service: 1. There

зовой оплаты труда медицинского работника по эффективному контракту, дающей возможность ему работать только на одном месте; 2. В эффективных контрактах медицинских работников не прописан критерий выздоровления пациентов; 3. Реальная заработная плата медицинских работников в среднем в 2 раза ниже тех показателей, о которых рапортует Министерство здравоохранения РФ; 4. Переход на подушевой принцип финансирования медицинских учреждений привел к увеличению нагрузки медработников, а не к повышению качества медицинской помощи. Авторами предложено: 1. Базовую часть заработной платы в эффективном контракте закрепить в размере 70%; 2. Среднюю почасовую заработную плату медицинских работников привязать к средней почасовой заработной плате труда по субъекту РФ в свете майских указов Президента РФ; 3. Базовым критерием стимулирующей части эффективного контракта должно стать выздоровление (здоровье) пациента; 4. Запретить медицинским работникам совместительство более чем на 0,5 ставки; 5. Разработать единые федеральные эффективные контракты для каждого типа медицинских учреждений.

Ключевые слова: трудовое право, медицинское право, медицинский работник, эффективный контракт, заработная плата, оплата труда.

is no basic payment for a health worker under a performance-based contract of employment, allowing him/her to work only in one place; 2. Performance-based contracts of employment for health workers do not specify criteria of patients recovery; 3. The real salary of medical workers is on average 2 times lower than it is reported by the Ministry of Health Care of the Russian Federation; 4. The transition to per capita principle of financing medical institutions has increased the workload of health workers and has not improved the quality of medical care. The authors propose: 1. The basic part of the salary in an performance-based contract of employment should be fixed in the amount of 70%; 2. The average hourly wage of health workers should be bound to the average hourly wage through a constituent entity of the Russian Federation in the light of May Decrees of the President of the Russian Federation; 3. The basic criterion of the incentive part of the performance-based contract of employment should be the recovery (health) of the patient; 4. Health workers should be prohibited to have a second job more than at the rate of 0.5; 5. Unified Federal performance-based contracts of employment for each type of medical institutions should be developed.

Key words: labor law, medical law, health worker, performance-based contract of employment, salary, payment for labour.

Стратегической проблемой системы здравоохранения является сокращение числа врачебных кадров в темпах превышающих установленные Министерством здравоохранения России. Оптимизация структуры российского здравоохранения (сокращение числа медицинских учреждений) за последние годы создала ситуацию, при которой почти 90% врачей вынуждены задерживаться после окончания рабочего дня, а 41 % – делает это ежедневно. Более половины своего рабочего дня врачи вынуждены посвящать заполнению огромного массива медицинской документации, а не на самообразование и работу с пациентами. Оптимальный восьмичасовой режим труда для многих медицинских работников стал недоступен. По данным отдельных авторов медицинские работники в среднем живут на 10–20 лет меньше чем их пациенты. Несмотря на относительно стабильный рост заработной платы медицинских работников с 2010 по 2015 гг., ее размер в среднем оставался на 1,3 раза ниже, чем средняя заработная плата по субъекту РФ [1]. Федеральный социологический опрос, проведенный Министерством здравоохранения Российской Федерации, Национальной медицинской палатой показал, что одной из базовых причин нехватки кадров в здравоохранении оказывается отсутствие привлекательности профессии медицинского работника, так: только 14 % утверждают, что они испытывают чувство материального и морального удовлетворения от выполнения своей работы; 17% утверждают, что планируют поменять свое место трудоустройства; 47% (почти половина) против того чтобы члены их семьи становились медицинскими работ-

никами. Следствием вышеупомянутых причин является острейшая нехватка медицинских кадров, в том числе среднего медицинского персонала – 270 тыс. чел., врачей – около 40 тыс. чел. Наблюдается высокая межрегиональная дифференциация в оплате труда работников социальной сферы и средней заработной платы по субъектам Федерации, которая отличается в 1,5–2,8 раза [2-5], что приводит к миграции медицинских работников в субъекты с высоким уровнем заработной платы (Москва, Санкт-Петербург, Тюмень и т.д.).

По результатам проверок Счетной палаты Российской Федерации в 16 субъектах РФ коэффициент совместительства (индикатор, определяющий соотношение занятых штатных должностей к общему числу работников) был больше 1,7 на одного врача, а в ряде субъектов этот показатель превышает 2-2,1 ставки на одного врача. А в отдельных медучреждениях коэффициент совместительства младшего медперсонала доходит и до 3,3 [6]. Вместе с тем, ст. 284 ТК РФ устанавливает, что «продолжительность рабочего времени при работе по совместительству не должна превышать четырех часов в день». Куда смотрит при этом прокуратура и Росздравнадзор остается большим вопросом.

Ставка оплаты труда медицинского работника в медицинских организациях варьирует в пределах от 10000 до 15000 рублей, что находит свое подтверждение в данных, размещенных на сайте «Реальная зарплата медработника», созданному для осуществления независимого контроля за Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Вместе с тем, по данным, указанным в официальном докладе Министерства здравоохранения РФ за 2015 год «О реализации государственной политики в сфере охраны здоровья за 2015 год», определено, что цели по оплате труда медицинских работников, указанные в «дорожной карте» развития здравоохранения, достигнуты для всех видов медицинского персонала. Данный разброс показателей может быть вызван тем, что Министерство здравоохранения Российской Федерации при подсчете среднемесячной оплаты труда медицинского работника не принимает во внимание объем ставок, которые занимают медицинские работники и, вместе с тем, имеет ввиду заработную плату руководителей медицинских организаций, тогда как согласно Приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 28 марта 2013 г. № 170 «Об установлении предельного уровня соотношения средней заработной платы руководителей и средней заработной платы работников федеральных государственных бюджетных и казенных учреждений, находящихся в ведении Министерства здравоохранения РФ», максимальная пропорция между средней заработной платой руководителя медицинской организации и заработной платой медицинского работника не может превышать 8. По данным же Общероссийского общественного движения «Народный Фронт «ЗА РОССИЮ» по результатам 2014 года максимальные размеры заработной платы главных врачей медицинских учреждений в различных субъектах РФ превышали среднюю заработную плату по региону (а не среднюю заработную плату медицинского работника в данном медучреждении) от 4 до 77 раз. В 2016 году эта пропасть увеличилась до 82 раз.

В Распоряжении Правительства РФ от 28 декабря 2012 г. № 2599-р об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения» (далее – «Дорожная карта») указано, что повышение качества медицинских услуг невозможно без высококлассных специалистов. Более того в данном распоряжении определялись принципы реформирования системы оплаты труда медицинских работников и целевые показатели по повышению уровня заработной платы врачей до 200 %, а среднего и младшего медперсонала до 100 % от средней заработной платы по субъекту РФ.

В соответствии с Концепцией развития здравоохранения в Российской Федерации до 2020 г. и другими программными документами трендовым направлением в стране является повышение доступности и качества оказания медицинской помощи населению. Сфера здравоохранения требует реформировать механизм предоставления населению медицинских

услуг и приблизить их к мировым стандартам [7, 8]. К 2018 г. согласно данной Концепции должна полностью завершиться процедура перехода всех медицинских работников бюджетных медицинских учреждений на «эффективный контракт». Эффективный контракт – это трудовой договор с работником, в котором конкретизированы его должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов его труда и качества оказанных государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки работников [9, 10]. Конкретные показатели критериев оценки эффективности деятельности врача определяются руководителем учреждения здравоохранения с учетом численности, плотности, возрастно-полового состава населения, уровня заболеваемости, географических и иных особенностей и должны быть четко измеримы [11]. Основные подходы и критерии оценки эффективности деятельности учреждений, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников изложены в приложении к Приказу Минздрава России от 28 июня 2013 г. № 4212.

По ст. 284 ТК РФ ежедневная предельная продолжительность рабочего времени при работе по совместительству не может превышать четырех часов. Для медицинских работников установлены другие правила. Согласно постановлению Правительства РФ от 12 ноября 2002 г. № 813 «О продолжительности работы по совместительству в организациях здравоохранения медицинских работников, проживающих и работающих в сельской местности и в поселках городского типа» она не должна превышать восемь часов в день и 39 часов в неделю, то есть Врач на селе может работать по 16 часов в день, но не более 79 часов в неделю!!! Для врачей же крупных населенных пунктов ограничений по загруженности и совместительству просто нет.

К проблемам внедрения эффективных контрактов в практику здравоохранения России можно отнести:

1) Основным условием эффективного контракта должно являться определение такой базовой оплаты труда (без стимулирующих надбавок, которые субъективно определяет главный врач в каждом медучреждении по своему), которая даст врачу возможность достаточно зарабатывать на одном рабочем месте, не размениваясь на дополнительные подработки.

2) В эффективном контракте и нормативных актах министерства здравоохранения вообще не указывается, что базовым критерием эффективности врача – является выздоровление больного, выявление болезни на ранней стадии, либо же предупреждение заболевания. Этот критерий забыт [12].

3) Реальный уровень заработной платы в 2015 г. в среднем в 2 раза ниже, чем те показатели, о которых рапортует Министерство здравоохранения. Вызывает обоснованные вопросы структура заработной платы с приоритетом стимулирующих выплат, когда вопрос о 50% дохода медицинского работника ставится *de facto* на усмотрение главного врача, по критериям, которые он сочтет нужными. Идея экономического управления врачебной деятельностью, осуществляемая последние десятилетия, фактически доказала свою несостоятельность относительно врачебного труда [12].

4) Переход в 2013 г. на подушевой принцип финансирования медицинских учреждений, согласно которому размер финансирования медорганизаций определяется количеством пациентов, в большей степени привел к росту нагрузки на медработника, а не на повышение качества оказываемых им услуг [13].

5) С переходом к одноканальному финансированию здравоохранения из средств ОМС большие проблемы возникают при оказании медицинской помощи не застрахованному контингенту. В отдельных регионах его процент доходит до 12-15% [14], соответственно медицинские учреждения и врачи не получают до десятой доли своей заработной платы.

В связи с вышеизложенным, для устранения пробелов в регулировании эффективных контрактов медицинских работников мы предлагаем:

1) Базовую часть заработной платы в эффективном контракте указать в размере 70%, а уже стимулирующие выплаты оставить на усмотрение главного врача медицинской организации.

2) Среднюю почасовую заработную плату врачей и иных медицинских работников привязать к средней почасовой оплате труда по субъекту РФ, и привести ее в соответствие с майскими указами Президента Российской Федерации 2012 г. относительно повышения уровня заработной платы врачей до 200 %, а среднего и младшего медперсонала до 100 % от средней заработной платы по субъекту РФ.

3) Базовым критерием стимулирующей части (не менее 50%) должно стать выздоровление больного, выявление болезни на ранней стадии, либо же предупреждение заболевания.

4) Мы полагаем необходимым на уровне трудового кодекса РФ запретить совместительство более чем на 0,5 ставки (то есть не допускать коэффициент совмещения более 1,5). Так как каждый час по окончании восьмичасового рабочего дня повышает вероятность ошибки врача и другого медицинского персонала.

5) Необходимо в срочном порядке в обязанности главы территориального ФОМС включить полное страховое покрытие проживающего на территории субъекта контингента (по данным Росстата), а в отношении иностранных граждан, пролеченных без страховки – законодательно установить положение об их обязательной депортации без права пересечения границы Российской Федерации в течение 5 лет.

7) Основной проблемой по внедрению и использованию эффективных контрактов в здравоохранении является то что, каждое учреждение здравоохранения должно разрабатывать свою систему эффективного контракта [12], тогда как, по нашему мнению, этот вопрос должен быть разрешен Минздравом для каждого типа медицинских организаций и не представляет особой сложности. Тем более введение единых федеральных стандартов устранил основания для перетока медицинских кадров из периферии в города-миллионники.

Библиографические ссылки

1. Мигунова Ю.В. Проблемы и противоречия кадрового обеспечения медицинских организаций // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 10. С. 47-51.
2. Молотков Ю.И., Тоцкая Е.Г. Контрактная система оплаты труда как инструмент управления развитием медицинских организаций в субъектах Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 47 (422). С. 32-46.
3. Миронов С.П., Арутюнов А.Т., Егорова И.А. и др. Сравнительная количественная оценка эффективности деятельности поликлиник Управления делами Президента Российской Федерации // Кремлевская медицина. Клинический вестник. 2008. № 2. С. 69-79.
4. Стародубов В.И. Проблемы трансформации существующих систем оплаты труда в целях внедрения эффективного контракта в здравоохранение // Менеджер здравоохранения. 2013. № 2. С. 6-15.
5. Стародубов В.И. Эффективный контракт в здравоохранении: возможности и риски // Менеджер здравоохранения. 2013. № 3. С. 6-15.
6. Калабина Е.Г. Политика стимулирующей оплаты труда в бюджетных медицинских учреждениях // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 120-128.
7. Бирюкова Н.Б. Инновационные аспекты управления системой здравоохранения современной России. Национальная практика и международный опыт : монография. М. : Экслибрис-Пресс, 2007.
8. Вякина И.В., Александров Г.А. Модернизация российской экономики: проблемы и решения // Российское предпринимательство. 2010. № 8-2. С. 19-23.

9. Расторгуева Т.И., Щепин В.О. Перспективная модель управления человеческими ресурсами медицинского учреждения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2009. № 1. С. 27-31.
10. Нестеров С.Е. Переход на эффективный контракт // Оплата труда в государственном (муниципальном) учреждении: бухгалтерский учет и налогообложение. 2013. № 11. С. 18-28.
11. Гусева С.Л. Совершенствование управления человеческими ресурсами как стратегический императив лечебного учреждения // Организационные основы кадровой политики в здравоохранении Российской Федерации : сборник научных трудов ФГУ «ЦНИИОИЗ Росздрава». М., 2012. С. 30-40.
12. Сибурина Т.А. Мобилизация творческого потенциала врачебных кадров – стратегическое направление кадровой политики в здравоохранении // Социальные аспекты здоровья населения. 2016. Т. 50. № 4. С. 10.
13. Акишкин В.Г., Зверев В.В., Набиев Р.А. Теоретико-концептуальные основы повышения эффективности регулирования трудовых отношений в медицинских организациях // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. № 1. С. 18-27.
14. Романчук И.Г. Оплата труда и мотивация медицинского персонала в условиях перехода на эффективный контракт // Управленческое консультирование. 2014. № 10 (70). С. 95-101.

References

1. Migunova Yu.V. Problemy i protivorechiya kadrovogo obespecheniya medicinskih organizacij (Problems and Contradictions of Staffing of Medical Organizations), *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2017, No. 10, pp. 47-51.
2. Molotkov Yu.I., Tockaya E.G. Kontraktnaya sistema oplaty truda kak instrument upravleniya razvitiem medicinskih organizacij v sub"ektah Rossijskoj Federacii (Contract System of Remuneration as a Tool of Management of Development of Medical Organizations in the Constituent Entities of the Russian Federation), *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika*, 2015, No. 47 (422), pp. 32-46.
3. Mironov S.P., Arutyunov A.T., Egorova I.A. i dr. Sravnitel'naya kolichestvennaya ocenka ehffektivnosti deyatel'nosti poliklinik Upravleniya delami Prezidenta Rossijskoj Federacii (Comparative Quantitative Assessment of the Effectiveness of the Clinics of the Office of the President of the Russian Federation), *Kremlevskaya medicina. Klinicheskij vestnik*, 2008, No. 2, pp. 69-79.
4. Starodubov V.I. Problemy transformacii sushchestvuyushchih sistem oplaty truda v celyah vnedreniya ehffektivnogo kontrakta v zdravooohranenie (The Problems of Transformation of Existing Wage Systems in Order to Implement a Performance-Based Contract of Employment in Health Care Service), *Menedzher zdravooohraneniya*, 2013, No. 2, pp. 6-15.
5. Starodubov V.I. Effektivnyj kontrakt v zdravooohranenii: vozmozhnosti i riski (Performance-Based Contract of Employment in Health Care Service: Advantages and Risks), *Menedzher zdravooohraneniya*, 2013, No. 3, pp. 6-15.
6. Kalabina E.G. Politika stimuliruyushchej oplaty truda v byudzhethnyh medicinskih uchrezhdeniyah (The Policy of Incentive Pay in Budgetary Medical Institutions), *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2016, No. 1, pp. 120-128.
7. Biryukova N.B. Innovacionnye aspekty upravleniya sistemoy zdravooohraneniya sovremennoj Rossii. Nacional'naya praktika i mezhdunarodnyj opyt (Innovative Aspects of Health Care System Management in Modern Russia. National Practice and International Experience), monografiya. Moscow, Ekslibris-Press, 2007.
8. Vyakina I.V., Aleksandrov G.A. Modernizaciya rossijskoj ehkonomiki: problemy i resheniya (Modernization of the Russian Economy: Problems And Solutions), *Rossijskoe predprinimatel'stvo*, 2010, No.8-2, pp. 19-23.
9. Rastorgueva T.I., SHCHepin V.O. Perspektivnaya model' upravleniya chelovecheskimi resursami medicinskogo uchrezhdeniya (Perspective Model of Human Resources Management of Medical Institutions), *Problemy social'noj gigieny, zdravooohraneniya i istorii mediciny*, 2009, No. 1, pp. 27-31.
10. Nesterov S.E. Perekhod na ehffektivnyj kontrakt (Transition to a Performance-Based Contract of Employment), *Oplata truda v gosudarstvennom (municipal'nom) uchrezhdenii: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie*, 2013, No. 11, pp. 18-28.

11. Guseva S.L. Sovershenstvovanie upravleniya chelovecheskimi resursami kak strategicheskij imperativ lechebnogo uchrezhdeniya (Improvement of Human Resources Management as a Strategic Imperative of Medical Institutions), *Organizacionnye osnovy kadrovoj politiki v zdravooohranenii Rossijskoj Federacii*, sbornik nauchnih trudov. M., 2012, pp. 30-40.
12. Siburina T.A. Mobilizaciya tvorcheskogo potenciala vrachebnyh kadrov – strategicheskoe napravlenie kadrovoj politiki v zdravooohranenii (Mobilization of Creative Potential of Medical Staff is a Strategic Direction of Personnel Policy in Health Care), *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 2016, No. 4, pp. 10.
13. Akishkin V.G., Zverev V.V., Nabiev R.A. Teoretiko-konceptual'nye osnovy povysheniya ehffektivnosti regulirovaniya trudovyh otnoshenij v medicinskih organizacijah (Theoretical and Conceptual Basis for Improving the Efficiency of Regulation of Labor Relations in Medical Organizations), *Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2018, No. 1, pp. 18-27.
14. Romanchuk I.G. Oplata truda i motivaciya medicinskogo personala v usloviyah perekhoda na ehffektivnyj kontrakt (Remuneration and Motivation of Medical Staff in the Conditions of Transition to a Performance-Based Contract of Employment), *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, 2014, No. 10, pp. 95-101.

Дата поступления: 14.05.01.2018

Received: 14.05.2018

УДК 347.6

**ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА КАК ФАКТОР
ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИКИ**

ДАВЫДОВА Екатерина Александровна
адъюнкт адъюнктуры, кафедры теории и истории государства и права, Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования “Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации”, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: edavydova81@mail.ru

**THE RULE OF LAW AS A FACTOR OF
INNOVATIVE ECONOMIC
DEVELOPMENT**

DAVYDOVA Ekaterina Aleksandrovna
Postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: edavydova81@mail.ru

Актуальной задачей юридической науки является поиск правовых факторов и условий, способствующих переходу российской экономики на инновационный путь развития. Реализация принципа верховенства права рассматривается в качестве одного из таких факторов. Проанализировано влияние верховенства права на инновационное развитие, доказана его адаптация в странах континентального права (на примере Германии). Значимым аспектом верховенства права в инновационном развитии является его роль в формировании трех необходимых правовых элементов инновационной экономики: регламентированной институцио-

An urgent task of modern jurisprudence is searching for legal factors and conditions that contribute to the transition of the Russian economy to an innovative development path. The implementation of the rule of law is seen as one of such factors. The author analyzes the influence of the rule of law on innovative development and proves its adaptation in the countries of continental law (on the example of Germany). The main role of the rule of law in innovative development consists in formation of three necessary legal elements of the innovative economy: a regulated institutional envi-

нальной среды, взаимосвязанных нормативных правовых средств и судебной практики по вопросам инновационной деятельности. В Российской Федерации реализации принципа верховенства права уделяется незаслуженно мало внимания, что препятствует становлению и эффективности экономических, правовых и общественных институтов.

Ключевые слова: верховенство права, правовое государство, инновационная экономика, институты, регулирование, факторы, развитие.

ronment, interrelated normative means and judicial practice on innovation issues. In the Russian Federation, the principle of the rule of law is given undeservedly little attention, which impedes effective functioning of economic, legal and public institutions.

Key words: rule of law, rule-of-law state, innovative economy, institutions, regulation, factors, development.

Ориентация на инновационное развитие экономики провозглашена в стратегических и программных документах Российской Федерации [5; 6] как один из наиболее эффективных путей решения социальных и экономических проблем, преодоления кризисов и обеспечения конкурентоспособности России на международной арене. Поэтому поиск факторов, определяющих возможности и условия преобразования российской экономики в инновационно-ориентированную, является общественной и научной необходимостью. Опыт стран, имеющих положительную динамику в развитии инновационной экономики, показывает, что основным атрибутом их правопорядка является верховенство права (англ. “The Rule of Law”).

Концепцию “верховенства права”, или “правления права” можно рассматривать как аналог “правовому государству”, закрепленному в ст. 1 Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя. Так, Ф.М. Раянов утверждает, что «в англосаксонской правовой семье правовых систем общественные отношения, соответствующие содержанию понятия “правовое государство”, охватываются понятием “правление права”» [7, с. 25]. Вместе с тем, рассматриваемые идеи возникли независимо друг от друга и развивались параллельно в странах с разными правовыми системами, потому, безусловно, имеют свои особенности. Российские исследователи правового государства объясняют происхождение этого понятия влиянием немецкой концепции “Rechtsstaat”, обозначающей идею, выдвинутую в поздних работах И. Канта (хотя сам мыслитель данный термин еще не использовал). Согласно И. Канту, государство – это объединение людей под началом правовых законов. “Право есть ограничение свободы каждого с условием ее согласия со свободой каждого другого, насколько это возможно по всеобщему закону”. К таким условиям относятся: наличие принудительно осуществляемых законов, гарантированный статус собственности и личных прав индивида, равенство членов общества перед законом, а также разрешение споров в судебном порядке [1, с. 25]. На сегодняшний день однозначной трактовки правового государства не существует, что объясняется сложностью и многогранностью этого явления, а также его постоянной трансформацией под влиянием прогресса и развития общества. Наиболее подробное представление о правовом государстве дает его характеристика через признаки и принципы. Так, в числе признаков правового государства, представленных в российской юридической литературе, верховенство права или правового закона занимает особое место [8]. Его обычно дополняют такие признаки как гарантированность прав и свобод человека и гражданина, связанность власти правом и подчинение ее деятельности интересам общества, обеспечение независимого правосудия, развитое гражданское общество. Данный перечень не является исчерпывающим, но стоит заметить, что любой дополнительный признак вытекает из основного – верховенства права. Таким образом, верховенство права – это фундаментальная характеристика правового государства, без наличия которой говорить о существовании других признаков не представляется возможным.

Понятие “The Rule of Law” впервые появилось в английском праве в начале XVII века в качестве принципа, обозначающего, что право стоит выше, чем формальные установления государства (власти), и в случае возникновения противоречий между внутренними требованиями права и установлениями государства, последние не являются правом, не подлежат исполнению и отменяются судом. В условиях современности “The Rule of Law” также нельзя считать догматическим понятием в силу динамики его развития. Несмотря на то, что данный термин чаще используется в странах общего права и не полностью прояснен даже в таких устоявшихся демократиях как, например, Швеция, Дания, Франция и Германия, отмечается тенденция к восприятию идеи верховенства права государствами с различными правовыми системами. Поскольку идея верховенства права включена в содержание Всеобщей декларации прав человека ООН (1948 г.), Устава Совета Европы (1947 г.), Европейской конвенции по правам человека (1950 г.), можно говорить об ее универсальности и возможностях применения в разных странах, независимо от идеологической основы [11]. Ведущийся в настоящий момент поиск общего языка между юристами стран общего и континентального права имеет решающее значение для исследования взаимосвязи идей “верховенства права” и “правового государства”, а также определения их влияния на экономическое развитие. На современном этапе есть основания утверждать о наличии тенденции конвергенции “верховенства права” и “правового государства”. Данный процесс протекает в форме либерализации изначально сугубо формальной “Rechtsstaat” под влиянием англосаксонской доктрины “The Rule of Law”.

В экономическом аспекте, верховенство права, в первую очередь обозначает создание необходимых правовых условий для функционирования свободного рынка, а также гарантию и защиту прав собственности. Важность верховенства права в успешном экономическом развитии неоднократно подчеркивал лауреат Нобелевской премии по экономике Ф.А. Хайек [12]. В соответствии с его взглядами, фундаментальным вопросом является не столько выяснение пределов вмешательства государства в экономику, сколько характер деятельности государства в этой сфере. Поэтому Ф.А. Хайек предлагал строить экономическую программу вокруг идеи “верховенства права”, как более широкого и общезначимого принципа, чем принятой классической либеральной мыслью идеи “laissez-faire” (принцип невмешательства государства в экономику). Согласно определению Ф.А. Хайека, верховенство права – это метаправовая конструкция, которую было бы неточно определять как свод законов. Высшей инстанцией в ней провозглашается право как таковое, а его требования признаются обязательными для всех членов общества и социальных институтов, включая органы политической власти. Ф.А. Хайек отмечал, что просто признания законом частной собственности и свободы договоров недостаточно. Необходимо, чтобы права собственности получили дифференцированное определение по отношению к различным ее видам. Также важно изучать влияние на эффективность конкуренции разных форм правовых институтов, поскольку серьезные недостатки в этой области (в особенности в законодательстве о корпорациях и о патентах) не только снижают эффективность конкуренции, но и ведут к ее полному угасанию во многих сферах.

Эти утверждения не потеряли актуальность и по сей день. В инновационном развитии экономики правовая поддержка конкуренции и защита интеллектуальной собственности играют ключевую роль, вместе с тем, создание эффективного механизма правового регулирования указанных отношений до сих пор является нерешенной задачей в силу их особенностей. Суть проблемы заключается в следующем: информация, получаемая в ходе разработки инноваций как результат интеллектуальной деятельности, как правило, защищена патентом. Защита новой информации правом интеллектуальной собственности имеет основания, это дает возможность инноватору окупить свои затраты на научные разработки и изобретения и создает стимулы для фирм к участию в инновационной деятельности. Вместе с этим, данный способ решения проблемы имеет свои недостатки, поскольку владелец интеллектуальной собственности получает и монопольную власть на выпуск и распространение своей продукции, а это негативно сказыв-

вается как на ценах и объеме выпускаемой продукции, так и на темпах распространения инноваций. Правовое решение данной проблемы должно быть достаточно гибким, чтобы, с одной стороны, не подавлять рынок инноваций чрезмерным регулированием, а с другой – чтобы эффективно защитить его от давления монополий и недобросовестной конкуренции. На наш взгляд, определить наиболее эффективный подход к правовому регулированию такой сложной ситуации возможно только посредством реализации принципа верховенства права. При помощи правовых средств, регулирующих отношения в сфере интеллектуальной собственности, необходимо искать компромиссное решение данной проблемы. Таким решением, например, может быть ограничение патентной защиты теми или иными сроками.

Таким образом, одним из важных аспектов изучения верховенства права является анализ его влияния на инновационное развитие. В этой связи общими правовыми критериями инновационного развития и его государственной поддержки нам представляются качество и характер национальных методов и средств регулирования этой сферы и эффективность действия права по достижению целей построения инновационной экономики. Так, современные исследователи [3,4] отмечают следующие необходимые элементы инновационного развития:

1) собирательную категорию регламентированных правом институциональных элементов (инновационного процесса, инновационного цикла, инновационной среды, инновационной продукции, инновационной инфраструктуры, инновационной деятельности и пр.);

2) взаимосвязанные нормативные правовые средства, направленные на регулирование сферы инновационной деятельности.

В контексте верховенства права указанные два элемента логично дополняются специальной судебной практикой по вопросам, связанным с инновационным развитием, поскольку именно судебные акты, вступившие в законную силу, реализуют самую важную цель права и предоставляют надежную гарантию защиты прав сторон спорных отношений. Таким образом, значимым аспектом верховенства права в инновационном развитии следует отметить его роль в формировании трех необходимых правовых элементов инновационной экономики: регламентированной институциональной среды, взаимосвязанных нормативных правовых средств и судебной практики по вопросам инновационной деятельности. В качестве практических примеров названных правовых элементов целесообразно указать соответствующие институты и правовые конструкции, активно используемые инновационно-развитыми странами. Например, в Германии, реализуется комплекс федеральных стратегий, правовые конструкции которых определяют долговременные направления инновационного развития. В частности, в Стратегии 158 о социально-экологической рыночной экономике развития Германии [9] определены руководящие принципы проектирования национального развития, в том числе и в инновационной сфере. К ним относятся:

1. Принцип поддержки верховенства права. В документе указано, что экономическое развитие требует создания правовых основ, которые включают обязательность подчинения норм и действий государства верховенству права. Кроме того отмечено, что устойчивая экономическая деятельность предполагает приверженность правопорядку, а эффективно действующая судебная система дает всем представителям частного сектора справедливую основу для участия в экономическом процессе. Неотъемлемыми компонентами любой эффективной экономики являются обеспечение прав человека и равных возможностей для участия в экономической деятельности;

2. Принцип укрепления частного сектора. Любая экономика должна строиться на инициативе частного сектора, вместе с тем, государство является частью согласованной стратегии развития. Задача государства заключается в обеспечении общественных благ (например, образование, здравоохранение). Кроме того, государство несет политическую ответственность за результаты любой реформы. При сотрудничестве между государством, ассоциациями и бизнесом должен учитываться принцип субсидиарности: государство должно

выполнять только те задачи, которые частный сектор не может осуществлять более эффективно;

3. Улучшение условий для рыночной экономики. Конкуренция является наиболее эффективным инструментом развития экономики. Для предотвращения тенденций к монополизации государство должно создать условия, которые поощряют прозрачность рынка и свободный доступ на рынок. Важно также учитывать законные интересы потребителей в отношении качества продукции. Таким образом, потребительская защита является ключевой задачей государства;

4. Ориентация экономики на будущее. Успешный рост национальных экономик все больше основывается на знаниях, технологиях и инновациях, следовательно, задача любого правительства – вести диалог с обществом о проблемах будущего. Этот диалог должен быть реализован в сотрудничестве с бизнесом, наукой и гражданским обществом. Важно, чтобы власть осознавала ожидаемые структурные изменения и возможные модели развития на ранней стадии и могла направить ресурсы (например, финансирование) в эти области. Таким образом, экономические секторы с большим потенциалом на будущее, но в текущий момент неконкурентоспособные на мировом рынке, могут представлять собой исключение из политики либерализации, государство должно применять к ним временные меры поддержки;

5. Создание социального партнерства. Двумя важными аспектами социального партнерства являются капитал и труд. Поэтому профессиональные союзы работников и гражданское общество должны иметь право голоса в диалоге экономической политики наряду с бизнес-ассоциациями. Свобода слова и право организовывать профсоюзы жизненно необходимы для сбалансирования противоречивых интересов и играют важную роль в сохранении социальной гармонии.

Достаточно полно принцип верховенства права раскрыт в Стратегии 178 содействия надлежащему управлению в политике развития Германии [10]. Так, в документе отмечено, что право и справедливость являются основой для свободного, но регулируемого взаимодействия всех заинтересованных сторон в обществе. Право – это инструмент управления общественными, политическими и экономическими процессами. Верховенство права предполагает государственную монополию на применение силы, в то же время, оно подразумевает принцип разделения властей, включая независимую судебную систему, а также признание и обеспечение прав человека. Обязанность государственных органов соблюдать закон и элементы, относящиеся к организации государства (например, разделение властей), важны в первую очередь в контексте процессов государственного развития. Верховенство права также является важным фактором в улучшении инвестиционного климата и содействия росту благосостояния населения. Целью обеспечения верховенства права должно стать усиление роли права как рулевого инструмента в обществе и как инструмента защиты личности.

Таким образом, разработка и реализация в Германии комплекса федеральных стратегий, положения которых определяют главные правовые институты и долговременные направления инновационного развития с приоритетом принципа верховенства права, свидетельствует об адаптации принципа верховенства права в данной стране и принятии его в качестве одного из факторов инновационного развития. Схожие стратегические правовые документы реализуются и в других инновационно-развитых странах. В Российской Федерации проблемные аспекты, цели и задачи инновационного развития также закреплены в различных документах стратегического планирования, среди которых следует отметить Стратегию инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р, разработанную на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации и в соответствии с Федеральным законом от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ “О науке и государственной научно-технической политике” [5]. Вместе с тем следует от-

метить, что идее верховенства права в нашей стране уделяется незаслуженно мало внимания. Противники перенесения в Россию рыночных и демократических институтов, как правило, ссылаются на невозможность их адаптации на российской почве, указывая на “особый путь” развития России. На наш взгляд, создание эффективных рыночных и демократических институтов - это первоочередная задача на пути к инновационной экономике, но они, действительно, не смогут успешно функционировать без верховенства права. Экономический успех предполагает взаимное доверие между властью, обществом и бизнесом, но такое доверие не возникнет без прочных правовых гарантий, без создания стабильных, устойчивых и продуманных «правил игры». Инновационный сектор экономики особенно чувствителен к рискам, поскольку его проекты ориентированы на будущее и имеют длительный срок окупаемости. Трудно представить себе предпринимателей, готовых вкладывать средства в такой бизнес в стране, где плохо реализуются гарантии прав собственности. Инновационные проекты невозможны без инвестиций, а инвестиции - это еще один элемент, который не может существовать без институциональной среды и правовой инфраструктуры.

Согласимся с утверждением, что существует определенная положительная корреляция между реализацией принципа верховенства права и экономическим развитием тех стран, где эта идея принята в качестве основополагающей [2, с. 160]. С позиции экономики, верховенство права – это не просто абстрактный правовой идеал. Это необходимое условие и инструмент, позволяющие обществу эффективно достигать поставленных экономических целей, адаптироваться к вызовам динамично изменяющейся реальности, сглаживать социальные противоречия и противостоять кризисам и стагнации. Таким образом, выбор между поддержкой идеи верховенства права и отказом от нее – это выбор между экономически эффективным и неэффективным общественным устройством.

Библиографические ссылки

1. Беляева О.М. Политико-правовые воззрения И. Канта // Вестник Пермского университета. 2014. № 1(23). С. 23-28.
2. Верховенство права как фактор экономики: международная коллективная монография / под ред. Е.В. Новиковой, А.Г. Федотова, А.В. Розенцвайга, М.А. Субботина. М. : Мысль, 2013.
3. Волынкина М.В. Инновационное законодательство России. М. : Аспект, 2005.
4. Городов О.А. Правовая инноватика. Правовое регулирование инновационной деятельности. СПб. : ООО «Университетский издательский консорциум Юридическая книга», 2008.
5. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/03/innov-razvitie-site-dok.html> (дата обращения: 03.02.2018).
6. Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.consultant.ru/page.aspx?986081> (дата обращения: 03.02.2018).
7. Раянов Ф.М. Теория правового государства: проблемы модернизации : монография. Уфа : АН РБ, Гилем, 2010.
8. Соколов А.Н. Котковский Л.Э. О принципах правового государства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9. С. 71-81.
9. Strategie 158. Social and Ecological Market Economy Principles in German Development Policy. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmz.de/en/publications/archiv/type_of_publication/strategies/konzept158.pdf (дата обращения: 12.02.2018).

10. Strategies 178. Promotion of Good Governance in German Development Policy [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmz.de/en/publications/archiv/type_of_publication/strategies/konzept178.pdf (дата обращения: 12.02.2018).
11. Ударцев С. Ф. Темирбеков Ж.Р. Концепции «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. С. 5-16.
12. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству / пер. с англ. М. : Новое издательство, 2005.

References

1. Beljaeva O.M. Politiko-pravovye vozzrenija I. Kanta (Politico-legal Views of I. Kant), *Vestnik Permskogo universiteta*, 2014, No. 1(23), pp. 23-28.
2. Novikova E.V., Fedotov A.G., Rozentsvaig A.V, Subbotin M.A. Verkhovenstvo prava kak faktor ekonomiki: mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya (The Rule of Law as a Factor of the Economy: International Collective Monograph). Moscow, *Mysl'*, 2013.
3. Volynkina M. V. Innovatsionnoe zakonodatel'stvo Rossii (Innovative Legislation of Russia). Moscow, *Aspekt*, 2005.
4. Gorodov O. A. Pravovaya innovatika. Pravovoe regulirovanie innovatsionnoi deyatel'nosti (Legal innovation. Legal Regulation of Innovation Activity). SPb, *ООО "Universitetskii izdatel'skii konsortium Yuridicheskaya kniga"*, 2008.
5. Ob utverzhdenii Strategii innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (Order of the Government of the Russian Federation "On the Approval of the Strategy for Innovative Development of the Russian Federation for the Period to 2020"). Available at: <http://www.rg.ru/2012/01/03/innov-razvitie-site-dok.html> (Accessed 3 February 2018).
6. Ob utverzhdenii Konceptii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda (Order of the Government of the Russian Federation "On the Approval of the Concept of Long-Term Social and Economic Development of the Russian Federation for the Period to 2020"). Available at: <http://government.consultant.ru/page.aspx?986081>. (Accessed 3 February 2018).
7. Rayanov F.M. Teoriya pravovogo gosudarstva: problemy modernizatsii: monografiya (Theory of the Rule-of-Law State: Modernization Problems: Monograph), Ufa, *AN RB, Gilem*, 2010.
8. Sokolov A.N. Kotkovskii L.E. O printsipakh pravovogo gosudarstva (On the Principles of the Rule-of-Law State), *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2013, No. 9, pp. 71-81.
9. Strategie 158. Social and Ecological Market Economy Principles in German Development Policy. Available at: https://www.bmz.de/en/publications/archiv/type_of_publication/strategies/konzept158.pdf (accessed 12 February 2018).
10. Strategies 178. Promotion of Good Governance in German Development Policy. Available at: https://www.bmz.de/en/publications/archiv/type_of_publication/strategies/konzept178.pdf (accessed 12 February 2018).
11. Udartsev S. F. Temirbekov Zh.R. Kontseptsii «Rule of Law» («verkhovenstvo prava») i «Rechtsstaat» («pravovoe gosudarstvo»): sravnitel'nyi analiz (Concepts "Rule of Law" and "Rechtsstaat": Comparative Analysis), *Gosudarstvo i pravo*, 2015, No. 5, pp. 5-16.
12. Hayek F.A. fon. Doroga k rabstvu (The road to Slavery), per.s angl., Moscow, *Novoe izdatel'stvo*, 2005.

Дата поступления: 28.03.2018

Received: 28.03.2018

УДК 338.48

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ
РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ****ГОРОХОВА Светлана Сергеевна**

*кандидат юридических наук, доцент, доцент
Департамента правового регулирования эконо-
мической деятельности ФГБОУ ВО «Фи-
нансовый университет при Правительстве
Российской Федерации», г. Москва, Россия.
E-mail: swettalana@yandex.ru*

ПОПОВА Анна Владиславовна

*доктор юридических наук, кандидат фило-
софских наук, доцент, профессор кафедры
теории государства и права Института
права ФГОУ ВО «Башкирский государствен-
ный университет»; профессор Департамен-
та правового регулирования экономической
деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый уни-
верситет при Правительстве Российской
Федерации»; профессор кафедры конститу-
ционного права Института права и нацио-
нальной безопасности ФГБОУ ВО «Россий-
ская академия народного хозяйства и госу-
дарственной службы при Президенте Рос-
сийской Федерации», г. Москва, Россия.
E-mail: anna0710@yandex.ru*

Государственное стратегическое планирова-
ние в сфере развития туризма в Российской
Федерации на 2017-2020 годы охватывает и
основные аспекты Государственной програм-
мы развития курортов и туризма в Республике
Крым, что в последнее время приобретают
особую актуальность. Это делает необходи-
мым анализ современного состояния курорт-
но-туристического комплекса Республики
Крым, выявление ключевых направлений «до-
рожной карты» развития туризма в данном ре-
гионе, изучение целевых индикаторов и пока-
зателей развития курортов и туризма, опреде-
ленные Государственной программой разви-
тия курортов и туризма в Республике Крым.

**TO THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF
IMPLEMENTING THE STATE
PROGRAM OF TOURISM
DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF
CRIMEA****GOROKHOVA Svetlana Sergeevna**

*Candidate of Sciences (Law), Associate Pro-
fessor, Assistant Professor of the Department
of Legal Regulation of Economic Operations of
the FSEBI HE "Financial University under the
Government of the Russian Federation", Mos-
cow, Russia. E-mail: swettalana@yandex.ru*

POPOVA Anna Vladislavovna

*Doctor of Law, Candidate of Sciences (Philos-
ophy), Associate Professor, Professor of the
Chair of Theory of State and Law of the Insti-
tute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State
University"; Professor of the Department of
Legal Regulation of Economic Operations of
the FSEBI "Financial University under the
Government of the Russian Federation"; Pro-
fessor of the Department of Constitutional Law
of the Institute of Law and National Security of
the FSEBI HE "Russian Presidential Academy
of National Economy And Public
Administration", Moscow, Russia.
E-mail: anna0710@yandex.ru*

State strategic planning in the sphere of tourism
development in the Russian Federation for
2017-2020 covers the main aspects of the State
Program for the Development of Resorts and
Tourism in the Republic of Crimea, which have
recently become especially relevant. In this re-
gard, it becomes necessary to analyze the cur-
rent state of the resort and tourist complex of
the Republic of Crimea, identify key areas of
the "road map" for tourism development in the
region, study target indicators and indicators
for the development of resorts and tourism, as
defined by the State Program for the Develop-
ment of Resorts and Tourism in the Republic of
Crimea.

Ключевые слова: республика Крым, туризм, государственная стратегия, дорожная карта развития туризма, целевые индикаторы и показатели развития курортов и туризма.

Key words: Republic of Crimea, tourism, state strategy, road map for tourism development, target indicators and indicators of the development of resorts and tourism.

В период экономического кризиса, вызванного, в том числе и международными санкциями, введенными в отношении России в связи с присоединением к нашему государству новых субъектов, а именно, Республики Крым и Города федерального значения Севастополя, Российская Федерация, с одной стороны, не может не думать о всесторонних путях преодоления сложившейся непростой экономической ситуации (в том числе, и путем дальнейшего развития внутреннего и въездного туризма), с другой стороны, государство озабочено вопросами скорейшей интеграции ее новых субъектов в правовое и экономическое поле страны, а также их переходом из разряда «субъектов-реципиентов», в экономически самостоятельные регионы, а в дальнейшем, возможно и выходом на позиции «субъектов-доноров», если понимать под этим определением такое экономическое положение, при котором максимальное и эффективное использование их природных, экономических, трудовых и иных ресурсов, приведет не только к самоокупаемости, но и позволит передавать часть доходов на развитие других, менее успешных регионов.

Именно поэтому, не пренебрегая и иными сферами жизнедеятельности и хозяйствования новых субъектов нашего государства, одним из приоритетных направлений развития экономики республики Крым и города Севастополя, стала инновационная трансформация курортного и туристического дела указанных регионов. Так, согласно Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 31 мая 2014 года [2], в настоящее время в России большое внимание уделяется государственной политике в сфере внутреннего и въездного туризма. Кроме того, обновленные задачи стоят перед сферой туристских услуг в связи с вхождением в состав нашего государства новых субъектов – Республики Крым и г. Севастополя. Сегодня, задача интеграции этих регионов в систему управления сферой туризма Российской Федерации, смягчения негативных эффектов переходного периода и обеспечения развития туризма, а также повышения качества жизни местного населения, является одной из наиболее насущных. Традиционно популярные места отдыха россиян в Крыму увеличивают привлекательность внутреннего туризма, это, в свою очередь, требует от органов исполнительной власти в сфере туризма дополнительных усилий по обеспечению качества услуг и комфортности объектов туристской инфраструктуры, безопасности туристов, создания рабочих мест и увеличения вклада туризма в бюджет Российской Федерации.

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 г., отмечая, что Крым, благодаря своим природно-климатическим качествам является привлекательным местом проведения отдыха, констатирует, что сегодня на территории Крыма расположено 825 санаторно-курортных организаций и гостиниц, из них 151 – предоставляет специализированное санаторно-курортное лечение, 316 объектов оказывают услуги оздоровительного характера, остальные 358 – услуги по временному размещению. Постановление Совета министров Республики Крым от 29.12.2016 № 650 (ред. от 04.08.2017 г.) "Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017 – 2020 годы", правда, приводит несколько иные цифры, указывая, что на территории Республики расположено 767 коллективных средств размещения (санаторно-курортных и гостиничных учреждений) общей вместимостью 156,5 тыс. мест, из которых 148 учреждений предоставляют санаторно-курортное лечение, 213 объектов предоставляют услуги оздоровительного характера, остальные 406 учреждений – услуги по временному размещению. То есть, по данным федеральных органов власти, санаторно-курортных организаций и гостиниц в Крыму,

на 58 позиций больше, чем по сведениям региональных властей. Имеются разночтения и по другим статистическим позициям, например, по количеству крымских здравниц и др.

Очевидными негативными моментами, характеризующими современное состояние курортно-туристической сферы Республики Крым является: 1) политическая ситуация в Украине, приведшая к потере туристического потока с ее территории, причем нужно констатировать что данная проблема вряд ли устранима в ближайшие годы; 2) неудовлетворительное состояние значительного числа туристических и курортных объектов, большинство из которых изношены на 70-90%, однако, при этом, как указывает Постановление Совета министров Республики Крым от «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017 – 2020 годы», сохранился уникальный опыт и традиции санаторного лечения и оздоровления граждан (очевидно, здесь следует выразить надежду на то, что имеется в виду не уникальный опыт и традиции лечения и оздоровления граждан в ветхих строениях на устаревшем оборудовании); 3) оборудование пляжей, не отвечающих требованиям санитарии, гигиены и безопасности отдыхающих; 4) кадровый дефицит, который обосновывается (по мнению регионального руководства) отсутствием качественного профильного образования, а также нежеланием тех, кто уже работает, учиться чему-то новому; 5) условная транспортная доступность региона, если говорить о воздушных и наземных путях, минующих территорию Украины, и другие негативные моменты. Основным путем преодоления указанных проблем, а также механизмам решения поставленных задач в деле совершенствования туристического обслуживания гостей Республики Крым и повышения экономической отдачи от данного вида деятельности, посвящен п. 7 Раздела V Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года. Согласно данному пункту, в краткосрочной перспективе необходимо будет разработать «дорожную карту» развития туризма в Республике Крым, ключевыми точками которой станут вопросы:

- разработки организационно-экономических механизмов, обеспечивающих снижение стоимости туристско-рекреационных продуктов, продвижение туристско-рекреационных продуктов и услуг в России и за рубежом, а равно поддержку деятельности туристско-рекреационных предприятий малого и среднего бизнеса за счет предоставления разнообразных преференций, использования принципов государственно-частного партнерства;

- обеспечения сохранения и возможного роста занятости в сфере туризма, ликвидации задолженностей по заработной плате работникам туристической отрасли, и ее стабильного увеличения;

- стандартизации качества услуг в соответствии с отечественными и зарубежными требованиями;

- безопасности туристско-курортной сферы;

- интеграции профильного туристского образования Республики Крым в общероссийскую образовательную систему;

- проведения масштабной информационно-рекламной кампании, направленной на восстановление и укрепление имиджа Республики Крым как безопасного, комфортного, и доступного для отдыха и оздоровления региона.

Принимая во внимание вышеизложенные стратегические направления деятельности, Совет Министров Республики Крым 29 декабря 2016 г., утвердил уже упомянутую нами ранее Государственную программу развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017 – 2020 гг. Анализируя данный документ, в целом, можно констатировать, что в части постановки задач, он, по сути, повторяет пункты «дорожной карты» федеральной Стратегии развития туризма, поэтому, полагаем, подробно останавливаться на них не имеет смысла. Однако, небезынтересно обратить внимание на формулировку некоторых целевых индикаторов и показателей данной Программы, направленной, в первую очередь, на формирование современной, отвечающей международным стандартам, туристско-рекреационной базы региона с раз-

нообразием и высоким качеством туристических услуг. Так, среди прочего, в числе этих самых индикаторов названы: количество койко-мест в круглогодичных средствах размещения; налоговые поступления от деятельности туристического комплекса; количество действующих туристских информационных центров; количество изготовленных знаков туристской навигации; выставок и иных подобных мероприятий; количество разработанных туристских маршрутов; и другие.

Поскольку формат статьи, к сожалению, не позволяет исследовать все положения Государственной программы развития курортов и туризма в республике Крым на 2017 – 2020 гг. в полном объеме, хотелось бы отметить, что все это, безусловно, важные позиции, хотя масштабность их и вызывает определенные сомнения, однако, на наш взгляд, главной проблемой подобной индикации является даже не это, а то что, большинство представленных пунктов делают упор на количественный, а не качественный критерий оценивания предполагаемых результатов реализации Программы. Количество, несомненно, тоже важно, тем не менее, полагая, довольно трудно будет убедить современного российского туриста (не говоря уже о туристе-иностранце), привыкшем в последние годы к комфортабельному отдыху за рубежом, в том, что увеличение количества «койко-мест», это именно то, что будет способствовать его приятному и безопасному отдыху в данном регионе. К слову сказать, о повышении уровня безопасности отдыхающих, в утвержденном перечне индикаторов реализации программы не говорится ни слова. А ведь безопасность, это то, что волнует практически любого человека, как на работе, так и во время своего заслуженного отдыха. Те же, кто предпочитает экстремальный туризм, также, полагая, не выберут Крым. Тем более, что упомянутая Государственная программа вообще не планирует развивать экстремальный туризм на территории республики, указывая, что Крым располагает всеми ресурсами, необходимыми для развития следующих видов туризма: 1) медицинского и оздоровительного; 2) культурно-познавательного; 3) событийного; 4) пешеходного; 5) велосипедного; 6) подводного; 7) конного; 8) этнографического; 9) спортивного; 10) круизному. Как видим, экстремальный туризм здесь прямо не назван, хотя целый ряд из перечисленных направлений (пеший, подводный, конный, велосипедный, спортивный, да и событийный тоже, если принять во внимание большое стечение народа, привлеченного тем или иным событием, а значит, и повышение вероятности наступления разноплановых неблагоприятных ситуаций), с очевидностью сопряжен с повышенной степенью опасности для отдыхающих, а значит, требует и соответствующих (адекватных) мер обеспечения безопасности.

Еще одним важным моментом, на который стоит обратить внимание, являются ожидаемые результаты реализации Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017-2020 годы [1]. К ним данный акт относит следующие позиции: а) обеспечение комплексного развития туристических территорий Крыма, в том числе, за счет создания кластеров, напомним, что под таковыми, как правило, понимают объединение организаций, предоставляющих услуги в сфере туризма, имеющее в своем составе мелкие и крупные фирмы, которые постоянно взаимодействуют между собой, и располагаются на единой территории в пределах одного региона [4]; б) диверсификация (то есть, расширение ассортимента оказываемых услуг, переориентация рынков сбыта, освоение новых видов услуг с целью повышения эффективности деятельности и получения экономической выгоды) туристического продукта Республики Крым, ориентированного на различные сегменты туристического рынка; в) увеличение количества предприятий санаторно-курортного и туристического комплекса, работающих круглогодично; г) создание единой туристско-информационной сети Республики Крым; д) продвижение регионального туристского продукта на международном и внутреннем рынке; е) формирование узнаваемого туристского бренда Республики Крым; ж) другое.

В заключение отметим, что, не взирая на значительные сложности современного состояния курортно-туристической сферы Крымского региона, на серьезные риски, прогнози-

руемые в процессе реализации задач поставленных Государственной программой развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017-2020 годы, а также на не достаточно продуманную систему индикации оценки планируемых результатов, полагаем, что воплощение анализируемой Программы в жизнь, с высокой степенью вероятности может привести к положительным результатам, и поднять качество оказания туристических услуг в Республике Крым на новый уровень.

Библиографические ссылки

1. Постановление Совета министров Республики Крым от 29 декабря 2016 г. № 650 «Об утверждении Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017–2020 годы» (в ред. 27.11.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 03.01.2018).
2. Распоряжение Правительства РФ от 31.05.2014 № 941-р (ред. от 26.10.2016 г.) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 03.01.2018).
3. Пономаренко Т.А., Волкова Т.А., Карпова Ю.И. Основные показатели развития санаторно-курортного комплекса Республики Крым и Краснодарского края // Молодой ученый. 2016. № 17. С. 445-450.
4. Шильченко Т.Н. Перспективы развития туристских кластеров в РФ // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2015. № 1 (21). С. 65-70.

References

1. Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 29 dekabrya 2016 g. No. 650 «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoi programmy razvitiya kurortov i turizma v Respublike Krym na 2017–2020 gody» (Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Crimea of December 29, 2016 No. 650 “On the Approval of the State Program for the Development of Resorts and Tourism in the Republic of Crimea for 2017-2020”) (v red. 27.11.2017 g.). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (accessed date: 03.01.2018).
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 31.05.2014 No. 941-r (red. ot 26.10.2016 g.) «Ob utverzhdenii Strategii razvitiya turizma v Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda» (Decree of the Government of the Russian Federation No. 941-r of May 31, 2014 (as amended on October 26, 2016) “On the Approval of the Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation for the Period until 2020”). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (accessed date: 03.01.2018).
3. Ponomarenko T.A., Volkova T.A., Karpova Yu.I. Osnovnye pokazateli razvitiya sanatorno-kurortnogo kompleksa Respubliki Krym i Krasnodarskogo kraja (Main Indicators of the Development of the Sanatorium and Resort Complex of the Republic of Crimea and the Krasnodar Territory), *Molodoi uchenyi*, 2016, No. 17, pp. 445-450.
4. Shil'chenko T.N. Perspektivy razvitiya turistskikh klasterov v RF (Prospects for the Development of Tourist Clusters in the Russian Federation), *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, 2015, No. 1 (21), pp. 65-70.

Дата поступления: 25.04.2018

Received: 25.04.2018

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.
МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

УДК 340

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ
НИКЛАСА ЛУМАНА**

**POLITICAL AND LEGAL VIEWS OF
NIKLAS LUHMANN**

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович

*доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность»,
г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Fonduniver@bk.ru*

SALNIKOV Viktor Petrovich

*Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: History and Modernity", St. Petersburg, Russia
E-mail: Fonduniver@bk.ru*

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна

*доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: vera_borisovna@mail.ru*

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna

*Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: vera_borisovna@mail.ru*

ЩЕПОТКИНА-МАРИНИНА

Татьяна Владимировна

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Национальный исследовательский университет),
г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: shhepotkinat@mail.ru*

SHEPOTKINA-MARININA

Tatyana Vladimirovna

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: shhepotkinat@mail.ru*

Исследуются представления Никласа Лумана о природе явлений: правового и политического. Теоретические положения ученого представляют собой достойные внимания версии современного социологического типа правовопонимания. Рассматриваются центральные вопросы концепции: каким образом право отграничивает себя от иных подсистем общества; власть как центр системных отношений, проблема соотношения права и политики.

This paper is devoted to the study of N. Luhmann's ideas of the nature of legal and political phenomena. Theoretical provisions developed by the researcher represent noteworthy versions of modern sociological type of legal consciousness. The authors review the central issues of the concept: how the law separates itself from other subsystems of society; power as the centre of system relations; the problem of correlation between law and policy.

Ключевые слова: социология, система права, коммуникация, политика, право, контингентность, власть, коммуникация, синкретизм.

Key words: sociology, legal system, communication, politics, law, contingency, power, communication, syncretism.

Никлас Луман (1927-1998) является одним из выдающихся социологов Германии, по праву считается классиком социологии прошлого столетия. В период с 2000 по 2005 гг. были изданы труды Н. Лумана на русском языке («Общество общества» [12], «Реальность массме-

диа» [15], «Власть» [10]), его имя получило известность еще ранее в России, вызвав особый интерес к личности автора и его научным трудам, в том числе подготовку и защиту О.В. Поскопиной докторской диссертации [21; 22; 23; 24; 25].

В работах Никласа Лумана сочетаются широта и сложность анализируемых вопросов, и хотя его труды были созданы достаточно давно, они сохраняют актуальность и в современный период. Автор написал 77 книг и более 200 научных статей. Он пытался описать жизнедеятельность общества как системы. Сегодня созданные им теории обогащают правовую и социологическую науку: предлагаемые конструкции, методологические подходы применимы в исследовании различных видов социальных связей, теоретический аппарат актуален не только для изучения социальной, но и других систем [1; 9; 11; 13; 14; 18; 29; 30].

Теория систем как междисциплинарно интегрированная наука, предложенная ученым, возникла в качестве реакции на удивительное сходство проблем, связанных с понятием системы в разных науках. Теория систем превратилась в интегрирующий фактор научного познания, в том числе в сфере права, позволяющий сбалансировать тенденцию к его все большей дифференциации.

«Предлагаемые им термины (и неожиданные трактовки традиционных концептов) призваны открыть у ученого «третий глаз», заставить его взглянуть на реальность (в том числе правовую – Авт.), в ином комплексе измерений. Щедро вкрапленные в текст понятия «контингентность», «рекурсивность», «автопоэзис» и т.п. сплетаются в причудливый «новояз», шокирующий читателя до тех пор, пока у него постепенно не начинает формироваться образ социальной реальности, рассмотренный под совершенно новым углом зрения, с позиций «наблюдателя второго уровня». Чтобы увидеть эту реальность, мало знать смысл понятий, раскрытый в общетеоретических трудах Лумана. Автор сам вводит читателя в каждую новую область, дает ориентиры и толкования увиденного» [17, с. 136].

В первые годы после Второй мировой войны восстановление немецкой социологии основывалось на попытках возрождения традиции в науке, прерванной нацистской диктатурой. В то время социология права в качестве учебной дисциплины не значилась в вузовских программах. Начиная с 1970 года, социологическая теория стала рассматриваться в контексте противостояния взглядов Н. Лумана и Ю. Хабермаса [7, с. 26-27, 105-106; 8, с. 102-115; 27; 28].

«Если Хабермас в своем анализе правовой системы опирается как на философию, так и на социологию, то Луман сформулировал социологическую теорию права. С точки зрения Лумана, каждая из подсистем современного общества, включая и правовую, является полностью автономной. Это связано с тем, что функция, которую выполняет данная подсистема, не может выполняться никакой другой подсистемой общества» [16, с. 58]. По мнению ученого, коммуникация в праве существенным образом разнится с понятием «коммуникация» в политике или экономике. Данная теория объясняется следующим: система права в своем арсенале имеет собственные признаки, согласно которым определяется предмет коммуникации. Таким признаком служит код «правовое» «не правовое» – посредством данного кода система способна определять: какой именно круг вопросов требует правового регулирования. Таким образом, происходит разграничение системы права от иных систем. В видении немецкого социолога право есть система с четко организованными функциями; а правовая система только наблюдает остальные подсистемы общества.

Безусловно, система права не лишена возможности производить реакции на воздействие политической или экономической систем, что в дальнейшем воплощается в переосмыслении в пределах собственных категорий. Политика и экономика, образуя внешнюю оболочку для правовой системы, не являются внутренним ее содержанием. Более того, философия синкретизма обосновывает положение о тесном взаимодействии всех систем в современном обществе [2]. Применительно к правовой системе данное положение обосновал доктор юридических наук Ф.Х. Галиев. Он доказал, что в современной правовой системе право взаимо-

действует со всеми социальными регуляторами, они действуют совместно, взаимосвязано и взаимозависимо. Данную ситуацию исследователь сформулировал как синкретизм современной правовой культуры [3; 4; 6], определив его следующим образом: «Сущность синкретизма правовой культуры заключается в том, что правовая культура формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения, в единстве с другими социальными регуляторами..., синкретизм правовой культуры, как взаимосвязанность и единство функционирующих в обществе различных систем социальных норм, сформировался на протяжении всей истории существования человечества» [5, с. 23].

Определяя понятие синкретизма правовой культуры современного общества, исследователь понимает под ним естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества объективную «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости» [5, с. 12].

«В современном мире, – по мнению Ф.Х. Галиева, – сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [5, с. 12].

Стоит отметить, что вектор к теоретическим концепциям для Н. Лумана задал хорошо известный на западе ученый, американский социолог-теоретик Т. Парсонс (1902-1979) [19; 20], под чутким руководством которого он занимался несколько лет. Однако это не послужило основой для беспрекословного поклонения перед учителем – взгляды теоретиков американской школы исследования политических систем (в том числе Парсонса) выступали для Лумана мишенью для критики и полемики. Авторы данных концепций ученый попрекал в отсутствии последовательности проведения системного принципа. Четкое различие между системой и окружающей средой исключает возможность контакта, поскольку цель системы – отличать себя от внешнего.

По Луману, центром системных отношений, которые позволяют расставить границы в политике, является понятие «власть». Определение власти формулируется не с помощью определенных признаков, присущих власти, а посредством системной функции. Данная функция представляет собой редукцию комплексности политической системы. Редукция имеет реализацию на основании смысла – основополагающее определение теории Лумана. Посредством смысла эволюция создает высоко комплексные системы. На уровне психических систем смысл осуществляется в качестве сознания; при возникновении социальных систем – в виде коммуникации. Итак, общество является коммуникацией, смысл – субстанция власти, власть – смысл политической жизни. Этим объясняется функционирование власти в системе.

Роль власти для политической коммуникации обусловлена тем, что она выступает «символически генерализирующим медиумом» (средством), который обеспечивает непрерывность процесса принятия или отклонения сообщения. Она обрабатывает послание носителя власти как оферту подвластному: принять решение либо отклонить. «То, что реципиент получает данное сообщение в виде властного кода, означает: и принятие, и отклонение повлечет за собой специфические последствия, обусловленные наличием опирающихся на насилие санкций. И пути назад, в прежнюю неопределенность, нет. Действие кода власти направлено на то, чтобы реципиент был заинтересован в положительном ответе, независимо от того, каково конкретное содержание сообщения и от кого оно исходит» [26, с. 246]. Отличительной чертой власти по сравнению с другими средствами генерализации, по мнению Лумана, является то, что изменение деятельности Alter (реципиента) происходит посредством

деятельности Его (коммуниканта). Необходимо указать, что, как считает немецкий социолог, мотивацией власти является угроза физического насилия. Уточним: говоря о реализации власти, речь идет не о реализации этой угрозы, а о возможности ее избежать – в этом видится баланс интересов реципиента и коммуниканта.

При проведении анализа механизмов осуществления политики, можно заметить, что Никлас Луман заметно отклоняется от проблематики, находящейся в центре внимания подавляющего числа правоведов и политологов. В его выражениях зачастую все же встречаются привычные для политологов образы, хотя порой и в непривычных контекстах.

Согласно его взглядам, сущность политического находит выражение в «формуле контингентности», а то, что прежде приравнивали к его «природе», представляет собой ограничения, которые воздействуют на коммуникативные возможности системы, определяя ее поведение и функциональность. Контингентность есть отрицание неизбежности происходящих операций (логика внутренней событийности не может быть определена внешним, ее прародитель – система). Говоря обобщенно, контингентность равна случайности. Но в данном контексте речь идет не о слепых случайных сопряжениях, а о тех, которые доступны и понятны самой системе. Тем самым контингентность противопоставляется причинности, в которой сопряжения заданы и могут быть просчитаны.

В период становления политической мысли формула контингентности зиждилась на определении общего блага. Таким образом, в понятие «политический» входило то, что служило общим интересом (в отличие от частного). В Новое время граница между общим и частным благом зависела от политических установок, а потому способна смещаться; формула контингентности преобразовалась в принцип легитимности (предоставление общественных предпочтений, ради которых сражаются политическим образом). Ученый убежден, легитимность в качестве формулы контингенции непременно должна содержать в себе указание на процедурные правила и возможность достижения консенсуса.

Немаловажное значение в лумановской теории о политике занимает вопрос о системной памяти политики. Немецкий социолог не принимал точку зрения о том, что память социальных систем равна коллективной памяти индивидов. Социальные системы обладают собственными механизмами запоминания, которые лишь актуализируются в памяти индивидов. Согласно Луману, в том, что называют «историческими документами» в реальности содержится социальная память. В вопросе политики главенствующую роль занимают ценности и интересы, точнее, их различие. Характерная особенность ценностей определена тем, что они не подлежат верификации, их не опровергают, а имеют стремление сохранить. Интерес, в свою очередь, предлагает возможность извлечь ценность из памяти и перевести ее в цель. Для определения действия нужно знать интерес, который будет мотивировать к необходимому действию конкретный субъект.

Проблема соотношения политики и права также была предметом исследования Лумана. Наличие права и политики в государстве обусловлено имеющимися между ними структурными соответствиями. «Структурные соответствия между политической и правовой системами получили развитие в качестве «государства»... В функциональном смысле государство является фиктивным единством, актом приписывания, который различным образом используется политикой или правом. Поэтому отнесение к государству делает возможным «смещение» перспективы в зависимости от того, направлен ли взгляд с политической системы на право или с правовой системы на политику. Именно эта смена перспектив остается вне поля зрения, когда государство трактуется как политико-правовое единство».

Необходимо отдать должное немецкому ученому: Никлас Луман ощутимо обогатил язык и методологический инструмент современной правовой науки и социологии. Его деятельность «расшифровывала программы сложных машин», демонстрируя их парадоксальные значения, раскрывая непредсказуемость современного мира.

Отличительной чертой социологии права Лумана, построенной на понятийном аппарате общей теории систем, является универсальность и высокий уровень абстрактности, что позволяет использовать ее теоретические конструкции для изучения и сравнения очень широкого комплекса социальных явлений и процессов.

Библиографические ссылки

1. Антоновский А.Ю. Общество как общение и разобщение. Послесловие к книге Н. Луман «Дифференциация». М. : Логос, 2006.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. 2-е изд. перераб. и доп. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997.
3. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. 2013. № 4 (34). С. 36-73.
4. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 182-190.
5. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014.
6. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2011.
7. Идея справедливости в традициях постклассической философии права : научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. СПб. : Фонд «Университет», 2012.
8. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017. (Серия: «Наука и общество»).
9. Лапаева В.В. Социология права. М., 2008.
10. Луман Н. Власть. М. : Праксис, 2001.
11. Луман Н. Дифференциация. М. : Логос, 2006.
12. Луман Н. Общество общества. Ч. I. Общество как социальная система. М. : Логос, 2004.
13. Луман Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии. СПб. : Петрополис, 1994.
14. Луман Н. Почему необходима «системная теория»? Проблемы теоретической социологии. СПб. : Петрополис, 1994.
15. Луман Н.. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2005.
16. Масловская Е.В. Национальные школы современной социологии права // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. № 3. С. 52-64.
17. Назарчук А.В. Теоретико-политические воззрения Никласа Лумана. // Полис. 2006. № 3. С. 136-149.
18. Озирченко Д. Некоторые понятия системной теории Никласа Лумана // Социологический журнал, 1995. Том. 0. № 3. С. 110-113.
19. Посконин В.В. Культурологическое правопонимание Толкотта Парсонса: теоретико-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996.
20. Посконин В.В. Социально-политическая теория Т. Парсонса: методологический аспект. Ижевск, 1994.
21. Посконина О.В. Политико-правовая теория Никласа Лумана: методологический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб. : Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997.
22. Посконина О.В. Н. Луман о проблеме отношения политики и права // Права человека и статус правоохранительных органов : материалы Международного симпозиума. Санкт-Петербург, 3-4 марта 1994 г. Ч. 2 / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1995.
23. Посконина О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества : монография / под ред. В.П. Сальникова. Ижевск : Удмуртский ун-т, 1997.
24. Посконина О.В. Общественно-политическая теория Н. Лумана: методологический аспект : монография. Ижевск : Удмуртский университет, 1997.

25. Посконина О.В. Теория демократии Никласа Лумана // Гражданское общество и силовые структуры: проблемы взаимодействия : сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 8 / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб. : Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997.
26. Штихвее Р. Никлас Луман. Немецкая социология. СПб : Наука, 2003.
27. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. М. : Наука, 2005.
28. Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung? Frankfurt a. M., 1971.
29. Luhmann N. Rechtssoziologie. Opladen, 1983.
30. Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt a. M., 1984.

References

1. Antonovskii A.Yu. Obshchestvo kak obshchenie i razobshchenie. Posleslovie k knige N. Luman «Differentiatsiya» (Society as Communication and Separation. Epilogue to N. Luhmann's Book "Differentiation"). Moscow, Logos, 2006.
2. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T 1. Ot proshlogo k budushchemu (Russia: Criticism of Historical Experience (Sociocultural Dynamics of Russia). V 1. From the Past to the Future), 2-e izd. pererab. i dop. Novosibirsk, Sibirskii khronograf, 1997.
3. Galiev F.Kh. O sinkretizme pravovoi kul'tury (On Syncretism of Legal Culture), *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2013, No. 4 (34), pp. 36-73.
4. Galiev F.Kh. Pravovaya kul'tura: sotsial'no-filosofskie problemy (Legal Culture: Socio-Philosophical Problems), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 7, pp. 182-190.
5. Galiev F.Kh. Sinkretizm pravovoi kul'tury sovremennoi Rossii: teoretiko-metodologicheskoe i istoriko-prikladnoe issledovanie (Syncretism of Legal Culture of Modern Russia: Theoretical and Methodological and Historic-Applied Research), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., Rossiiskaya akademiya narodnogo khozyaistva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii, 2014.
6. Galiev F.Kh. Sinkretizm sovremennoi pravovoi kul'tury (Syncretism of Modern Legal Culture), monografiya. Ufa, RITs BashGU, 2011.
7. Ideya spravedlivosti v traditsiyakh postklassicheskoi filosofii prava (The Idea of Justice in the Traditions of Postclassical Philosophy of Law), nauchnoe izdanie. R.F. Ismagilov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov, S.I. Zakhartsev, M.V. Sal'nikov, L.K. Petrosyan, A.V. Chernyaeva. SPb., Fond «Universitet», 2012.
8. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. Pravo i spravedlivost': istoricheskie traditsii i sovremennye modeli (Istoriko-pravovoi analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and Justice: Historical Traditions and Modern Models (Historical and Legal Analysis of Theoretical Studies of Topical Issues of the Relationship between the Idea of Law and the Idea of Justice in the XX and XXI Centuries)), monografiya. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017. (Seriya: «Nauka i obshchestvo»).
9. Lapaeva V.V. Sotsiologiya prava (Sociology of Law). Moscow, 2008.
10. Luman N. Vlast' (Power). Moscow, Praxis, 2001.
11. Luman N. Differentiatsiya (Differentiation). Moscow, Logos, 2006.
12. Luman N. Obshchestvo obshchestva. Ch. I. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema (Society of Society. Part I. Society as a Social System). Moscow, Logos, 2004.
13. Luman N. Ponyatie obshchestva. Problemy teoreticheskoi sotsiologii (The Concept of Society. Problems of Theoretical Sociology). St. Petersburg, Petropolis, 1994.
14. Luman N. Pochemu neobkhodima «sistemnaya teoriya»? Problemy teoreticheskoi sotsiologii (Why is a "System Theory" Necessary? Problems of Theoretical Sociology). St. Petersburg, Petropolis, 1994.
15. Luman N.. Real'nost' massmedia (The Reality of the Mass Media), per. s nem. A Yu. Antonovskogo. Moscow, Praxis, 2005.
16. Maslovskaya E.V. Natsional'nye shkoly sovremennoi sotsiologii prava (National Schools of Modern Sociology of Law), *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2007, No. 3, pp. 52-64.
17. Nazarchuk A.V. Teoretiko-politicheskie vozzreniya Niklasa Lumana (Theoretical and Political Views of Niklas Luhmann), *Polis*, 2006, No. 3, pp. 136-149.
18. Ozirchenko D. Nekotorye ponyatiya sistemnoi teorii Niklasa Lumana (Some Concepts of Niklas Luhmann's System Theory), *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1995, Tom 0, No. 3, pp. 110-113.

19. Poskonin V.V. Kul'turologicheskoe pravoponimanie Tolkotta Parsonsa: teoretiko-metodologicheskii aspect (Culturological Understanding of Tolcott Parsons: Theoretical and Methodological Aspect), dis. ... d-ra yurid. nauk. St. Petersburg, 1996.
20. Poskonin V.V. Sotsial'no-politicheskaya teoriya T. Parsonsa: metodologicheskii aspect (Socio-Political Theory of T. Parsons: Methodological Aspect). Izhevsk, 1994.
21. Poskonina O.V. Politiko-pravovaya teoriya Niklasa Lumana: metodologicheskii aspect (Political and Legal Theory of Niklas Luhmann: Methodological Aspect), avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii, 1997.
22. Poskonina O.V. N. Luman o probleme otnosheniya politiki i prava (Luhmann on the Problem of the Relationship between Politics and Law), *Prava cheloveka i status pravookhranitel'nykh organov*, materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma. Sankt-Peterburg, 3-4 marta 1994 g. Ch. 2, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb., Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 1995.
23. Poskonina O.V. Niklas Luman o politicheskoi i yuridicheskoi podsystemakh obshchestva (Niklas Luhmann on Political and Legal Subsystems of Society), monografiya, pod red. V.P. Sal'nikova. Izhevsk, Udmurtskii un-t, 1997.
24. Poskonina O.V. Obshchestvenno-politicheskaya teoriya N. Lumana: metodologicheskii aspekt (Social and Political Theory of N. Luhmann: Methodological Aspect), monografiya. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 1997.
25. Poskonina O.V. Teoriya demokratii Niklasa Lumana (Niklas Luhmann's Theory of Democracy), *Grazhdanskoe obshchestvo i silovye struktury: problemy vzaimodeistviya*, sb. trudov doktorantov, ad'yunktov i soiskatelei. Vyp. 8, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii, 1997.
26. Shtikhvee R. Niklas Luman. Nemetskaya sotsiologiya (Niklas Luhmann. German sociology). St. Petersburg, Nauka, 2003.
27. Shul'ts V.L. Filosofiya Yu. Khabermasa (Philosophy of Yu. Habermas). Moscow, Nauka, 2005.
28. Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung? Frankfurt a. Moscow, 1971.
29. Luhmann N. Rechtssoziologie. Opladen, 1983.
30. Luhmann N. Soziale Systeme. Frankfurt a. Moscow, 1984.

Дата поступления: 20.04.2018

Received: 20.04.2018

УДК 340

ПРЕДЫСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА АЛЖИРСКИХ АМАЗИГ

ХАДДАД Эльхади

аспирант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, адвокат, г. Алжир, Алжир. E-mail: tigpnngu@mail.ru

PREHISTORY OF THE STATE AND LAW OF ALGERIAN AMAZIGHS

HADDAD Elhadi

Postgraduate Student of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty of the Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Lawyer, Algiers, Algeria. E-mail: tigpnngu@mail.ru

Одной из малоизученных в российской историко-правовой науке является история ранних царств и их народов на территории Северной Африки. В статье в сжатой форме рассказывается о происхождении государства Любиен, получившего во II веке до н.э. название Нумидии.

One of the understudied topics in the Russian historical and legal science is the history of the early kingdoms and their peoples in North Africa. The article briefly describes the origin of the state of Lubien, which in the 2nd century BC was called Numidia, and the people of

дия, и народа амазиг, проживавшего и сохранившегося в странах Магриба: Алжире, Марокко, Тунисе. Анализируется историко-правовое развитие данного государства, его распад и новое объединение, причины этих процессов, общественное и государственное устройство, организация судопроизводства и начало правовой жизни, международные отношения с соседними государствами – Египтом, Финикией, Карфагеном. Обращается внимание на особенность письменности амазигов, возникшей ранее финикийской, и сохранившейся до наших дней.

Ключевые слова: Амазиги, берберы, люббиен, нумидийцы, письменность, тифинаг, харуба, государство, право, суд.

Amazigh, who lived in this territory and survived to our time in the Maghreb countries: Algeria, Morocco, and Tunisia. The author analyzes the historical and legal development of this state, its disintegration and new unification, the reasons for these processes, the social and state structure, the organization of legal proceedings and the beginning of legal life, international relations with neighboring States – Egypt, Phoenicia, Carthage. Attention is drawn to the peculiarity of the ancient writing of Amazigh, which arose earlier Phoenician, and has survived to this day.

Key words: Amazighs, Berbers, lubben, Numidians, writing, typhinag, haruba, state, law, court.

Правовые вопросы современного Алжира вызывают большой интерес [1; 2; 13; 14]. Однако не менее значимой представляется и предыстория данного государства.

Народ амазиг с доисторических времен и по сей день проживает на территории государств Северной Африки, а также в странах южной Европы. В историко-правовой науке хорошо известен термин берберы, который употребляется для обозначения народностей, проживающих в Северной Африке. Однако мало кому известно название амазигов, хотя сами эти люди называют себя именно так. Народность эта многочисленна, по некоторым данным – более 20 млн человек, говорящих и пишущих на одном общем языке. Некоторые арабские ученые утверждают, что амазиги являются потомками арабов. Первоначально эти попытки базировались на экспансионистских амбициях исламского государства Омейядов, а в настоящее время они связаны со стремлением поддержать арабский национализм, возникший во время освободительных движений и сохранить то, что сейчас принято называть арабским миром. Однако амазиги не считают себя арабами и не принимают название берберы. Говорят они на собственном амазигском языке, который не имеет ничего общего с арабским, поскольку появился задолго до возникновения арабской письменности. «Письменность люббиен (древнее название амазигов – прим. Авт.) основана на тифинаге – одном из самых древних алфавитов известных истории» [5, с. 8]. «Некоторые исследователи, такие как Альхаджи Ами и Мухаммед Хамза, считают тифинаг первой в истории письменностью, появившейся и развивавшейся одновременно с шумерской письменностью в третьем тысячелетии до н.э. Есть мнения о том, что тифинаг основан на финикийской письменности, привнесенной прибывшими в Северную Африку около 3000 лет назад финикийцами. Современные исследования выявили, что тифинаг определенно точно древнее финикийского языка, который появился в 1200 г. до н.э. В пользу чего свидетельствуют найденные в Атласских горах наскальные рисунки (пиктографы), на которых изображена фигура человека с татуировкой в виде фразы на тифинаге. На том же месте были обнаружены копья с бронзовыми наконечниками. Появление бронзы относится к 1500 г. до н.э., в то время как финикийский алфавит появился примерно в 1200 г. до н.э. Следовательно, финикийский язык появился на несколько столетий позже тифинага. Слово «тифинаг» на амазигском языке обозначает «наше открытие». Таким образом, мы можем утверждать, что письмо люббиен (амазигов) является коренным языком [9]. Конечно, современный амазигский язык очень отличается от древнего тифинага, как современный рус-

ский от древнеславянского, однако известно, что туареки (тоже амазиги), живущие в Сахаре, могут читать на тифинаге.

В исторической науке хорошо изучена история государства Нумидия. Но данное название было не первым. На заре становления его название было Любба, или Любиен.

Люббиен, упоминаемые в египетских, греческих и латинских источниках, являются коренным населением Северной Африки. Древнегреческий поэт IX в. до н.э. Гомер описывал их следующим образом: «...страна Любба, где овцы рождаются с рогами, а пастухи ежедневно питаются молоком и мясом крупного рогатого скота, воспроизводящего потомство трижды в год...» [4]. А великий древнегреческий историк Геродот сообщает, что: «в Люббе проживает народ люббиен, расселённый по всему побережью, за исключением районов занятых финикийцами и греками» [6, с. 31]. Геродот делил люббиен на две группы: пастухи «нумат» и оседлые племена. «Нумат занимают территорию между Египтом, на востоке и озером Тритон, на западе. Нумат включают в себя несколько племен: Адор Машид, Джилигам, Аспат, Ошиз, Нсамунис, Басиль, Мазис, Жиндас, Машиль, Осис. Выпасное скотоводство является для них основным занятием. В обществе нумат царят принципы патриархальной семейной общины, в которой не возбраняется многоженство. Их религиозные воззрения вытекают из веры в загробную жизнь. Будучи уверенны в том, что мертвецы могут оказать влияние на благополучие их земной жизни, они относятся к ним с большим почтением. Оседлые племена люббиен занимают территорию от озера Тритон, на западе и до Атлантического океана, на востоке. Они занимаются сезонным сельским хозяйством. Самые большие оседлые племена люббиен: Максуйс, Озис, Зуис и Жизант. Озеро Тритон является географической границей разделяющей племена пастухов и оседлые племена люббиен» [16, р. 15]. «Люббиен построили собственные города. Они известны своей физической силой, а их страна полна экзотических и диких животных, о чем упоминает в своей «Энеиде» поэт Вергилий». Историк Сальсут писал, что люббиен – первые обитатели Африки» [6, с. 34]. Впервые название «нумидиен» появляется у Геродота. Он называл живших в Люббе бедуинов «нумат». В дальнейшем название «нумат» видоизменилось, превратившись в третьем веке до н.э. в «нумидия». Нумидией называли заселенную народом нумидиен всю территорию от Карфагена, на востоке до долины Маллоша аль-Малавия, на западе.

Соседство с Карфагеном и с Египтом наложило определенный отпечаток на религиозные воззрения люббиен. «Они почитали двух главных карфагенских божества: Бааль Хамуна и Таниту» [6, с. 35]. «Особое место в религиозной системе люббиен занимала вера в загробную жизнь. В могилу вместе с покойным они погребали мебель и различные предметы быта, которые могли пригодиться ему в загробной жизни» [7, с. 29].

На протяжении всей истории государства Люббиен (Нумидии) оно находилось в постоянных контактах с финикийцами, египтянами, иудеями, римлянами и греками. Эти отношения влияли на культуру народа, на все стороны его жизни. Важно отметить, что все они оказали существенное влияние на язык, письмо и методы ведения сельского хозяйства. В третьем и четвертом веках до нашей эры Нумидия была страной выращивавшей самые большие в мире урожаи пшеницы и зерновых [8, с. 44]. «Первые отношения между финикийцами и люббиен возникли в первом тысячелетии до нашей эры. Эти отношения строились на бартерной торговле: финикийцы обменивали изготовленное ими стекло, керамические и металлические изделия на золото люббиен. Геродот писал, что «в Люббе есть место на побережье, куда карфагеняне приносят и выставляют на продажу свой товар, а люббиен приходят обменять эти товары на свое золото. Если обе стороны расходятся в условиях сделки, то они ищут способ договориться до тех пор, пока не будут удовлетворены все стороны» [6, с. 47]. «Эти отношения продолжались до середины VI в. до н.э. т.е. до тех пор, когда Карфаген стал сильным и независимым политическим центром Северной Африки и отношения Карфагена и Люббиен преобразовались из коммерческих в военные. Финикийцы, высоко ценили люббиен

как отважных и искусных воинов, и потому нанимали их для участия во множестве своих войн, в том числе и в войне против греков [10, с. 167]. «Потерпев поражение, Карфаген переориентировался на сельскохозяйственную отрасль. Им удалось достичь значительных успехов в этой области и даже сумели использовать это для мирного, невоенного расширения своих владений. Карфаген брал у Люббиен земли в аренду, под предлогом использования их в сельском хозяйстве и переселялись туда на постоянное жительство. Распознав этот план, люббиен прекратили отдавать свои земли, они были против иностранных вмешательств, в какой бы то ни было форме, на что указывают несколько революций против Карфагена в 237-241 гг. до н.э. Так или иначе, отношения между Карфагеном и Люббиен стали достаточно напряженными. По этому поводу историк Джостан пишет: «... Карфаген на протяжении всего своего существования никогда не доверял Люббиен» [6, с. 50]. «Касаемо древнего царства Нумидия, существовавшего на территории нынешнего Алжира, Юстинус вспоминает, что нумидийский царь Герпас пытался насильно жениться на карфагенской принцессе Алисе. Она же, желая остаться верной своему покойному мужу Ашрабасу и не питая никаких чувств к Герпасу, совершила самоубийство. Разозленный Герпас потребовал от Карфагена выплачивать ему налог, который они платили до второй половины пятого века до нашей эры [8, с. 13].

Отношения Египта и Люббиен можно охарактеризовать как тесные взаимоотношения недружественных соседей, постоянно находящихся в состоянии войны, об этом свидетельствуют исторические источники, описывающие Первую войну люббиен (период правления фараона Рамзеса III), Вторую войну люббиен (в 1188 г. до н.э., в одиннадцатый год правления Рамсеса XIII), Правление Египтом фараоном – люббиеном. Люббийский царь Шишнак основал 22 древнеегипетскую правящую династию. Заключив в девятом веке до нашей эры союз с люббийским племенем Машуш, он отправился на помощь жившим в Египте люббиен, подвергшимся гонениям со стороны египетского фараона [6, с. 57]. С этого события, произошедшего в 950 г. до н.э., ведет свой отсчет амазигский календарь, по которому сейчас 2968 г. (2018 г.). «Для укрепления своей власти Шишнок женился на дочери побежденного фараона. Шишнакский Египет расширил свои границы на юг и на восток, где в 927 г. до нашей эры одержав победу над Харбахамом, сыном Соломона, захватил Иерусалим [6, с. 46]. Это событие упоминается в Торе «первый царь 28 25/14». Правление Шишнока заложило новые основы во взаимоотношения между люббиен и египтянами.

Говоря о становлении права и судебной системы необходимо отметить, что на первых этапах своего развития народ люббиен, равно как и все древние народы, не были знакомы с разделением властей, судебной системой и прочими атрибутами государства. Это было обусловлено простым укладом жизни. Власть над семьями и племенами концентрировалась в руках одного человека, который являлся либо самым старым членом семьи или племени, либо зарекомендовавшим себя доблестным воином. На первых этапах развития общество люббиен строилось по принципу патриархальной системы, включавшей в себя элементы демократии: наиболее важные решения принимались главой племени, который учитывал мнение всех членов общин [12, с. 9]. В последующем с образованием деревень и развитием сельского хозяйства, появилась потребность в переходе на систему «деревни с республиканской формой правления», во главе которой находился Совет. Новая система позволяла более эффективно противостоять нападениям противников и в соответствии с традиционными законами разрешать проблемы, возникающие внутри самой общины [15, с. 81].

Дальнейшее развитие привело к становлению системы именуемой «Харуба» – система, при которой каждый род избирал своего представителя, в функции которого входило разрешение внутренних проблем рода, таких как вопросы заключения браков, прием гостей от имени всего рода, решение вопросов связанных с сельским хозяйством и животноводством. Главы семей объединялись в Совет. В компетенцию Совета входили функции по разрешению уголовных, политических, финансовых и другие вопросы. Решения этого Совета принима-

лись единогласно, в случае, если единогласия не удавалось достичь, дела откладывались на неопределенный срок. Совет Сообщества ежегодно избирал «Имрара» (великого вождя), он приводил в исполнение решения Совета, а также обеспечивал безопасность и соблюдение нравственности [11, с. 14]. Амазиги использовали эту модель в течение длительного времени. Затем постепенно появились несколько Советов, в будущем объединившиеся в более широкий блок – Объединенный Совет – Харуба. Роль семьи постепенно отошла на второй план, а клановость трансформировалась в представление общины как о народе. Совет превратился в выборный орган, формировавшийся путем всеобщих выборов. Руководство Советом перешло к «Эль амин эль ам» (можно перевести на русский язык как Генеральный Секретарь), чья должность также была выборной. Эль амин эль ам осуществлял свои полномочия, руководствуясь специальным законом, включавшим в себя: Законодательные функции, базовые принципы, которые вытекали из сложившихся традиций, и Исполнительные функции. При этом должностные (исполнительные) лица напрямую подчинялись воле Совета. В Объединенном Совете надзорные функции были возложены на доверенное лицо – уакиль, который избирался Советом. В компетенцию уакиля входило наблюдение за действиями Генерального Секретаря, с целью предотвращения диктатуры. Решение вопросов об объявлении войны и мира находились в ведении Объединенного Совета [3, с. 7].

Со временем Харуба переросла в монархию Люббиен, включавшей в себя несколько небольших королевств, королей которых называли «ажлид». Позже эти королевства объединились в одно большое королевство. В период люббиен судебная система получила дальнейшее развитие. Она была ступенчатой, в зависимости от характера дела и его тяжести. Сенат избирал судьей путем голосования из числа желающих, которые должны были соответствовать определенным этическим требованиям. В отличие от древних египтян, финикийцев, персов, греков и римлян, чье классовое общество сыграло заметную роль в определении судебной системы и ее природе, амазигское общество не знало классов и потому, у них установилась система провозглашавшая равенство всех в правах и обязанностях перед законом [11, с. 17]. Ученые отмечают эту особенность организации жизни амазигов, как раннюю форму демократического устройства государственной жизни.

Библиографические ссылки

1. Артамонова Г.К., Хаддад Э. Особенности организации и деятельности адвокатуры в Алжире // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 172-176.
2. Артамонова Г.К., Хаддад Э. Семейные алименты по алжирскому законодательству // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 7. С. 120-122.
3. Деифаллах Мохаммад аль-Ахдар. Лекции по исламской системе и арабской цивилизации. Диуан аль-матбуат аль-жамиа / пер. с араб.
4. Джамиль Хамдави Д. Происхождение Амазигов // Аль Альуа. 2014 [Электронный ресурс]. <http://www.alukah.net/culture/0/74461/> (дата обращения 15.12.2017).
5. Ибрагим Бакир Абдусалам. Грамматика амазигского языка. Т. 1. Аль-Матбаа аль-арабия. Гардаия / пер. с араб.
6. Маха Иссаи. Нумидийские надписи / пер. с араб.
7. Махфуд Каддаш. Алжир в древней эпохе / пер. с араб. Салеха Аббад. Аль-Муассаса аль-Уатания Лилькитаб. Алжир, 1993.
8. Мохаммад Ассагеир Ганим. Королевство Нумидия и пуническая цивилизация / пер. с араб. Дар аль-Умма. Алжир, 1998.
9. Мохаммад Хамза. Тифинаг – древняя письменность / пер. с араб. // Тауалт. 16.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tawalt.com/?p=1260> (дата обращения: 30.01.2018).
10. Рашид Иннадур. Магриб в древней эпохе. Т.1 / пер. с араб. Дар аннахда. Бейрут, 1981

11. Садек Мазхуд. Д. История судебной системы Алжира с берберского периода до национально-освободительной войны / пер. с араб. Дар-баха-ддин, 2012.
12. Тауфик аль-Мадани. Книга Алжира. Дар аль-киаб. Аль-Булейда / пер. с араб.
13. Хаддад Э., Барзания А. К вопросу о наказании за вероотступничество в исламском праве // Мир политики и социологии. 2016. № 8. С. 82-86.
14. Хаддад Э., Барзания А. Принципы алжирской судебной системы // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 170-173.
15. Шар Жулиан. История Северной Африки / пер. с араб. Мохаммада Мозали. Тунис, 1969.
16. F-Decret et M,Fantar , L'afrique du nord dans l'antiquité (des origines au vènes) payot paris. 1981, p. 15.

References

1. Artamonova G.K., Khaddad E. Osobennosti organizatsii i deyatel'nosti advokatury v Alzhire (Features of the Organization and Activities of the Bar in Algiers), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 5, pp. 172-176.
2. Artamonova G.K., Khaddad E. Semeinye alimenty po alzhirskomu zakonodatel'stvu (Family Alimony under the Algerian Legislation), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 7, pp. 120-122.
3. Deifallah Mokhammad al'-Akhdar. Lektsii po islamskoi sisteme i arabskoi tsivilizatsii. Diuan al'-matbuat al'-zhamiia (Lectures on the Islamic System and the Arab Civilization. Diuan al'-matbuat al'-jamiyah), per. s arab.
4. Dzhamil' Khamdavi D. Proiskhozhdenie Amazigov (Origin of the Amazighs), *Al' Al'ua*. 2014. <http://www.alukah.net/culture/0/74461/> (accessed date: 15.12.2017).
5. Ibragim Bakir Abdusalam. Grammatika amazigskogo yazyka (Grammar of the Amazigh Language). T. 1. Al'-Matbaa al'-arabia. Gardaiya, per. s arab.
6. Makha Issavi. Numidiiskie nadpisi (Numidia Inscriptions), per. s arab.
7. Makhfud Kaddash. Alzhir v drevnei epokhe (Algeria in the Ancient Era), per. s arab. Salekha Abbad. Al'-Muassasa al'-Uatania Lil'kitab. Alzhir, 1993.
8. Mokhammad Assageir Ganim. Korolevstvo Numidiya i punicheskaya tsivilizatsiya (The Kingdom of Numidia and Punic Civilization), per. s arab. Dar al'-Umma. Alzhir, 1998.
9. Mokhammad Khamza. Tifinag – drevnyaya pis'mennost' (Tifinag - Ancient Script), per. s arab. *Taualt*. 16.06.2016. URL: <http://www.tawalt.com/?p=1260> (accessed date: 30.01.2018).
10. Rashid Innadur. Magrib v drevnei epokhe (Maghrib in the Ancient Era). T.1, per. s arab. Dar an-nakhda. Beirut, 1981.
11. Sadek Mazkhud. D. Istoriya sudebnoi sistemy Alzhira s berberskogo perioda do natsional'no-osvoboditel'noi voyny (History of the Judicial System of Algeria from the Berber Period to the National Liberation War), per. s arab. Dar-bakha-ddin, 2012.
12. Taufik al'-Madani. Kniga Alzhira. Dar al'-kitab. Al'-Buleida (The Book of Algeria. Dar al-Kitab. Al-Bouleida), per. s arab.
13. Khaddad E., Barzaniya A. K voprosu o nakazanii za veroostupnichestvo v islamskom prave (On the Issue of the Punishment for Apostasy in Islamic Law), *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 8, pp. 82-86.
14. Khaddad E., Barzaniya A. Printsipy alzhirskoi sudebnoi sistemy (Principles of the Algerian Judicial System), *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 4, pp. 170-173.
15. Shar Zhulian. Istoriya Severnoi Afriki (History of North Africa), per. s arab. Mokhammada Mozali. Tunis, 1969.
16. F-Decret et M,Fantar, L'afrique du nord dans l'antiquité (des origines au vènes). P. Payot. 1981, p. 15.

Дата поступления: 27.04.2018

Received: 27.04.2018

УДК 341:349.6

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ
СРЕДЫ В СТРАНАХ ЕС (ЧАСТЬ 2)**

МУХАМЕТГАРЕЕВА

Наталья Михайловна

*кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: nmch77@mail.ru*

ЮСУПОВА Зилия Анасовна

*кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: zilya_iousupova@mail.ru*

**INTERNATIONAL LAW ASPECTS OF
ENVIRONMENTAL PROTECTION IN
THE EU COUNTRIES (PART 2)**

MUKHAMETGAREEVA

Natalia Mikhailovna

Candidate of Sciences (Philology), Senior Instructor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: nmch77@mail.ru

YUSUPOVA Zilya Anasovna

*Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: zilya_iousupova@mail.ru*

Индустриальная модель развития мира привела к деградации окружающей природной среды. В то же время европейские страны одни из первых осознали зависимость качества жизни от наличия благоприятной для человека среды обитания. Опасность глобальных экологических изменений заставила Европейский союз искать пути их преодоления, проводить централизованную экологическую политику с целью снижения уровня загрязнения. В статье рассмотрены вопросы охраны окружающей среды в странах Европейского союза, проанализированы основные направления экологической политики, которые закреплены в специальных программах (на примере Шестой программы).

Ключевые слова: окружающая среда, охрана окружающей среды, экологическая политика ЕС, качество окружающей среды, директивы ЕС, Шестая программа.

The industrial way of the world's development led to the environmental degradation. At the same time the European countries first realized that the quality of life depends on favorable living environment for every human being. To avoid global environmental changes the European Union began to pursue the centralized ecological policy with the aim of pollution abatement. The paper discusses the issues of environmental protection in the countries of the European Union, the fundamental objectives of economic policy embodied in special programs (on the example of the Sixth Community Environment Action Program).

Key words: environment, environmental protection, EU environmental policy, environmental quality, EU directives, the Sixth Community Environment Action Program.

Практическая деятельность ЕС в области охраны окружающей среды базируется на положениях учредительного договора об образовании Европейского сообщества и осуществляется в рамках специальной среднесрочной программы действий. Она является политико-правовым документом, определяющим приоритетные мероприятия ЕС на ближайшую пер-

спективу, устанавливает конкретные цели и задачи, а также сроки их достижения. С 1972 г. в Европе было разработано семь таких программ (первая была принята в 1973 г. после Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде [1]).

Основополагающие принципы современной политики ЕС базируются на положениях Шестой программы, которая была утверждена Европейским парламентом и Советом Европы в 2002 г. и рассчитана на 10 лет [2]. Она должна содействовать интеграции в решении экологических задач, так или иначе имплементированных во все направления деятельности Евросоюза, обеспечивая тем самым устойчивое развитие всех членов ЕС. В программе выделены четыре приоритетные темы, на которых было сконцентрировано внимание Евросоюза: изменение климата; природа и биологическое разнообразие; окружающая среда, здоровье и качество жизни; рациональное использование природных ресурсов и управление отходами.

Меры, предусмотренные Шестой программой, способствовали выполнению обязательств по Киотскому протоколу к Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. [3], участие в котором ЕС было оформлено решением Европарламента и Совета Европы от 25 апреля 2002 г. Приоритетом Шестой программы стали ратификация и реализация положений Киотского протокола, в соответствии с которыми страны Европы в период с 2008 по 2012 гг. должны были сократить выбросы парниковых газов на 8 % по отношению к уровням 1990 г. И это лишь первые шаги на пути к достижению долгосрочной цели – сокращению выбросов на 70 %. В январе 2007 г. страны ЕС и Европарламент одобрили и новый стратегический план действий против изменения климата, известный также как план «20-20-20», который был утверждён Еврокомиссией. В соответствии с ним члены Евросоюза взяли на себя обязательства к 2020 г.: сократить на 20 % по сравнению с 1990 г. выбросы парниковых газов; довести до 20 % долю возобновляемых источников энергии в своём общем энергопотреблении; повысить на 20 % энергоэффективность европейской экономики.

Для выполнения этих обязательств была создана система торговли выбросами загрязняющих веществ (ETS). Разработан и внедрен план по учёту выбросов, производимых воздушным транспортом. А в 2007 г. ЕС принял на себя обязательства сократить и выбросы автомобильного транспорта как минимум на 20 % в течение ближайших 5 лет.

Цель программы по сохранению природы и биологического разнообразия состоит в обеспечении защиты и восстановления природных систем, которые под антропогенным воздействием (а также в результате эрозии почв) теряют своё биологическое разнообразие. Шестая программа предусматривает дальнейшую работу по реализации положений Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г. [4], выполнение Конвенции ООН по морскому праву (раздел о защите морской среды от загрязнения) [5] и Директивы ЕС о защите птиц [6].

Здоровые и сбалансированные природные системы необходимы для поддержания жизни и функционирования общества. А значит, антропогенное давление на окружающую среду (загрязнения, экстенсивное землепользование), приводящее к сокращению биоразнообразия, необходимо компенсировать. Ключевым требованием при этом является полное выполнение природоохранного законодательства. Основной задачей охраны окружающей среды является достижение такого качества окружающей среды, при котором уровни антропогенных загрязнений, в том числе радиоактивных, не будут негативно влиять на здоровье человека. Базой экологической политики на данном направлении должны стать всесторонние исследования взаимосвязей окружающей среды и здоровья населения. Исследование предусматривает: учёт в законодательстве Евросоюза результатов оценки вредности химикатов; анализ эффективности применения Директивы по растительным продуктам, определяющей правовые рамки использования пестицидов; ратификацию Стокгольмской конвенции об устойчивых органических загрязнителях, Роттердамской конвенции [7] о некоторых опасных химикатах и пестицидах и внесённые в связи с её принятием изменения Регламента Совета ЕС по экспорту и импорту некоторых опасных веществ; совершенствование применения положений Рамочной водной директивы и Директивы о качестве воды для купания; содействие успеш-

ному завершению международных переговоров по выполнению Монреальского протокола о разрушающих озон веществах к Конвенции о защите озонового слоя 1985 г.

Оптимизация и потребление возобновляемых и невозобновляемых ресурсов не должно превышать хозяйственной ёмкости окружающей среды. Этого можно добиться путём значительного повышения эффективности потребления ресурсов, сокращения ресурсоёмкости экономики, внедрения безотходных технологий производства. Программа призвана стимулировать использование вторичного сырья и новые подходы к утилизации отходов. Одной из задач программы является сокращение объёмов отходов, вывозимых на свалки и в хранилища, а также опасных с экологической точки зрения. По сравнению с 2000 г. они должны сократиться примерно на 20 % к 2017 г. и примерно на 50 % – к 2020 г. В Шестой программе специально подчёркивается, что необходимо пересмотреть законодательство об отходах (о сточных водах, упаковке, источниках питания, транспортировке), а также дополнить рамочную Директиву об отходах 1975 г. [8]. При принятии Шестой программы была учтена перспектива дальнейшего расширения Евросоюза, поэтому в одном из её разделов указывается, что выполнение природоохранного законодательства должно стать одной из основных задач и для стран-кандидатов. ЕС, со своей стороны, будет оказывать финансовую помощь в реализации высокочрезвычайных директив, например, финансировать установку оборудования по очистке воды. Страны-кандидаты должны не только исполнять природоохранное законодательство ЕС, но и принять все меры к тому, чтобы решение проблем окружающей среды стало одним из приоритетов в экономической и социальной сферах. По оценкам экспертов, на меры по соблюдению природоохранного законодательства ЕС новые члены Союза должны затратить около 100 млрд евро. Однако на поддержку их программ ЕС пока выделил только 4 % этой суммы.

В настоящее время действует Седьмая программа «Жить хорошо в пределах нашей планеты». Она принята в 2014 г. сроком до 2020 г. В Программе определены 3 приоритетных направления, в которых будет действовать Евросоюз: повышение эффективности использования природных ресурсов, сокращение выбросов углеродов и снижение неблагоприятных факторов для жизни и здоровья человека, связанных с загрязнением окружающей среды [9].

Первое направление предусматривает проведение мероприятий по сохранению биологического разнообразия и улучшению состояния вод и морской среды, защите почв и рациональному использованию земельных и лесных ресурсов. Второе направление связано с развитием ресурсосберегающей и низкоуглеродной промышленности; третье предусматривает проведение мероприятий по снижению неблагоприятных факторов для человека: уровня загрязнения воздуха, снижение шума и пр. Последняя Программа, как и предыдущая, ориентирована на долгосрочную перспективу. От всех остальных она отличается тем, что, согласно преамбуле [10], основной целью экологической политики Европейского союза становится не охрана окружающей среды как таковая, а в контексте благополучия человека.

В заключение следует отметить, что стабильно высокий уровень затрат на охрану природы, ужесточение экологических требований и стандартов, целенаправленное проведение экологических исследований и разработка инновационных приборов и оборудования стимулировали развитие экологического бизнеса. Страны-члены ЕС стали лидерами в разработке измерительной и контрольной техники, ресурсосберегающих технологий и техники. Благодаря целенаправленному осуществлению экологической политики ЕС практически стал союзом экологическим, в котором задачи охраны окружающей среды имеют статус приоритетных. Директивы ЕС по окружающей среде принимаются к неукоснительному исполнению и становятся основой законодательства стран-членов. Всё это дало возможность значительно улучшить состояние окружающей среды в Европе.

Библиографические ссылки

1. Council Decision of 14 May 1973 adopting a research programme for the European Economic Community on the protection of the environment Council Decision of 14 May 1973 adopting a research programme for the European Economic Community on the protection of the environment // [Electronic Re-

- source]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31973D0126&qid=1510074506525> (accessed date: 13.10.2017).
2. Decision No 1600/2002/EC of the European Parliament and of the Council of 22 July 2002 laying down the Sixth Community Environment Action Programme // [Electronic Resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1510075805967&uri=CELEX:32002D 1600> (accessed date: 13.10.2017).
3. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Заклучена в г. Нью-Йорке 09.05.1992) // Международное публичное право : сборник документов. Т. 2. М. : БЕК, 1996. С. 138-153.
4. Конвенция о биологическом разнообразии от 5.06.1992 // Собр. законодательства РФ. 1996. № 19. Ст. 2254.
5. Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10.12.1982 // Электронный фонд правовой и научно-технической документации [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902014019> (дата обращения: 03.10.2017).
6. Директива 79/409/EEC Европейского Совета от 02.04.1979 о сохранении видов птиц, живущих в дикой природе // Право Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <http://eulaw.ru> (дата обращения: 03.10.2017).
7. Роттердамская конвенция о процедуре предварительного обоснованного согласия в отношении отдельных опасных химических веществ и пестицидов в международной торговле (Заклучена в г. Роттердаме 10.09.1998) // Бюллетень международных договоров. 2012. № 9. С. 45-66.
8. Директива 75/442 об отходах // Право Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <http://eulaw.ru> (дата обращения: 03.05.2018).
9. European Commission [Electronic Resource]. URL: <http://ec.europa.eu/environment/pubs/pdf/factsheets/7eap/en.pdf> (accessed date: 13.10.2017).
10. The programme is guided by a long-term vision: In 2050, we live well, within the planet's ecological limits. Our prosperity and healthy environment stem from an innovative, circular economy where nothing is wasted and where natural resources are managed sustainably, and biodiversity is protected, valued and restored in ways that enhance our society's resilience. Our low-carbon growth has long been decoupled from resource use, setting the pace for a safe and sustainable global society: European Commission : сайт // [Electronic Resource]. URL: <http://ec.europa.eu/environment/pubs/pdf/factsheets/7eap/en.pdf> (accessed date: 13.10.2017).

References

1. Council Decision of 14 May 1973 adopting a research programme for the European Economic Community on the protection of the environment Council Decision of 14 May 1973 adopting a research programme for the European Economic Community on the protection of the environment. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31973D0126&qid=1510074506525> (accessed date: 03.11.2017).
2. Decision No 1600/2002/EC of the European Parliament and of the Council of 22 July 2002 laying down the Sixth Community Environment Action Programme. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1510075805967&uri=CELEX:32002D 1600> (accessed date: 03.11.2017).
3. Ramochnaya konvencija OON ob izmenenii klimata (09.05.1992) (United Nations Framework Convention on Climate Change (concluded in New York on 09/05/1992), *Mejdunarodnoe publicnoe pravo*. Sbornik dokumentov. T. 2. Moscow, BEK, 1996, pp. 138-153.
4. Konvencija o biologicheskom raznoobrazii ot 5.06.1992 (Convention on Biological Diversity of 5 June 1992). *Sobr. Zakonodatelstva RF*, 1996, No. 19, St.2254.
5. Soglasenie ob osushchestvlenii Chasti XI Konvenciji OON po morskemu pravu ot 10.12.1982 (Agreement on the Implementation of Part XI of the United Nations Convention on the Law of the Sea of 10.12.1982), *Electronniyi fond pravovoi i nauchno-tehnicheskoi dokumentatsii*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902014019> (accessed date: 13.10.2017).
6. Direktiva 79/409/EEC Evropejskogo Soveta ot 02 aprelja 1979 g. o sohranении vidov ptic, zhivushih v dikoj prirode (Directive 79/409 / EEC of the European Council of April 2, 1979 on the Conservation of Species of Birds Living in the Wild), *Pravo Evropejskogo sojuza*. URL: <http://eulaw.ru> (accessed date: 13.10.2017).
7. Rotterdamskaya konvencija o procedure predvaritelnogo obosnovannogo soglasia v otnoshenii opasnih himicheskikh veschestv i pestisidiv v mesdunarodnoi torgovle (10.09.1998) (Rotterdam Convention on the

Prior Informed Consent Procedure for Certain Hazardous Chemicals and Pesticides in International Trade (concluded in Rotterdam on 10.09.1998). *Bulleten mednarodnih dogovorov*, 2012, No. 9, pp. 45-66.

8. Direktiva 75/442 Evropejskogo Soveta ob othodah (Directive 75/442/ EEC of the European Council on waste), *Pravo Evropejskogo sojuza*. URL: <http://eulaw.ru> (accessed date: 13.10.2017).

9. European Commission: site. URL: <http://ec.europa.eu/environment/pubs/pdf/factsheets/7eap/en.pdf> (accessed date: 13.10.2017).

10. The programmed is guided by a long-term vision: In 2050, we live well, within the planet's ecological limits. Our prosperity and healthy environment stem from an innovative, circular economy where nothing is wasted and where natural resources are managed sustainable, and biodiversity is protected, valued and restored in ways that enhance our society's resilience. Our low-carbon growth has long been decoupled from resource use, setting the pace for a safe and sustainable global society: European Commission: site. URL: <http://ec.europa.eu/environment/pubs/pdf/factsheets/7eap/en.pdf> (accessed date: 13.10.2017).

Дата поступления: 20.02.2018

Received: 20.02.2018

РЕЦЕНЗИИ

УДК 340

О НЕКОЛЬКИХ СТРАНИЦАХ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННО- ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

К выходу в свет книги Владимира и Веры Семеновых «Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах / В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург: ООО «Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева», 2017. – 592 с.».

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

ON SOME HISTORY PAGES OF THE STATE LAW DEVELOPMENT OF RUSSIA

To the Publication of the Book by Vladimir and Vera Semenov "The Orenburg Nepluevsky Cadet Corps. History in Faces / V.G. Semenov, V.P. Semenova. - Orenburg: ООО "Orenburgskoe knizhnoe izdatelstvo imeni G.P. Donkovtseva", 2017. – 592 p."

GALIEV Farit Khatipovich

Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Economic and Legal Security of the Institute of History and Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

2017 год был богатым на исторические события... Наиболее значимые из этих событий связаны с тем, что ровно 100 лет назад в России произошли две революции: Февральская буржуазно-демократическая революция и Октябрьское вооруженное восстание, получившее название Великой Октябрьской социалистической революции. Это был самый крутой поворот во всей многовековой истории государственно-правового и политического развития страны. В результате этих революционных событий, в течение очень небольшого времени в нашей стране монархия превратилась в республику, империя стала превращаться в федерацию, а потом началась беспощадная, страшная и трагическая гражданская война... Одновременно с этим, 100 лет назад начался новый этап в общественно-политическом, экономическом, социальном и духовном развитии нашей страны. События, связанные с русской революцией, с одной стороны, ознаменовали нача-

ло коренных изменений в российском государстве, обусловили появление многого нового и совершенно необычного, что заставило привлечь к себе внимание всего человечества. С другой стороны, однако, эти события ознаменовали и бесследное исчезновение многого из того, что было достигнуто в многовековом процессе государственно-правового развития страны усилиями всего ее многонационального народа... Среди того, что исчезло в связи с революционными событиями, был и знаменитый Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, сыгравший большую и, бесспорно, позитивную роль в истории развития Российского государства. И вот в 2017 году, когда прошло уже сто лет с тех революционных событий, вышла в свет книга, посвященная этому учебному заведению, которое по своему было уникальным явлением в истории Российской империи. Поэтому появление книги Владимира Геннадьевича и Веры Петровны Семеновых, посвященной истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, исследованию особенностей организации и работы этого учебного заведения, изучению судьбы его руководителей, преподавателей и выпускников, само по себе, тоже является одним из исторических событий 2017 года. Дело не только в том, что далеко от центра государства, в городе, который и сам обрел известность благодаря Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова всего на всего на рубеже тридцатых-сороковых годов XIX века, было решено открыть привилегированное военное учебное заведение закрытого типа.

История этого учебного заведения начинается с того, что с января 1825 года в Оренбурге стало функционировать военное училище, названное в честь российского государственного деятеля и дипломата И.И. Неплюева, который с 1742 года был наместником Оренбургского края, а с 1744 года, в связи с созданием Оренбургской губернии, стал ее первым губернатором. Училище было организовано с целью подготовки офицеров-переводчиков, военных и гражданских чиновников среднего звена и его программа была рассчитана на 6 летнее обучение. В 1844 году военное училище преобразовали в Неплюевский кадетский корпус с 8 летним курсом обучения, и в нем полагалось иметь до 200 воспитанников на полном государственном обеспечении. В первое время училище состояло из европейского и азиатского отделений, позднее эти отделения стали называться эскадронами. На европейском отделении наряду с общеобразовательными дисциплинами изучались французский и немецкий языки, а также артиллерия и фортификация, а на азиатском отделении военные науки отсутствовали, преподавали арабский, персидский и родные языки, изучались учебные дисциплины, связанные с земледелием и лесным хозяйством. Само появление данного учебного заведения в непростое для Российской империи переломное время – 1825 г., год, ознаменованный восстанием декабристов на Сенатской площади столицы империи Санкт-Петербурге, уходом из жизни императора Александра I и приходом к власти императора Николая I, привлекает к себе особое внимание. Действительно, с самого начала своего функционирования, и авторы книги в этом совершенно правы, та роль, которую сыграло это учебное заведение в государственно-правовом развитии Российского государства, была очень и очень значимой.

Авторы книги обращают внимание на то, что, может быть, по счастливому стечению обстоятельств, а, может быть, продуманно, с самого начала очень удачно был скомплектован коллектив руководителей и преподавателей корпуса. Огромная часть заслуги Владимира и Веры Семеновых заключается в том, что в своей книге они опубликовали большое количество биографических сведений о жизни и судьбе тех людей, которые стояли у истоков и преподавали в этом уникальном учебном заведении того времени. Владимиру и Вере Семеновым удалось найти биографические сведения обо всех директорах и инспекторах классов Неплюевского кадетского корпуса, а также о многих воспитателях и преподавателях, которые сами по себе были выдающимися личностями своего времени. Среди них: востоковед П.И. Демезон, писатель Н.В. Успенский, литературный критик А.А. Григорьев, академик живописи Л.В. Попов, русский филолог Н.В. Шляков, публицист П.Н. Распопов, музыкант Г.Ф. Эстеррейх, математики М.Г. Попруженко, И.П. Долбня, Б.Б. Пиотровский и многие другие.

Историческая память – это особое явление в жизни общества. Она имеет привычку накапливаться в архивах и ждать своего звездного часа в виде внимания исследователей. Но суровая действительность такова, что во многих случаях для тех или иных событий прошлого и людей, связанных с этими событиями, этот звездный час так и не настает. А для тех, кто создавал это учебное заведение, преподавал или учился там, и вообще, для всех тех, кто имел отношение к истории Неплюевского кадетского корпуса, этот звездный час подарили два автора – оренбургские

исследователи Владимир и Вера Семеновы. И эта книга является результатом их многолетней неустанной поисковой работы и исследовательского труда. Авторы проделали воистину титаническую работу, ведь за все время существования Неплюевского кадетского корпуса, это учебное заведение выпустило более 2 тысяч воспитанников. Одних только выпускников, которые дослужились до генералов, в книге насчитывается 165 человек. Кроме этого, Владимир и Вера Семеновы в своей книге поместили биографические данные о таких выпускниках Неплюевского кадетского корпуса, как Георгий Горшков, первый в мире летчик многомоторной бомбардировочной авиации; Леонид Михеев, основоположник русской войсковой аэрофотограмметрии; Александр Криживицкий, ученый-автомобилист; Гилярий Осемичский, специалист по металлам; Николай Пальчевский, ученый-ботаник; Николай Фомин, конструктор первого советского дирижабля и многих других.

Особенность ситуации заключается еще и в том, что Оренбургский Неплюевский кадетский корпус стал «альма-матер» и открыл дорогу в большую жизнь и для многих представителей тех национальностей, которых называли в те далекие времена азиатцами, и у которых не было возможности получать образование в столичных городах империи, то есть для выходцев из народов, которые представляли собой коренных жителей этих земель и прилегающих к Оренбургу территорий. Многие из них стали известными людьми своего времени, и среди них были такие личности, которые стали крупными учеными и просветителями своего народа, и тем самым составили гордость Неплюевского кадетского корпуса: среди них такие выпускники этого учебного заведения, как Мирсалих Бекчурин, Мартиниан Иванов, Салихжан Кукляшов, Мухаметсалим Уметбаев и многие другие. Мирсалиха Бекчурина, например, по окончании учебы в 1838 году направили переводчиком в Пограничную комиссию, впоследствии он стал действительным членом Оренбургского отдела Русского географического общества, был произведен в генералы, удостоился чинов надворного, коллежского, статского советника, награжден орденами Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 3-й и 2-й степеней, Святого Владимира 4-й и 3-й степеней, издал учебник «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана», который является первым опытом сравнительно-сопоставительного изучения неродственных языков во всей тюркологии.

Несомненно, история Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса в истории нашего государства, может быть, занимает только несколько страниц. Однако в эти страницы помещена судьба многих людей, которые посвятили свою жизнь служению Отечеству. Жаль, что книга вышла в свет тиражом только в 1000 экземпляров... Она заслуживает более значительного тиража и переиздания. Нынешнее поколение россиян должно знать, что величие государства Российского, его авторитет на геополитической арене и государственная безопасность России как мировой державы обеспечивались огромным и ратным, и мирным трудом всех прошлых поколений российского многонационального народа не только в столичных городах, откуда начинались революции, но и на всей необъятной территории страны. В том числе, и в Оренбурге, в котором целых неполных 100 лет работал Неплюевский кадетский корпус, выпускал очень нужных для страны специалистов, и тем самым способствовал государственно-правовому развитию России. А в то же время исторический процесс государственно-правового развития страны продвигался дальше. В 1865 году, через 40 лет после открытия Неплюевского кадетского корпуса, уже при императоре Александре II, от Оренбургской губернии отпочковалась Уфимская губерния, а еще через 50 с лишним лет, в марте 1919 года, уже в условиях гражданской войны был подписан Декрет об образовании Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики, появление которой послужило первой ласточкой в становлении Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... В соответствии с этим, в 2019 году Республика Башкортостан, как субъект Российской Федерации, будет отмечать свое 100-летие.

В.Г. Семенов и В.П. Семенова уже давно известны как авторы таких книг, как «Губернаторы Оренбургского края» (1999, 2014), «Оренбургский казачий альбом» (2012), «Таналык: крепость, станица, село» (2015) и другие их прежние работы. Как и все предыдущие издания, история Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса, изложенная кандидатом исторических наук, доцентом кафедры истории Отечества и социально-политических теорий Оренбургского государственного педагогического университета Владимиром Геннадьевичем и членом Союза журналистов России Верой Петровной Семеновыми, является очередным результатом их много-

летней пристальной поисковой работы, архивных находок и исследовательского труда. Несомненно, книга «Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. История в лицах» стала очередным крупным достижением этих двух исследователей и оставляет надежду ждать от них других новых открытий.

Дата поступления: 15.05.2018

Received: 15.05.2018

УДК 340

КОГДА РЕЦЕНЗИЮ ПИСАТЬ НЕ ТОЛЬКО ПРИЯТНО, НО И ПОЧЕТНО
О книге С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука», переведенной на английский язык и изданной в Кембридже: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. *The Philosophy of Law and Legal Science*. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p.

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

РАЯНОВ Фанис Мансурович

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: rfm-2011@yandex.ru

WHEN WRITING A REVIEW IS NOT ONLY PLEASANT BUT HONORABLE
On the book by S.I. Zakhartsev and V.P. Salnikov “*The Philosophy of Law and Legal Science*”, translated into English and published in Cambridge: S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov. *The Philosophy of Law and Legal Science*. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – 270 p.

GALIEV Farit Khatipovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: galievfarkhat@mail.ru

RAYANOV Fanis Mansurovich

Doctor of Sciences (Law), Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FBSEI HE “Bashkir State University”, Ufa, Russia.
E-mail: rfm@yandex.ru

Российская юридическая наука богата именами. Это выдающиеся дореволюционные русские юристы (Н.М. Коркунов, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич, Л.И. Петражицкий), знаменитые советские и постсоветские юристы (В.Н. Кудрявцев, М.С. Строгович, Д.А. Керимов, С.С. Алексеев, В.С. Нерсисянц, О.Е. Кутафин). Этот перечень можно продолжать и далее. Все эти ученые не только стали широко известными своими трудами, но и прославили всю российскую юридическую школу.

Вместе с тем, далеко не все из названных специалистов стали широко известными за рубежом. Более того, лишь единицы могли похвастаться тем, что их книги были переведены на иностранные языки, изданы за рубежом и были там востребованы. И тем великолепнее то, что сейчас в России по-прежнему есть юристы, чьи работы с удовольствием переводят на иностранные языки и издают не где-нибудь, а в издательстве Кембриджского университета. Мы говорим о

В.П. Сальникове и С.И. Захарцеве, чьи работы еще при жизни этих ученых отнесены к классике юридической науки.

В.П. Сальников и С.И. Захарцев в представлении не нуждаются. Они известны далеко за пределами России как выдающиеся юристы, авторы десятков монографий о праве и философии. Их труды давно привлекли внимание английских специалистов. Многие университеты переводили отдельные статьи авторов на английский язык, использовали их в учебном процессе и научной деятельности. И вот одно из авторитетных в мире английских издательств «Cambridge Scholars Publishing» вышло на авторов с предложением расширить книгу «Философия. Философия права. Юридическая наука», уже давно ставшую фундаментальной для юридической науки, чтобы перевести ее на английский язык и издать в Великобритании для профессоров, преподавателей и студентов местных университетов. С.И. Захарцев и В.П. Сальников откликнулись на это предложение и так дополнили указанную книгу, что она фактически стала новой монографией. И именно ее издали в Великобритании.

Таким образом, с 2018 года юристы Великобритании и США будут учиться по книге русских юристов! Это несмотря на обострения отношений между странами, политические и финансовые кризисы, иные международные проблемы! Наука интернациональна и не имеет границ! Независимо от отношений между государствами, специалисты всего мира признают великое и могут отличить его от простого!

Английские юристы и английские суды пользуются в мире непререкаемым авторитетом. Там исключены коррупция и неуважение к праву. Каждое дело неспешно и скрупулезно разбирается до мелочей. Решения английских судов признаются или, по крайней мере, учитываются во всем мире. Недаром многие миллиардеры и руководители финансово-промышленных групп всего мира предпочитают судиться именно в Англии по английскому праву. И получить иностранцам авторитет у англичан – событие крайне редкое.

Но книга С.И. Захарцева и В.П. Сальникова посвящена фундаментальным основам права, познанию права как сложного социального явления. И эти основы едины. Возможно, что лучше указанных ученых о философии права и закона из современных юристов никто не написал. Поэтому сейчас во многих английских вузах будет рекомендоваться именно указанная книга, названная по-английски: «The Philosophy of Law and Legal Science».

Кембриджское издательство авторитетно во всем мире. Книги этого издательства реализуются во всех цивилизованных государствах, но в первую очередь, в англоговорящих странах. Книга С.И. Захарцева и В.П. Сальникова будет продаваться не только в Великобритании, но и в США, Канаде и даже Китае. И ничего удивительного в этом нет. Ведь в современном Китае многие жители профессионально изучают именно английский язык. А уж ученые-юристы английский язык, без сомнения, отлично знают. Сальниковым компрехендная теория познания права (от латинского *Comprehendo* – всеохватывающий). Смысл предложенного авторами подхода видится в строго объективном, реальном, деидеализированном, деидеологизированном познании права, не допуская господства какой-либо концепции. Чем объективней будет оцениваться право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, четче будут вскрываться все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., тем скорее получится прийти к познанию права. Как красиво написали С.И. Захарцев и В.П. Сальников, право видится им большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот думается, что ученые видят ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматривают ее, при этом упуская из виду, что есть еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани права судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упираются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, иногда искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Исторически сколько было различных концепций понимания права? Казалось бы, не мало (позитивистская, естественная, договорная, психологическая, историческая, социологическая и т.д.). Однако их и не так много, как граней бриллианта. Исследования С.И. Захарцева и В.П. Сальникова позволили им высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия не удастся со-

здать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего получится понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть удивительным для всех. Предметом теории компрехендного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции. Указанная теория сейчас становится очень популярной в мировом сообществе.

Кроме того, С.И. Захарцевым и В.П. Сальниковым проведены масштабные исследования юридической науки и практики, что позволило им сформулировать общие проблемы научных работ по юриспруденции, этические проблемы в правовой науке, основные науковедческие проблемы юридической науки, проблемы современного юридического образования и основные проблемы юридической практики. Можем смело заявить, что в части юридического науковедения книга С.И. Захарцева и В.П. Сальникова заслуженно относится к фундаментальным работам, которых уже давно не готовили специалисты.

Помимо того, в книге предложен уникальный научный материал о философско-правовых проблемах биомедицинских экспериментов над человеком, а также о проблеме нарушения прав человека, связанной с развитием информационных технологий и бесконтрольностью информационных потоков. Рассмотрение этих проблем также сделало С.И. Захарцева и В.П. Сальникова очень популярными юристами мира.

Сама книга состоит не только из юридической, но и философской части. С.И. Захарцев и В.П. Сальников с первых страниц обозначили свою позицию в науке, связанную с возможностью познания мира. Их философия базируется на диалектическом методе познания, в соответствие с которым мир познаваем, а наука может и должна устанавливать истину. В книге читатели найдут немало справедливых критических замечаний, посвященных современному постмодернизму и концепциям о невозможности познания мира, абсолютизации случайностей, ликвидации методологии и пр., чем «грешат» зарубежные ученые.

Развивая идеи познания мира, С.И. Захарцев и В.П. Сальников сформулировали новую теорию происхождения жизни на Земле. На основе обобщения научного материала они предложили достаточно смелую гипотезу катаклизмов и круговорота жизни на Земле. Авторы исходят из того, что в настоящее время человечеством накоплено множество глобальных смертоносных для Земли проблем (угроза атомной войны и применения иного оружия массового поражения, перенаселение, нехватка энергоресурсов, экология и т.д.). Ученые уверены, что, к сожалению, в перспективе какая-либо из названных угроз для жизни реализуется. Отсюда предлагается названная гипотеза, сущность которой в том, что человечество своими действиями достигает определенного рубежа, после которого оно не в состоянии в полном составе находиться на планете. В результате достижения рубежа происходят катастрофы или катаклизмы, затрагивающие (умертвляющие) абсолютно большую часть населения планеты. После чего оставшиеся в живых после катаклизмов люди начинают новую жизнь. Эта жизнь, вполне вероятно, начнется практически с нуля, так как во время катастроф несомненно теряется значительный багаж накопленных человечеством знаний, достижений, пропадает жизненный опыт. Но решаются проблемы с перенаселением, восстанавливается экология, энергоресурсы и т.д. Далее человечество развивается, вновь достигает перенаселения, нарушает экологию, изобретает смертоносные виды вооружений, воюет, в процессе своей деятельности достигает нового рубежа, происходит катаклизм и затем – новый виток жизни, очищенный от многих изобретенных технологий, опыта, знаний. Представленная авторами концепция получила много положительных откликов специалистов, предопределила научные дискуссии, заставила по-новому посмотреть на современный мир.

В завершение повторим, что Россия подарила человечеству много замечательных и выдающихся юристов. Однако мало кто из них стал популярен и известен в мировом сообществе. С.И. Захарцев и В.П. Сальников не только получили мировое признание, но по их трудам будут учиться студенты ведущих государств мира!!! Мы искренне поздравляем С.И. Захарцева и В.П. Сальникова с заслуженным признанием и желаем новых творческих свершений.

Дата поступления: 25.05.2018

Received: 25.05.2018

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ**

- Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niippg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5” в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
- Объем публикации – до 0,5 п.л. (20 000 знаков, включая пробелы). В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
- Шрифт основного текста работы – 12, шрифт Times New Roman через 1,0 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
- На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках) не должен превышать 0,5 п.л. (около 20 000 знаков с пробелами). Рукопись подписывается автором на последней странице.
- Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
- Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
- Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
- Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
- В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
- К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
- Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
- Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-66597 от 21 июля 2016 г. «Роскомнадзор»
Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippg@mail.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>
Почтовый адрес редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131, каб. 319.

Редакционно-издательский отдел
Научно-исследовательского института проблем правового государства
450103, г. Уфа, ул. Глухарина 7.
Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы»
(Роспечать): 81192

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2018

Подписан в печать 14.06.2018 г. Вышел в свет 20.06.2018 г.
Бумага писчая. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 24,41. Уч. изд. л. 22,64. Тираж 500. Заказ 25.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.